

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2015 № 4 (64) Т. 1

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А. – д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель совета.

Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бабич М. – д-р юр. наук, проф. Баня-Лукского университета (Баня Лука, Респ. Сербская, Босния и Герцеговина).

Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (Кемерово, Россия).

Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (Кемерово, Россия).

Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (Новосибирск, Россия).

Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Weltrends» (Потсдам, Германия).

Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (Новосибирск, Россия).

Милошевич Х. – д-р техн. наук, проф. факультета математических наук и информационных технологий Сербского университета (Косовска Митровица, Сербия).

Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Пихица П. В. – Ph. D., с.н.с. Сеульского национального университета (Сеул, Южная Корея).

Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).

Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).

Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (Новосибирск, Россия).

Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., гл. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Незоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Митько Н. В. – зам. директора науч. библиотеки, отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Гаврилов С. О. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Зильбер Б. И. – д-р физ.-мат. наук, проф., Институт Математики Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Клочко В. Е. – д-р психол. наук, проф., НИ ТГУ (Томск, Россия).

Лушников Г. И. – д-р филол. наук, проф., КГУ (Ялта, Россия).

Овчинников В. А. – д-р ист. наук, проф., КРИПО (Кемерово, Россия).

Проскурин С. Г. – д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Серый А. В. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа В. И. – д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2015 № 4 (64) Vol. 1

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof., Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.

A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

M. Babic – Dr. of Law, Prof. at Banja Luka University (Banja Luka, Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina).

V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Yu. A. Zakharov – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).

R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).

O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

H. Milosevic – Dr. of Technical Science, Prof. at the Faculty of Mathematical Science and Information Technology, Serbian University (Kosovska Mitrovica, Serbia).

V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).

V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).

Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Prof., Editor-in-Chief – Chair, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

N. V. Mitko – Deputy Director of Scientific Library, Executive Editor Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

S. O. Gavrilov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

B. I. Zilber – Dr. of Physics and Mathematics, Prof. of Mathematical Logic, Mathematical Institute, University of Oxford (Oxford, England).

V. E. Klochko – Dr. of Psychology, Prof., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).

G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Prof., Crimean University for the Humanities (Yalta, Russia).

V. A. Ovchinnikov – Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).

S. T. Proskurin – Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

V. Seriy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

V. I. Tyupa – Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 2125.
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Адрес учредителя:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).
<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration: ПИ ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 2125.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Founder Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:
42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index" <http://elibrary.ru>.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

- 7 **Батури́н С. П., Батури́на Т. В.** К вопросу о вероисповедной политике Российской империи на рубеже XIX – XX вв. (на примере Сибири)
- 14 **Казьмин В. Н., Казьмина М. В.** Формы протестной деятельности в России в 60 – 80-е гг. XX века
- 18 **Нечипоренко О. В., Зазулина М. Р.** Автохтонные этносы Сибири: особенности воспроизводства духовной культуры и этнической идентичности
- 24 **Рыбаков Р. В.** Динамика молодежного неконформизма на основе материалов информационных сводок РКСМ (1920–1928 гг.)
- 28 **Сарин Д. П.** Пополнение трудовых ресурсов Кузбасса в условиях военного коммунизма
- 35 **Снегирева Л. И.** Эвакуированные вузы и их вклад в развитие сельскохозяйственного производства Западной Сибири (1942 – 1945 гг.)
- 41 **Цыряпкина Ю. Н.** Православная церковь в Узбекистане во второй половине XIX – начале XXI века под влиянием политики центральной власти
- 44 **Чемчиева А. П.** Развитие индигенного туризма в России
- 49 **Ющенко А. В.** Археографические аспекты изучения английского парламента 1628 – 1629 гг.

ПСИХОЛОГИЯ

- 54 **Андронникова О. О.** Теоретический анализ основных современных теорий виктимизации, разработанных в рамках зарубежной науки
- 58 **Анквab М. Ф.** Содержание и формы умственного воспитания в Абхазской народной педагогике
- 63 **Аришинова Е. В., Билан М. А.** Ценностно-смысловые составляющие жизненных стратегий студентов вуза
- 69 **Долганов Д. Н.** Классификация межличностных отношений
- 75 **Дробчик Т. Ю., Невзоров Б. П.** Признаки перехода от метафизических принципов в построении картины мира к научным (результаты опыта работы со студентами разных курсов)
- 79 **Кривошеина Н. П., Федоров А. И., Казин Э. М., Свиридова И. А., Кошко Н. Н., Коломеец М. С.** Особенности адаптации первоклассников с учетом индивидуально-типологических показателей и признаков дефицитов развития

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

- 7 **S. P. Baturin, T. V. Baturina.** To the question of religious policy of the Russian Empire at the turn of the 19th–20th centuries (the example of Siberia)
- 14 **V. N. Kazmin, M. V. Kazmina.** Forms of protest activity in Russia in the 1960s – 1980s
- 18 **O. V. Nechiporenko, M. R. Zazulina.** Indigenous Siberians: features of conservation of spiritual culture and ethnic identity
- 24 **R. V. Rybakov.** Dynamics of youth non-conformism on the basis of RKSM information materials (1920 – 1928)
- 28 **D. P. Sarin.** Labour resources replenishment in Kuzbass under the conditions of War Communism
- 35 **L. I. Snegireva.** Evacuated universities and their contribution to the development of agricultural production in Western Siberia (1942 – 1945)
- 41 **Yu. N. Tsyryapkina.** History of development of orthodox parishes of Tashkent region
- 44 **A. P. Chemchieva.** Indigenous tourism development in Russia
- 49 **A. V. Yushchenko.** The English parliament sittings in 1628 – 1629: an archeographic approach

PSYCHOLOGY

- 54 **O. O. Andronnikova.** Theoretical analysis of the main contemporary theories of victimization developed within foreign science
- 58 **M. F. Ankvab.** Contents and forms of intellectual upbringing in the Abkhazian national pedagogy
- 63 **Ye. V. Arshinova, M. A. Bilan.** Value-semantic components of the life strategies of university students
- 69 **D. N. Dolganov.** Classification of interpersonal relations
- 75 **T. Yu. Drobchik, B. P. Nevzorov.** Features of transition from metaphysic to scientific principles in world picture building (the results of the experience of working with students of different courses)
- 79 **N. P. Krivosheina, A. I. Fedorov, E. M. Kazin, I. A. Sviridova, N. N. Koshko, M. S. Kolomeets.** Features of first-graders' adaptation taking into account the individual typological indicators and signs of development deficiencies

- 87 *Логинова Г. Е.* Проблемы гуманитаризации высшего образования в современной России
- 90 *Морозова И. С., Белогай К. Н., Борисенко Ю. В., Отт Т. О.* Проблемы профилактики абортного поведения молодежи
- 95 *Фризен М. А.* Развитие и саморазвитие формирующейся личности в контексте моделирующих деятельности
- 99 *Чекмарева Т. Н.* Психолого-педагогические основания развития толерантности как профессионально важного качества личности будущего педагога в условиях современного российского образования

ФИЛОЛОГИЯ

- 106 *Баранова Ю. А.* Авторский стиль научных статей М. Дебрени как проявление сознательного межязыкового переноса
- 111 *Булаева Н. Е., Богатова Ю. А.* К вопросу о структурно-семантических особенностях лексики в произведениях англоязычной научной фантастики
- 115 *Галкина С. Ф.* Медицинская карта амбулаторного больного: графико-пространственный параметр
- 120 *Галиева М. А.* Фольклорная традиция в раннем творчестве М. Ю. Лермонтова: роман «Вадим». Эйдология «иноного царства» в поэтике
- 125 *Дедковская Д. М.* Постпозитивные номинативные конструкции в функциональном аспекте
- 129 *Долганина А. А.* Метаконцепты «стихотворение в прозе» и «интернет-миниатюра» как основание сопоставления жанров
- 134 *Евстафиади О. В., Баймуратова У. С.* Сложноподчиненные предложения с придаточными условными в текстах открыток проекта «Postcrossing»
- 138 *Козлова Н. А.* Опыт использования данных ассоциативного эксперимента в исследовании фрагмента языковой картины мира
- 141 *Мартынюк К. В.* Когнитивные трансформации авторского концепта в процессе читательской рецепции
- 146 *Омеличкина Е. О., Алшан А. А.* Образ «римлянин/римлянка» в произведениях А. Моравиа как способ актуализации ценностной позиции автора
- 151 *Осадчая Т. Ю.* Умение преодолевать культурные барьеры в деловом общении на английском языке как важный аспект межкультурной компетентности студентов
- 155 *Петрова Л. Г., Дунюэ В.* Способы выражения целевых отношений в китайском и русском языках на уровне простого предложения: сравнительный анализ
- 159 *Саржина О. В.* Ежедневная электронная рассылка анонсов газеты как средство манипулирования сознанием аудитории

- 87 *G. E. Loginova.* Problems of higher education humanitarization in modern Russia
- 90 *I. S. Morozova, K. N. Belogay, J. V. Borisenko, T. O. Ott.* Problems of prevention of abortions at youth
- 95 *M. A. Frizen.* Development and self-development of the forming personality in the context of modeling activities
- 99 *T. N. Chekmareva.* Psycho-pedagogical bases of tolerance development as an important characteristic of the future teacher's personality in the conditions of modern Russian education

PHILOLOGY

- 106 *Yu. A. Baranova.* M. Debrenne's academic style as a performance of conscious cross-language transfer
- 111 *N. E. Bulaeva, Yu. A. Bogatova.* To the issue of structural and semantic features of words in science fiction works in the English language
- 115 *S. F. Galkina.* Outpatient cards: the graphic-spatial parameter
- 120 *M. A. Galieva.* Folk tradition in the early works of M. Y. Lermontov: novel "Vadim". Eydologiya "other kingdom" in the poetics
- 125 *D. M. Dedkovskaya.* Postpositive nominative construction in the functional aspect
- 129 *A. A. Dolganina.* The metaconcepts of "poem in prose" and "Internet-miniature" as the basis of genres comparison
- 134 *O. V. Evstafiadi, U. S. Baymuratova.* Complex conditional sentences in the "Postcrossing" postcards
- 138 *N. A. Kozlova.* The experience of using association experiment data in studying a fragment of the linguistic picture of the world
- 141 *K. V. Martynyuk.* Cognitive transformations of the author's concept in the process of the reader's reception
- 146 *E. O. Omelichkina, A. A. Alshan.* The image 'romano/ romana' in A. Moravia's works as the means of actualization of the author's values
- 151 *T. Yu. Osadchaya.* Overcoming cultural barriers in international business communication as an important aspect of students' cross-cultural competence
- 155 *L. G. Petrova, W. Dongyue.* Ways of expression of the target relations in the Chinese and Russian languages at the level of a simple sentence: comparative analysis
- 159 *O. V. Sarzhina.* Daily newspaper email newsletters as a means of manipulation of readers' consciousness

163 Сарсенбаева А. С., Кулахметова М. С. Английский язык для специальных целей: необходимость оценки 166 Тискова О. В. К возможности рассмотрения русской пунктуации в перлокутивном аспекте на материале рекламных сообщений 170 Трофимова Е. Б., Тюкина Ю. С. Стратегии, используемые при опознавании иноязычных фразеологизмов в пословном переводе на родной язык носителя (на материале китайских фразеологизмов) 175 Тюленёва Н. А. Исследование особенностей актуализации образа адресата в англоязычной рекламе туризма 180 Хайдаров Я. Р. Способы преодоления интерференции при одновременном преподавании фонетики французского, итальянского и испанского языков 186 Шарипова В. А. О концептуализации и объективации концептов в языке – неотъемлемых процессах речевой деятельности homo loquens (с использованием материалов компаративного исследования глаголов говорения русского и английского языков) 191 Якубовская Э. В. Механизм метафоризации отымённых фразовых глаголов в современном английском языке 197 Правила для авторов журнала 199 Подписка на «Вестник КемГУ»	163 A. S. Sarsenbayeva, M. S. Kulakhmetova. English for specific purposes: needs assessment 166 O. V. Tiskova. On potential considering the russian punctuation from the perlocutionary perspective 170 E. B. Trofimova, Yu. S. Tyukina. The strategies used in the recognition of foreign language idioms in word by word translation into the native speaker's language (on the material of Chinese idioms) 175 N. A. Tyuleneva. Research of the features of the addressee image verbalization in English tourism advertising 180 Ya. R. Khaydarov. Simultaneous teaching of French, Italian and Spanish phonetics: methods of preventing linguistic interference 186 V. A. Sharipova. About the conceptualization and objectification (verbalization) of concepts in a language as the essential processes of Homo Loquens speech activity (using the materials of comparative research of Russian and English verbs of speaking) 191 E. V. Yakubovskaya. Metaphorical meaning extension of the denominal instrumental phrasal verbs 197 Information and instructions for authors 199 Subscribe to Bulletin of KemSU

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 93/94:172.3

**К ВОПРОСУ О ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ. (на примере Сибири)**
С. П. Батури́н, Т. В. Бату́рина

**TO THE QUESTION OF RELIGIOUS POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE
AT THE TURN OF XIX – XX CENTURIES (on the example of Siberia)**
S. P. Baturin, T. V. Baturina

В данной статье предпринята попытка рассмотреть причины роста сектантства в Сибири вследствие переселений из центральных губерний России протестантского населения. Раскрыты методы и формы борьбы Русской Православной Церкви с инославными конфессиями в Сибирском крае в период массовых крестьянских переселений конца XIX – начала XX вв., показано процентное соотношение православного населения и лиц неправославного исповедания в Сибири в изучаемый период. Авторы обосновывают мысль о том, что связи, существовавшие между этничностью и конфессиональной принадлежностью, оказывали влияние на возникновение конфронтации между православным сибирским духовенством и верующими других конфессий. Особый интерес представляет вывод о том, что конфессиональный фактор играл особую роль в процессе становления этнической идентичности русских в Сибири. В статье на конкретных примерах показано, что в изучаемый период на практику правоприменения норм веротерпимости в Сибирском крае преимущественное влияние оказал политический фактор.

The paper attempts to examine the reasons for the growth of sectarianism in Siberia due to resettlement of Protestant population from the Central provinces of Russia. The research disclosed the methods and forms of the Russian Orthodox Church struggle against non-Orthodox confessions in Siberian during the mass peasant movement of the late 19th – early 20th centuries, the paper presents the percentage of Orthodox population and that of the followers of non-Orthodox confessions in Siberia during the studied period. The authors substantiate the idea that the relations that existed between ethnicity and religious affiliation influenced the emergence of the confrontation between the Siberian Orthodox clergy and believers of other faiths. Of particular interest is the conclusion that the religious factor had a special role in the process of formation of the ethnic identity of Russians in Siberia. The paper proves that in the studied period the practice of enforcing the norms of religious tolerance in Siberian was predominantly influenced by the political factor.

Ключевые слова: сектантство, Русская Православная Церковь, вероисповедная политика, переселенческая политика.

Keywords: sectarianism, Russian Orthodox Church, religious policies, resettlement policy.

Так называемая «внутренняя миссия» Русской православной церкви состояла в продвижении православия как официальной идеологии Российского государства в те регионы, где имелся значительный процент инословного населения. Благодаря этому, а

также переселению из центральных губерний России, господствующей религией в Сибири к началу изучаемого периода было православие, что видно из таблицы 1 [10, с. 136].

Таблица 1

**Распределение населения в Сибири по главным вероисповеданиям
(в % всех жителей) по данным переписи 1897 г.**

<i>Православные с единоверцами и старообрядцами</i>	<i>Като- лики</i>	<i>Протес- танты</i>	<i>Прочие христиане</i>	<i>Магоме- тане</i>	<i>Иудеи</i>	<i>Прочие нехристиане</i>
91,14	0,60	0,28	0,01	2,20	0,6	5,13

В целом по России процент православного населения составлял в это время 66,9. В Сибири же они составляли наибольший процент из ее географических частей – 91,14, а в Западной и того больше – 94,99 % [2, с. 138].

Существенное влияние на вероисповедный состав населения Сибирского края оказало переселенческое движение конца XIX – начала XX вв. Наряду с право-

славной колонизацией Сибири, происходила также ее колонизация протестантским населением, прибывшим из западных губерний Европейской России. Причем, если раньше «в течение двух с лишним столетий, вначале целыми партиями и селениями, а позднее семьями и одиночками власть царизма в разное время сослала в сибирские степи, леса и тундру много тысяч последователей религиозных сект...», то с середины

90-х гг. XIX в. тенденция изменилась – в гораздо большем количестве сектанты шли в Сибирь по собственной воле, причем большинство из них уходило от безземелья [7, с. 102].

Рост сибирского сектантства, особенно протестантизма, объяснялся рядом причин. Во-первых, не хватало православных церквей в местах заселения переселенцев. Так, в Томской губернии «переселенцы переполнили приходы, образовалось множество заселков, пастыри в иных местах не имели физической возможности управлять с их требами... переселенец не мог за десяток верст по сибирским морозам и буранам ехать за удовлетворением своих религиозных потребностей в приходские храмы, а, между тем, жизнь на местах с ее острою нуждою, всевозможными лишениями, с ее тоскою по родине порождала в душе переселенца усиление религиозного чувства, стремление его к Богу, и общественному богослужению. Тут и являлся на выручку баптизм... со своими молениями и пением чувственных сектантских стихов духовных» [17, с. 1083]. О том же писал священник Н. Голошубин относительно Омской епархии [6, с. 3].

Во-вторых, у светских и духовных властей не хватало средств не только для постройки новых, но и для должного содержания имевшихся православных храмов. По свидетельству статс-секретаря А. Н. Куломзина, побывавшего летом 1897 г. в Забайкалье, «бедность единоверческих церквей поразительна! Многие из них пришли в ветхость и требуют капитального ремонта, а денег в церковных ящиках этих церквей нет даже на покупку фунта свеч или ладана. Все они терпят недостаток в церковной одежде, утвари, книгах. В Бичуре, огромном раскольниковьем селе, растянувшимся на двенадцать верст, стоит убогий деревянный храм; священные и богослужебные предметы этого храма, утварь, плащаница, лампады требуют исправления или полной замены, так, например, чаша неподходящего рисунка, переделанная вероятно из застольного кубка... Ввиду исключительно значения, придаваемого раскольниками обрядовой стороне религии, отсутствие должного благолепия в некоторых церквях, как, например, употребление при богослужении потира, имевшего ранее другое назначение, способно отвратить от церкви не одного раскольника...» [8, с. 177 – 178].

В-третьих, некоторых крестьян-переселенцев и старожилов отвращал от православной церкви сам процесс богослужения. Очень часто его отличительными чертами были: нечленораздельное бормотание псаломщиков, «гудение», «рыкание» и просто «рев» диаконов, «гнусавый фальцет» священников, непонятный церковнославянский язык. Поэтому службы в синодальной церкви казались крестьянам малодейственными, и они склонны были думать, что более истовое и внятное «богомолье» старообрядцев скорее дойдет до Бога и лучше поможет ему в его горькой доле.

Вопросы борьбы с сектантами стали предметом рассмотрения на миссионерских епархиальных съездах. Первый такой съезд в Томской епархии проходил в августе 1898 г. в г. Томске. Но и после съездов рост сект и старообрядчества продолжался. И тогда вновь обратили внимание на рядовое духовенство, рекомен-

довав во всех приходах образовывать приходские миссии. В церковных документах начала XX в. подчеркивается, что «надо все сделать, чтобы православное богослужение захватывало молящихся, а не томило их», священникам правильно проводить богослужение, ознакомить паству «с существующими лжеучениями и приемами их пропаганды» [16, с. 14 – 15]. В духовных семинариях вводился специальный курс по изучению истории и обличению сектантства.

Переселенческое движение привело к образованию в Томской епархии трех центров баптизма: Ново-Николаевск, поселок Васильчиков и станция Каинск. Каждый из них «повел дело пропаганды в своих окрестностях...». Так, Ново-Николаевский центр распространил баптизм на 14 населенных пунктов, Васильчиковский – на всю западную часть Кулундинской степи, где находилось более 200 заселков. Укрепился он и в новом административном и торговом центре степи – Славгороде. Крестьяне переселенческих поселков часто ездили в этот город «за получением пособия от переселенческих чиновников, за покупками предметов домашнего обихода на базар, за исправлением православных треб к православному священнику, с телесными болезнями в лечебницу...» [4, с. 3]. Словом, здесь перебивает вся степь переселенческая. Пользуясь большим стечением народа в Славгороде, баптисты открывали там постоянные дворы; на базарах, собравшись в кружок, под открытым небом читали проповеди. Так, в Славгороде проживал проповедник баптизма, немец Дик, который окончил курсы Гамбургской семинарии. Дик разъезжал с пропагандой баптизма по всему переселенческому району степи Кулундинской. Он даже насадил адвентизм в населенной исключительно старообрядцами – австрийцами деревне Безштанке [3, с. 3].

Помимо Славгорода крупными центрами баптизма в степи стали заселки: Эгенды (130 баптистов), Михайло-Архангельский (135), Херсонский (37), Бобылевка (13), Новая Полтава (20). Почти в 20 переселенческих поселках находилось по два дома баптистов, которые использовались как квартиры для проповедников. Многочисленные сектантские общины, расположенные вокруг базовой общины или центра, составляли большой или маленький сектантский район. Так, вся Сибирь, особенно Западная, была покрыта целой сетью сектантских районов. Проповедники сектантских общин систематически совершали разъезды по всему своему району: работали в качестве агентов по распространению машин Зингера или снимали кузницу в аренду, чтобы побольше общаться с местным населением. Результативность этой работы была достаточно высокой. Православный священник с возмущением писал о массовом крещении 21 человек в селе Камень Барнаульского уезда, для чего специально прибыл баптистский священник из Ново-Николаевска. Крещение совершалось прямо напротив переселенческого пункта. Крестьяне-переселенцы «внимательно смотрели на все происходившее, снявши шапки и с затаенным вниманием слушали баптистскую проповедь» [19, с. 94]. Нередко, под влиянием сектантов крестьяне, «ранее считавшиеся православными, выбрасывали из своих хат иконы» [17, с. 1083], а в поселке Эгенды перешедший в баптизм крестья-

нин имевшиеся у него иконы использовал в качестве закрешек: «одна большая, закрывала вход в подполье, и следовательно, попиралась ногами; другая служила заслонкой печи» [17, с. 1095].

Царский Манифест от 17 апреля 1905 г. объявил принцип веротерпимости, узаконил свободу перехода из православия в другие христианские исповедания, предоставил легальные права для существования сектантских организаций, кроме «изуверных» (скопцов и хлыстов), и признал за сектантским клиром звание священнослужителей. Это был формальный отказ от прежнего положения, известного как «догмат Победоносцева»: «Государство признает одно вероисповедание из числа всех истинным вероисповеданием и одну церковь, исключительно покровительствует и поддерживает к предосуждению всех остальных церквей и исповеданий, вплоть до приравнения отпадения от православия к уголовному преступлению» [11, с. 429]. В разгар революции 1905 – 1907 гг. в царский Манифест от 17 октября 1905 г. была включена ненавистная для синодальной церкви формула – «свобода совести». Руководителям церкви хотелось верить, что это только декларации, которые не пройдут в жизнь. Однако сектанты не склонны были отказываться от легализации своей деятельности и от всех тех выгод, какие с ней были связаны.

После 1905 г. заметно активизировались их организации. Конференция Союза русских баптистов (1907 г.) высказалась за усиление своей пропаганды в Сибирских епархиях [19, с. 94]. О темпах роста про-

тестантизма в Сибири свидетельствуют следующие данные: в 1895 – 1900 гг. протестантов насчитывалось 4 тыс. человек, в 1905 – 1908 гг. – 7,5 тыс., в 1910 – 1912 гг. – 10 тыс., в 1917 – 1918 гг. – до 13 тыс. человек [15, с. 12].

Молокане и мормоны на религиозную жизнь Сибирских епархий почти не влияли. В их среде не наблюдалось приверженности к определенной религиозной доктрине, был замечен упадок нравственности и склонность к безбожию. По свидетельству сибирского духовенства, вред православию они приносили тем, что своими грубыми выходками против всего святого работали на понижение их религиозного чувства, «забрасывали в них семена безбожия». Крестьяне, близко жившие от молоканских центров, по свидетельству духовенства, индифферентны к вере, презрительно настроены к своим пастырям. Хотя количество молокан благодаря переселениям росло, новых центров их поселения не возникало, поскольку при выборе места жительства они руководствовались не вопросами веры, а материальными интересами (содержали мельницы, лавки по селам).

Среди переселенцев было много выходцев из национальных окраин, лиц нерусских национальностей, которые несли с собой самые различные религиозные взгляды. Рассмотрим их состав по вероисповеданиям. В приведенной таблице 2 на примере Томской губернии представлены сведения о числе водворенных переселенцев неправославного вероисповедания к 1 января 1911 г. (подсчитано по [5].

Таблица 2

Распределение водворенных переселенцев неправославного вероисповедания Томской губернии к 1 января 1911 г.

<i>Название уезда</i>	<i>Национальность</i>	<i>Вероисповедание</i>	<i>Число</i>	
			<i>семей</i>	<i>душ</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Каинский	Эстонцы	Лютеране	120	506
	Поляки	Католики	268	997
	Литовцы	Католики	19	130
	Латыши	Лютеране	26	135
	Латыши	Католики	101	553
	Русские	Католики	18	44
	Немцы	Католики	633	1155
	Немцы	Лютеране	67	197
		Всего	1233	4417
Томский	Немцы	Баптисты	18	102
	Немцы	Лютеране	112	606
	Русские	Баптисты	1	7
	Русские	Молокане	4	33
	Русские	Штундисты	1	7
	Русские	Старообрядцы	1172	3481
	Эстонцы	Лютеране	717	1932
	Латыши	Лютеране	63	184
	Поляки	Католики	1203	1172
	Латыши	Католики	194	529
	Малороссы	Католики	21	62
	Татары	Магометане	218	532
	Литовцы	Католики	149	377
	Белорусы	Католики	175	476

Продолжение таблицы 2

	Финны	Лютеране	1	1
		Всего	4099	10107
Мариинский	Поляки	Лютеране	2	14
	Поляки	Католики	596	2226
	Латыши	Католики	618	3198
	Эстонцы	Лютеране	114	533
	Татары	Магометане	46	164
	Чуваши	Язычники	6	28
	Белорусы	Католики	29	165
	Белорусы	Раскольники	13	72
	Литовцы	Католики	23	106
	Русские	Католики	36	275
	Русские	Старообрядцы	51	286
	Мордвины	Молокане	9	58
		Всего	1563	7125
Барнаульский	Евреи	Иудеи	1	3
	Поляки	Католики	32	209
	Немцы	Лютеране	623	2107
	Немцы	Католики	75	399
	Немцы	Менониты	982	6083
	Русские	Баптисты	31	98
	Русские	Молокане	60	473
	Русские	Старообрядцы	282	1543
	Эстонцы	Лютеране	8	199
		Всего	2177	11114
Змеиногорский	Эстонцы	Лютеране	1	3
	Русские	Молокане	11	44
	Русские	Старообрядцы	51	225
	Киргизы	Магометане	1085	3191
	Татары	Магометане	142	446
	Немцы	Лютеране	353	2164
	Немцы	Католики	207	611
	Великороссы	Молокане	3	33
		Всего	1867	6717

Итого по губернии переселенцев неправославного вероисповедания к 1 января 1911 г. насчитывалось 10389 семей, что составило 39480 душ.

Соотношение православных и неправославных в Томской губернии видно из следующих данных (таблица 3) (подсчитано по [5, с. 30]).

Таблица 3

Конфессиональная принадлежность водворившихся переселенцев Томской губернии к 1 января 1911 г.

<i>Вероисповедание</i>	<i>Число душ обоего пола</i>
Православные и единоверцы	3399343
Старообрядцы и уклонившиеся от православия	140000
Римско-католики	39000
Лютеране	21000
Иудеи	16055
Магометане	33799
Буддисты, ламаисты и конфуциане	450
Остальные нехристианские вероисповедания	24000
Остальные христианские вероисповедания	100
Всего	3673746

Переселенцы неправославного вероисповедания составляли заметную часть населения, а именно – 7,5 %. На втором месте по численности после православных стоят старообрядцы (3,8 % от общего коли-

чества), на третьем – католики (1,6 %), за ними – магометане и лютеране.

Если присоединить старообрядцев к одной группе с православными (как это делал центральный Статистический Комитет в своих изданиях), то число пра-

вославных вместе со старообрядцами в Сибири достигло к январю 1911 г. 8577103 человек, что составляло 91,6 %. Число католиков, вследствие переселения из Европейской России значительного количества белорусов, литовцев и поляков, исповедовавших эту религию, несколько увеличилось. Оно составляло 89973 человек в 1911 г. (по сравнению с 1897 г. – 35151 человек). Наибольшее число переселенцев-католиков сосредотачивались в Томской, Енисейской, Тобольской губерниях и в Акмолинской области. Зарегистрированы в Сибири и протестанты. По переписи 1897 г. их число составляло 23973 человека. А вследствие переселения латышей, эстонцев, финнов, немцев, число их к 1911 г. достигает в Сибири 57676 человек. Наибольшее число лютеран сосредотачивалось в Акмолинской области и в Томской, Енисейской, Тобольской губерниях.

Будучи официальной государственной церковью в стране, православная церковь оказалась не готова к диалогу с другими религиями в условиях «веротерпимости», а представители гражданской власти зачастую «не знали рамок закона, что можно, а чего нельзя допускать сектантам» [19, с. 94].

В 1908 г. Синод издал новые правила для устройства внутренней миссии, которые значительно отличались от правил 1888 г. Новые правила делали упор на «увещательные беседы», на которых рекомендовалось обличать сектантские учения. Особое внимание обращалось на организацию миссионерских школ, церковных хоров, различных форм индивидуального воздействия, на отпавших от православия. Впервые был поставлен вопрос об учете сектантов по епархиям и основательного изучения сект. Православная церковь обратилась с призывом противопоставить сектантским проповедникам «такой же кадр проповедников из среды самого православного народа; лица, горящие жаждою ко святому делу заступника церкви от сектантских нападений, есть и в самом незначительном заселке» [17, с. 1083].

И этот страстный призыв духовных властей был услышан в Сибирских епархиях. Борьба с сектантством значительно активизировалась и проходила в различных формах. Так, в двенадцати наиболее бедных и удаленных от приходских храмов переселенческих поселках Омской епархии в целях борьбы с сектантством вместо учреждения разъездных причтов (как было запланировано и доложено Синоду в 1908 г.). Омский строительный комитет открыл самостоятельные приходы с причтом из священника и псаломщика [6, с. 4].

Новой формой борьбы с сектантством стало привлечение к ней женщин. Если раньше миссионерское дело считалось им недоступным, то к концу изучаемого периода взгляды на этот предмет изменились. Аргументируя новую точку зрения на этот вопрос, епархиальное начальство раскрывало роль женщины в распространении раскола, в деятельности сект. «Вспомните всех этих богородиц и пророчиц в мистических сектах, посмотрите, кто в расколе ненавидит миссионеров. Это женщина, принимающая истины веры больше сердцем, чем умом, хранящая обряды, обычаи более по традиции, по привычке, чем по соображениям разума» [13, с. 13].

В программы епархиальных женских училищ было предложено ввести специальные предметы по расколу и сектантству, чтобы воспитанницы, наравне с учительницами, могли бы оказать помощь православной миссии «в распространении и ограждении православной веры и вразумлению заблудших». Отмечалась особая роль жены приходского священника, которая могла бы поддержать его начинания в борьбе с расколо-сектантством. Подчеркивалось, что женщинам нет необходимости изучать историю и полемику этих предметов в полном объеме и деталях. Признавались достаточными самые общие, самые необходимые знания, «соответствующие духовным силам и развитию воспитанниц». Ведь их миссионерская деятельность должна была осуществляться не с кафедры и не в официальном звании миссионеров, а в житейском кругу простых бесед при случайных встречах, «языком сердца», без больших научных доказательств, требующих интеллектуального развития. К трехсотлетию юбилею царствования дома Романовых решено даже было устроить богословский институт для женщин. Духовное ведомство полагало, «что на Руси должна появиться богословски просвещенная женщина», которая могла бы преподавать закон Божий в школах. Предполагалось, что область религиозного научного знания отныне может быть доступной женщине [12, с. 281].

Весьма распространенной формой борьбы со старообрядчеством стали дискуссии и беседы, которые проводили состоявшие при епархиях противораскольничьи миссионеры, с проповедниками старообрядцев. Так, Томский епархиальный миссионер А. Ковлейский за шесть месяцев 1913 г. провел четыре дискуссии в селе Маслянинском, в старообрядческом селе Залесовском [21, с. 2 – 4]. В деревне Таскиной Сагайского уезда Минусинской волости в торжественной обстановке проходила дискуссия между православным миссионером И. Орфеевым и старообрядческим проповедником П. Смирновым. На этой дискуссии, кроме миссионера, присутствовали благочинный и еще пять священников. Ее темами стали: «Во-первых, православное учение о неодоленности и непоколебимости церкви Христовой; во-вторых, вопрос о незаконности существования общества старообрядцев-беспоповцев...». Беседа закончилась пением молитвы «Достоинство есть» [9, с. 583 – 596]. Простые крестьяне не понимали православных догматов, часто не видели разницы между православием и расколом. Так, после одной из бесед православного миссионера с проповедником старообрядцев один крестьянин со вздохом сказал: «И тот говорит складно, и наш ладно, оба не уступают и оба от Божьего слова, – как тут разберешься?» [18, с. 912].

Новой формой борьбы с сектантством стала деятельность народно-миссионерских курсов по подготовке противосектантских миссионеров. Семь таких курсов было проведено только в Томской епархии. Опыт их работы получил одобрение Синода, и в 1913 г. с его помощью были организованы аналогичные курсы для духовенства Омской и Тобольской епархий. От каждого благочиния каждой из епархий на курсы направлялось по два человека. В Омске слушателями курсов стали 325 человек. К проведе-

нию занятий были привлечены крупные силы: синодальный проповедник, протоиерей И. Восторгов, профессор Казанской духовной академии М. Васильевский, Томский миссионер А. Ковлейский. Из Москвы было прислано «сто пудов противосектантской литературы». Именитые лекторы проводили занятия по следующей программе: читались лекции по истории сектантства и по работе приходской миссии (36 лекций); по истории и обличению раскола (30 лекций); по обличению сектантства (65 лекций).

Прошедшие курсы священники-миссионеры занялись организацией миссионерских кружков при своих приходах. Члены этих кружков снабжались необходимой церковной литературой, миссионерскими пособиями. Так, календарей «Друг христианина» 1912 г. было распространено 200 экземпляров [20, с. 756]. Однако деятельность кружков в приходах требовала дополнительных средств, которых не было. Поэтому основным орудием борьбы с сектантством епархиальное начальство считало приходских священников, чаще всего не имеющих навыков миссионерской деятельности. Они были обязаны:

- 1) проводить миссионерские профилактические беседы с православными крестьянами;
- 2) постепенно создавать в епархиальных приходах приходскую миссию из прихожан-добровольцев;
- 3) устраивать в приходах, уже «зараженных сектантством», народно-миссионерские курсы.

И такие курсы в ряде мест были организованы. Преподавание на них должно было носить «концентрический» характер. Первый «концерн» включал в себя краткие сведения о книгах Нового Завета, новозаветном каноне и обоснование важнейших библейских истин православия – спасение возможно только через Христа в его Святой Церкви; истинная христианская церковь одна; религиозные общины, отделившиеся от Церкви, ложно присваивают себе наименование «Церковь Христова» и др. В помощь священникам создавались так называемые «Руководства» с подробной разработкой занятий, которые избавляли пастырей от траты времени и сил для подготовки, «занятия можно было проводить прямо с книги». Отдельные приходы обзаводились специальными помещениями для занятий с паствой. Кое-где даже проводилось электричество, была организована продажа листов и брошюр миссионерского содержания. Епархиальное начальство, повсеместно отмечая пользу таких курсов, стало говорить об ослаблении сектантства в тех приходах, где они работали.

Духовенство сибирских епархий стремилось расширить направленность миссионерской деятельности: «Мы только и делаем, – говорили они, – что критикуем сектантство, да доказываем истину православия. К другим мерам не прибегаем, этим только не остановить рост сектантства» [20, с. 756]. Служители церкви стали призывать священство взять на вооружение те средства, которые давно и весьма успешно использовали сектанты и старообрядцы – пропаганду трезвого и трудолюбивого образа жизни. В октябре 1913 г. архиепископ Томский и Алтайский Макарий издал указ об устройстве епархиального Братства Трезвости [19, с. 767].

Рост и распространение сектантства к концу изучаемого периода привели к тому, что на помощь православной церкви пришли светские власти царской России. В 1916 г. министр внутренних дел обратился к губернаторам, начальникам областей и градоначальникам с особым циркуляром, в котором предложил представителям власти «принять все зависящие от них меры к предотвращению вредных для государственного порядка и общественного спокойствия проявлений занятии сектантских организаций и отдельных их представителей». Министр указал в циркуляре на вредную антигосударственную деятельность как нелегальных, так и многих зарегистрированных вероисповедных общин. Деятельность нелегальных религиозных организаций предложено было немедленно прекратить, виновных же лиц привлечь к уголовной ответственности по ст. 124 Уголовного Уложения. За зарегистрированными сектами и вероисповедными общинами устанавливается строгий контроль. При нарушении этими организациями закона предлагалось закрывать их в установленном законом порядке. Отмечалось, что на публичных молитвенных собраниях сектантов нарушались допустимые пределы проповеди, давалось тенденциозное освещение государственной вероисповедной политики и общего состояния страны. Рекомендовалось установить за такими собраниями жесткий контроль, а выступления сектантских проповедников рассматривать как публичные политические речи, произнесенные без соблюдения Временных Правил о собраниях от 4 марта 1906 г. К циркуляру был приложен список русских подданных, прошедших специальную подготовку в Гамбургской баптистской семинарии для работы в России в 1913 г. Всех этих лиц (18 человек), «думающих, чувствующих и говорящих по-немецки», было предложено не утверждать в должности начальников сектантских общин [12, с. 21].

Таким образом, причинами быстрого распространения сект в Сибири на рубеже XIX – XX вв. были:

1. На протяжении XVII – XIX вв. царское строительство рассматривало Сибирь как место ссылки религиозных противников официальной церкви.
2. Усиление переселенческого движения в Сибири в изучаемый период. Среди переселенцев много было сектантов, которые шли в Сибирь по своей воле. Их руководство, спекулируя на трудностях, с которыми сталкивались переселенцы, усиленно распространяло среди них свою идеологию.
3. Политика активного переселения царским правительством крестьянства в Сибирь приводила к разорению масс. На 1 января 1909 г. только в Томской губернии насчитывалось неустроенными 250 тыс. душ мужского пола из числа переселенцев.
4. Удар, нанесенный революцией 1905 г. самодержавию, больно поразил и церковь. Отменялось привилегированное положение православия. Манифест 17 октября объявил веротерпимость, узаконил свободу перехода от православия в другие христианские вероисповедания, предоставил легальные права для существования старообрядческих и сектантских организаций, признал за старообрядческим и сектантским миром звание священнослужителей.

Как видим, к концу исследуемого периода внутренней миссия Русской православной церкви в Сибири дала лишь некоторые внешние результаты – наблюдался незначительный рост единоверия среди крестьянства и то лишь в местах наиболее интенсив-

ной миссионерской деятельности. Вместе с тем все попытки остановить рост сектантства и старообрядчества даже с помощью государственной власти успехом не увенчались.

Литература

1. 15. Азиатская Россия. СПб., 1914.
2. Батурина Т. В. Русская Православная Церковь и крестьянские переселения в Сибирь на рубеже XIX – XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1999.
3. ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 176.
4. ГАОО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3732. Л. 1 – 2.
5. ГАОО. Ф. 239. Оп. 8. Д. 89. Л. 30 – 31.
6. Голошубин И. Описание Омской епархии. Омск. 1915.
7. Долотов А. Сектантство в Сибири // Критика религиозного сектантства. М., 1974.
8. Енисейские епархиальные ведомости. 1898. № 7.
9. Енисейские епархиальные ведомости. 1901. № 2 – 3.
10. Золотарев А. М. Вероисповедный состав населения России // Русский вестник. 1902. № 5. Т. 279.
11. Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1983.
12. Омские епархиальные ведомости. 1914. № 3.
13. Омские епархиальные ведомости. 1916. № 24.
14. Омские епархиальные ведомости. 1916. № 44.
15. Костенко Н. А. Протестантские секты в Сибири. Новосибирск, 1967.
16. Томские епархиальные ведомости. 1899. № 8.
17. Томские епархиальные ведомости. 1912. № 20.
18. Томские епархиальные ведомости. 1913. № 1.
19. Томские епархиальные ведомости. 1913. № 14.
20. Томские епархиальные ведомости. 1914. № 3.
21. Томские епархиальные ведомости. 1914. № 6.

Информация об авторах:

Батурин Сергей Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Кемеровского института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, г. Кемерово, spbat53@mail.ru.

Sergey P. Baturin – Candidate of History, Assistant professor at the Department for the Humanities, Kemerovo Institute (branch) of G. V. Plekhanov Russian University of Economics.

Батурина Тамара Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и политологии Кемеровского технологического института пищевой промышленности (университета), г. Кемерово, spbat53@mail.ru.

Tamara V. Baturina – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Philosophy and Politology, Kemerovo Institute of Food Science and Technology.

Статья поступила в редколлегию 16.09.2015 г.

ФОРМЫ ПРОТЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ В 60 – 80-Е ГГ. XX ВЕКА

В. Н. Казьмин, М. В. Казьмина

FORMS OF PROTEST ACTIVITY IN RUSSIA IN THE 1960s – 1980s

V. N. Kazmin, M. V. Kazmina

В статье рассматриваются основные формы протестной деятельности в регионах России. Особое внимание уделяется анализу протестных действий в регионах Западной Сибири. Выделены следующие формы протестной деятельности: написание писем в органы государственной власти о нарушении прав человека; отказ от участия в выборных кампаниях; печатание и распространение листовок и запрещенной литературы антисоветского содержания; характер деятельности и идеологические взгляды немногочисленных подпольных организаций. Рассмотрены методы борьбы Комитета государственной безопасности и содержание судебных процессов над антисоветчиками. Сделан вывод о разнообразных формах протеста и их роли в жизни страны.

The paper considers the main forms of protest activity in Russian regions. Special attention is paid to the analysis of protest actions in the regions of Western Siberia. The following forms of protest activity were revealed: writing letters to the authorities about the violation of human rights; refusal to participate in election campaigns; printing and distribution of leaflets and prohibited anti-Soviet literature; the nature of the activities and ideological convictions of the few underground organizations. The authors consider the State Security Committee's methods of struggle against and the content of trials on the anti-Soviet protestants. The conclusion is made about the various forms of protest and their role in the life of the country.

Ключевые слова: власть, антисоветчики, подпольные организации, судебные процессы.

Keywords: power, anti-Soviet protestants, underground organization, litigation processes.

Протестные действия в стране включали в себя два направления. Первое представляло диссидентство, второе – разнообразные стихийные формы недовольства граждан существующей властью и жизнью. В историографии этой темы доминирующее место занимают проблемы инакомыслия, деятельность правозащитников.

Совершенно справедливо некоторые исследователи говорят, что основное внимание историки уделяют движению правозащитников, забывая о том, что существовали и другие формы протеста. По мнению известного историка В. А. Козлова, диссидентство определяло достаточно локальное движение, прежде всего, столичной интеллигенции. За пределами этого понятия оказался более широкий круг лиц, выступавших с протестами против существовавшей реальности. Он называет это «крамоллой». По его мнению, «крамола» – это оппозиция народа, оценочное суждение власти и её сторонников о своих реальных или потенциальных противниках» [10, с. 7].

В наиболее мягких формах «крамола» проявлялась в оценках бытийной внутренней и внешней политики, проводимой властью. Например, в написании писем руководству страны. Протесты в форме письменных посланий руководству страны отмечались и в Западной Сибири. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. в силу ухудшения социально-экономического положения они стали носить относительно массовый характер. Письма-жалобы шли во все инстанции – парткомы, горкомы, обкомы, ЦК КПСС. Так, в 1980 г. письмо Генеральному Секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу пишет Т. Авалиани из Кемеровской области. В этом письме он заявлял о необходимости изменить проводимую внутреннюю политику, обновить руководящие кадры страны на более квалифицированные, придерживаться ленинских принципов партийного руководства [9]. И хотя автор этого письма не был аресто-

ван, ему пришлось пережить трудные моменты в своей жизни.

Основной поток писем в центральные и местные органы власти затрагивал бытовые проблемы, но это являлось своеобразным барометром, определявшим основные проблемы регионов. Например, в письмах жителей Томской области свыше 30 % жалоб и просьб касалось вопросов жилья [22]. Социально-экономические проблемы доминировали и в других регионах Западной Сибири.

Нельзя сказать, что власть (центральная и региональная) не реагировала на письма и жалобы трудящихся. Так, ЦК КПСС принял постановление «О мерах по дальнейшему улучшению работы с письмами и предложениями трудящихся в свете решений XXVI съезда КПСС в Алтайском крае», где указывалось на необходимость решения бытовых проблем граждан. В 1984 г. партийные организации края заявили о выполнении данного постановления. В записке в ЦК КПСС отмечалось, что проделана большая работа по его реализации. О характере жалоб можно судить на примере Курьинского района Алтайского края. В райком КПСС в 1983 г. поступило 46 жалоб и писем, в том числе 14 анонимных. В основном они носили бытовой характер, но в 12 из них указывалось на злоупотребления служебным положением руководителей района и предприятий [8, л. 17, 58, 59].

Случаи проявления народного недовольства относительно часто встречались в период выборных кампаний. Формы были разные: отказ от участия в выборах в связи с наличием только одного кандидата; распространение анонимных листовок с призывами не приходить на выборы; анонимные надписи на избирательных бюллетенях.

Анонимные надписи на бюллетенях являлись наиболее распространенной формой. В основном они содержали требования улучшения материальных ус-

ловий граждан, повышения зарплаты, устранения дефицита товаров, улучшения жилищных условий и др.

Негативные надписи с политическими требованиями в регионах были редки. Они сводились к требованиям передачи власти советам, многопартийности. В Алтайском крае и Пермской области встречались призывы с требованиями прекратить ядерные взрывы на полигонах [14, л. 21, 22].

Встречались и такие надписи: «Советской власти нет», «голосование на выборах – проформа», «где выбор кандидатов», «долой мироедов, владеющих спецбольницами и спецбукфетами» и др. [3, с. 16].

В Томской области в период избирательной кампании 1975 г. при выборах депутатов в Верховный Совет РСФСР и местные Советы в бюллетенях присутствовали выражения: «Выбирай, не выбирай – а толку мало», «Хоть немножко ведите борьбу с блатом», «Просьба – меньше вмешиваться в личную жизнь».

Имелись и немногочисленные случаи отказа от голосования. Например, в Томской области на выборах 1975 г. их насчитывалось 215, а в самом городе Томске – 129 [20, л. 8, 92].

Иногда острые вопросы ставились перед представителями власти регионов во время проведения единых политдней, встреч с трудящимися. На одной из встреч с руководящими работниками Томского обкома КПСС был задан вопрос: «Почему происходит глушение зарубежных радиостанций и насколько это соответствует международному праву?» [21, л. 9].

Распространение антисоветских листовок и писем являлось самой массовой формой антисоветской деятельности. Из дел об антисоветской агитации и пропаганде каждое четвертое дело относилось к этой категории. Из них 29 % приходилось на анонимные письма, 71 % – на листовки [10, с. 224].

Относительная массовость такой деятельности потребовала от КГБ усиления работы в этом направлении. С конца 1970-х гг., с подавлением движения правозащитников, «профилактирование» направляется на выявление данной категории антисоветчиков. Ежегодно в ЦК КПСС отправлялись отчеты итогов работы по розыску авторов антисоветских документов.

В отчете за 1978 г. Ю. В. Андропов информирует, что «на территории страны проявили себя 1660 анонимных авторов, которыми было распространено 11445 листовок, надписей и писем антисоветского, политически вредного и клеветнического характера».

Принятыми органами госбезопасности мерами в 1978 г. установлено и разоблачено 1206 авторов. В числе разысканных оказалось 26 авторов, изготовивших враждебные документы, содержащие террористические намерения в отношении руководителей КПСС и Советского правительства, и 77 – допустивших угрозы физической расправы в адрес представителей местного партийно-советского актива и должностных лиц».

Приводятся и данные по социальному составу: рабочие – 22 %; студенты и учащиеся – 20,7 %; служащие – 19,5 %; пенсионеры – 16,55 %. Остальные – «лица психически неполноценные и без определенных занятий». В числе установленных анонимных авторов 107 членов и кандидатов в члены КПСС и 144 члена ВЛКСМ [4, с. 206].

По отношению к авторам применялись меры «предупредительно-профилактического» характера. К уголовной ответственности было привлечено всего 36 человек (ст. 70 и 190-1).

Подобное наблюдалось и в регионах Западной Сибири. Факты говорят о том, что с усилением репрессивной политики резко сокращается распространение запрещенной антисоветской литературы, прежде всего, листовок. КГБ считал, что хотя динамика их распространения снижается, содержание листовок стало намного резче и враждебнее к политической системе.

Снижение антисоветских листовок, например, в Кемеровской области явилось результатом «профилактической» работы среди интеллигенции. Управление Комитета Государственной Безопасности (УКГБ) по Кемеровской области приводят факты принятия мер к трем преподавателям одного из вузов, использовавшим аудиторию для «дискредитации политики КПСС, достижений реального социализма».

Однако полностью взять ситуацию под контроль УКГБ по Кемеровской области не удалось. В 1984 г. в области арестовывается 17 человек, которые распространяли антисоветские листовки, делали антисоветские надписи (23 надписи) и рассылали анонимные письма. К ним применялись меры профилактического характера. Уголовную ответственность понесли 3 человека с профашистскими взглядами [11, с. 122].

Власть и здесь проводила гибкую политику изоляции лишь тех, кого считала неисправимыми антисоветчиками. Так, Судебная коллегия Ленинградского городского суда 11 августа 1983 г. рассмотрела дело по обвинению Ю. П. Дубенского и признала его виновным в совершении преступлений по ст. 190-1, назначила ему наказание в виде трех лет лишения свободы с содержанием в исправительно-трудовой колонии строгого режима. Наказание Ю. П. Дубенский отбывал в г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области.

Определенное распространение в Западной Сибири получило функционирование нелегальных радиопередатчиков. Они работали в широком спектре радиочастот и создавали опасность для деятельности отдельных организаций. Были случаи выхода отдельных лиц на широкую аудиторию с трансляцией зарубежных голосов.

Например, в Кемеровской области было выявлено и изъято 350 незарегистрированных передающих устройств. В марте 1977 г. Прокопьевский городской отдел УКГБ арестовал гражданина Хомутова, транслировавшего в городскую сеть передачи радиостанции «Голос Америки». В Новокузнецке задерживается гражданин, распространявший через радиотрансляционную сеть антисоветские призывы [16, с. 118].

Радикальную форму протестного движения в стране представляли подпольные группы и организации, возникавшие в различных регионах страны. В Томске еще в 1963 г. возникает подпольная молодежная группа, состоявшая из студентов ТГУ (В. Коврижкин, А. Томилов, братья В. и И. Мицко) [18]. В выступлениях студента исторического факультета А. Томилова содержались радикальные требования о необходимости новой революции для отстранения КПСС от власти и организации международного суда над коммунизмом [2, с. 15, 16].

В 1982 г. старшеклассники Новосибирска (А. Крестинин и др.) создали нелегальную организацию. Они выступили с критикой политики брежневского режима и работы комсомольских организаций. Им удалось выпустить 2 листовки в 120 экземпляров [2, с. 44]. В период перестройки члены группы примут активное участие в создании независимой прессы.

Подпольные политизированные молодежные организации, ставившие задачу изменения политической системы, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. встречались и в соседнем с Западной Сибирью регионе – Урале [12, с. 138 – 141].

КГБ по Свердловской области информирует о раскрытии нелегальной группы молодежи, именовавшей себя «Партией свободной России» или «Революционной рабочей партией», состоявшей из нескольких человек.

Входившие в её состав братья Пестовы отпечатали 700 антисоветских листовок, где предъявлялись «требования трудящихся Советскому правительству». Листовки были сброшены с вышки в Свердловске во время демонстрации. На следствии они дали показания, что собирались захватить власть «террористическим путем» [15, л. 1, 2].

В Нижнем Тагиле в начале 1971 г. создается подпольная организация, называвшая себя «Революционной партией интеллектуалов Советского союза». Отличительная особенность организации состояла в том, что в неё входили рабочие. Все члены организации (несколько человек) имели псевдонимы и ежемесячно платили членские взносы. Они стремились создать ячейки организации в крупных городах, армии и захватить власть.

В написанном ими манифесте говорилось: «Настало время заявить всему миру о том, что коммунистическое учение наполовину неверно и является в данный момент средством оболванивания масс, а идея близкого коммунизма является по своей сущности новой религией». Все члены организации осуждены судом в ноябре 1971 г.

В 1975 г. в Нижнем Тагиле привлекается к уголовной ответственности рабочий Н. И. Каликин за попытку создания «Партии справедливости советского народа». У него изъяты устав, программа и листовки [10, с. 345].

Нелегальные организации существовали и в других регионах России. Так, в г. Орле в декабре 1969 г. образуется «Патриотический фронт России». Члены этой группы (3 человека) установили связь с диссидентами Якиром, Красиным и Хаустовым. От них организаторы получали самиздатовскую литературу, в том числе «Хронику текущих событий».

В 1972 г. распространяется программа, которая называлась «За что мы боремся? Россия: сегодня, завтра, будущее». В августе 1973 г., Орловским областным судом члены группы приговорены к длительным срокам лишения свободы [10, с. 371, 372].

Во Владивостоке возникла леворадикальная организация «Новая молодежь» (лидер – студент ДГУ А. Максимов), которая ставила перед собой цель выработать программу переустройства общества на ленинских принципах. В Перми в 1983 г. создается «Группа продленного дня». Её члены считали необходимым привлекать к государственному управлению широкие

массы трудящихся. Опыт организации интересен тем, что в 1984 г. возникает её филиал в Москве. То есть инакомыслие пошло по другому руслу – из провинции в столицу [2, с. 44].

Проблема выяснения численности подпольных группировок чрезвычайно сложна. По нашему мнению, количество их постоянно сокращалось и в конце 1970-х – начале 1980-х гг. составляло чуть более 30. Речь идет о «политически вредных группировках» на территории России.

Составители сборника «Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953 – 1982 гг.» считают, что количество групп и организаций составляло: в 1971 г. – 527 групп, 2304 участника, в среднем 4,3 человека в группе; в 1974 – 1976 гг. среди молодежи выявлено 384 группы, численностью 1232 человека, в среднем по 3,2 человека в группе. В основном это были молодые люди в возрасте от 16 до 25 лет [10, с. 318 – 320].

Действительно, данная возрастная категория составляла более 40 % от общего числа лиц, профилируемых органами КГБ. Не случайно в ЦК КПСС в декабре 1976 г. органами госбезопасности направляется аналитическая справка о характере и причинах негативных проявлений среди учащейся и студенческой молодежи, где говорилось об усилении влияния западных идеологических центров на советскую молодежь.

В результате воздействия молодые люди оказываются «неспособными преодолеть такое негативное влияние, заражаются настроениями политической демагогии, критиканства, пессимизма и допускают идеологически вредные и антиобщественные проявления. В среде учащейся молодежи за три года было совершено 3324 проявления, в которых участвовало 4406 человек». Среди учащейся молодежи антиобщественные и идеологически вредные проявления допускали студенты – 60 % от общего количества; школьники – 22,4 %; учащиеся ПТУ и техникумов – 15,5 %; аспиранты – 1,8 %. Большинство молодых людей совершали антиобщественные действия в одиночку. Но было создано и 384 группы [4, с. 139, 246, 318 – 332]. «Политически вредную идейную направленность» имела небольшая часть групп. Наибольшее количество представляли группы с националистическими настроениями (87 групп). 43 группы были созданы под влиянием «идеологии реформизма и ревизионизма».

По мнению руководства КГБ, группы, находившиеся под влиянием реформизма и ревизионизма, не имели организационных форм, и их деятельность сводилась к «вредным, клеветническим высказываниям». Органами КГБ выявлялись и организации, заявлявшие о создании «нового общества сильных личностей» и использовавшие фашистскую символику. Такие организации действовали в Красноярске («Нацистская молодежная партия»), Белгороде («Рыцарский крест»), Волгограде («Четвертый рейх») [4, с. 142].

В 1980-е гг. резко увеличилось число молодежных группировок с фашистской идеологией в Кемеровской области. В 1981 г. выявлено 7 фактов проявления такой идеологии; 1982 г. – 14; 1983 г. (пять месяцев) – 20. Профашистские проявления были характерны для части молодежи, обучавшейся в вузах, техникумах, ПТУ. В г. Юрге двумя учащимися к телевизионной антенне прикрепляется красный флаг с изображением фашист-

ской свастики. В Прокопьевске двое молодых людей на стенной газете, посвященной Дню Победы, нарисовали фашистскую свастику, а на входной двери школы написали «Вы нас в 45, мы вас в 1982» [16, с. 192]. В 1983 г. в некоторых городах РСФСР прошли демонстрации, погромы еврейских кладбищ (Свердловск, Куйбышев, Омск, Барнаул) [1]. Факты свидетельствуют о радикализации малочисленной части молодежи в регионах после подавления легальных форм протеста.

Большинство групп, по мнению КГБ, не имело «политически вредной направленности», а формировалось по принципу поиска соучастников по аморальному образу жизни. Таких группировок было выявлено 201 (71 % от общего числа). Они совершали действия, нарушавшие общественный порядок и мораль социалистического общества (подражание хиппи, увлечение наркотиками, порнографией и т. п.). Власть считала, что их аморальное поведение являлось покусением на пересмотр этических норм социалистического общества, ставило под сомнение революционные традиции. Подобные группировки существовали во многих регионах страны [4, с. 143].

Реальную опасность для власти представляли лица с радикальными целями. В Западной Сибири они со-

вершали действия и террористического характера. В мае 1979 г. в г. Новокузнецке Кемеровской области предпринимается попытка захватить самолет В. Н. Бизуновым и М. В. Шамахаевым с целью эмиграции в Израиль. В ходе спецоперации УКГБ Шамахаев был убит. Бизунову суд назначил наказание: 10 лет лишения свободы.

В феврале 1981 г. на карнизе окна Кемеровского обкома КПСС был обнаружен пакет с взрывчаткой (электродетонаторы и электропровода) [16, с. 114 – 122]. Лица, причастные к этому, органами КГБ обнаружены не были. В апреле 1981 г. на железнодорожном вокзале г. Новокузнецка в автоматической камере сотрудниками КГБ изымаются пять патронов аммонита и два электродетонатора [16, с. 114, 115].

Таким образом, в 1960-х – начале 1980-х гг. протестные настроения проявлялись в разнообразных формах как легальных, так и в создании немногочисленных подпольных группировок и организаций. И хотя в начале 80-х гг. XX в. протестные действия были в основном подавлены, это не означало, что были устранены причины недовольства властью и господствующей идеологией у части граждан страны.

Литература

1. Алтайская правда. 1984. 20 июля.
2. Борзенков А. Г. Молодежь и политика: возможность и пределы студенческой самодеятельности на востоке России (1961 – 1991 гг.). Ч. 2. Новосибирск, 2003.
3. Бюллетень центра изучения протестного движения в Кузбассе. Прокопьевск, 2005.
4. Власть и диссиденты. Документы и материалы КГБ и ЦК КПСС. М., 2006.
5. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX века. М., 1995.
6. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.П-190.Оп. 18. Д. 34. Л. 8.
7. Исторический архив. 1994. № 1. С. 195 – 207.
8. Краевое государственное управление государственного архива Алтайского края (КГУ ГААК). Ф.П-1. Оп. 158. Д. 52. Л. 17, 58 – 59.
9. Край. 2004. 9 июля.
10. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1963 – 1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР. М., 2005.
11. Онищенко В. В. Образование и деятельность советских органов государственной безопасности в Кемеровской области (1943 – 1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2010.
12. Прищепа А. И. Инакомыслие на Урале (середина 1940 – середина 1980-х годов). Сургут, 1999.
13. РГАНИ. Ф. 89. ПЕР. 44. Д. 5.
14. РГАНИ. Ф. 89. ПЕР. 12. Д. 5.
15. РГАНИ. Ф. 89. ПЕР. 37. Д. 28.
16. Служение Отечеству. 1917 – 2005 гг. Кн. 2. Кемерово, 2005. С. 114 – 122.
17. Томск. История города от основания до наших дней. Томск, 2004.
18. Томский вестник. 1995. 17 февраля.
19. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 5673. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.
20. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4681. Л. 8.
21. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 31. Д. 185. Л. 9.
22. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 31. Д. 261.

Информация об авторах:

Казьмин Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета КемГУ, vladkaz231@yandex.ru.

Vladimir N. Kazmin – Doctor of History, Professor at the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University.

Казьмина Маргарита Васильевна – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, Rita-KMV@yandex.ru.

Margarita V. Kazmina – Doctor of History, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 17.09.2015 г.

**АВТОХТОННЫЕ ЭТНОСЫ СИБИРИ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА
ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ***О. В. Нечипоренко, М. Р. Зазулина***INDIGENOUS SIBERIANS: FEATURES OF CONSERVATION OF SPIRITUAL CULTURE
AND ETHNIC IDENTITY***O. V. Nechiporenko, M. R. Zazulina**Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 13-01-00170.*

Статья посвящена анализу современного состояния духовной культуры и самосознания этносов, населяющих Республику Алтай. Показано, что в сознании коренного населения Улаганского района сегодня доминирует моноэтническая идентичность, а также двухуровневая гражданская идентичность. Отношения «малый этнос – большое общество» строятся на основе сложной двухсторонней модели взаимоотношений, сущностью которой является такая модель адаптации, в процессе которой этнос, не разрушая свою этнокультурную модель, сохраняя ее традиции и культуру, перенимает ценности и установки доминирующего общества, сохраняя при этом свою собственную модель развития.

The paper analyzes the current state of spiritual culture and identity of the ethnic groups living in the Republic of Altai. The minds of the indigenous population of Ulagan area today are shown to be dominated by the mono-ethnic identity, as well as by two-tier civil identity. Relations between “small ethnic group – big society” are based on a complex two-way relations model, the essence of which is such a model of adaptation where an ethnic group adopts the values and attitudes of the dominant society without destroying their ethnic and cultural model, while maintaining its traditions and culture and its own model of development.

Ключевые слова: этническая идентичность, алтайские субэтноты, этническое самосознание, коренные малочисленные народы.

Keywords: ethnic identity, civil identity, ethnic groups, subethnos, indigenous peoples.

Трансформация, которую переживает российское общество, изменила социально-экономическое и политическое положение многих этнических групп, вынуждая их в процессе адаптации к новым экономическим условиям отказываться от привычного жизненного уклада и форм экономической активности и тем самым поставив этносы на грань культурного вымирания. Это делает особенно актуальными проблемы реализации государственной национальной политики в отношении малочисленных народов, сохранивших традиционную систему жизнеобеспечения в местах их компактного проживания. Решение практических проблем, связанных с нахождением наиболее оптимальных форм хозяйственной активности для национальных меньшинств, сохраняющих традиционный уклад жизни, делает актуальным изучение трансформации традиционного образа жизни малых этносов в условиях модернизационных реформ.

В исследованиях последних лет многими исследователями отмечается тенденция к поддержанию самоидентичности сообщества за счет возрождения различного рода архаичных социальных механизмов [3]. Аналогичные тенденции обнаруживаются как в России, так и в других республиках бывшего СССР [4].

Исследования процессов этносоциального развития автохтонных этносов Сибири, реализуемые сотрудниками Института философии и права СО РАН на протяжении последних 15 лет показывают, что характерной чертой адаптации этнолокальных сообществ к современным модернизационным процессам является параллельность и взаимообусловленность процессов модернизации и архаизации социальных

отношений, когда возрождение многих традиционных социальных механизмов происходит на новых основаниях [1].

Процессы развития этнического самосознания постоянно испытывают на себе влияние целого ряда факторов, политических, социальных, экономических, следствием которых является возникновение новых форм идентичности и появление новых оснований, на базе которых и происходит формирование современных этнокультурных маркеров. Мировая практика показывает, что процесс формирования этнической идентичности, и шире – состояние и развитие этнической культуры, не в последнюю очередь зависит от складывающихся форм общественной и политической активности коренных народов. По сути дела эти два процесса: передача культурных традиций с одной стороны, и отстаивание своих прав в сфере политического (и шире – просто активная общественная позиция), с другой стороны, – питают и стимулируют друг друга, определяя интенсивность процессов происходящих в сфере этнического самосознания.

Целью данной работы является анализ современного состояния этнической, субэтнической и гражданской идентичности автохтонных этносов Сибири, а также определение преобладающих форм их общественно политической активности, рассматриваемых в качестве факторов, способствующих росту этнического самосознания и духовной культуры.

Эмпирической основой предлагаемых выводов и обобщений послужили результаты социологического исследования, проведенного в 2014 г. на территории

Улаганского района Республики Алтай при участии сотрудников Института философии и права СО РАН.

Улаганский район традиционно является местом компактного проживания теленгитов, являющихся одним из алтайских субэтносов, входящих в группу южных алтайцев. Итоги переписи 2010 г. показали, что, несмотря на активные процессы этнического самоопределения, многие теленгиты идентифицируют себя с алтайским этносом в целом. Между тем на сегодняшний день теленгиты являются одним из самых многочисленных субэтносов Республики Алтай. По оценкам экспертов численность теленгитов в районах их компактного проживания достигает 16 тыс. человек.

Значительную часть территории Улаганского района занимают охраняемые природные территории (Алтайский заповедник и Шавлинский заказник), вследствие чего здесь сохранилась ресурсная основа для ведения традиционного промыслового хозяйства, являющегося основой традиционной системы жизнеобеспечения теленгитов. Такие факторы, как отдаленность и труднодоступность района, отсутствие промышленных производств, особенности системы расселения и климатические условия (весь район приравнен к районам крайнего севера), не позволяют форсировать темпы распада традиционной социальной структуры, способ-

ствуя сохранению территориально-общинной по содержанию организации населения.

Экспедиционные работы проводились в семи населенных пунктах района. Для сбора эмпирического материала использовалось две основных техники: а) массовый опрос населения и б) экспертный опрос представителей сельской элиты и интеллигенции. Дополнительно собирались статистические данные, имеющиеся в распоряжении местных органов власти, а также проводилась паспортизация обследованных сел. Всего было опрошено 242 человека, в том числе 200 человек было опрошено по анкете массового опроса и 42 человека было опрошено по анкете экспертного опроса.

Исследование показало, что в сознании коренного населения Улаганского района сегодня доминирует моноэтническая идентичность, проявляющаяся в самоидентификации либо только со своей субэтнической группой, либо с алтайским этносом в целом. В том числе 43 % опрошенных отнесли себя к теленгитам и 40 % – к алтайцам. Лишь 10 % респондентов акцентировали внимание на своей двойной этнической принадлежности, считая себя представителями как в целом алтайского этноса, так и теленгитов, указав, соответственно, что они – «алтайцы-теленгиты» (таблица 1).

Таблица 1

«Кем Вы себя считаете по национальности?», массовый опрос, %

	<i>Все</i>	<i>До 29 лет</i>	<i>От 30 до 49 лет</i>	<i>Старше 50 лет</i>
Алтаец	40	42	40	39
Теленгит	43	50	27	44
Алтаец-теленгит	10	8	7	17
Другое	4	0	14	0
Нет ответа	3	0	13	0

Подчеркивать свою принадлежность к теленгитскому субэтносу более склонно молодое поколение (до 30 лет) и люди старшего возраста (от 50 лет). А среди представителей средней возрастной группы преобладают те, кто считает себя алтайцами (таких 40 %), а также значительна доля затруднившихся определить свою этническую принадлежность (13 %).

Для коренного населения Республики Алтай вопросы этнической идентичности (единство или различие алтайских этнических групп) тесно переплетены с проблемами идентичности гражданской (сохранения

статуса республики и сохранения за алтайцами статуса титульного этноса). Изучение содержания гражданской идентичности алтайских субэтносов позволило проанализировать, как соотносятся у представителей алтайских этнических групп их республиканская и общероссийская идентичности. Выяснение значимости этих идентичностей осуществлялось путем анализа ответов респондентов на вопрос: «Скажите, кем Вы себя, прежде всего, считаете?». Для ответа на данный вопрос респондентам было предложено несколько вариантов ответов (таблица 2).

Таблица 2

«Скажите, кем Вы себя, прежде всего, считаете?», массовый опрос, %

	<i>Все</i>	<i>Алтаец</i>	<i>Теленгит</i>	<i>Алтаец-теленгит</i>
Только россиянином	23	21	31	17
Только гражданином республики	13	13	19	0
Тем и другим, но больше гражданином Республики	18	17	19	17
Тем и другим, но больше россиянином	12	17	4	17
И тем и другим в равной степени	32	29	27	50
Ни тем, ни другим	0	0	0	0
Нет ответа	2	4	0	0

Анализ гражданской идентичности респондентов продемонстрировал наличие в сознании большинства из них усложненной двухуровневой гражданской идентичности: 62 % чувствуют себя одновременно и гражданами своей республики и россиянами и не ощущают противоречия между двумя этими идентичностями. Моногражданская идентичность оказалась свойственна 36 % респондентов. При этом 13 % опрошенных считали себя только гражданами Республики, и 23 % – только гражданами России.

Моногражданская идентичность больше распространена среди теленгитов. При этом среди теленгитов доля тех, кто идентифицирует себя только с Россией наиболее высока и составляет 31 %. Двухуровневая идентичность более свойственна алтайцам и еще более свойственна алтайцам-теленгитам: среди них 63 % и 84 % соответственно считают себя и гражданами Республики, и гражданами России.

При рассмотрении этнической идентичности алтайских субэтносов важно не упускать из вида то обстоятельство, что и в советское время алтайские субэтносы: кумандинцы, тубалары, челканцы и теленгиты – сохраняли свою «локальную» субэтническую идентичность. Однако местное этническое самосознание обладало меньшей интенсивностью, и в целом

алтайские этнические группы осознавали себя представителями единого алтайского этноса. Вопрос идентичности алтайского этноса актуализировался в ситуации наделения кумандинцев, тубаларов, челканцев и теленгитов правовым статусом коренных малочисленных народов. Идентификация с алтайским этносом стала ослабевать в период перестройки (прежде всего, в среде северных алтайцев), что способствовало нарастанию кризиса коллективной общеалтайской идентичности и привело к формированию двух взаимоисключающих типов самосознания, этнического (постулирующего, что алтайцы – это один народ) и субэтнического (постулирующего, что алтайские субэтносы – это разные народы) [2].

На современном этапе истории у алтайцев более выражен этнический тип самосознания, а у представителей теленгитского субэтноса этнический и субэтнический типы самосознания выражены практически в равной степени. Однако, несмотря на то, что субэтническое самосознание в последние годы усилило свои позиции, значительная часть респондентов (60 %), независимо от своей субэтнической идентификации, склонна рассматривать различные этнические группы алтайцев как единый этнос (таблица 3).

Таблица 3

«Как Вы считаете, алтайцы – это один народ или разные народы?», массовый опрос, %

	<i>Все</i>	<i>Алтаец</i>	<i>Теленгит</i>	<i>Алтаец-теленгит</i>
Коренное население Алтая является одним народом	60	71	46	67
Коренное население Алтая является разными народами	36	29	50	33
Затрудняюсь ответить	4	0	4	0

Таким образом, можно утверждать, что общеалтайская идентичность не является мифом, многие представители алтайских субэтносов продолжают осознавать и ощущать взаимосвязь друг с другом и сохраняют коллективную память о принадлежности к одному народу.

Данные, полученные в ходе исследования, позволили проанализировать степень сохранности элементов духовной культуры теленгитов, а также степень их приобщения к этнокультурным традициям своего народа. Результаты этносоциологического исследования

показали заметные различия в уровне осведомленности представителей различных субэтнических групп обследованных районов об обычаях и традициях своего народа (таблица 4). Наилучшее знание обычаев и традиций характерно для алтайцев, наихудшее – для теленгитов: хорошо знают свои обычаи 67 % алтайцев и лишь 38 % среди теленгитов. Мы полагаем, что полученные данные отражают ситуацию дефицита информации (о традиционной духовной и материальной культуре, прежде всего) в которой оказались представители теленгитского субэтноса.

Таблица 4

«Знаете ли Вы обычаи и традиции своего народа?», массовый опрос, %

	<i>Все</i>	<i>Алтаец</i>	<i>Теленгит</i>	<i>Алтаец-теленгит</i>
Хорошо знаю обычаи и традиции	53	67	38	50
Знаю наиболее характерные обычаи и традиции	40	29	54	50
Имею смутное представление об обычаях и традициях	5	4	4	0
Не знаю обычаев и традиций	2	0	4	0

Приведенные результаты опроса дают представление об уровне знания коренным населением обследованных районов своих обычаев и традиций, но не раскрывают того, в какой мере они склонны следовать им на практике. Оказалось, что основная масса респондентов Улаганского района в той или иной мере придерживается обычаев и традиций. При этом больше половины опрошенных (62 %) отметили, что придерживаются обычаев и традиций своего народа пол-

нодентов Улаганского района в той или иной мере придерживается обычаев и традиций. При этом больше половины опрошенных (62 %) отметили, что придерживаются обычаев и традиций своего народа пол-

ностью. Частично следуют обычаям и традициям своего народа только 32 % респондентов.

Частной, но достаточно красноречивой иллюстрацией того, какое значение придает коренное население обследованных районов традиционному передаваемым обычаям, могут быть данные опроса, характеризующие отношение респондентов к традиционному социальному институту сеоку (алт. сёёк) – роду. Традиционное разделение алтайцев на отдельные сеоки («алмат», «кыпчак», «мундус», «сагал» и др.) на протяжении многих веков являлось одной из фундаментальных констант общественной организации алтайских этнических групп. В этой связи в традиционном алтайском обществе каждый человек с молодых лет имел четкое представление о своей родовой принадлежности.

Результаты опроса показали, что родовая идентичность коренного населения Улаганского района

Республики Алтай достаточно крепка. В ходе опроса свой сеок смогли назвать 98 % респондентов, при этом знание родовой принадлежности продемонстрировали представители всех субэтнических групп. Одной из важных функций сеока, сохранившейся до наших дней, является регламентация семейно-брачных отношений: в алтайском сеоке строго соблюдается родовая экзогамия, не допускающая заключения брака между представителями одного рода, считающимися близкими родственниками. Данные нашего опроса показали, что коренное население Улаганского района последовательно придерживается обычая родовой экзогамии (таблица 5). 83 % опрошенных заявили о недопустимости нарушения данного обычая. При этом против нарушения обычая экзогамии чуть чаще высказывались теленгиты (88 %), чем алтайцы (83 %).

Таблица 5

«Допустимо ли заключение браков между представителями одного сеока (рода)?», массовый опрос, %

	<i>Алтаец</i>	<i>Теленгит</i>	<i>Алтаец-теленгит</i>
Да	8	12	33
Нет	83	88	67
Другое	8	0	0

Уровень знания коренным населением обследованных районов родного языка является высоким, алтайский язык считают родным 95 % алтайцев, независимо от субэтнической принадлежности, и еще 5 % назвали родным русский язык (таблица 6). Признание этнического языка родным языком имеет не только важное символическое значение, но отражает

реальные языковые практики этноса. Исследование показало, что у коренного населения Улаганского района практически не наблюдается серьезных проблем со знанием своего языка. Почти все респонденты свободно владеют своим этническим языком, т. е. умеют свободно разговаривать, писать и читать.

Таблица 6

«В какой степени Вы владеете алтайским языком?», массовый опрос, %

	<i>Алтаец</i>	<i>Теленгит</i>	<i>Алтаец-теленгит</i>
Свободно	96	100	100
С трудом	4	0	0
Не владею	0	0	0

Хорошее знание традиций и языка сопряжено с активными культурными установками, которые демонстрирует коренное население северных районов Республики Алтай. Современные алтайцы ориентированы на дальнейшее сохранение своей культуры и ее языковой составляющей, что проявляется в первую

очередь в желании изучать язык в рамках школьной программы. Более 90 % респондентов независимо от субэтнической принадлежности не только поддерживают изучение алтайского языка в школах, но считают, что оно должно быть обязательным (таблица 7).

Таблица 7

«Как Вы относитесь к обязательному изучению учениками-алтайцами в школе алтайского языка?», массовый опрос, %

	<i>Алтаец</i>	<i>Теленгит</i>	<i>Алтаец-теленгит</i>
Поддерживаю обязательное изучение родного языка	96	88	83
Изучение языка должно идти по желанию	4	12	17

Специфика современной ситуации заключается в том, что сохранение духовной культуры алтайских субэтносов во многом зависит от процессов, протекающих в политической сфере. Речь идет о статусе коренных малочисленных народов, которым облада-

ют представители теленгитского субэтноса, а также об общественно политической активности, ориентированной на укрепление традиционных общественных и политических институтов и как следствие способствующей росту этнического самосознания.

Одним из проявлений этнической идентичности представителей современных алтайских субэтносов, способствующим сохранению культурных традиций, является восприятие ими статуса коренных малочисленных народов, отражающее сложный процесс осмысления алтайскими субэтнотами произошедшего изменения своего общественного положения. Этот процесс включает в себя и эмоциональное реагирова-

ние на новый правовой статус, и практическое оценивание его потенциальных возможностей, и раздумья о дальнейшей судьбе алтайского этноса. В массовом сознании алтайских этнических групп эта тема является одной из немногих, по поводу которых, сформировалось единое мнение (таблица 8). Более 80 % опрошенных выразили одобрительное отношение к признанию теленгитов коренным малочисленным народом.

Таблица 8

«Как Вы относитесь к признанию теленгитов коренным малочисленным народом?», массовый опрос, %

	<i>Все</i>	<i>Алтаец</i>	<i>Теленгит</i>	<i>Алтаец-теленгит</i>
Полностью одобряю	65	50	73	83
Скорее одобряю	18	25	15	17
Мне безразлично	7	13	4	0
Скорее не одобряю	3	8	0	0
Категорически не согласен	0	0	0	0
Затрудняюсь ответить	7	4	8	0

Эксперты, оценивая значение статуса коренных малочисленных народов для теленгитов Улаганского района, склонны к более осторожным оценкам: более 40 % экспертов отметили, что статус коренного малочисленного народа окажет несущественную роль либо вообще не сыграет никакой роли.

Представители теленгитов придают статусу коренных малочисленных народов важное политическое значение, связывая с ним признание своих этнических групп в рамках политической системы общества. В такой ситуации теленгиты как граждане государства являются естественными участниками политического процесса. Однако как представители коренных малочисленных народов они желают иметь дополнительные гарантии, предоставляющие им возможность отстаивать свои политические интересы через общегосударственный механизм власти, участвовать в работе органов государственной власти и местного самоуправления, оказывать влияние на принятие полити-

ческих решений, особенно тех, которые непосредственно их касаются.

Одной из форм политического участия сегодня выступают общественные организации малочисленных народов. Среди населения Улаганского района участие в общественных организациях не является распространенной практикой, о своем участии в работе общественных организаций малочисленных народов заявили лишь 12 % опрошенных. Оценивая роль общин в жизни их села, население Улаганского района склоняется к умеренным оценкам: 38 % дали среднюю оценку, и 36 % в совокупности отметили, что эти организации играют незначительную роль либо вообще не играют никакой роли (таблица 9). Представители теленгитского субэтноса, не являясь более политически активными, склонны выше оценивать деятельность общин и других организаций коренных малочисленных народов.

Таблица 9

«Роль общин коренных малочисленных народов в жизни Вашего села?», массовый и экспертный опрос, %

	<i>Эксперты</i>	<i>Массив</i>	<i>Алтаец</i>	<i>Теленгит</i>	<i>Алтаец-теленгит</i>
Высокая	2	13	4	23	0
Средняя	19	38	46	31	50
Незначительная	33	18	33	8	17
Они не играют никакой роли	38	18	13	23	17
Затрудняюсь ответить	7	12	4	15	17

Эксперты оценивают роль общин более критично, чем простое население. Более 70 % экспертов отметили, что общины играют незначительную роль, либо вообще не играют никакой роли. О высокой роли общин заявили лишь 2 % экспертов (среди респондентов массового опроса этот показатель составил 13 %), а среднюю оценку поставили 19 % экспертов (по сравнению с 38 % респондентов массового опроса). Спектр вопросов, которые, по мнению экспертов, могли бы решать общины достаточно широк, от про-

блем культуры и воспитания детей и до экономических и бытовых проблем поселков. Наиболее эффективно местные общины могли бы решать проблему пьянства, что отметили 52 % экспертов, а также заниматься отстаиванием прав на исконные земли, что отметили 57 % экспертов.

Таким образом, результаты нашего исследования демонстрируют высокое значение традиционной культуры в обследованном районе. Очевидно, что коренное население Улаганского района (теленгиты),

несмотря на развитие глобального процесса гомогенизации культурных практик, еще сохраняет свою самобытность, что выражается в сохранении традиционной обрядности, повышении престижа и уровня владения родным языком, сохранении культурной преемственности.

Важными факторами роста этнического самосознания выступают различные формы общественно политической активности, прежде всего, получение и сохранение статуса коренных малочисленных народов, а также создание общин коренных народов на уровне отдельных поселений и участие в их работе.

Специфика развития каждого этноса на современном этапе определяется, с одной стороны, комплексом уникальных черт, связанных со степенью сохранения этносом традиционного образа жизни, традиционных элементов культуры и значением для существования этноса традиционных форм жизнеобеспечения, а другой стороны – степенью и характером включенности этноса в глобализационные процессы современности, то есть интегрированностью этноса в современную индустриальную культуру и сопутст-

вующие ей экономические, социальные и политические практики.

Оценивая результаты исследования современного состояния этнической, субэтнической и гражданской идентичности субэтносов Республики Алтай, следует признать, что изученная ситуация хоть и характеризуется уникальными особенностями, связанными с обладанием алтайским этносом статусом титульной нации, с одной стороны, и алтайскими субэтнотами статуса коренных малочисленных народов – с другой (что в принципе является достаточно типичным сценарием развития автохтонных этносов). Отношения «малый этнос – большое общество» строятся на основе сложной двухсторонней модели взаимоотношений, сущностью которой является такая модель адаптации, в процессе которой этнос, не разрушая свою этнокультурную модель, сохраняя ее традиции и культуру, перенимает ценности и установки доминирующего общества, сохраняя при этом свою собственную модель развития. Эта модель может сочетать в себе различные ценности, способные не только конкурировать друг с другом, но и кооперироваться между собой или просто сосуществовать.

Литература

1. Нечипоренко О. В. Трансформация традиционного образа жизни автохтонных этносов Сибири // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 5. Ч. I. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 461 – 470.
2. Чемчиева А. П. Алтайские субэтноты в поисках идентичности. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2012.
3. Entrena F. Socioeconomic restructurings of the local settings in the era of globalization // Protosociology. Special issue "On a sociology of borderlines. Studies in the time of globalization". Frankfurt, 1999.
4. Poliakov S. Everyday Islam: religion and tradition in rural Central Asia. N. Y., 1992.

Информация об авторах:

Нечипоренко Ольга Владимировна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, olganechiporenko@yandex.ru.

Olga V. Nechiporenko – Doctor of Sociology, Leading Research Associate at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Зазулина Мария Рудольфовна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, zamashka@yandex.ru

Maria R. Zazulina – Candidate of Philosophy, Research Associate at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 21.08.2015 г.

**ДИНАМИКА МОЛОДЕЖНОГО НОНКОНФОРМИЗМА НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ
ИНФОРМАЦИОННЫХ СВОДОК РКСМ (1920 – 1928 гг.)*****Р. В. Рыбаков*****DYNAMICS OF YOUTH NONCONFORMISM ON THE BASIS
OF RKSM INFORMATION MATERIALS (1920 – 1928)*****R. V. Rybakov***

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-06-05864а.

В статье предпринята попытка исследования феномена молодежного нонконформизма в исторической ретроспективе 1920-х гг. В качестве основного источника выступают архивные документы, в частности отчеты центральных и местных органов РКСМ. Выдвинуто предположение, что содержащиеся в документах статистические данные могут служить критерием определения динамики молодежного нонконформизма. Анализу подвергнуты такие количественные показатели, как изменение численности комсомольских организаций, количество добровольно выбывших и исключенных, процентное соотношение причин исключения. Сделан вывод о постепенном увеличении с середины 1920-х гг. протестных настроений в среде молодежи.

The paper provides an attempt of researching the phenomenon of youth nonconformism in a historical retrospective of the 1920s. Archival documents, particularly the reports of the central and local cells of the Russian Communist League of Youth (RKSM) act as the main source. The assumption is made that the statistical data contained in the documents can serve as the criterion for defining the dynamics of youth nonconformism. Such quantitative indices as change in the number of Komsomol organizations, the number of members who voluntarily left and were excluded, the percentage ratio for the reasons of exclusion are subject to the analysis. The conclusion is drawn about the gradual increase of protest moods in the youth environment since the mid 1920s.

Ключевые слова: молодежь, молодежные организации, нонконформизм, РКСМ, комсомол.

Keywords: youth, youth organizations, nonconformism, RKSM, Komsomol.

В 1920-е гг. единственной легальной молодежной организацией, через которую власть распространяла официальные установки, формировала коммунистические ценности, а также пыталась контролировать поведение подрастающего поколения, оставался Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ). В течение этого периода комсомол активно развивался, увеличивалась его численность и значимость в системе советского управления. В то же время ему не удалось избежать кризисов, которые выражались в количественном сокращении, ликвидации и распаде ячеек, росте числа разочаровавшихся и недовольных работой организации. Одной из тенденций 1920-х гг. стал рост молодежного нонконформизма, выражавшийся в различных формах протеста против проводимой социально-экономической политики, формировании внутренней комсомольской оппозиции. В качестве критерия определения динамики молодежного нонконформизма может рассматриваться изменение количественных показателей РКСМ. Действительно, численный рост членов коммунистического союза свидетельствует о принятии молодежью системы официальных ценностей, следовательно, низком уровне нонконформизма, и наоборот, сокращение этого показателя говорит об отказе следовать определенным нормам и потенциале распространения оппозиционных настроений в среде подрастающего поколения.

Обратив внимание на диаграмму общего количества членов РКСМ по годам (диаграмма 1), можно увидеть, что в июне 1921 г. и октябре 1922 г. числен-

ность молодежных организаций сокращалась до 250 тыс. человек, а начиная с апреля 1923 г. начался ее бурный рост. Попытаемся проследить, какие именно причины послужили изменению показателя и можно ли указанные данные интерпретировать как экстремумы в динамике молодежного нонконформизма.

Количественные колебания молодежи в составе комсомола в 1920 – 1922 гг. были вызваны массой причин. С одной стороны, они объясняются серьезными пробелами в области учета, так как «приблизительная» численность организаций записывалась либо со слов делегатов на местных уездных и губернских конференциях, либо попадала в официальную статистику с отчетами секретарей и неизбежными в то время попытками преувеличения масштабов коммунистического движения. В 1921 г. по стране прошла перерегистрация, в результате которой, как тогда говорили, комсомол очистился от «мертвых душ», и его численность упала до 250 тыс. человек. С другой стороны, колебания были вызваны объективными причинами, внутренними проблемами и противоречиями. Первые молодежные организации, создаваемые, например, в Сибири в начале 1920-х гг., испытывали большие трудности. За исключением городов это были небольшие ячейки численностью 10 – 15 человек, ограниченные в средствах для практической работы. В условиях отсутствия устойчивой связи и руководства со стороны центральных органов РКСМ местные союзы возникали под разными названиями: «Кружок красной молодежи», «Коммунистический культпросвет» [6], и фактически выполняли культур-

но-просветительские, образовательные функции, привлекали молодежь спектаклями, литературными и хоровыми кружками. Подрастающее поколение активно шло в такие организации, предоставлявшие им возможности для самореализации и удовлетворения творческих потребностей. Политическая работа была сведена к минимуму. Так, вспоминая историю ячейки

с. Волчихи Славгородского уезда Омской области, ответственный секретарь отмечал, что доклады на политические темы «делались или политиком или каким-нибудь приезжим партийцем. Наша братва только слушала и можно сказать уверенно, что большинство ничего не понимало» [2, д. 1, л. 10].

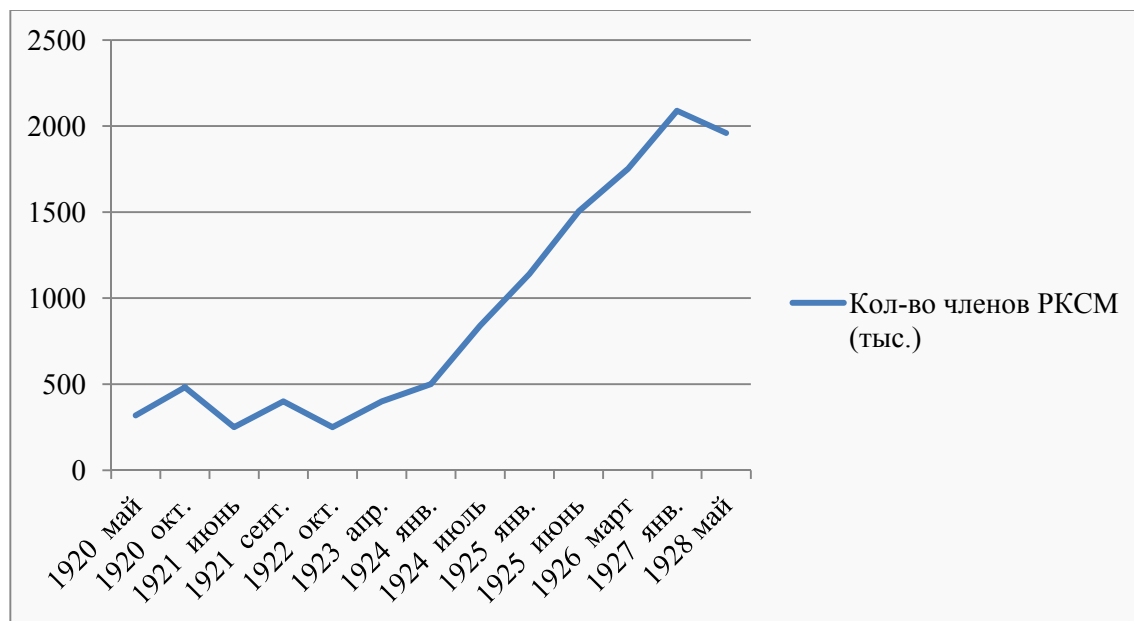

Диаграмма 1. *Количество членов РКСМ по годам*

В условиях низкой политической грамотности ЦК комсомола принял решение активизировать работу по изучению программы и устава РКСМ [1, д. 28, л. 3]. Политическое образование стало одним из главных занятий молодежи. Увлечение театрами, музыкой, танцами объявлялось элементами мещанской культуры, от которых следовало либо отказаться, либо ограничить. Ужесточалась дисциплина, теперь за неявку на собрание комсомольцы могли быть подвергнуты не только выговору, но и материальному наказанию в виде обязательства покупать комсомольскую периодику или внеочередной работе на субботнике. Анализ архивных документов и периодической печати, содержащих заявления молодых людей о выходе из состава организации, позволяет сделать вывод о причинах подобных поступков. В качестве примера приведем заявление члена Средне-Краюшинской ячейки РКСМ Тугарева Алексея: «Настоящим прошу исключить меня из членов РКСМ, так как я не умею состоять в организации, потому что увлекся собраниями беспартийной молодежи и разочаровался в организации РКСМ в чем и подписуюсь» [5]. Сокращение численности комсомола в начале 1920-х было вызвано изменением статуса союза, сменой ориентиров деятельности, превращением его в один из инструментов политического контроля, что неизбежно привело к утрате интереса со стороны молодежи и предпочтении еще функционирующих культурно-просветительских кружков. Осознанного неконформизма в виде идеологического протеста в подобных действиях было мало.

Несмотря на некоторое сокращение численности организации, в 1923 г. ее рост продолжился. Безусловно, для части молодежи комсомол выступал сред-

ством достижения пропагандируемых коммунистических идеалов, с ним они ассоциировали свое настоящее и будущее молодого советского государства. Однако рост РКСМ объясняется не только этим. На протяжении 1920-х гг. роль коммунистического союза в жизни подрастающего поколения повышалась. Организация активно участвовала в контроле рабочего законодательства, медицинском освидетельствовании, предоставляла возможность получать образование, что, безусловно, повышало ее авторитет и доверие со стороны молодежи.

Однако с 1925 г. темпы роста комсомольской организации падают. Если в 1924 и 1925 гг. в организацию вступало в среднем 600 тыс. человек, то начиная с 1926 г. эта цифра составляла 350 тыс. и наметилась тенденция ее дальнейшего снижения [7, д. 821, л. 22]. При этом следует отметить, что процент молодежи, состоящей в комсомоле, был крайне мал (по подсчетам В. И. Исаева, не более 3 % [3, с. 66]), следовательно, ресурс пополнения кадрами далеко не был исчерпан.

С 1924 г. комсомольская статистика стала более подробно останавливаться не только на общем количестве членов, но и на численности вступивших, выбывших добровольно и исключенных. Любопытным представляется показатель процентного отношения исключенных членов комсомола к принятым: он неуклонно возрастал и к 1928 г. достиг 20 % (1924 г. – 7,4 %, 1925 г. – 8 %, 1926 г. – 10 %, 1927 г. – 15 %, 1928 г. – 20 %) [7, д. 316, л. 38 – 44; д. 495, л. 99; д. 661, л. 14]. Для того чтобы понять, есть ли зависимость между этим показателем и молодежным неконформизмом, необходимо выяснить, за что из комсомола исключали.

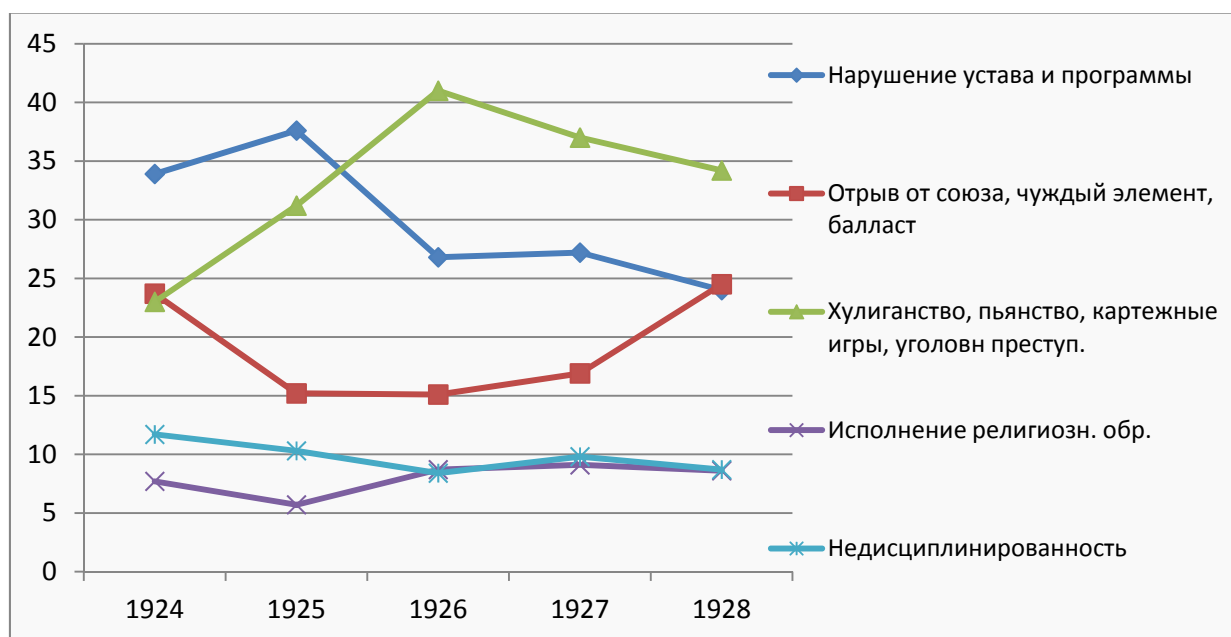

Диаграмма 2. Динамика причин исключения из комсомола в процентном отношении

Примечание автора: диаграмма составлена на основе документов, хранящихся в РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 23. Д. 316. Л. 99 – 101; Д. 495 Л. 98-102; Д. 509. Л. 13 – 19.

На протяжении 1924 – 1928 гг. большой процент исключений приходился на хулиганство, пьянство и уголовные преступления. По своей природе данные деяния не могут быть квалифицированы как проявления нонконформизма, однако 1920-е гг. – особое время. В условиях острых социальных противоречий, деградации прежней системы ценностей и массового духовного нигилизма девиантное поведение не просто культивировалось в среде молодежи, а воспринималось как необходимый элемент борьбы за новую советскую культуру. Как верно подметил В. И. Исаев, «хулиганство коммунистической молодежи, по-видимому, являлось для многих продолжением революции другими средствами, когда захват контроля над окружающими силой являлся способом реализации своих представлений и амбиций» [3, л. 67]. То есть в условиях послереволюционных социальных изменений антисоциальное поведение может быть интерпретировано как проявление нонконформизма, основным содержанием которого стал протест против старого мира, порядка, ценностей, с целью установления новых, а также резкое неприятие социально-экономической политики, введения НЭПа, нежелание мириться с тяжелой экономической действительностью.

Несмотря на активную пропаганду атеизма и борьбу с различными верованиями, в 1920-е гг. оставался высоким процент исключений за исполнение религиозных обрядов. Этот факт говорит о том, что часть молодежи в тайне продолжала верить в бога и не принимала официальные атеистические установки, хотя и пребывала в составе комсомола. Действительно, подрастающему поколению отказаться от традиционного мировоззрения, особенно в сельской местности, было сложно. Под давлением родственников или своих возлюбленных комсомольцы вынуждены были ходить в церковь, осуществлять обряд венчания, участвовать в религиозных праздниках, ставя под уг-

розу свое членство в рядах РКСМ. Такой институт социализации, как семья, здесь все еще имел решающее влияние. Не редкими были случаи исключения из союза за распространение сектантской литературы. Следует отметить, что в исследуемый период активизировалась деятельность среди молодежи представителей неортодоксальных конфессий [8]. В результате часть комсомольцев, попадая под влияние этих групп, предпочитала некоммунистические духовные ценности, добровольно или вынуждено покидала организации комсомола.

Политическая грамота комсомольцев на протяжении 1920-х гг. оставалась низкой. Поэтому любопытно, что процент исключений за незнание устава и политической программы после 1925 г. сокращался. В то же время увеличивался такой показатель исключений, как «отрыв от союза, чуждый элемент, балласт». Руководство коммунистического союза пришло к выводу, что из-за политической безграмотности чаще других исключению подвергалась рабочая и крестьянская молодежь, в то время как интеллигенция весьма успешно справлялась с проводимыми проверками в виду ее «изворотливости» [7, д. 316, л. 46 – 47]. В условиях курса на сто процентный охват комсомолом рабочей молодежи [4] было принято решение более лояльного отношения к недостаткам в области политического образования, при этом борьбу с чужеродными элементами следовало усилить. Именно поэтому возросло количество исключений, попадавших под критерий «отрыв от союза, чуждый элемент, балласт». Обращает на себя внимание тот факт, что рост показателя совпал с активизацией внутрипартийной борьбы, которая неизбежно распространилась на комсомол. Вслед за партией постановлением 21 декабря 1927 г. ЦК ВЛКСМ признал принадлежность к троцкистской оппозиции, несовместимой с пребыванием в комсомоле [7, д. 665, л. 2]. Исключению подвергались все, кто пытался выразить сомнения в правильности

политической линии, возразить против обвинений в адрес троцкистов. Именно этот показатель как нельзя лучше характеризует рост молодежного неконформизма.

Исследовательский интерес представляют цифры добровольного выхода молодежи из комсомола, которые на протяжении второй половины 1920-х гг. увеличивались. Так, в 1925 г. по личному заявлению выбыло 15125 и 93171 чел. выбыло механически (т. е. ушли из комсомола или потеряли с ним связь), в 1926 г. 8667 и 121762 чел. соответственно, в 1927 г. всего выбыло 283020 чел., за первое полугодие 1928 г. эта цифра составила 30111 и 98002 чел. соответственно [7, д. 661, л. 39]. Отмечая рост болезненных явлений, в официальном докладе ЦК ВЛКСМ заявил о соотношении, когда на 15 приходящих – 10 выходит из комсомола [7, д. 821, л. 22]. Главная причина, по мнению центрального органа, заключалась в чуждых влияниях на молодежь сектантских, мелкобуржуазных, антикоммунистических сил. Между тем в значительной части заявлений о выходе из союза прослеживаются мотивы, связанные с неудовлетворенностью внутренней работой, содержатся обвинения в отсутствии реальной демократии в жизни комсомольских организаций: «запрещают говорить на собраниях», «актив командует, а не учит», «в комсомоле одни бюрократы и карьеристы» и т. п. [7, д. 495, л. 50]. Подобные настроения стали источником альтернативных взглядов на будущее развитие комсомольского движения. Под сомнения попала главная идея пролетарского руководства в организации. Инструктор ЦК Барашев в отчете писал: «в одной ячейке учащихся актив начал развивать теорию о рабочей аристократии в комсомоле, делая попытку истолковать внутрисоюзную демократию как отрицание пролетарского руководства в комсомоле» [7, д. 495, л. 52].

С 1925 г. информационные сводки комсомольских ячеек все чаще стали содержать сведения о формировании антикомсомольских группировок как внутри организаций (под лозунгом: «работать в комсомоле для борьбы с комсомолом» [7, д. 661, л. 23]), так и существовавших самостоятельно. К сожалению, разрозненность данных не позволяет осуществить точный подсчет, но то обстоятельство, что их количество

увеличивалось не вызывает сомнений. Как правило, организаторами подобных объединений выступали действующие или бывшие комсомольцы. Характерны и названия этих групп: «Луч правды», «Долой Косых» (т. е. комсомольцев), «Свободолюбивая Молодежь», «Коммунистическая организация по борьбе с несправедливостями» и пр. Молодежь объединяла неудовлетворенность работой комсомола, пренебрежение интересами низовых групп, убежденность в отходе от учения Ленина, согласие с основными тезисами партийной оппозиции, активное неприятие тоталитарных тенденций. Кроме традиционных методов агитации и пропаганды в работе использовались распространение песен и вершей, в которых указывалось, что рабочим живется скверно, их эксплуатируют и т. д. Например, в с. Воронцовке Воронежской губернии бывшими комсомольцами было распространено воззвание, содержащее следующие заявления: «Анархо-коммунистическая группа молодежи» недовольна существующим руководством партии над комсомольцами; недовольна линией проводимой в комсомоле; недовольна отрывом комсомола от беспартийной массы; не удовлетворяется узостью существующего в комсомоле воспитания, отсутствием развития самостоятельности членов; недовольна подавлением критики, если нам не дадут возможности работать легально, то мы готовы и к нелегальной работе» [7, д. 661, л. 24].

Таким образом, проведенный анализ количественных показателей показывает рост молодежного неконформизма в течение периода 1920 – 1928 гг. Это проявилось в сокращении темпов роста комсомольских организаций, увеличении количества добровольных выходов и исключений, а также оппозиционных групп. Содержательно-исторический анализ отчетов, заявлений комсомольцев, писем в центральные органы власти позволил выявить основные причины, способствующие этому процессу. Они заключались в росте неудовлетворенности молодежи работой союза, его чрезмерной политизацией, разногласиях в вопросах социально-экономической политики, отсутствии реальной внутренней демократии. Рост неконформизма стал следствием сложных социальных процессов, переживаемых российским государством.

Литература

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО) Ф. П-187. Оп. 1.
2. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО) Ф. 36. Оп. 1. 3.
3. Исаев В. И. Военизация молодежи и молодежный экстремизм в Сибири (1920-е начало 1930-х гг.) // Вестник НГУ. (Серия: История, филология). 2002. Вып. 3. Т. 1. С. 63 – 70.
4. Кудинов В. А., Омельченко Д. А., Попова О. В. История молодежного и детского движения в России. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 384 с.
5. Молодежь Алтая. Барнаул. 1923. 18 февр.
6. Молодой рабочий. Томск. 1924. 1 янв.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. М-1. Оп. 23.
8. Рыбаков Р. В. Религиозные объединения молодежи в 1920-е годы // Динамика систем, механизмов и машин. 2014. № 6. С. 213 – 215.

Информация об авторе:

Рыбаков Роман Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета (ОмГТУ), roman-rybakov@mail.ru.

Roman V. Rybakov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Russian History, Omsk State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 31.08.2015 г.

ПОПОЛНЕНИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ КУЗБАССА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

Д. П. Сарин

LABOUR RESOURCES REPLENISHMENT IN KUZBASS UNDER THE CONDITIONS OF WAR COMMUNISM

D. P. Sarin

Статья посвящена анализу трудовых мобилизаций в Кузбассе в 1920 – 1921 гг. Автор подчеркивает причинно-следственную связь проведения трудовых мобилизаций с осуществлением продовольственных поставок из Сибири в страдающие от голода губернии европейской части России и Урала в условиях топливного кризиса, обусловленного дефицитом рабочей силы на угольных рудниках. Акцентирует внимание на роли Сибирского революционного комитета в осуществлении планов перемещения трудовых ресурсов в Кузнецкий бассейн. На основании обобщения материалов архивов Кемеровской, Новосибирской, Томской областей и Российского государственного военного архива в работе выявлены источники трудовых ресурсов, привлекавшихся по трудовой повинности на угледобывающие предприятия Кузнецкого бассейна и на строительство железной дороги Кольчугино – Прокопьевские копи. Определены количественный состав и периоды трудовой деятельности разных групп мобилизованных. Показаны изменения удельного веса контингента трудмобилизованных в угольной промышленности Кузбасса. Дана общая характеристика особенностей хозяйственной деятельности трудармейцев Сибирской трудовой армии. Автор приходит к выводу, что трудовые мобилизации в долгосрочной перспективе незначительно повлияли на пополнение рабочих кадров Кузбасса. Результаты исследования позволяют расширить представление о становлении Кузбасса как промышленного центра Сибири.

The paper presents the analysis of the labor mobilizations in Kuzbass region in 1920 – 1921. The author emphasizes the cause-and-effect relation between the labor mobilization and the food supplies from Siberia to the famishing provinces of European Russia and the Urals during the fuel crisis because of the labour resources shortage in coal mines. The paper focuses on the role of the Siberian Revolutionary Committee in the realization of the plans of large-scale displacement of labour force in the Kuznetsk Basin. Basing on the synthesis of the archival documents of Kemerovo, Novosibirsk and Tomsk regions and the Russian State Military Archive, the research revealed the sources of labour resources recruited in accordance with the labour duty for the coal mines of the Kuznetsk Basin and the construction of the Kolchugino-Prokopevsk mines railway. The quantitative membership and periods of labour activity of different groups of mobilized people are disclosed. The work shows qualitative and quantitative changes of mobilized workers in the Kuzbass coal industry. The work also gives a general characteristic of the economic activity of the Siberian labour army. The author comes to the conclusion that in the long run the labour mobilization did not significantly affect the replenishment of the workforce in Kuzbass. The study results allow us to extend the understanding of the formation of Kuzbass as an industrial center of Siberia.

Ключевые слова: трудовые мобилизации, угольная промышленность, Кузбасс, Сибирская трудовая армия.

Keywords: labour mobilization, coal mining, Kuzbass, Siberian labour army.

Процессу формирования трудовых ресурсов Кузбасса периода восстановления народного хозяйства в 1920 – 1926 гг. посвящен широкий спектр научных исследований. Трудовые ресурсы занимали важное место в работах специалистов, изучавших социально-политические и экономические аспекты становления Кузбасса как промышленного центра Сибири. Несмотря на значительное количество публикаций о кадровом потенциале промышленности бассейна начала 1920-х гг., в тени остается вопрос о пополнении контингента рабочих с помощью трудовых мобилизаций. Мы попытаемся осветить эту часть кадровой политики Советского государства применительно к Кузбассу.

В рассматриваемый период Сибирь оказалась одним из тех немногих районов в стране, где имелись огромные запасы хлеба. В связи с этим, Центральная власть рассматривала Сибирь как регион-донор, как поставщика продовольствия, так необходимого губерниям европейской части страны и Урала. Пытаясь решить проблему голода, СНК РСФСР 20 июля 1920 г. принимает декрет “Об изъятии хлебных из-

лишков в Сибири” и направления изъятых продовольствия в наиболее нуждающиеся районы страны [30, с. 459 – 461]. Кроме того, существовала необходимость отправки на запад военных эшелонов. Основным путем доставки хлеба и армейских ресурсов являлась железная дорога. Центр требовал ежедневной отправки из Сибири 10 поездов, из которых 7 были с продовольствием и 3 воинских [9, л. 58]. Находясь под давлением со стороны центральных органов власти, Сибирский революционный комитет (Сибревком) расценивал задание поставок хлеба как приоритетное, его выполнение зависело от двух составляющих: железнодорожного транспорта и топлива, т. е. каменного угля.

Для обеспечения выполнения производственного задания по добыче угля и сохранения кадрового состава в соответствии с постановлением Сибревкома от 28 апреля 1920 г. основная часть контингента горнорабочих в Кузбассе была подвергнута милитаризации [17, с. 82]. Дефицит трудовых ресурсов на милитаризованных предприятиях компенсировался трудовыми мобилизациями.

Анализ трудовых мобилизаций, проведенных в целях увеличения добычи и поставки угля к потребителям, в том числе с помощью расширения железнодорожной сети в 1920 – 1921 гг., позволяет определить некоторые особенности пополнения рабочей силы, присущие именно Кузнецкому бассейну как главному региональному сырьевому промышленному центру.

Во-первых, Сибуголь и угледобывающие предприятия Кузбасса самостоятельно не могли решить проблему дефицита рабочих кадров из-за отсутствия людских ресурсов и стимулирующих материальных возможностей, которые смогли бы привлечь новых рабочих из других районов Сибири [5, л. 5 – 6]. Поэтому мобилизации, проводившиеся с целью увеличения количества рабочих в угольной промышленности, санкционировались главным органом Советской власти в Сибири – Сибревкомом – и лежали в границах реализации постановлений СНК и СТО РСФСР, касавшихся вопросов всеобщей трудовой повинности.

Во-вторых, рабочая сила, привлекаемая по мобилизации к трудовой повинности на ударных работах в Кузбассе, имела широкую географию городов и населенных пунктов Сибири. Основной контингент трудмобилизованных состоял из трех сегментов: первый – красноармейцы 5-й армии, части которой дислоцировались в Сибири; второй – крестьяне Томской губернии, третий – трудармейцы Сибирской трудовой армии. В среднем, сроки работы мобилизованных колебались от трех месяцев до одного года.

В-третьих, имели место трудовые мобилизации, проводившиеся в интересах промышленности Кузбасса, не считаясь с сельскохозяйственными заботами местного населения. Так, в летний период 1921 г. имела место локальная мобилизация крестьян 8-ми волостей Кузнецкого уезда на строительство железной дороги, инициированная местными властями без санкции Сибревкома [25, л. 19].

Всего по указанию Сибревкома для пополнения трудовых ресурсов Кузбасса были проведены три массовых мобилизации. Первая мобилизация для пополнения контингента горнорабочих на угледобывающих предприятиях Кузбасса была произведена на основании постановления СТО РСФСР от 16 апреля 1920 г. В отношении Сибири подразумевалось откомандирование красноармейцев 5-й армии в возрасте от 18 до 50 лет и работавших до службы в армии по специальностям горнорабочих. Изъятие из рядов армии этой части красноармейцев осуществлялось на основании постановления Сибревкома от 7 июля 1920 г. По этой мобилизации порядка 500 горнорабочих влились в кадровый состав шахтеров Кузнецкого и Черемховского угольных бассейнов [19, с. 43]. Так, на Анжеро-Судженских копях в январе 1921 г. находились 145 откомандированных красноармейцев [3, л. 9, 10]. Сопоставив информацию об общей численности Кузнецкого (11399 человек) и Черемховского (4910 человек) бассейнов в январе 1921 г. [35], а также производственных мощностях Кузбасса, нам представляется наиболее верным считать, что на угольные рудники Кузбасса было направлено порядка 300 красноармейцев.

Сложно оценить эффективность производительного труда красноармейцев–горнорабочих из-за отсутствия сведений именно по этой группе, но косвенные источники позволяют представить царящие настроения в среде прикомандированных и их участие в работах на копиях. Так, по сообщению в Сибуголь от Управляющего Северной группы рудников (Райуголь, Анжеро-Судженские копи) Абрамова 1 января 1921 г. следовало, что красноармейцы, несмотря на частичное получение обмундирования, продолжают не выходить на работу, дезорганизуют остальных рабочих [3, л. 174]. В этом же сообщении он отмечал, что большим минусом являлось то, что красноармейцы не входили в союз горнорабочих и не подчинялись производственной дисциплине, поэтому он просил передать красноармейцев в полное распоряжение Райугля с подчинением народному суду. Если же красноармейцы останутся на шахтах в прежнем статусе прикомандированных, то, по его мнению, лучше вообще убрать их с предприятий и отозвать из района.

В августе 1920 г. в связи с репатриацией военнопленных первой мировой войны, трудившихся на каменноугольных копиях Кузбасса, возник острый дефицит трудовых ресурсов и экстренная необходимость пополнения рабочей силы, которая усугублялась падением добычи угля на шахтах Кузнецкого бассейна. Учитывая тот факт, что до 85 % всего добытого угля Кузбасса сбывалось железным дорогам Сибпса [2, с. 30], следует сделать вывод, что сокращение поставок топлива в первую очередь отразилось на интенсивности железнодорожного сообщения Сибири с европейской частью России. В период июнь – сентябрь 1920 г. угледобывающие предприятия Кузбасса сократили поставки железным дорогам Сибири на 62,3 тыс. тонны угля [9, л. 58]. В ноябре из-за нехватки топлива пришлось сократить отправку продовольственных поездов до 4-х пар в сутки вместо обычных 7-ми пар маршрутов [32].

Назревшая проблема восполнения рабочих кадров на предприятиях стояла не только в Кузбассе, но и во всей стране. Для решения этой проблемы 13 сентября 1920 г. была объявлена массовая трудовая мобилизация мужского населения в возрасте от 32 до 34 лет во всероссийском масштабе [33, с. 93 – 94]. Под мобилизацию попали люди 1886, 1887 и 1888 гг. рождения. Сроки проведения мобилизации были рассчитаны на сентябрь – декабрь 1920 г.

На основании вышеуказанной мобилизации для того, чтобы не допустить срыва железнодорожного сообщения и ликвидации проблемы топливного дефицита, Сибревком принимает решение увеличить добычу угля за счет привлечения на угольные рудники Сибири вместо вернувшихся на родину военнопленных первой мировой войны дополнительной рабочей силы. Способ реализации этого плана предельно прост – трудовая мобилизация местных крестьян трудоспособного возраста. В рамках всероссийской мобилизации Томский Губисполком в октябре 1920 г. по согласованию с Сибревкомом объявляет массовую трудовую мобилизацию взрослого мужского населения по деревням и селам районов, прилегающих к копиям [15, л. 147]. Надо отметить, что в виду недостаточного количества крестьянского населения указан-

ных трёх возрастов, проживавших в районах, в которых производилась данная мобилизация, в том числе из-за ранее проведенных мобилизаций Губвоенкоматом, а также по ходатайству Сибугля был санкционирован призыв на работы мужского населения в возрасте от 18 до 45 лет [31].

В ходе мобилизации на сборных пунктах Кузбасса в городах Тайге, Щегловске и Кузнецке, а также в селе Кольчугине была проведена работа по сбору крестьян, которые подходили по состоянию здоровья. Всего из

4208 явившихся крестьян для работы на угольных рудниках было отобрано 3120 крестьян [16, л. 38]. Председатель Томского Губисполкома Я. М. Познанский в телеграмме, направленной в Сибревком 8 ноября 1920 г., докладывая о ходе мобилизации в районах, располагавшихся в непосредственной близости к сборным пунктам, лаконично сообщал: “мобилизация протекает безболезненно, поступление продолжается” [16, л. 37]. Сборные пункты имели территориальную привязку к группам угольных рудников (таблица 1).

Таблица 1

Распределение мобилизованных по трудовой повинности крестьян Томской губернии на угольные рудники Кузбасса в ноябре 1920 г.*

<i>Сборные пункты</i>	<i>Количество прибывших крестьян</i>	<i>Количество принятых крестьян</i>	<i>Районы каменноугольной промышленности Кузбасса</i>
Г. Тайга	1413	1061	Северная группа рудников Анжеро-Судженские копи
Г. Щегловск (Кемерово)	1531	1137	Кемеровские копи
С. Кольчугино (Ленинск-Кузнецкий)	719	437	Центральная группа рудников Кольчугинские копи
Г. Кузнецк	485	485	Южная группа рудников Прокопьевские и Киселевские копи
Всего	4148	3120	Кузнецкий бассейн

Примечание: *таблица составлена по данным: ГАТО. Ф-Р-173. Оп. 1. Д. 63. Л. 38.

Процесс внедрения в производственную деятельность угледобывающих предприятий большой массы крестьянской рабсилы имел свои трудности. Многие крестьяне не имели опыта работы в шахтах, вместо денежного вознаграждения за выполненную работу, как это было в предыдущие годы, им полагался продовольственный паек, размещались они в общих бараках. Обутые в валенки крестьяне не могли работать в шахтах из-за грунтовых (подземных) вод.

Для поддержания трудовой активности мобилизованным крестьянам на Анжеро-Судженских рудниках было объявлено, что те, кто не сделает 120 смен в шахте за период трудовой повинности, будут задержаны на руднике после 1 мая для отработки положенной нормы [6, л. 15 об.]. Для борьбы с трудовыми дезертирами президиум Анжеро-Судженского Райкома предлагал всех мобилизованных крестьян, явившихся с копей без увольнительных документов, задерживать и направлять обратно на копи.

Для организации контроля и поддержания порядка в каждом бараке на Судженских копиях был назначен старший над мобилизованными крестьянами, который освобождался от работ на шахте [4, л. 58]. Старший был обязан вести учет мобилизованных, проживавших в бараке, следить за их выходами на работу. Мобилизованные крестьяне могли отлучаться за пределы копей, как и другие рабочие на общих основаниях, но обязательно с разрешения комиссара, находившегося на копиях, и старшего по барaku.

Несмотря на усилия по решению вопросов, связанных с использованием мобилизованных в шахтах, большое количество крестьян на работы не выходило. Так, Сибуголь, отчитываясь о результатах мобилизации в горно-технический отдел Сибревкома 17 декабря 1920 г., вынужден был констатировать, что из всех принятых по Сибири 3950 крестьян, по горным рабо-

там размещено 1840 человек [9, л. 130], остальные из-за отсутствия обуви, спецодежды временно не использовались, от общего числа всех мобилизованных это составляло 53,5 %.

В начале января 1921 г. на Анжеро-Судженские копи в качестве чернорабочих были приняты 92 крестьянина, прибывшие из Каинского уезда [3, л. 37]. Всего к середине января 1921 г. по мобилизации на шахты Кузбасса было принято 3212 человек [3, л. 37; 16, л. 38]. Данная мобилизация была рассчитана на 6 месяцев с 1 ноября 1920 г. до 1 мая 1921 г., но принимая во внимание необходимость проведения сельскохозяйственных работ по засеву полей и заблаговременного приготовления к весенней запашке земли, крестьян начали отпускать с копей постепенно с 1 апреля [6, л. 29].

Следующая волна рабсилы, пришедшая на смену отпущенных с копей крестьян, произошла в период март – май 1921 г., когда в Кузнецкий бассейн были переброшены трудармейцы Сибирской трудовой армии (Сибтрудармия). Формирование данной армии началось в конце января 1921 г. в рамках реализации постановления СНК РСФСР “О порядке всеобщей трудовой повинности” [30, с. 58]. Основной целью создания этой армии было насыщение наиболее важных отраслей промышленности Западной Сибири рабочей силой, в первую очередь угольной, а также строительство и ремонт железных дорог. По предложению Сибревкома в ее состав вошли все трудчасти, находившиеся в Сибири, а также некоторые подразделения 5-й армии [34, с. 42]. К началу хозяйственной деятельности трудовых частей в Кузнецком бассейне Сибтрудармия находилась в распоряжении Наркомата Труда и непосредственно подчинялась Главному управлению трудовых частей Республики [34, с. 42]. В оперативно-трудовом и инспекторском отношениях

Сибтрудармия подчинялась отделу труда Сибревкома [22, с. 82].

Беспрецедентная для того времени концентрация трудовых ресурсов в Кузбассе была осуществлена за два месяца. К середине мая 1921 г. в Кузнецкий бассейн прибыли трудовые части, сформированные на территории Сибири. Переброска трудармейцев осуществлялась эшелонами по железной дороге из Тюмени, Омска, Томска, Новониколаевска, Иркутска, Кокчетав, Красноярска и Канска. В июне прибыло пополнение из Барнаула и Семипалатинска.

К 15 мая 1921 г. на ударных работах в Кузнецком бассейне было зафиксировано максимальное количество трудовых частей Сибтрудармии. В Центральном и Южно-Кузнецком районе находилась 1-я Сибирская трудовая бригада, состоящая из 5 трудовых батальонов и 4 конных транспортов. В Северном районе разместились 13-й трудбатальон. Общий численный состав группировки трудовых войск Кузбасса насчитывал

14176 человек, что составляло от штатной численности 64,7 %, из общего количества – 11744 человек были трудармейцы, остальные, согласно штатного расписания, являлись командным составом, административно-хозяйственным и медико-ветеринарным персоналом [23, л. 20] (Прим. автора: подсчитано автором). Трудовые войска Кузбасса были укомплектованы 1799 лошадьми, а для производственных целей имели 722 повозки и 1220 саней [23, л. 20] (Прим. автора: подсчитано автором).

Перечень прибывших частей, места их формирования, количественный состав, а также направления их трудовой деятельности и месторасположение позволяют наглядно представить, какими силами происходило насыщение трудовых ресурсов Кузбасса для решения двух основных производственных задач: добычи угля и строительства железной дороги Кольчугино – Прокопьевские копи (таблица 2).

Таблица 2

Трудовые войска Кузбасса в мае 1921 г.*

Наименование трудовой части	Место откуда прибыла часть	Количество трудармейцев (чел.)	Весь л/с части (чел.)	Место расположения в Кузбассе	Место трудовой деятельности
Штаб 1-й Сиб. труд. бригады	г. Кокчетав	-	205	ст. Бачаты	-
2-й Сиб. трудбатальон	г. Тюмень (Канск, Барнаул)	2269	2457	п. Калачево	угольные рудники
5-й Сиб. трудбатальон	г. Томск	2103	2281	с. Сергиевское	Кольчугинская Новостройка (ж. д.)
7-й Сиб. трудбатальон	г. Ново-Николаевск	2630	2966	ст. Кольчугино	Кольчугинская Новостройка (ж. д.)
13-й Сиб. трудбатальон	г. Иркутск (Семипалатинск)	2138	2543	ст. Анжерская	угольные рудники
17-й Сиб. трудбатальон	г. Омск	982	1372	п. Гурьевск	Кольчугинская Новостройка (ж. д.)
23-й Сиб. трудбатальон	г. Омск	715	873	Киселевские копи	угольные рудники
3-й конный транспорт	г. Томск	169	258	ст. Белово	Кольчугинская Новостройка (ж. д.)
4-й конный транспорт	г. Омск	247	594	ст. Бачаты	заготовка лесоматериалов
5-й конный транспорт	г. Кузнецк	273	343	ст. Усяты	заготовка лесоматериалов
6-й конный транспорт	г. Красноярск	218	284	ст. Бачаты	заготовка лесоматериалов
Всего		11744**	14176	Кузнецкий бассейн	

Примечание: *таблица составлена по данным: РГВА. Ф. 234. Оп. 1. Д. 32. Л. 20; Д. 93. Л. 2, 4, 6, 7, 8, 10, 11; Д. 183. Л. 112; Д. 208. Л. 20; Д. 278. Л. 6; ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 583. Л. 51.

**Без учета 6-й роты 8-го трудбатальона 3-й Сибирской трудовой бригады, находившейся на Кемеровских копиях и вошедшей в состав 13-го трудового батальона в июле 1921 г.

По данным политической инспекции Сибтрудармии, проведенной в трудчастях, находившихся на 1 июля в Кузбассе, общее настроение красноармейцев выражалось в ожидании демобилизации. Никакой агитации в Красной Армии при отправке красноармейцев в Кузнецкий бассейн в пользу трудового фронта не проводилось. Наоборот, этот перевод рассматривался как мера, приближающая красноармейца

к демобилизации. Поэтому вместо призыва «к беспощадной борьбе с всероссийским разрушением, к войне на Фронте Труда» направляемый личный состав в трудовую армию чаще всего напутствовался обещаниями скорой демобилизации [8, л. 33 об.]. Обостряло положение то, что преобладающее число трудармейцев были из крестьян, которые не хотели мириться с задержкой на государственно-общественных работах

и всеми силами стремились вернуться к своему индивидуальному хозяйству.

В некоторых частях пополнение, прибывшее из армейских частей, саботировало работы. Так, например, по 3 конному транспорту отмечалось, что с получением пополнения трудовая часть подверглась разложению. Красноармейцы, прибывшие из строевых частей, высказывали негодование тем, что они служили в Красной армии с Октябрьской революции и сражались на боевом фронте, а теперь, когда фронт ликвидирован, о них забыли и бросили на трудовой фронт [26, л. 11].

В июне 1921 г. для борьбы с дезертирством и снятия напряжения в трудовых частях Сиббюро ЦК РКП(б) через сибирские губернские комитеты провело специальную мобилизацию 120 коммунистов. Мобилизация коммунистов была направлена на организацию агитационной и пропагандистской работы среди трудармейцев, работавших в Сибири на ударных работах и имевших государственное значение [24, л. 15]. Из общего числа мобилизованных коммунистов 40 человек Томским и 20 человек Алтайским Губкомами были направлены в Кузбасс.

Хозяйственная деятельность в Кузбассе трудовых частей в 1921 г. имела свои особенности, которые не могли не отразиться на производительности труда. Одной из основных причин, снижающих трудовой потенциал, являлись ротации личного состава. В период с мая по ноябрь во всех без исключения трудовых частях были произведены несколько масштабных ротаций личного состава. В мае – июне была произведена демобилизация увольняемых в бессрочный отпуск трудармейцев в возрасте 26 – 32 лет, им на смену из Красной Армии прибыли красноармейцы 1896 – 1897 гг. рождения, правда надо отметить, что количество прибывших было меньше количества уволенных [27, л. 12].

Осенью сокращение количества трудармейцев приобретает необратимый характер. Причиной этому стала регрессивная ротация в трудовых частях, связанная с увольнением в бессрочный отпуск трудармейцев в возрасте 23 – 25 лет [27, л. 26, 159, 161]. Первые группы красноармейцев 1899 г. р. прибыли для замены демобилизованных трудармейцев лишь в ноябре. К середине ноября в трудчастях Кузбасса насчитывалось 5374 человек [29, л. 67] (*Прим. автора: подсчитано автором*).

В работах ученых, относящихся к этому периоду, отмечается, что главным достижением производственной деятельности трудармейцев является строительство железной дороги Кольчугино – Прокопьевские копи. Безусловно, такая оценка дана в силу эффекта итогового результата. В период с апреля по октябрь 1921 г. была проведена работа по восстановлению и строительству участков железной дороги, соединивших Южно-Кузнецкий угольный район с Транссибирской магистралью, что позволило наладить перевозку угля к потребителям Сибири и в первую очередь железным дорогам Сибпоса. К выполнению работ на Кольчугинской Новостройке были привлечены три трудовых батальона и один конный трудовой транспорт, что составляло большую часть всего контингента трудармейцев в Кузбассе. В результате ударных работ на Кольчугинской Новостройке в конце октября пер-

вый эшелон с углем из Прокопьевска был отправлен в центр. Несмотря на многие недоделки и недочеты, железная дорога начала функционировать в объеме пропуска 4-х пар поездов в сутки [14, л. 15].

Кроме работ на Новостройке трудармейцы работали на угольных рудниках и на заготовке лесоматериала. Работа по этим направлениям также имела определенные результаты. За период с середины мая по 20 октября 1921 г. трудармейцы, работая в шахтах, добыли 21,6 тыс. тонн угля [21, с. 137]. Этот показатель производительной деятельности был обусловлен рядом ограничений. Так, одним из них являлось то, что трудармейцы, находившиеся на Прокопьевском и Киселевском рудниках, практически до октября 1921 г. не занимались добычей угля. В силу производственной необходимости и решения технических вопросов они занимались подготовительными работами по вскрытию угольных пластов с последующей добычей угля открытым и подземным способом. Всего при активном участии трудармейцев было подготовлено к добыче 376,7 тыс. тонн угля [14, л. 10].

Другим ограничением являлось использование на подземных работах лишь части личного состава трудовых частей. Так, из доклада от 30.09.1921 г. военного комиссара 13-го трудбатальона следовало, что на Анжеро-Судженских рудниках в составе пяти рот находилось 1668 трудармейцев. Из них в шахтах работали 525 чел., на поверхности работали 866 человек и 277 человек выполняли обслуживающие работы [7, л. 68], из чего следует, что непосредственно добычей угля занималось 31,5 % всего личного состава трудбатальона.

Также следует отметить тот факт, что из-за отсутствия прозодежды часть трудармейцев не допускали на работы в шахты. После своей летней поездки в Кузбасс командующий Сибирской трудовой армией И. Коган отмечал: «На Кольчугинских и Прокопьевских копиях совершенно не допускают трудармейцев производить работы по добыче угля в виду того, что каждый рабочий на угольных работах обязательно должен иметь две смены прозодежды, из которых одна после работы снимается в бане и взамен ее одевается другой костюм, таким образом ясно, что без прозодежды трудармейцы работать в шахтах не могут» [10, л. 54].

Общее впечатление от деятельности подчиненных частей Коган сформулировал в отчете перед Сибревкомом. В нем утверждалось, что Сибтрудармия вполне оправдывала свое назначение при производстве различных массовых работ, особенно на строительстве железной дороги [10, л. 53]. Эти утверждения опирались на конкретный перечень выполненных работ. В доказательство справедливости этого утверждения можно привести некоторые показатели: было построено 2 железнодорожных депо, водопровод протяженностью 15 км, 3 здания и 10 барачных, выполнено 171092 м³ земляных работ, перенесено 41,6 км железнодорожных путей, отремонтировано 32 км путей, заготовлено 67373 штук бревен и многое другое [21, с. 136 – 137].

В целом, подводя итоги работы на Кольчугинской Новостройке 5 ноября 1921 г., Сибревком признал произведенные работы в высшей степени интенсивными и продуктивными, учитывая условия, в которых

они осуществлялись. В знак благодарности было принято решение станцию Тырган Кольчугинской железной дороги переименовать в станцию «Трудармейская» [11, л. 29].

В конце 1921 г. по мере сокращения частей, расположенных в Кузбассе, личный состав и имущество передавалось на угольные рудники. Так, 200 трудармейцев 3-го и 4-го конных транспортов вместе с имуществом и конским составом были переданы в распоряжение Сибугля для нужд рудников Южной группы бассейна [19, с. 89].

Главной причиной сокращения количества трудармейцев в Сибири осенью 1921 г. стало сокращение снабжения, в том числе на получение продовольственных пайков по линии Главснабпродарма, установленной решением СТО РСФСР. Из 75000 пайков, предусмотренных в ноябре для трудчастей республики, на долю всей Сибтрудармии выделялось 6650 [28, л. 86].

Благодаря исследованиям ученых Сибири, было установлено, что ежемесячная численность шахтеров Кузбасса в 1920 г. колебалась в пределах 9,2 – 11,6 тыс. человек, а среднеемесячное число рабочих доходило до 10,5 тыс. человек [18, с. 137]. Опираясь на эти количественные показатели, а также учитывая, что численность рабочих в 1921 г. находилась примерно в тех же границах, мы имеем возможность подсчитать процентное соотношение количества трудмобилизованных к общему числу горнорабочих в тот период.

На наш взгляд, в середине 1920 г. на предприятиях угольной промышленности, насчитывалось менее 5 % от общего количества рабочих, красноармейцев, откомандированных из 5-й армии. В ноябре количество трудмобилизованных за счет призыва крестьян Томской губернии увеличилось до 30 – 35 %. После замены вернувшихся в деревни крестьян трудармейцами Сибирской трудовой армии количество мобилизованных на угольных рудниках Кузбасса в мае 1921 г. увеличилось до 5395 человек [23, л. 20]. В процентном отношении это превышало 45 %, а например, осенью на рудниках Прокопьевска и Киселевска количество трудармейцев составляло 52,7 % [20, с. 168].

Можно констатировать, что привлечение рабочей силы к исполнению трудовой повинности в Кузнецком бассейне в виде трудовых мобилизаций до июня 1921 г. имело тенденцию количественного роста трудмобилизованных и увеличения удельного веса в рабочей среде. С июня начинается постепенное сокращение, закончившееся в конце декабря 1921 г., когда все трудовые части были расформированы. Ликвидация трудовых частей положила конец трудовым мобилизациям в Кузбассе.

Тем не менее еще до ноября 1922 г. в Кузбассе работали трудармейцы 1899 г. рождения, которые в соответствии с приказом Наркомата Труда и Реввоенсовета Республики за № 140 от 18.01.22 г. были переведены в состав Всероссийского объединения государственных рабочих артелей [12, л. 39]. Данные артели строили свою деятельность на принципах хозяйственного расчета.

Параллельно с трудовыми мобилизациями, проводившимися для пополнения рабочей силы промышленности Кузбасса, по указанию Сибревкома и Томского

Губисполкома имела место локальная мобилизация крестьян из близлежащих волостей к строящейся железной дороге Кольчугино – Прокопьевские копи. Мобилизация проводилась по распоряжению руководителя ударных работ в Южно-Кузнецком районе без согласования с Сибревкомом и была вызвана невыполнением месячных заданий частями Сибтрудармии, которые в апреле выполнили только 3 %, а в мае – 13 %. По приказу заместителя Чусибревстройуголь В. Н. Каюрова, за № 30 от 17 июня 1921 г. была произведена мобилизация крестьян 8-ми волостей Кузнецкого уезда для осуществления земляных работ по подготовке полотна железной дороги [25, л. 19] (Прим. автора: Чусибревстройуголь – Чрезвычайно уполномоченный Сибревкома, Сиббюро ВСНХ и Помглавкома РВСР по Сибири, руководивший объединенными работами на Кольчугинской Новостройке, каменноугольных копях и лесозаготовках Южно-Кузнецкой группы в 1921 г.). Согласно этого приказа, до 15 июля каждый крестьянский двор был обязан выполнить 5 кубических сажень (48,56 м³) земляных работ. За проделанную работу крестьяне получали вознаграждение деньгами и продуктами. Сама мобилизация проводилась насильно под угрозой применения оружия [13, л. 349]. Первоначальный период, определявший сроки работ крестьян, был расширен. Так, в конце июля при сооружении Тугайской насыпи (3 версты от ст. Кольчугино) по мобилизации было привлечено 700 коновозчиков [1, с. 74].

В результате труда мобилизованных крестьян был проделан объем земляных работ равный почти 30000 кубическим саженьям (291364,5 м³) [13, л. 358]. Исходя из этих данных, а также обязательной минимальной нормы земляных работ, равной 5 кубическим саженьям, можно предположить, что количество крестьян, привлеченных в летний период 1921 г. к работам на Кольчугинской Новостройке, примерно насчитывалось около 6000 человек.

Резюмируя суммарные слагаемые массовых трудовых мобилизаций в угольной промышленности и строительстве железной дороги, мы можем утверждать, что в период с июля 1920 г. по декабрь 1921 г. на работы в Кузбассе привлекалось, даже без учета ротаций в трудовых частях, не менее 23000 человек.

В целом трудовые мобилизации позволили привлечь в промышленные районы со скудными трудовыми ресурсами Кузнецкого бассейна необходимое количество рабочей силы, но в силу причин как объективного, так и субъективного характера контингент мобилизованных, трудившихся на тяжелых физических работах, не смог добиться максимальной эффективности в производственной деятельности. Большинство мужского населения, привлеченного на работы в Кузбасс по трудовым мобилизациям, не стали кадровыми рабочими и покинули предприятия, вернувшись в места постоянного проживания сразу после демобилизации. Таким образом, трудовые мобилизации стали промежуточным решением проблемы дефицита кадров в угольной промышленности и временного насыщения Южно-Кузнецкого района массовой чернорабочей силой для строительства железной дороги.

Литература

1. Андрюкова С. В. Железнодорожное строительство на территории Кузбасса (1896 – 1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2007.
2. Бажанов В. М. Положение и перспективы каменноугольной промышленности в Сибири. Ленинград, 1925. 64 с.
3. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-89. Оп. 1. Д. 27.
4. ГАКО. Ф. Р-89. Оп. 1. Д. 28.
5. ГАКО. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 14.
6. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 95.
7. ГАО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 96.
8. ГАО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 214.
9. ГАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 274.
10. ГАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 583.
11. ГАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 634.
12. ГАО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 142.
13. ГАО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 273.
14. ГАО. Ф. Р-918. Оп. 1. Д. 52.
15. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 13.
16. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 63.
17. Заболотская К. А. Количественный и качественный рост рабочих кадров угольной промышленности Кузбасса (1917 – 1970 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1975.
18. Заболотская К. А., Халиулина А. А., Карпенко З. Г., Мишенин С. Е., Бикметов Р. А., Киселев Ю. П., Некрасов Г. С., Теодорович Б. А., Кожихов О. В., Реховская Т. А., Кривошеева Е. А. Угольная промышленность Кузбасса, 1721 – 1996. Кемерово, 1997. 301 с.
19. Кузбасс в период восстановления народного хозяйства 1920 – 1926 гг. Кемерово, 1966. 184 с.
20. Московский А. С. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1920 – 1937 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1968.
21. Першин И. М. Участие Красной Армии в социалистическом строительстве в Сибири (конец 1919 – 1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1974.
22. Прошин В. А. Политика “Военного коммунизма” в Сибири (конец 1919 – июль 1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1987.
23. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф-234. Оп. 1. Д. 32.
24. РГВА. Ф-234. Оп. 1. Д. 34.
25. РГВА. Ф-234. Оп. 1. Д. 81.
26. РГВА. Ф-234. Оп. 1. Д. 89.
27. РГВА. Ф-234. Оп. 1. Д. 184.
28. РГВА. Ф-234. Оп. 1. Д. 185.
29. РГВА. Ф-234. Оп. 1. Д. 208.
30. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1943. 818 с.
31. Советская Сибирь. 1920. 8 окт.
32. Советская Сибирь. 1921. 10 февр.
33. Теленкова О. В. Трудовая повинность в годы гражданской войны (Окт. 1917 – март 1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2004.
34. Цысь В. В. Хозяйственная деятельность трудовых частей Сибири в 1920 – 1922 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 21.
35. Экономическая сводка № 1 // Советская Сибирь. 1921. 15 апр.

Информация об авторе:

Сарин Дмитрий Петрович – аспирант кафедры Новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета, sarin.d@mail.ru.

Dmitriy P. Sarin – post-graduate student at the Department of Modern Russian History, Moscow Pedagogical State University.

(Научный руководитель: Чураков Дмитрий Олегович – доктор исторических наук, профессор кафедры Новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета, kafedra-noi-istfak@yandex.ru

Research advisor: Dīmītriy O. Churakov – Doctor of History, Professor at the Department of Modern Russian History, Moscow State Pedagogical University).

Статья поступила в редколлегию 22.05.2015 г.

**ЭВАКУИРОВАННЫЕ ВУЗЫ И ИХ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1942 – 1945 гг.)**

Л. И. Снегирева

**EVACUATED UNIVERSITIES AND THEIR CONTRIBUTION
TO THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL PRODUCTION IN WESTERN SIBERIA (1942 – 1945)**

L. I. Snegireva

В статье анализируется деятельность эвакуированных ученых, оказавшихся в военных условиях вместе с вузами на сибирской земле. Цель статьи – путем комплексного изучения вопроса выявить состояние прибывших специалистов, механизмы реализации основных направлений деятельности, ее масштабы и результаты. Внимание акцентируется на перестройке научной деятельности, изменении формы организации исследований. Показано, что деятельность ученых, науки в целом была подчинена укреплению обороны и развитию военной экономики. Вопросы эти были в центре внимания властных структур. В выводе подчеркивается, что война не дезорганизовала работу ученых, напротив, сконцентрировала их творческий потенциал на развитие сельскохозяйственного производства сибирского региона, укрепление обороноспособности страны.

The paper analyzes the activities of the evacuated scientists caught up in war conditions together with higher education institutions in the Siberian land. The purpose of the paper is to reveal the status of experts who arrived, the mechanisms of the realization of the main activities, its scope and results by a comprehensive study of the issue. The paper draws attention to the restructuring of the scientific activity and change in the forms of research organization. It is shown that the activity of scientists, science as a whole was aimed at strengthening of the defense and the military economy development. These questions were the focus of the authorities.

In the conclusion the author outlines that the war did not disrupt the work of scientists, in contrast, it focused their creativity on the development of agricultural production of the Siberian region, strengthening the country's defense.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, эвакуированные ученые, вузы.

Keywords: Great Patriotic War, evacuation, evacuated scientists, universities.

Трагическое для СССР начало войны, ее характер, жестокий оккупационный режим, необходимость нормального функционирования военной экономики, обеспечения ее рабочей силой сделали массовую эвакуацию населения жизненно необходимой. В тяжелых условиях военной обстановки, сложившейся в 1941 – 1942 гг. пришлось производить эвакуацию производительных сил в два этапа: июнь 1941 – апрель 1942 г., а затем июнь 1942 – август 1943 г. Западная Сибирь с первых дней войны стала одним из главных регионов эвакуации. Сюда прибыли 244 предприятия, десятки научно-исследовательских институтов, учреждений и организаций, не менее 42 высших учебных заведений, более 1 млн. человек [3, с. 8]. Эвакуация позволила вывезти из-под удара врага основной потенциал страны, в том числе и науки. Из 934,6 тыс. эвакуированных граждан, проживающих в Западной Сибири на 1 апреля 1943 г., трудоспособными были 508,1 тыс. человек. Из них 411,1 тыс. человек работали: 173,1 тыс. – в промышленности, 151,9 тыс. в сельском хозяйстве, 86,1 тыс. – в других отраслях народного хозяйства, в организациях и учреждениях [15, л. 122; 16, л. 28, 44; 17, л. 2, 26, 32 – 33; 18, л. 3 – 4, 8; 19, л. 11, 47]. Бок о бок с сибиряками самоотверженно трудились они, внося свой вклад в победу над фашизмом.

Учитывая многоплановость проблемы, автор статьи рассматривает лишь часть ее, а именно вклад эвакуированных вузов, их ученых в развитие сельскохозяйственного производства Западной Сибири. Изучение этого аспекта общей большой проблемы эвакуации представляет научный интерес, имеет важное теоретическое значение, ибо раскрывает одну из со-

ставных частей всемирно-исторического подвига советского народа в войне, позволяет глубже понять огромные трудности, которые ему пришлось преодолеть. Эта проблема имеет также ярко выраженный социально-политический и морально-нравственный аспект.

Вклад ученых сибирского тыла в Победу нашел отражение в трудах исследователей. В них содержатся отдельные сведения и о деятельности эвакуированных представителей науки [27, с. 67, 92, 118; 26, с. 47 – 48]. Однако в качестве самостоятельной означенная проблема не изучалась.

Выше указывалось, что в результате эвакуации в Западную Сибирь прибыло не менее 42 вузов, в том числе и сельскохозяйственного профиля. Ряд из них были размещены в Алтайском крае. Горно-Алтайск принял Мичуринский плодовоовощной институт, село Шипуново – Новочеркасский мелиоративный, г. Бийск – химико-технологический, Барнаул – Запорожский машиностроительный. В край прибыли также Воронежский сельскохозяйственный институт, размещенный в с. Камень и Пушкинский сельскохозяйственный (из Ленинградской области), размещенный в с. Павловское [20, л. 3 – 6, 51 – 53]. Помимо вузов Алтайский край принял ряд сельскохозяйственных опытных станций и других научных сельхозучреждений [5, л. 1 – 2, 23]. Кроме этого, эвакуированные в Западную Сибирь учреждения сельскохозяйственного профиля представляли отдельные подразделения Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина, ряд управлений и главков Наркомата земледелия СССР, а с ними более 500 крупных специали-

стов сельского хозяйства [31, с. 142]. Так, в Омском сельскохозяйственном институте трудился профессор Тимирязевской сельхозакадемии академик Е. Ф. Лискун, в Сибирском научно-исследовательском институте зернового хозяйства – группа ученых ВАСХНИЛ, в Сибирском лесотехническом – сотрудники Всесоюзной Лесотехнической Академии [26, л. 48].

Эвакуация значительного числа вузов и научно-исследовательских учреждений (НИУ) привела к усилению научного потенциала сибирского региона. Так, общая численность научных работников Омска с 1941 по 1943 г. увеличилась со 175 до 235 человек [26, с. 47]. Уже в первой группе сотрудников Пушкинского сельскохозяйственного института, прибывшей на Алтай в апреле 1942 г. во главе с директором Лукьяновым, было 23 профессора и доцента, а осенью 1942 г. в коллективе вуза работали уже 54 преподавателя, из которых 32 имели ученые звания докторов и кандидатов наук и 9 профессоров, не имеющих докторской степени [21, л. 17, 26, 40; 6, л. 2]. Из 33 преподавателей Алтайского машиностроительного института семеро прибыли из Запорожья, четверо – из Москвы и Ленинграда, остальные – из Воронежа, Куйбышева, Вильно и других городов [26, с. 48]. В 1942 – 1943 гг. только в штате эвакуированных сельскохозяйственных вузов и опытных станций края работало 40 профессоров и докторов и 48 кандидатов наук [27, с. 150]. На начало 1943 г. в Новосибирске насчитывалось 25 высших учебных и научно-исследовательских учреждений, в которых работало 83 профессора и около 400 доцентов, старших научных сотрудников и кандидатов наук [22, с. 274]. В Алтайском крае в начале 1944 г. трудилось 179 научных работников, в том числе 62 профессора. Основную их часть составляли эвакуированные [26, с. 47].

Перед войной Западная Сибирь играла важную роль в обеспечении страны продовольствием. Алтайский край, например, занимал второе место в СССР и первое в РСФСР по поставкам мяса и молока. Второе место в РСФСР по поставкам молока и масла и 10-е – мяса – занимала Омская область. Сельское хозяйство региона было одним из наиболее развитых в Сибири. Растениеводство и животноводство были ведущими отраслями. В связи с трагическим началом войны враг оккупировал территорию, где до войны производилось 38 % всей валовой продукции зерна, 84 % производства сахара, находилось 38 % всей численности крупного рогатого скота, 60 % поголовья свиней [2, с. 42]. К январю 1942 г. поголовье крупного рогатого скота в СССР сократилось до 31,4 млн голов против 54,5 млн на 1 января 1941 г. Количество свиней более чем втрое, овец и коз – на одну четверть [23, с. 166]. В этих условиях основная тяжесть производства сельскохозяйственной продукции ложилась на восточные районы страны. Возрастание их роли в продовольственном обеспечении страны была обусловлена и эвакуацией сюда сотен предприятий, организаций, учреждений, населения, среди которого 36 – 39 % составляли дети [4, с. 374].

Решая задачи организации сельскохозяйственного производства, властные структуры региона столкнулись с большими трудностями. Мобилизации на фронт вызвали сокращение руководящих кадров. В

Омской области во второй половине 1941 сменилось 30 % председателей колхозов. К концу 1942 г. эта цифра составляла уже 70 % [1, с. 107]. Более двух третей председателей колхозов сменилось за два года войны в Алтайском крае. В целом по региону к концу 1943 г. оставалось всего лишь 18,6 % председателей колхозов, 16,2 % бухгалтеров и счетоводов, 10,1 % бригадиров полеводческих бригад, имевших довоенный стаж [1, с. 107 – 109]. В 1942 г. обеспеченность трудовыми ресурсами на селе в Алтайском крае составляла 49 %, в Омской области – 56 % [30, с. 41]. В этих условиях помощь ученых производству стала приоритетным направлением научно-исследовательской работы, а внедрение ее результатов – одним из главных критериев её эффективности.

Основные звенья государственной системы организации научных исследований сформировались еще в предвоенные годы. Общегосударственными центрами управления наукой были Академии наук СССР, Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР (ВКВШ), отраслевые наркоматы. Большой объем теоретических и прикладных работ выполняли вузы и НИУ [26, с. 13]. Организация и развитие научных исследований была обязательной составляющей комплекса мер по развитию сельскохозяйственного производства.

К началу войны в регионе функционировала относительно разветвленная сеть сельскохозяйственных научных учреждений: 16 отраслевых НИУ и 3 вуза. В их числе Омский сельхозинститут, Сибирский НИИ зернового хозяйства (г. Омск), Сибирский НИИ животноводства (г. Новосибирск). Сибирский научно-исследовательский институт зернового хозяйства (СибНИИЗХОЗ) и Сибирский научно-исследовательский институт животноводства (СибНИИЖ) являлись научно-методическими и координационными центрами всех сибирских НИИ соответствующего профиля.

В предвоенные годы сибирские ученые-аграрники создали научный задел, который в годы войны помог развертыванию научно-исследовательской работы по целому ряду важнейших направлений [24, с. 70]. В годы войны научная работа в вузах была выделена в самостоятельную сферу деятельности высшей школы. В структуре ВКВШ в феврале 1944 г. был создан специальный отдел, курирующий научно-исследовательскую работу в вузах. Он обладал широкими полномочиями в области планирования и контроля за выполнением научных работ [26, с. 13]. Оказавшись в условиях эвакуации, прибывшие вузы, НИУ, ученые развернули научно-производственную деятельность на сибирской земле.

В военной обстановке большое значение приобрела прикладная функция науки, усилился процесс интеграции науки с производством. Основным направлением перестройки научной деятельности на военный лад был пересмотр планов НИР. Уже в июне 1941 г. Всесоюзный комитет по делам высшей школы дал вузам директивное указание об изменении научных планов с учетом требований военного времени, сокращения менее актуальных и включении оборонных тем. Соответствующие указания от своих ведомств получили также отраслевые вузы и НИУ [25, с. 59].

Измененные планы научных исследований согласовывались с руководителями и специалистами сибирских областей. Так, на совещании специалистов сельского хозяйства, созванном Алтайским крайкомом и крайисполкомом в г. Барнауле 25 апреля 1942 г. была рассмотрена и уточнена тематика научных работ, представленная Пушкинским сельхозинститутом в докладе доктора, профессора Богданова-Каткова [5, л. 18]. В конце декабря 1942 г. крайком партии, заслушав вопрос «О научно-производственной помощи Воронежского сельхозинститута сельскому хозяйству края», одобрил представленный план и возложил на институт его осуществление [7, л. 431]. Анализ документальных материалов ряда эвакуированных на Алтай сельхозвузов и НИУ свидетельствует о том, что работа в данном направлении носила характер коренной перестройки всей исследовательской деятельности. Она была подчинена задачам обороны, Сибири и Алтайского края. Ученые вузов должны были помочь обеспечить решение первоочередных вопросов сельскохозяйственного производства, содействующее максимальному повышению урожайности, выхода молодняка и повышения продуктивности животноводства путем сочетания учебно-научной и производственной работы коллективов институтов, включая студентов [5, л. 16].

Организация НИР в условиях эвакуации велась в трудных условиях. Сократилась материально-финансовая база, ощущался недостаток площадей, сложными были материально-бытовые условия. Серьезные проблемы возникали из-за нехватки электроэнергии, топлива и т. п.

Местные органы власти оказывали эвакуированным вузам и НИУ помощь, создавали необходимые условия для работы. Так, Учкомбинат края, на территории которого был размещен Павловский сельхозвуз, имел 470 га земли, в том числе 100 га заливных лугов. В 1942 г. посев культур здесь составил 280 га. Наряду с полевым хозяйством Учкомбинат имел животноводческие фермы: 63 головы крупного рогатого скота, 29 голов лошадей, 39 голов свиней, 229 голов овец. Учкомбинату принадлежали электростанция, 2 грузовых, 1 легковая машина и 10 тракторов на ходу. В состав Учкомбината входила школа-курсы трактористов и комбайнеров (на 400 человек) и ветеринаров (на 40 человек). Помимо хозяйства учхоза базой для научно-производственной деятельности вуза были совхозы и машинно-тракторные станции (МТС) Алтайского края. В Павловском районе в 30 км от института находился Павловский зерносовхоз, имеющих большие овцеводческие и молочно-товарные фермы. Рядом находилась Павловская МТС. Будучи институтами системы Наркомзема, другие сельхозинституты вели научную работу применительно к сельскому хозяйству Сибири и Алтайского края в целом [5, л. 1, 18 – 19]. Имея необходимую базу и опираясь на помощь местных органов власти, эвакуированные сельхозвузы и НИУ вели работу по целому ряду важнейших научных направлений.

Решению продовольственной проблемы способствовала разработка новых агротехнических приемов возделывания сельскохозяйственных культур, выведения более урожайных сортов, поиск новых средств

защиты растений от вредителей и др. К числу тем оборонного значения были отнесены исследования почв, проводившиеся с целью расширения посевных площадей. Над этой проблемой работали ученые кафедры почвоведения под руководством доктора-профессора М. И. Рожанец Пушкинского и группа научных работников и студентов во главе с профессором Д. И. Сидери Воронежского сельхозинститута. Сотрудники ряда кафедр Пушкинского института под руководством доктора-профессора Н. Н. Богданова-Каткова изыскивали меры повышения семенной продуктивности люцерны, кафедра растениеводства (зав. доктор-профессор Н. А. Дроздов) занималась выведением лучших сортов сахарной свеклы для Алтая. Кафедра селекции и семеноводства (зав. доктор-профессор И. А. Веселовский) вела большую работу по расширению видов овощных культур и картофеля в условиях Алтайского края. Над созданием образцовой кормовой базы в совхозах и колхозах работала группа ученых под руководством доктора-профессора И. В. Ларина. Группа ученых Воронежского института во главе с профессором Н. А. Успенским трудилась над селекцией тыквы и проса. Профессор Редькин и доцент Г. А. Тищенко разрабатывали вопросы ведения правильных севооборотов. Профессор М. Е. Пронин занимался проблемой подкормки сахарной свеклы, озимой пшеницы и подсолнуха (защитил докторскую диссертацию). Ряд других научных работников вели исследования по другим актуальным вопросам сельского хозяйства Сибири и Алтайского края [5, л. 18, 22 – 28].

Вели исследования и НИУ отрасли. Так, Бийская опытно-селекционная свекловичная станция, где работало много эвакуированных научных сотрудников, вела работы по селекции сахарной свеклы и ее семеноводства, занималась озимой и яровой рожью. Алтайская плодоягодная опытная станция (где также работали эвакуированные ученые) исследовала способность к акклиматизации более 200 сортов плодовых деревьев и ягодных кустарников. Большую работу в этом направлении проводили также ученые эвакуированного в Горно-Алтайск плодовоовощного института им. И. В. Мичурина [27, с. 148 – 149; 8, л. 4 – 5].

Целый ряд научных проблем разрабатывались специалистами эвакуированных вузов по животноводству. Задача увеличения поголовья и повышения продуктивности сельскохозяйственных животных решалась по двум направлениям: селекция высокопродуктивных пород скота и обеспечение кормовой базы животноводства. Одним из направлений селекционной работы была тема «Выведение жирно и обильно-молочной группы скота для Сибири на базе метизации сибирского скота симменталами», над которой трудилась группа ученых Пушкинского сельхозинститута во главе с доктором-профессором С. Б. Давыдовым, доцентами Лепер, Меркурьевой, Лебедевым. Они же занимались проблемой повышения продуктивности свиней, повышением продуктивности овец. Одновременно ученые изыскивали племенные ресурсы в области овцеводства. Профессором В. П. Никитиным, доцентами Краснокутской, Казаковой, ассистентом Лукьяновой велось изучение забытых и почти потерянных пород «кулундинской» и «теленгин-

ской овцы». Гнезда их были выявлены в Ойротской области. Профессор В. П. Никитин, доктор-профессор Богдашев, доцент Буйновский вели исследования и по изучению Алтайской (чумышской) лошади.

Строжайшая экономия фуражных зерновых культур потребовала по-новому решать вопросы кормления и откорма животных с максимальным использованием грубых и сочных кормов. В этой связи актуальной была тема «Силосование кормов в открытых хранилищах», над которой работала группа ученых возглавляемая доктором-профессором И. В. Лариным. Экспериментальное исследование брикетирования соломы и древесных опилок вели ученые эвакуированного Запорожского института сельскохозяйственного машиностроения. Кроме этого, они корректировали инструкции по выращиванию молодняка, по экономии концентратов, разрабатывали новые рационы его кормления. В этой связи актуальна была тема «Влияние на развитие телят выпаивания первыми фракциями удоа при пониженном содержании в них процента жира» (профессор В. П. Никитин, доценты Казакова, Краснокутская). Актуальными и своевременными являлись исследования, доказывающие возможность выращивания молодняка крупного рогатого скота с минимальным расходом концентратов. Разработанная система в отличие от существовавших ранее позволяла выращивать полноценных животных при снижении расхода концентратов на 75 % [5, л. 18, 21].

Одним из крупнейших достижений в области селекционной работы было выведение в СибНИИЖе сибирскими и эвакуированными учеными новой северной породы свиней, приспособленной к более суровым климатическим условиям. Наркомзем Союза утвердил сибирскую породу в качестве самостоятельной отечественной и рекомендовал ее к распространению [14, л. 54]. Разрабатывались и меры по борьбе с заболеваниями животных [29, л. 113].

Война, как указывалось выше, подорвала материально-техническую базу сельскохозяйственного производства. В связи с этим эвакуированные коллективы конструировали различные сельхозмашины и приспособления к ним. Модель модернизированного комбайна без битеров и тиккеров разработал профессор Воронежского сельхозинститута А. И. Петрусов. Над моделью особого молотильного аппарата, обеспечивающего резкое снижение потерь при обмолаоте хлебов, трудился академик Ю. А. Вейс. Большие усилия прикладывали ученые вуза, разрабатывая мероприятия по улучшению эксплуатации машинно-тракторного парка. В частности, были разработаны проекты оборудования комбайна для уборки полеглого хлеба, переоборудования сеялок и культиваторов на междурядную обработку, созданы приспособления для отбора картерных газов в целях экономии смазки и топлива, оказана помощь Крайземотделу по переводу на газогенераторы автомобильного и тракторного парка и регенерации масел. Факультетом механизации осуществлялся ремонт электрооборудования тракторов [7, л. 432 – 433]. Ученые Запорожского машиностроительного института подготовили проект и расчет газогенераторной установки для перевода на газ ряда силовых установок «Заготзерно», разработа-

ли конструкцию регенерации масел в автотракторном хозяйстве края, оказывали техническую помощь по проектированию литейной мастерской при Крайзаготзерно [6, л. 4 – 5]. При недостатке сельскохозяйственной техники внимание ученых привлекли вопросы наиболее рационального использования животных. Производству был предложен усовершенствованный конный привод, с помощью которого уменьшалась утомляемость лошадей, повышалась производительность труда. Разработаны были рекомендации и по использованию упряжных коров и быков [7, л. 433].

Военная необходимость разрушила ведомственные барьеры, укрепила творческие связи, объединявшие многих исполнителей, занятых в разных звеньях науки и производства. Коллектив Алтайского тракторного завода, стремясь улучшить технические показатели выпускаемого трактора, опирался на помощь ученых Запорожского машиностроительного института. Тесное содружество двух коллективов помогло создать дизельный мотор для трактора и, по сути дела, сконструировать новую машину, которая по своим показателям была лучше тягача СТЗ-5 [27, с. 256]. Запорожский машиностроительный институт имел тесные, деловые связи с Алтайским тракторным заводом, выполнял ряд заказов завода, организовывал там выездные научные сессии, проводил конференции совместно с инженерно-техническими работниками, тракторостроителями [6, л. 8].

В годы войны сложилась особая система организации научно-исследовательских работ, сочетавшая традиционные формы с новыми, найденными в процессе перестройки работы на военный лад. Одним из центральных звеньев этой системы стали Комитеты ученых, их сельскохозяйственные секции, комиссии комитетов ученых и ученых советов при местных исполкомах Западной Сибири. Их деятельность была направлена на объединение научных сил и координацию исследований в области сельского хозяйства, первоочередное решение задач оборонного значения, налаживания тесной связи ученых с производством, контроль за внедрением научных разработок и т. п. [28, с. 281 – 283]. Многие ученые эвакуированных вузов принимали активное участие в работе всех этих подсистем. Эвакуированные сельхозвузы и отраслевые НИУ работали в тесном контакте и с земельными органами, колхозами, совхозами, МТС. По поручению местных, советских и хозяйственных органов ученые участвовали в проведении различных обследований, по материалам которых составлялись практические рекомендации производителям, разрабатывали коренные вопросы организационно-хозяйственного укрепления колхозов, совхозов и МТС. Так, по заданию секции Ученого Совета при Алтайском крайисполкоме, куда входили эвакуированные специалисты, была проведена большая работа по обследованию всех 15 (8 из них эвакуированных) находящихся в крае опытных сельхозстанций и вузов (из 15 – 11 эвакуированных) по устранению дублирования в тематике научных работ и более тесной связи с производством [9, л. 251 – 252].

В 1943 г. профессора, доценты Воронежского сельхозинститута вели в 11 колхозах Каменского района систематическую работу, в основу которой был

положен принцип непосредственного, активного участия научных работников в решении всех коренных вопросов колхозного производства. В результате этой работы в большинстве подшефных колхозов повысилась урожайность. В колхозе им. Горького, шефом которого был профессор В. В. Квасников и его команда, урожай в 1943 г. был значительно выше, чем в 1942 г. В колхозе «Красный Сибиряк», над которым шефствовали ученые во главе с профессором П. Н. Першиным, серьезно улучшилась организация труда в бригадах и на фермах. План производства и сдачи государству животноводческой продукции был значительно перевыполнен. Бригады научных работников на основе анализа краевого и районных материалов и опыта своей работы в крае подготовили и доложили краевому агросовещанию вопрос «О причинах низкой урожайности в Алтайском крае» и наметили конкретные меры по ее повышению. По заданию секретаря Крайкома ВКП(б) т. Беляева разработали программу «Коренные вопросы организационно-хозяйственного укрепления колхозов и МТС и пути их решения». Регулярно велась учеными консультативная работа. За вторую половину 1942 и 1943 гг. коллективами преподавателей трех вузов (Воронежского, Пушкинского и Запорожского) было дано более 500 консультаций крайкому, крайисполкому, крайЗО, совхозам, колхозам, МТС и т. п. [6, л. 4 – 5; 10, л. 10 – 11].

Наряду с этой большой и разносторонней работой эвакуированные вузы являлись базой по подготовке и переподготовке специалистов сельского хозяйства: директоров совхозов, МТС, председателей колхозов, кадров массовых профессий. Только в г. Камне с декабря 1942 по апрель 1943 гг. преподавателями Воронежского сельхозинститута на курсах было подготовлено 1320 председателей колхозов, 450 комбайнеров, 550 трактористов, 200 машинистов молотилок, 140 газо- и электросварщиков, 300 бригадиров тракторных бригад, 80 шоферов, 100 машинистов-зерноочистителей ВИЭМ-2, 200 механиков МТС [7, л. 431 – 434]. В 1943 – 1944 гг. курсовые мероприятия института охватили подготовкой и переподготовкой более 2000 человек. Из них 100 директоров МТС, 100 старших механиков МТС, 150 бригадиров тракторных бригад, 200 трактористов, 200 комбайнеров, 100 старших агрономов МТС, 92 – зав. районными земельными отделами, 92 – главных агрономов районных земельных отделов, 834 председателей колхозов. Большая работа велась в этом направлении и другими вузами [10, л. 6, 10]. Помимо этого институты охватывали учебой значительное число бригадиров полеводческих бригад, звеньев, зав. хатами-лабораториями, счетоводов колхозов. Ученые, преподаватели вузов читали в колхозах, МТС, совхозах более 200 лекций и радиолекций в год (на каждый вуз), выступали с докладами, активно использовали прессу [7]. Заканчивая учебный год, научные работники и студенты оказывали непосредственную помощь сельскохозяйственному производству региона. По необходимости ученые не только вставали во главе производственных коллективов, работали в колхозах и совхозах агрономами, зоотехниками, механиками, но и садились за руль тракторов, комбайнов, убрали урожай. Так, летом 1943 г. Воронежский институт организовал 9 ком-

байновых агрегатов, которые имели старшего механика, агронома, комбайнеров, штурвальных и трактористов только из преподавателей и студентов. Комбайновые агрегаты проделали большую работу и заняли в районах края, где работали, первые места. Это можно проиллюстрировать на примере Каменской МТС. На 5 октября 1943 г. по Каменской МТС всеми комбайнерами было убрано 5470 га, в том числе комбайновыми агрегатами Воронежского сельхозинститута – более 40 %. При этом средняя выработка институтских комбайнов в 4,4 раза превышала выработку комбайнов Каменской МТС. Экономия горючего комбайнерами института составила 2174 кг, в то время как экономия горючего по Каменской МТС составила 1400 кг. Тремя лучшими комбайнерами института на комбайнах марки «Сталинец» было убрано 1786 га, в то время как три лучших комбайнера Каменской МТС на комбайнах этой же марки убрали только 1097 га. Комбайнерами (студентами и преподавателями) этого вуза было скошено в 1942 г. более 1 тыс. га, а в 1943 г. – более 4 тыс. га и обмолочено комбайнами на стационаре 2 тыс. га. Всего на уборке урожая в 1942 г., посеве и уборке урожая в 1943 г. работало 520 студентов и преподавателей Воронежского сельхозинститута [10, л. 4 – 6]. Подобную работу все годы пребывания в эвакуации вели студенты и преподаватели других вузов [11, л. 17; 12, л. 18; 13, л. 248а]. Некоторые из вузов стали основой создания на Алтае новых научных организаций. Так, на базе Пушкинского сельскохозяйственного института был создан Алтайский сельскохозяйственный вуз (ныне Алтайский аграрный университет). Запорожский машиностроительный институт послужил основой создания Алтайского машиностроительного вуза в Барнауле [26, с. 48].

Партийные и советские организации Западной Сибири выражали сердечную благодарность эвакуированным ученым, преподавателям и студентам, самоотверженно трудившимся в годы войны на благо Родины, внесшим немалый вклад в дело воспитания и подготовки специалистов, в развитие сельскохозяйственного производства региона, а в целом в укрепление обороноспособности страны. Осенью 1943 г. большая группа ученых (47 человек) и студентов (8 человек) Воронежского сельхозинститута была награждена Почетными грамотами крайкома ВКП(б) и крайисполкома [10, л. 65 – 68]. Многие работники эвакуированных вузов получили государственные награды. Орденом «Знак Почета» были награждены директор Запорожского машиностроительного института Исаков, доцент, зав. кафедрой технологии машиностроения Ильященко, зав. кафедрой физики Леонов [6, л. 8]. За заслуги и в связи с 30-летием Воронежского сельскохозяйственного института большая группа ученых и студентов этого вуза были представлены к званиям и наградам [10, л. 145 – 149].

Выводы

Несмотря на гигантские трудности, связанные с войной и вынужденной эвакуацией, вузы выдержали все испытания. Война не дезорганизовала деятельность ученых, напротив, сконцентрировала их творческий потенциал на защиту Отечества. Эвакуирован-

ные ученые вместе с сибиряками, опираясь на помощь и поддержку органов власти, показали образцы мобилизации интеллектуальных сил, трудового героизма, смогли выполнить значительное число научных работ, которые оказали огромную помощь сельскому

хозяйству сибирского региона, обороне страны, внесли весомый вклад в развитие советской науки и в целом достойный вклад в Победу советского народа над фашистской Германией.

Литература

1. Анисков В. Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту. 1941 – 1945. Барнаул, 1966.
2. Вознесенский Н. Военная экономия СССР в период Отечественной войны. М., 1948.
3. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны: в документах и материалах: в 3 т. Т. 1: Исход / сост. и отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск, 2005.
4. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. Т. 3: Спасенное детство / сост. и отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск, 2005.
5. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.П-1. Оп. 18. Д. 224.
6. ГААК. Ф.П-10. Оп. 30. Д. 265.
7. ГААК. Ф.П-1. Оп. 18. Д. 147.
8. ГААК. Ф.П-10. Оп. 30. Д. 264.
9. ГААК. Ф.П-1. Оп. 21. Д. 446.
10. ГААК. Ф.П-1. Оп. 18. Д. 546.
11. ГААК. Ф.П-1. Оп. 18. Д. 542.
12. ГААК. Ф.Р-834. Оп. 1. Д. 129.
13. ГААК. Ф.Р-834. Оп. 1. Д. 145.
14. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.П-4. Оп. 6. Д. 39.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.А-327. Оп. 2. Д. 363.
16. ГАРФ. Ф.А-327. Оп. 2. Д. 368.
17. ГАРФ. Ф.А-327. Оп. 2. Д. 375.
18. ГАРФ. Ф.А-327. Оп. 2. Д. 404.
19. ГАРФ. Ф.А-327. Оп. 2. Д. 423.
20. ГАРФ. Ф.Р-8080. Оп. 2. Д. 638.
21. ГАРФ. Ф.Р-8080. Оп. 2. Д. 665.
22. Доблестный труд рабочих, крестьян, интеллигенции Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: сб. док. Новосибирск, 1964.
23. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 – 1945 гг. Т. 2. М., 1961.
24. Корнилов Л. Л. Вузы и исследовательские учреждения Западной Сибири к концу Великой Отечественной войны // Вопросы истории и методологии науки. Омск, 1969.
25. Левшин Б. В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1983.
26. Осташко Т. Н. Наука и ученые Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2002.
27. Петрова Т. Н. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по усилению творческого содружества науки с производством в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Томск, 1968.
28. Петрова Т. Н. К вопросу об участии комитета ученых и научных советов в оказании помощи сельскому хозяйству Сибири в 1941 – 1945 гг. / Советское крестьянство – активный участник борьбы за социализм и коммунизм. Барнаул, 1969.
29. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 1432.
30. Шевляков А. С. Политотделы МТС и совхозов Сибири (1930 – 1940 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2001.
31. Щеголев К. М. Участие эвакуированного населения в колхозном производстве Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1959. № 2.

Информация об авторе:

Снегирева Людмила Илларионовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории и культурологии Томского государственного педагогического университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, snegireva@vtomske.ru.

Ludmila I. Snegireva – Candidate of History, Associate Professor Assistant Professor at the Department of Russian History and Culturology, Tomsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 17.06.2015 г.

УДК 94(5)

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В УЗБЕКИСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА ПОД ВЛИЯНИЕМ ПОЛИТИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Ю. Н. Цыряпкина

THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF ORTHODOX PARISHES OF TASHKENT REGION

Yu. N. Tsyryapkina

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ № 13-31-01277 «Русскоязычные Узбекистана в 2000-е годы: этно-культурные процессы в условиях «национализирующегося» государства (на примере Ангрена и Ферганы)».

В статье рассматривается экзистенциальное положение православия на территории современного Узбекистана в дореволюционный, советский и постсоветский период с особым акцентом на приобщении к религиозным культам в промышленных городах Ташкентской области, построенных в эпоху советской индустриализации, что наложило отпечаток на религиозно-духовную жизнь урбанизированных центров. Статья написана на основе привлечения неопубликованных архивных и опубликованных материалов, а также результатов полевых исследований, опросов, включенного наблюдения, касающегося современной ситуации в православных приходах городов Ташкентской области. Основными критериями выявления этапов положения православия в Узбекистане послужили действия центральной власти в отношении православной церкви в регионе. В дореволюционный период политика Государства в отношении православной церкви была направлена на формирование православных анклавов. В советский период резко уменьшилось количество православных приходов и запрещалось строительство новых во вновь созданных промышленных городах. Сложности воцерковления православных русских в постсоветский период связаны с отсутствием православной церкви в городах Ташкентской области в Узбекской ССР. В статье показаны особенности существования православных общин в постсоветском Узбекистане в городах с уменьшающейся долей русского населения.

The paper deals with the history of the Orthodox Church in Central Asia in the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods, with special emphasis on the development of the Orthodox religion in the industrial cities of Tashkent province, which were built during the industrialization. The paper shows the features of Orthodox communities in cities with declining share of the Russian population identified by the methods of field research, interviews and observation.

Ключевые слова: русский мир, православие, приход, крещенный, молитвенный дом.

Keywords: Russian world, Orthodoxy, parish, christened, prayer house.

Православие на территории современного Узбекистана появилось в период освоения Туркестана во второй половине XIX в. вместе с переселением безземельных и малоземельных крестьян из европейской части России. В настоящее время большинство населения республики исповедует ислам, второй по численности адептов религией является православие, хотя со второй половины XIX по начало XXI века несколько раз изменялась политика государства по отношению к нему. Целью статьи является выявление политики Государства в отношении православия на территории современного Узбекистана во второй половине XIX – начале XXI века на основе архивного и полевого материала.

Можно выделить три этапа существования православия на территории современного Узбекистана. Критериями для выделения этапов послужило отношение государства к религии. *Первый этап* связан с освоением Российской империей южной окраины, а именно Туркестана, во второй половине XIX – начале XX в. На данном хронологическом отрезке государство поддерживало распространение православной религии в Туркестанском генерал-губернаторстве. Православие обеспечивало духовно-нравственные потребности переселенцев. Россия целенаправленно поощряла переселение в Туркестан крестьян православного вероисповедания [12, л. 72]. В соответствии с этой целью туркестанская администрация в конце XIX – начале XX в. стремилась всецело способствовать удовлетворению религиозных потребностей православного населения. Все пришедшие православные

автоматически ставились под окормление Русской Православной церкви. В 1871 г. была образована Туркестанская и Ташкентская епархия. В переселенческих поселках первоначально создавались молитвенные дома, по мере улучшения экономического положения у общины появлялись деньги на строительство здания церкви или храма. Иногда молитвенный дом принимал прихожан и из соседних поселков [13, л. 14]. В городах Туркестана появились крупные соборы. Государство поддерживало православие в связи с тем, что с момента завоевания Туркестана и до утверждения в Узбекистане советской власти православие являлось важным идентификационным критерием русских, отличающих их от коренного населения региона [1, с. 14].

Распространение православия в присоединенном крае должно было сплотить русских переселенцев, оградить их от суеверий и пороков и стать ориентиром для молодого поколения. В отчете чиновника особых поручений при Переселенческом Управлении Н. Гаврилова о строительстве церквей в крае говорилось так: «Душа русского человека радуется при виде православного русского креста, сверкающего под лучами палящего Туркестанского солнца в русском оазисе среди беспредельного пространства туземных земель» [5, с. 153].

Второй этап – православие в рамках советского государства. В условиях советского государства в 1920 – 1930-е гг., объявившего атеизм одним из своих лозунгов, православному духовенству пришлось столкнуться с новыми трудностями, к которым можно

отнести обновленческий раскол, разрушение храмов, соборов, сокращение числа православных приходов [14, л. 10]. Все это значительно сократило число людей православного вероисповедания, снизило сакральное значение воскресенья и других православных праздников для верующих.

В городах, имевших крупные православные соборы в дореволюционный период, советское руководство частично разрешило открывать приходы, например, в 1946 г. в Фергане православный молебный дом открылся в здании польского костела. Иная ситуация сложилась во вновь образованных советских городах, которые появились в Ташкентской области (Алмалык, Ангрен, Чирчик, Янгиюль и др.) во время ускоренной модернизации Средней Азии. В новых промышленных центрах, связанных с современными достижениями технического прогресса, не отводилось места для религиозной жизни.

В рамках данной статьи фокусируется внимание на развитии православных приходов в двух городах – Ангрен и Алмалык, возникших в 1946 и в 1951 гг. соответственно [2, с. 137]. В Алмалыке сформировался важный горно-металлургический комплекс, в то время как Ангрен стал шахтерским городом, или городом угольщиков. Документы из центральных российских архивов свидетельствуют о том, что геолого-разведывательными операциями в Ахангаранской долине руководили лично И. В. Сталин и Л. П. Берия [3, л. 10]. В быстрые сроки были возведены рабочие города с удобной инфраструктурой, жилыми объектами, дворцами культуры и отдыха, библиотеками и другими объектами. Большинство населения в этих городах были преимущественно русскими, украинцами, приехавшими из различных регионов СССР. Однако, это не повлияло на религиозную обстановку в целом. В рабочих городах открытие православных приходов оказалось под запретом, поэтому в Ангрене в советское время молебного дома не существовало. Примерно также власти относились к исламу в регионе. Старинную мечеть XVIII века в кишлаке Каттаганев в непосредственной близости от Ангрена закрыли и использовали под иные нужды. В 1973 г. здание мечети приспособили под школу, далее она была переоборудована под кинотеатр [7].

В Алмалыке православная община существовала с 1963 г., когда в городе начал работать молебный дом, созданный по инициативе его жителей без государственной поддержки [9].

После распада СССР и образования на его территории независимых государств произошли положительные изменения в отношениях Государства и Церкви. Отказ от политики государственного атеизма привел к резкому увеличению общин различных религиозных организаций, в том числе и Русской Православной Церкви (Московский Патриархат), и соответственно, массовому открытию ранее закрытых приходов, появлению новых, в досоветский период не существовавших. Поскольку молитвенных помещений дореволюционной постройки сохранилось незначительное количество, открытие их не привело к урегулированию вопроса о размещении возросшего количества прихожан. В Узбекистане стала активно внедряться практика приспособления под храмы наиболее подходящих сооружений крупных населённых пунктов. Возникшая ситуация явилась полной противоположностью периода 1920-х – 1930-х гг., когда

храмы изымались из пользования общин и обращались на светские нужды. Во всех крупных городах Узбекистана появились православные приходы.

Благоприятные условия для существования православия хронологически совпали с оттоком русского населения, как правило, выезжающего в Российскую Федерацию и другие страны по экономическим основаниям в поисках лучших возможностей для подрастающего поколения. В настоящее время на территории Узбекистана зарегистрировано 38 православных приходов, объединённых в Ташкентскую и Узбекистанскую епархию Русской Православной Церкви Московского патриархата. В Ташкенте и Самарканде существует несколько православных приходов. Как отмечается в статье священника Сергея Стаценко, после начала процессов суверенизации в Узбекистане православие возрождалось, в основном, в городах республики [11, с. 305 – 306], в то время как села деградировали и в экономическом, и в нравственном плане.

Несмотря на все благоприятные условия для существования православия, создаваемые государством, число потенциальных носителей православной культуры продолжает сокращаться, связано это как с естественной убылью, так и миграционным оттоком. Если считать, что основные носители православия – русские, то можно заметить количественную динамику в уменьшении русских, а значит и православных.

По данным последней Всесоюзной переписи населения 1989 г. в Ангрене русских насчитывалось 43218 человек (31,4 %) [10, л. 123]. По официальным данным государственного комитета статистики Республики Узбекистан на 1 января 2013 г. в Ангрене проживает 172880 человек, из них 126247 человек – узбеки (73 % от всего населения города), таджиков – 28653 (16,8 %), **русских** – 4621 (2,6 %), татар – 1284 (0,7 %), корейцев – 8282 (4,7 %) (Материалы предоставлены государственным комитетом по статистике Республике Узбекистан № 01/3-15-07/3-221 от 7 августа 2013 г.). Практически в 10 раз снизилась доля русского населения, которое является либо православными, либо потенциально православными. При этом наблюдается старение русского населения, ухудшение демографических показателей. Не стоит забывать, что средний процент активно верующего населения значительно ниже процента населения, потенциально исповедующего православие (русские). К примеру, в статье действующего священнослужителя из г. Усть-Каменогорска (Республика Казахстан) М. М. Ларионова (Иустин) отмечается, что в среднем от общей численности русского населения только 0,5 – 1,5 % можно отнести к активным верующим [11, с. 13]. К тому же на русское население в Ангрене накладывает отпечаток опыт проживания в пролетарском городе, а именно склонность к материалистическому мировоззрению, отсутствие молебного дома в советское время.

В подобных условиях с 1992 г. в Ангрене действует молитвенный дом в честь иконы Божьей Матери «Взыскание погибших». Здание представляет собой небольшое одноэтажное строение – частный дом, который был выкуплен прихожанами и общими усилиями превращен в церковь. Настоятель молитвенного дома иерей Алексей, приписанный к ангреному приходу с 2009 г., сообщил, что в год совершается около 150 крещений, на воскресной службе регулярно присутствуют 50 – 60 человек, что свидетельствует об активной деятельности ангреноского прихода среди по-

тенциально православного населения (невоцерквленных русских, корейцев и др.) и «возвращению» русских из сект. К тому же православное население крупного поселка Нурабада (30 км от Ангренa) посещает ангрeнский молитвенный дом. После введения практики огласительных бесед перед крещением большинство крещаемых становятся активными прихожанами [8].

Полевые исследования автора в Восточном Казахстане (Семей и Усть-Каменогорск) в июне 2014 г. и в городах Ташкентской области в августе 2014 г. доказывают, что опыт огласительных бесед, предложенный патриархом Кириллом (Гундяевым), положительно сказывается на приобщении православных верующих к церкви, также огласительные беседы позволяют священнослужителям лучше узнать свою паству.

Ситуация с православием в г. Алмалыке по сравнению с Ангреном отличается большей степенью религиозной активности. Хотя алмалыкская православная община обладает теми же чертами, что и ангрeнская – малая традиция воцерквленности населения, связанная с советским прошлым. Однако, с другой стороны, невоцерквленное русское население дает потенциал для миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. В Алмалыке с 1988 г. работает Храм Успения Пресвятой Богородицы, который был специально построен под нужды православной общины. Алмалык в постсоветский период сохранил основные производственные мощности города, поэтому отток населения из него не был таким масштабным, как из Ангренa. К 1 января 2013 г. в городе проживало 119102 человек, среди них узбеков – 48771 человек (40,9 %), **русских** – 30840 человек (25,8 %), корейцев – 6968 человек (5,8 %), таджиков – 4663 человек

(3,9 %). (Материалы предоставлены государственным комитетом по статистике Республике Узбекистан № 01/3-15-07/3-221 от 7 августа 2013 г.). По сравнению с Ангреном, в Алмалыке потенциальных православных больше ввиду высокой доли их удельного веса в составе населения города. Положительным фактом является то, что при Храме работает Воскресная детская школа. Настоятель Храма в 2013 г. иерей Игорь сообщил, что в 2012 г. провел 700 крещений за 1 год [6]. В 2013 г. воскресные службы регулярно посещали 60 – 80 человек. В последние годы деятельность православной церкви направлена на осознанное привлечение прихожан и приобщение к христианским ценностям.

Несмотря на тот факт, что правительство Республики Узбекистан создает благоприятные условия для развития ислама, православия и других религий, дальнейшая судьба православных приходов городов Узбекистана будет зависеть от миграционной активности русского населения. Православие на территории современного Узбекистана укрепилось со второй половины XIX в. и являлось основным идентификационным маркером русских, обеспечивая связь Государства с переселенцами на южной окраине Российской империи. В советскую эпоху атеизма православие локализовалось преимущественно в городах, в которых религия утвердилась ещё в дореволюционный период, однако, не поощрялось её распространение в промышленных центрах Узбекской ССР. На примере городов Ташкентской области Ангрен и Алмалык в постсоветский период можно проследить укрепление православия в промышленных городах Узбекистана.

Литература

1. Абдуллаев Е. Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях модернизации // Русский мир в Центральной Азии: сборник статей и материалов. Вып. 1. Бишкек, 2007. С. 9 – 33.
2. Ахмедов Э. А. Новые города Ташкент – Чирчик – Ангренского промышленного района: дис. ... канд. экон. наук. Ташкент, 1962. 248 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф.Р-5446. Оп. 86а. Д. 3065. Л. 10.
4. Ларионов М. М. Взаимосвязь демографических процессов в Средней Азии и Казахстане с административными реформами Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) // История и культура юго-западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы четвертой Международной научно-практической конференции. Горно-Алтайск, 6 – 7 июня 2013 г. Горно-Алтайск, 2013. С. 5 – 17.
5. Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская). Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. чиновника особых поручений при Переселенческом Управлении Н. Гаврилова. СПб., 1911. 336 с.
6. Полевые материалы автора: алмалык, иерей Игорь Скорик, русский, август 2013 г.
7. Полевые материалы автора 2013 г.: Ангрен, Кахрамон ходжа, узбек, служитель культа, август 2013 г.
8. Полевые материалы автора 2014 г.: Ангрен, иерей Алексей Балухатин, русский, август 2014 г.
9. Полевые материалы автора 2014 г.: Алмалык, М., русская, 79 лет, пенсионер, сентябрь 2014.
10. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 4865. Л. 123.
11. Стаценко С. Специфика современного конфессионального состояния православной диаспоры в Средней Азии // Вторые востокведческие чтения памяти Н. П. Остроумова. Ташкент, 2010. С. 301 – 328.
12. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее ЦГА РУз). Ф. 7. Оп. 1. Д. 5066. Л. 72.
13. ЦГА РУз. Ф.Р-2412. Оп. 1. Д. 342. Л. 14.
14. ЦГА РУз. Ф.Р-837. Оп. 39. Д. 901. Л. 10.

Информация об авторе:

Цыряпкина Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета, guzvenko@yandex.ru.

Yuliya N. Tsyryapkina – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of World History, Altai State Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

РАЗВИТИЕ ИНДИГЕНННОГО ТУРИЗМА В РОССИИ

А. П. Чемчиева

INDIGENOUS TOURISM DEVELOPMENT IN RUSSIA

A. P. Chemchieva

Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00170.

Представленная статья посвящена изучению российского опыта развития индигенного туризма и включения коренных малочисленных народов России в туристическую деятельность. В соответствии с поставленной целью в статье проанализированы терминологические проблемы, связанные с определением индигенного туризма. В статье отмечается, что Россия стремится развивать индигенный туризм с целью решения задачи модернизации традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов. Проблемы становления индигенного туризма рассматриваются в статье на примере нескольких российских регионов. В качестве положительных примеров представлен опыт двух территорий – Ямало-Ненецкого автономного округа и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В качестве недостаточно успешных примеров развития индигенного туризма представлен опыт Хабаровского и Алтайского краев. В заключении статьи делается вывод о том, что становление индигенного туризма в России находится на ранней стадии развития.

The paper focuses on researching the Russian practices of indigenous tourism development, as well as involvement of Russia's indigenous people into the touristic activities. According to this subject, several tasks are set: to analyze the terminological problems of indigenous tourism; to represent the landmarks of Russian state policy, concerning the development of indigenous tourism; to describe the problems of indigenous tourism emergence and development by the examples of some Russian regions since the mid 2000s to present time. The problems of indigenous tourism development were reviewed with the examples of several Russian regions. Yamalo-Nenets Autonomous Okrug and Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra territories were described as positives examples. Khabarovsk Krai and Altai Krai were reviewed as the example of fairly unsuccessful regions in terms of indigenous tourism. The analysis of the Russian experience of tourism development in the areas populated with indigenous peoples allows inferring that the development of indigenous tourism in Russia is still at its initial phase.

Ключевые слова: Российская Федерация, индигенный туризм, аборигенный туризм, этнический туризм, коренные малочисленные народы.

Keywords: Russian Federation, indigenous tourism, aboriginal tourism, ethnic tourism, indigenous peoples.

В последние годы всё больше представителей коренных народов по всему миру переориентируются с традиционных видов деятельности на сферу услуг. В разных уголках земли растёт значение туристической деятельности, организуемой с участием коренных народов. За рубежом данное направление туризма является одним из самых быстрорастущих сегментов туристского рынка и в разных странах определяется либо как «индигенный туризм» (indigenous tourism), либо как «аборигенный туризм» (aboriginal tourism) [13, с. 2].

Индигенный туризм приобретает все более глобальные масштабы и постепенно начинает формироваться и в России. В этой связи целью данной статьи является исследование российского опыта развития индигенного туризма и включения коренных малочисленных народов России в туристическую деятельность. Данная тема имеет особую актуальность, поскольку Российская Федерация обладает огромным потенциалом для развития индигенного туризма, а именно:

- уникальным составом коренных малочисленных народов, сохраняющих традиционные системы жизнеобеспечения;

- многообразием культурного и языкового наследия коренных малочисленных народов;

- большим количеством объектов культурно-исторического наследия коренных малочисленных народов (священные места, архитектурные и археологические памятники, этнографические музеи, центры народных промыслов и т. д.);

- высоким природно-рекреационным потенциалом территорий исконного проживания коренных малочисленных народов;

- сетью общин коренных малочисленных народов, готовых работать в сфере туризма.

В соответствии с поставленной целью в статье сформулированы следующие задачи: проанализировать терминологические проблемы, связанные с определением индигенного туризма; представить ориентиры российской государственной политики в сфере развития индигенного туризма; охарактеризовать проблемы становления индигенного туризма на примере нескольких российских регионов в период с середины 2000-х гг. по настоящее время.

Индигенный туризм является одной из форм альтернативного туризма, наряду с экотуризмом, агротуризмом, спортивным туризмом и т. д. С. Медлик относит к альтернативному туризму такие формы туризма, которые в своем стремлении усилить положительные социальные, культурные и экологические последствия туристической деятельности и избежать отрицательных последствий, выступают альтернати-

вой массовому туризму. По С. Медлику альтернативный туризм характеризуется малым масштабом, персонализацией и независимостью, небольшим количеством туристических групп, регулируемым развитием, а также акцентированием путешествий на жизненном опыте принимающих культур, сохранении и поддержании традиционных ценностей и обществ [12, с. 11].

Специфика индигенного туризма подразумевает непосредственный контакт с самобытной культурой, хозяйством и бытом коренных народов. В соответствии с определением Р. Батлера и Т. Хинча, индигенный туризм – это туристическая деятельность, основанная на привлекательности культуры коренных народов, в которой коренные народы участвуют либо непосредственно, либо через контроль над ней [11, с. 5].

В мировой практике накоплен значительный опыт в организации индигенного туризма. Этот тренд в развитии индустрии туризма реализуется, прежде всего, в Австралии, Канаде, США и Латинской Америке. Тем не менее развитие индигенного туризма вызывает у зарубежных экспертов неоднозначную оценку. Прежде всего, полемика ведется вокруг вопроса – какие возможности и угрозы несет коренным народам участие в сфере туризма. Отметим, что многие национальные правительства и международные организации рассматривают индигенный туризм как средство устойчивого экономического и социального развития коренных народов, способствующее сплоченности общин и сохранению культурных традиций, а в некоторых случаях и традиционных земель. В то же время параллельно существуют представления о потенциальной эксплуатации групп коренного населения в рамках индигенного туризма, о неизбежности аккумуляции и разрушения социальной ткани общества коренных народов и необратимом уничтожении их естественной среды обитания [10, с. 12; 11, с. 3 – 4].

В России индигенный туризм не выделяется как самостоятельное направление туризма, а рассматривается в качестве компонента этнического туризма. Наиболее распространенное определение этнического туризма, установившееся в отечественной литературе, в обобщенном виде звучит так: этнический туризм – это разновидность культурно-познавательного туризма, ставящая перед собой целью ознакомление с самобытной культурой, бытом, традициями и обычаями различных народов.

Обратим внимание, что эпитет «этнический» не единственный, который применяется в России для обозначения рассматриваемой разновидности культурно-познавательного туризма. Наряду с термином «этнический туризм» (сокращенно «этнотуризм»), употребляются такие формулировки, как «этнографический туризм», «этнокультурный туризм», «этнологический туризм». Однако наибольшее признание получили два термина – «этнический туризм» и «этнографический туризм». При этом во многих работах эти термины употребляются как синонимы [2; 7; 8], хотя некоторые авторы все же предлагают дифференцировать понятия «этнический туризм» и «этнографический туризм» [6, с. 178; 9, с. 2].

Этнический туризм имеет тенденцию к диверсификации и в настоящее время в структуре этнического туризма выделяют, помимо индигенного туризма, еще несколько подвидов – ностальгический (генеалогический), антропологический, джайлоо-туризм. Формирование новых подвидов этнического туризма позволяет ряду авторов говорить о целесообразности признания этнического туризма в качестве самостоятельного вида туризма [1, с. 107; 4, с. 182].

Не касаясь более вопросов терминологии и классификационных критериев этнического туризма, не являющихся предметом данной статьи, перейдем к характеристике индигенного туризма. Прежде всего, обратим внимание, что в российском академическом дискурсе в отношении туристической деятельности, организуемой в сообществах коренных народов, преимущественно используется термин «аборигенный туризм», нежели «индигенный туризм». Представим несколько подобных дефиниций, сформулированных в работах отечественных исследователей:

«...аборигенный туризм – это тот сегмент туристической деятельности, в котором участвует коренное население, чья этническая особенность и является основной туристической достопримечательностью» [3, с. 15];

«...аборигенный туризм – это этнический туризм с участием (вовлечением) представителей коренного населения. Такой туризм подразумевает погружение туриста в среду коренного населения, непосредственное знакомство с местной национальной культурой» [7, с. 53];

«Аборигенный туризм (aboriginal tourism, indigenous tourism) – вид туризма, в котором коренные народы непосредственно вовлечены в организацию туристической индустрии» [4, с. 181].

За рубежом в качестве наименования рассматриваемого нами сегмента туристической индустрии используются оба термина, как «аборигенный туризм», так и «индигенный туризм». При этом оба термина используются практически как равнозначные и синонимичные понятия. Обыкновенно выбор термина зависит от исторически сложившихся в отдельных странах традиций обозначения коренного населения. Например, в Австралии, Канаде, США широко используется термин «аборигенный туризм», поскольку именно в отношении коренных жителей данных государств, открытых европейцами в Новое время, закрепился в английском языке термин «аборигены». В то же время в указанных странах и в целом во всем мире все большее распространение и признание получает термин «индигенный туризм». Данное обстоятельство связано с тем, что в последние десятилетия термин «индигенные народы» (indigenous peoples) приобрел на глобальном уровне большое влияние и стал использоваться в международном праве и системе учреждений ООН для идентификации различных групп коренного населения без учета национальных границ или местных норм.

В данной работе мы придерживаемся мнения о целесообразности употребления в России термина «индигенный туризм», хотя и не отрицаем его синонимичности с термином «аборигенный туризм». Наш выбор одного из двух равнозначных терминов в качестве основного обусловлен не только тем, что термин

«индигенные народы» входит в международно-правовую лексику, но и тем, что он нейтрален в оценочном отношении, не содержит ни позитивной, ни негативной оценки коренных народов. Между тем термин «аборигены» может иметь в России отрицательные коннотации, вызываемые прочной и устоявшейся еще с советских лет ассоциацией с людьми, ведущими первобытный образ жизни, которых не коснулся научно-технический прогресс. В частности, пренебрежительный оттенок термина «абориген» зафиксирован в «Словаре социолингвистических терминов» [5, с. 17].

В индигенном туризме объектом туристских программ выступают представители коренных народов. Это очевидный факт, но в российской действительности он требует уточнения. Речь о том, что термин «индигенные (коренные) народы», употребляемый в контексте международного права не совпадает по содержанию с одноименным понятием, используемым в российском законодательстве. В первом случае юридический, международный стандарт для использования термина «индигенные (коренные) народы», представленный в Конвенции МОТ № 169 (1989 г.), распространяется на коренные и племенные народы вне зависимости от их численности; во втором случае – конституционное признание прав, соответствующих международным нормам, в России получили только коренные малочисленные народы, насчитывающие до 50 тысяч человек.

Это различие имеет существенное значение для понимания того, что в России с юридической точки зрения коренными народами может именоваться лишь некоторая часть автохтонных народов, подпадающих под действие Конвенции МОТ № 169. И эти народы, чья численность не превышает установленный лимит, с 2000 г. включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. В настоящее время в данный правительственный список входит 47 народов (не считая 14 коренных малочисленных народов Дагестана).

Как видно, в России в определении объекта индигенного туризма возможны разногласия – «коренные народы» или «коренные малочисленные народы». На наш взгляд, решение проблемы лежит в области российского права, и поэтому в российских реалиях именно представители коренных малочисленных народов выступают объектом индигенного туризма. В этой связи более крупные автохтонные этнические общности России, не обладающие правовым статусом коренных народов, выступают объектом туристских программ этнического туризма.

В современной России на реализацию концепции индигенного туризма возлагаются большие надежды. С развитием индигенного туризма ассоциируется решение множества проблем коренных малочисленных народов, связанных с сохранением исторического и культурного наследия, обеспечением занятости, повышением уровня и улучшением качества жизни. В этой связи необходимость развития индигенного туризма постулирована в стране на государственном уровне. В Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (2009 г.) отмечается,

что для решения задачи развития и модернизации традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов необходимо развитие этнотуризма и экологического туризма с участием представителей коренных малочисленных народов в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности.

Однако на сегодняшний день индигенный туризм получил апробацию лишь в нескольких российских регионах. Пионерами по развитию индигенного туризма в России стали Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (ХМАО).

В середине 2000-х гг. в Ямало-Ненецком автономном округе был предпринят ряд мер по развитию туристской индустрии, сыгравших в числе прочего важную роль в вовлечении коренных малочисленных народов округа в туристическую деятельность. Прежде всего, в 2005 г. в округе было учреждено Агентство по туризму ЯНАО. При участии данного агентства в округе была проведена большая работа по разработке и принятию нормативно-правовых документов по поддержке туристской индустрии. Принятые документы – «Концепция развития туризма в Ямало-Ненецком автономном округе на период 2007 – 2010 гг.» (2006 г.), «Закон о туристской деятельности в Ямало-Ненецком автономном округе» (2007 г.), «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа» (2009 г.) – неизменно включали в себя нормы о поддержке этнографического туризма с участием коренных малочисленных народов Севера.

Деятельность органов власти ЯНАО по развитию туристической отрасли не ограничивается принятием нормативных правовых актов. Еще в 2006 г. в ЯНАО было создано Государственное бюджетное учреждение «Ямалтур» (г. Салехард) с целью развития внутреннего и въездного туризма. «Ямалтур» стал одним из первых туроператоров в стране, занявшимся разработкой этнографических туров, знакомящих туристов с жизнью и культурой коренных народов Севера – ненцев, хантов, селькупов.

В настоящее время в ЯНАО разработано несколько видов этнографических маршрутов. Программы этнотуров обычно включают экскурсии на Природно-этнографический комплекс в поселке Горнокизевск и Музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского (г. Салехард), рассказывающих об истории Ямала, культуре и традиционном образе жизни коренных народов Севера.

Кроме музейных экспозиций программы этнотуров могут включать в себя посещение традиционных праздников коренных народов Севера – «Ворна Хатл» («Вороний день»), День оленевода и др. Ключевым элементом программы этнотуров в ЯНАО является посещение оленеводческих стойбищ. Проживание в оленеводческом стойбище позволяет путешественникам погрузиться в реальную жизнь коренных народов Севера, пожить в настоящем чуме, познакомиться с кочевым укладом жизни, самобытной культурой и древними традициями, отведать блюда традиционной кухни, покатайтесь на оленьих упряжках, поучаствовать в отлове оленей и иных хозяйственных занятиях.

Деятельность туроператоров в ЯНАО в сфере индигенного туризма основывается на соглашениях с общинами коренных малочисленных народов по организации и приёму туристов. В настоящее время у общин коренных малочисленных народов ЯНАО имеется большой опыт приема отечественных и зарубежных туристов на своих оленеводческих стойбищах. По данным Департамента молодёжной политики и туризма ЯНАО в сфере туризма задействовано 16 общин народов Севера и 1 индивидуальный предприниматель из числа коренного населения, а еще 3 общины и 9 индивидуальных предпринимателей из числа коренного населения планируют осуществлять деятельность в сфере туризма (*Прим. автора: Предприятия КМНС, осуществляющие или планирующие осуществлять деятельность в сфере туризма // Департамент молодёжной политики и туризма ЯНАО: сайт. URL: <http://yamolod.ru/kategorii/turindustriya-ya-nao> (дата обращения: 14.09.2015)*).

Руководство ЯНАО стремится поддерживать развитие туристских предприятий автономного округа и с 2012 г. проводит конкурс на лучшие туристические проекты в области внутреннего и въездного туризма. Ежегодно в округе присуждается 6 грантов, размеры которых составляют от 200 до 700 тысяч рублей.

В середине 2000-х гг. руководство Ханты-Мансийского автономного округа – Югры также оценило перспективы туристической отрасли и взяло курс на ее развитие. Со временем руководство ХМАО утвердилось во мнении, что самобытная этническая культура, традиционный образ жизни и древние промыслы ханты, манси и ненцев – коренных малочисленных народов округа, выступают локальным туристическим брендом.

В ХМАО был принят ряд нормативно-правовых документов, включавших в себя нормы о необходимости развития этнографического туризма и создания условий для вовлечения коренных малочисленных народов округа в туристическую деятельность. Это – «Развитие туризма в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» на 2008 – 2013 гг.» (2008 г.), «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» (2011 г.), «Концепция развития внутреннего и въездного туризма в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (2012 г.), «Закон о туризме в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (2012 г.), «Стратегия социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2020 г. и на период до 2030 г.» (2013 г.).

В ХМАО ведется активная работа по воплощению в жизнь сформулированных в нормативно-правовых актах приоритетов и задач в сфере туризма. В 2013 г. Правительство ХМАО заявило о планируемом вложении инвестиций в сферу туризма на сумму в 5 млрд рублей. С 2013 г. в рамках государственной программы «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2014 – 2020 гг.» осуществляется грантовая поддержка проектов коренных малочисленных народов в сфере этнографического туризма. Ежегодно в округе присуждается 6 грантов,

размеры которых составляют от 750 до 3500 тыс. рублей.

В течение 2000-х гг. туроператоры ХМАО разработали ряд этнографических туров, знакомящих туристов с традиционной культурой и традиционным хозяйством ханты, манси и ненцев. Программы этнотуров в ХМАО включают в себя экскурсии в этнографический музей-заповедник под открытым небом «Торум Маа» (г. Ханты-Мансийск) и поселки коренных малочисленных народов, ознакомление с традиционными праздниками, такими как «Вурнга хатл» («Вороний день») и «Вурщих хатл» («Праздник трясогузки»), культовый праздник «Медвежки игрища», спортивный праздник «День Обласа», оленеводческий праздник «День оленевода».

Для наиболее близкого знакомства с жизнью коренных малочисленных народов туристам в ХМАО предоставляется возможность посетить и пожить на стойбищах оленеводов. По данным Управления туризма Департамента природных ресурсов и несырьевого сектора экономики ХМАО на начало 2014 г. в регионе осуществляли деятельность по приему туристов 12 национальных общин коренных малочисленных народов (*Прим. автора: Национальные общины, принимающие туристов // Туризм в Югре: сайт. URL: <http://www.tourism.admhmao.ru/wps/portal/tur/home/tourism-in-ugra/material/tur-tourism-in-ugra-etno-tourism/ac4c9a8a-13b9-4d40-ae5f-cd707b51e489> (дата обращения: 14.09.2015)*). Посещение стойбищ позволяет туристам посмотреть на хозяйственную деятельность оленеводов, пожить в чумах, услышать традиционные песни, попробовать национальную кухню, принять участие в сборе ягод, рыбалке и т. д.

Осуществляемая органами управления Ямало-Ненецкого АО и Ханты-Мансийского АО последовательная политика поддержки предпринимательской деятельности общин коренных малочисленных народов в сфере этнографического туризма не имеет аналогов по стране. В этой связи перспективы развития индигенного туризма в других российских регионах достаточно неопределенны. Тем не менее в ряде субъектов России имеются отдельные примеры участия общин коренных малочисленных народов в туристической деятельности без правовой и финансовой поддержки со стороны федеральных и региональных властей. Приведем лишь два примера.

Так, в с. Сикачи-Алян Хабаровского края община коренного малочисленного народа – нанайцев «Сородичи» открыла в 2013 г. гостевой домик «Нанайская фанза» для приема туристов. Часть финансовых средств (250 тыс. руб.) на строительство домика община получила от Администрации Хабаровского района в виде муниципального гранта на развитие туризма (*Прим. автора: ДВГУПС помог нанайцам организовать бизнес // Информационное агентство «Восток-Медиа»: сайт. 26.12.2013. URL: <http://www.vostokmedia.com/n184526.html> (дата обращения: 14.09.2015)*). Этнографический тур в нанайскую общину включает в себя встречи и проводы гостей в фольклорном стиле (концерт), экскурсию на петроглифы в окрестностях села, мастер-классы по разделке рыбы, бересте, вышивке, шаманскому танцу, игре на нанайских музыкальных инструментах и изготовле-

нию нанайских сувениров, дегустацию национальной кухни, фотосессию в нанайских костюмах и т. д.

В Алтайском крае представители коренного малочисленного народа – кумандинцев прилагают усилия для развития в местах своего проживания этнографического туризма. Действующие в с. Красногорское «Алтайская региональная общественная организация кумандинцев «Тореен чер» (Родина)» и «Национально-культурный центр кумандинской культуры» заключили в 2014 г. соглашение с туристической компанией ООО «Алтай Тур» о сотрудничестве на туристическом маршруте «Малое Золотое кольцо Алтая». Данный маршрут представляет собой автопутешествие и включает в себя посещение двух городов и четырех районов края. В соответствии с соглашением кумандинцы с. Красногорское разработали несколько видов культурных программ в зависимости от состава целевой аудитории: для детей, взрослых, людей пожилого возраста и иностранцев. Предлагаемые культурные программы включают в себя выступление фольклорной группы «Одычак» (Огонек), исполняющей кумандинские песни и частушки, проведение традиционных обрядов, знакомство с мифами и легендами кумандинцев, мастер-классы по приготовлению этнических блюд, демонстрацию музейных экспозиций и фотовыставок, реализацию сувенирной продукции, фотосессию в этнических костюмах

(Прим. автора: Интервью с руководителем «Национально-культурного центра кумандинской культуры» (с. Красногорское) А. Д. Амировой от 19.08.2014 г. // Архив автора).

Анализ российского опыта организации туризма в районах проживания коренных малочисленных народов позволяет говорить, что становление индигенного туризма в России находится на ранней стадии развития. Индигенный туризм как самостоятельное направление занимает незначительное место в российских туристских потоках. Рыночный сегмент индигенного туризма в России еще достаточно узок и поэтому индигенный туризм часто выступает в качестве одного из элементов интегральных турпродуктов.

В России еще нет осознанной политики в сфере индигенного туризма, нет единой разработанной стратегии по поддержке и развитию индигенного туризма. Проблемы организации индигенного туризма решаются в стране в определенном смысле стихийно, без конструктивной концептуальной основы и действенной законодательной базы на федеральном уровне. В этой связи особое значение в развитии индигенного туризма в России на местах, в продвижении туристического продукта коренных малочисленных народов имеет правовая и финансовая поддержка со стороны, прежде всего, региональных и районных властей.

Литература

1. Барлукова А. В. Классификационный статус этнического туризма // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. № 4(72). С. 106 – 108.
2. Курина В. Культурно-познавательные возможности этнического туризма // Все о туризме – туристическая библиотека. Режим доступа: http://tourlib.net/stati_tourism/curina.htm (дата обращения: 14.08.2015).
3. Моралева Н. В., Ледовских Е. Ю., Келер Т., Киричевский Д. В., Рубцова М. Ю., Чижова В. П. Аборигенный экотуризм: методическое пособие. М.: ЦС КМНС, 2008. 108 с.
4. Святоха Н. Ю., Филимонова И. Ю. Подходы к классификации этнического туризма // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2014. № 6(167). С. 179 – 183.
5. Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.
6. Стрельникова М. А. Этнографический туризм: реальность и перспективы // Наука и мир. 2014. № 10(14). Т. 1. С. 178 – 180.
7. Сундуев Ч. Б., Хышиктуева Л. В. Этнотуризм как одно из направлений культурно-познавательного туризма // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2009. № 4. С. 53 – 56.
8. Суртаев Б. М. Этнографический туризм как способ сохранения и возрождения этнокультурного наследия // Вестник угроведения. 2012. № 1(8). С. 178 – 182.
9. Щукин А. И. Предпосылки и факторы развития этнического туризма на Северо-Западе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. СПб.: СПбГУ, 2002. 22 с.
10. Bresner K. Othering, Power Relations, and Indigenous Tourism: Experiences in Australia's Northern Territory // PlatForum. 2010. Vol. 11. P. 10 – 26.
11. Butler R., Hinch T. Introduction: revisiting common ground // Tourism and Indigenous Peoples: Issues and Implications. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2007. P. 1 – 12.
12. Medlik S. Dictionary of Travel, Tourism and Hospitality. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2003. 273 p.
13. Tremblay P., Wegner A. Indigenous/aboriginal Tourism Research in Australia (2000 – 2008): Industry Lessons and Future Research Needs. Gold Coast, QLD: CRC for Sustainable Tourism Pty Ltd, 2009. 102 p.

Информация об авторах:

Чемчиева Аржана Петровна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, arjana@ngs.ru.

Arzhana P. Chemchieva – Candidate of Philosophy, Research Associate at the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА 1628 – 1629 ГГ.**

А. В. Ющенко

**THE ENGLISH PARLIAMENT SITTINGS IN 1628 – 1629:
AN ARCHEOGRAPHIC APPROACH**

A. V. Yushchenko

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект № МК-200.2014.6).

В данной статье осуществляется археографический анализ источниковой базы по сессии английского парламента 1628 – 1629 гг. Автором предпринята попытка выделения основных этапов изданий документов типографским способом, проливающих свет на коллизии парламентской борьбы предреволюционной Англии. В основном, представленный материал позволяет успешно проследить историю публикаций источников в Англии с XVII по XX вв. Целью исследования также является выявление идейно-политического спектра, на фоне которого и осуществлялась издательская деятельность ценнейших источников по истории развития английского парламентаризма. Новизна археографического исследования данной сессии предреволюционной Англии видится в отсутствии подобных публикаций, столь необходимых при изучении предпосылок Революции и истории парламента в частности. Актуальность исследования обусловлена уникальностью политической и правовой истории Англии от других европейских стран. Последовательное возрастание роли парламента как в период гражданской войны, так и после нее, происходило на фоне общеевропейской тенденции к абсолютизму. Поэтому именно на примере истории Английского парламента важно проследить столь редкий опыт сохранения базовых правовых ценностей. Таким образом, обзор ключевых изданий источников по обозначенному периоду, а также представленный анализ господствующих теоретических течений, обусловивших их публикации позволяют полнее осветить историю парламентской борьбы и революции в Англии в контексте ее последующего историко-теоретического осмысления.

The paper features an archeographic analysis of the primary sources for the English Parliament sittings in 1628 – 1629. The author attempted to establish the main stages in publishing the documents which reveal the nature of the Parliamentary debates in the pre-revolutionary England. The sources analyzed allow tracing down the publication history for the primary sources in England in the 17th-20th centuries. The aim of the research is also to lay down the ideological and political framework which served as a publishing background for the sources concerning the development of the English parliamentary system. Such archeographic research is original as there are no such analyses necessary to study the backgrounds of the revolution and the history of the Parliamentary system in particular. A thematic justification for conducting this research is that the legal and political history of England differs from that of other European countries. The Parliament became more and more important, both in times of the Civil War and afterwards, and its role became more significant within the European trend in striving for absolute power consolidation. In this regard the history of the English Parliament reveals a unique experience in preserving the fundamental legal values. Analyzing the key primary sources for the given period as well as the leading political trends which provided for later publications allows revealing the nature of the Parliamentary debates and the consequent revolution in England from the historical point of view.

Ключевые слова: Карл I Стюарт, Английский Парламент, археография, заседания и дебаты, личные дневники.

Keywords: Charles I Stuart, English Parliament, archaeography, proceedings and debates, private diaries.

Несмотря на наличие как в англоязычных [10; 9; 17], так и в отечественных [1; 4] исследованиях предреволюционного английского парламента источниковедческих обзоров, необходимо отметить, что археографический анализ источниковой базы по сессии 1628 – 1629 гг. отсутствует. Наша статья призвана восполнить эту лакуну.

Вместе с тем нам представляется значимым обращение к данному сюжету в связи с необходимостью более детального освещения процессов, происходивших в британской элите накануне свержения монархии. Учитывая тенденцию роста интереса историков к исследованию природы государства, специфики культуры Раннего Нового времени и Англии как примера роста роли Парламента в условиях потрясений и революций. В данной статье представлен краткий обзор

публикаций ключевых комплексных источников и их характеристика. Формирование источниковой базы является неременным условием любого исторического исследования. А представление о полноте источниковой базы немыслимо без обращения к археографическому исследованию любой исторической проблематики.

Следует начать с того, сколько было парламентских сессий за время правления Карла I Стюарта. Фигура Caroli Regis, как именуют его источники [6; 7], важна в связи с изучением истоков Английской революции.

Карл I Стюарт занимал английский престол с 27 марта 1625 по 30 января 1649 г. За время его правления было проведено несколько парламентских сессий (таблица 1).

Парламентские сессии во время правления Карла I Стюарта

<i>Даты</i>	<i>Основные повестки</i>
1625	Требование субсидий для войны с Испанией, «бочоночный налог» (только на год), Карл распускает парламент.
1626	Попытка придать суду королевского фаворита герцога Бэкингема. Карл принимает на себя ответственность за все действия министра, распускает парламент, совершает принудительный займ.
1628 – 1629	«Петиция о Праве».
1640	«Короткий парламент». Были необходимы средства для войны с Шотландией. Но парламент припомнил все, что король сделал без согласования за 11 лет. Был распущен.
1640	«Долгий парламент» (существовал вплоть до разгрома его Кромвелем в 1653 г.).

Итак, мы можем наблюдать тенденцию – все парламенты, за исключением двух, существовали в рамках одного календарного года. Все, кроме парламента 1628 – 1629 гг., и так называемого «Долгого парламента». Первый из них стал для нас ключевым, так как в рамках его сессий наиболее остро обсуждались вопросы «исконных» прав и привилегий парламента. Тенденция, отмеченная выше, дает право утверждать, что Карл недостаточно внимательно слушал своих подданных, точнее, элиту английского общества. В данном случае представляется наиболее интересным проследить диалог короля с парламентом в рамках самого долгого (исключая собственно «Долгий парламент», ставший преддверием свержения монаршего строя) парламента. Для этого необходимо обратиться к источникам и их изданиям.

Объектом исследования в данной статье будет комплекс источников, отражающих деятельность Короля и парламентариев в период сессии 1628 – 1629 гг. Предметом в представленном исследовании выступают издания, публикации источников по Английскому Парламенту 1628 – 1629 гг. Теоретическая база состоит из специальных исторических подходов, таких как компаративный (или сравнительно-исто-

рический), дискурсивный подход, также был использован библиографический метод, широко применяемый в археографии. В рамках библиографического метода осуществлен поиск ключевых изданий источников по дебатам 1628 – 1629 гг.

Компаративный или сравнительно-исторический метод в данном случае помог раскрыть специфику условий, при которых рождались упоминаемые публикации. Каков был исторический фон, что послужило предпосылками для изданий – вот те вопросы, на которые помог ответить данный подход. О применении компаративного метода в гуманитарной плоскости и в частности в исследовании конкретных исторических источников – в источниковедении и археографии – говорили многие известные ученые (например, [3]). И, наконец, дискурсивный анализ был необходим для определения теоретических догм, господствующих парадигм, в период появления и наивысшего пика которых мыслили издатели искомым источников.

Анализ материала позволил выявить ряд особенностей в процессе публикаций материалов за 1628 и 1629 гг. В таблице 2 можно увидеть, сколько было изданий и переизданий источников по сессии 1628 – 1629 гг.

Таблица 2

Издания и переиздания по сессии 1628 – 1629 гг.

<i>За какой год сессии 1628 – 1629 гг. содержатся материалы</i>	<i>Год публикации</i>	<i>Содержание</i>
Издание опосредованно упоминает о предшествующей «Долгому Парламенту» сессии	1641	Публикация некоторых журналов [19].
1628 – 1629	1654	Публикация некоторых журналов [8].
1628 – 1629	1680	Публикация Коллекции [14].
1628 – 1629	1703	Публикация Коллекции, начиная с парламентов Якова I Стюарта, заканчивая дебатами сессии 1628 – 1629 г. [11].
1628 – 1629	1707	Публикация некоторых журналов [16].
1628 – 1629	1751	Переиздание по всей Парламентской истории [12].
1628 – 1629	1878	Перечень английских графств с именами парламентариев [13].
1629	1921	Публикация всех источников по 1629 г. [7].
1628	1977	Публикация всех источников по 1628 г. в 4-х т. [6].

Необходимо отметить, что о сессии 1628 – 1629 гг. упоминается в издании уже 1641 г. Что характерно, само издание посвящено несколько иным сюжетам, связанным с деятельностью «Долгого парламента». Однако это издание упоминают в качестве источника авторы комплексной публикации источников по 1629 г., вышедшей в свет в 1921 г. Симптоматично, что современники событий подвергали определенной рефлексии процессы, характерные, по меньшей мере, для прослойки британской элиты. Издание «The Diurnall Occurrences» имело продолжение, и представляло собой публикации дальнейших дебатов «Долгого парламента» уже в 1642 г.

В 1654 г. Томас Фулер публикует «Ephemeris parliamentaria» – источник, в котором описаны именно третий и четвертый годы царствования короля Карла, т. е. 1628 – 1629 гг. В самом названии вышеупомянутой публикации мы видим описание содержания – это речи, случаи (кейсы, как сказали бы сейчас), а также аргументация как со стороны короля, так и со стороны представителей обеих палат парламента. Также автор в самом названии дает понять его отношение к публикуемым дебатам, называя некоторые идеи «мистериями» и упоминая об агитации.

В 1680 г. мистер Рашуорт (Rushworth), помощник клерка в палате Общин, публикует так называемый «Законченный каталог» всех книг и отдельных листов, где можно найти информацию по интересующей нас сессии. Однако это издание, по всей видимости, все же не оказалось столь полным, как предполагал автор. Доказательством тому служит публикация, вышедшая следом, через 23 года, за тем же авторством. Лишь название претерпело определенные изменения – «Исторические коллекции: сокращенные и улучшенные». В данном издании можно наблюдать дебаты яковитских парламентов, а также парламентов Карла I Стюарта, включая сессию 1628 – 1629 гг. и заканчивая ею. Это массивное издание, обогащенное пометками на полях, несомненно, имеет ценность для изучения описываемого периода английской истории.

Джон Паркхурст (Parkhurst) в 1707 г. опубликовал коллекцию трудов парламента 1628 г. сэра Томаса Кроу (Thomas Crew). Здесь, по всей видимости, под «парламентом 1628 г.» подразумевается вся сессия, включая и 1629 г., т. к. авторы издания 1921 г. упоминают выше обозначенную коллекцию в числе источников.

В 1878 г. вышло издание в двух томах, в котором содержался перечень парламентариев нижней палаты с указаниями, откуда они родом, из каких графств, охватывая период с 1213 по 1874 гг. Колоссальный труд, имеющий высочайшую ценность еще и потому, что в нем были учтены представители всех трех королевств – Англии, Шотландии и Ирландии (England, Scotland and Ireland). В каждом округе перечисляются первые рыцари графства. Затем перечисляются парламентские городки графств в алфавитном порядке и члены от каждого из них. Издание 1878 г. послужило отправной точкой в формировании списков членов палаты Общин в публикации 1977 г. Авторы издания 1977 г. оформили два списка членов Палаты Общин 1628 г.: в первом – в алфавитном порядке фамилий

членов, второй – в алфавитном порядке по названиям округов. К первому списку есть ряд ссылок на работы, содержащие биографическую информацию по многим из членов Парламента.

Перед тем как перейти к описанию публикаций 1921 и 1977 гг. – ключевым комплексным публикациям на сегодняшний день, редакторы которых учли весь массив имеющихся на сегодняшний день источников и опубликовали их в наиболее доступном виде, хотелось бы выделить еще один аспект. Интересно то, что авторы этих последних на сегодняшний день и наиболее полных изданий в процессе описания редакторской работы и в библиографических ссылках упоминали не все из вышеперечисленных изданий. Возможно, потому что в некоторых публикациях содержалось слишком много повторов, что могло привести к исключению некоторых источников, как не имеющих информационной ценности. Разумеется, обобщающих тот или иной массив источников (сужая его до отдельной коллекции) публикаций было несколько. Выделены наиболее значимые, освещающие события с позиций разных персон.

Уоллес Ноутстейн в 1921 г. предпринял попытку стандартизации текстов с учетом наличия как печатных версий, так и множества рукописных.

Если говорить о группах источников, для 1629 г. можно выделить следующие.

Нарративные источники: Новостные письма (f. e., Nothersole's Letters), Частные дневники (f. e., Grosvenor's Diary).

Документальные источники: Общие Журналы (те, что сохранились после великого лондонского пожара 1666 г.), Парламентские сборники (Коллекции, как, например, в Британском музее, или в отдельных домах, состоящие из рукописей за одну или несколько сессий. В коллекциях могли использоваться общие журналы и частные дневники) [5].

Источники за 1628 г. были опубликованы значительно позже – в полном варианте только в 1977 г. [6], под редакцией Роберта Джонсона и Мери Килер. В данном случае группы источников будут те же, отличаться будет лишь перечень:

1. Нарративные источники: отдельные копии биллей, спичей, их компиляции, основные выступления сессии 1628 г., с помощью которых есть возможность создания полного отчета заседаний etc. (f. e., British Museum, Harleian MS), Частные дневники (f. e., Дневник сэра Ричарда Гросвенора (Trinity MSS. E. 5. 33 – 36, The diary of Sir Richard Grosvenor), Дневник Джона Ньюдиджейта (CR 136/A.1, The diary of John Newdegate), Harleian MSS. 2313, 5324 [British Museum], анонимный дневник, etc), коллекция парламентских спичей, переписки современников (письма членов Парламента о ходе сессий).

2. Документальные источники: официальные источники (рукописи, относящиеся к Палате Лордов и манускрипты, относящиеся к Палате Общин).

Если говорить об издании 1921 г. – т. к. оно было выпущено ранее, нежели материалы по 1628 г. – следует отметить следующие особенности формирования. Авторы обращают внимание на тот факт, что в их издании присутствуют источники, неоднократно пе-

чатавшиеся до того [7, р. XV]. Подобное совпадение не случайно. Дело в том, что некоторые материалы до их первого издания (как отмечают авторы, еще в 1641 г.), множество раз переписывались. В процессе переписывания появлялись неточности и искажения, которые перешли в печатный текст. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что первые печатные версии также не всегда отличались четкостью написания. Потому последующие издатели могли невольно продолжить искажение текста. В данном контексте весьма оправдано наличие уже неоднократно публиковавшихся текстов в сборнике материалов, вышедшем с применением современных технологий и норм языка. Авторы обращают внимание на то, что во всех возможных случаях старались привлечь рукописные оригиналы для формирования окончательной печатной версии, а не просто опирались на последний печатный вариант. Первые печатные издания часто базировались лишь на рукописях, имевшихся в единственном экземпляре. Первые попытки обобщения относятся уже к викторианской эпохе. К примеру, можно упомянуть Самуэля Гардинера [9], впервые публиковавшего обобщающие труды в XIX в., имеющие сегодня ряд переизданий.

Принцип структурирования источников не одинаков, если сравнивать издания 1921 и 1977 гг. Если дебаты за 1629 г., изданные в 1921 г., распределены в издании по видам источников, то в публикации 1977 г. принцип разделения – хронологический, по дням. Открывая книгу с источниками по 1629 г., мы видим, к примеру, частные дневники, и можем ознакомиться с ними по очереди. Тогда как в публикации 1628 г., содержащей 4 тома (плюс аппендикс), можно читать последовательно информацию по каждому дню 1628 г. За каждый день представлены все имеющиеся источники.

Не лишним будет упомянуть и тот факт, что издания источников были сформированы в разные эпохи, и те идеи, которые доминировали в период формирования публикации, не в последнюю очередь влияли на итог работы.

Издания, выполненные еще в XVII веке, в эпоху гражданской войны и какое-то время спустя носят яркий отпечаток идей Просвещения. Симптоматична формулировка «great and happy Parliament» в названии издания 1640-х гг. Ясно то, что современники оценивали борьбу за «исконные» права и привилегии как движение к прогрессу и счастливому будущему. Расширение функций парламента оценивалось как одно-

значная победа, условие улучшения жизни подданных. Также в издании 1654 г. формулировка «the grand mysteries of the kingdom then in agitation» не может говорить о позитивной оценке роли his majesty (его Величества). Даже слово «Величество» мы видим написанным с маленькой буквы, тогда как еще в записях клерков за 1628 – 1629 гг. оно писалось с большой буквы [6; 7]. Издание 1751 г. также в самом названии дает понять, что идеи Просвещения получили свое продолжение и в последующий период – парламентская или конституционная история Англии. Мы видим отражение представления о парламенте как о гаранте свобод, как о законодателе. И на самом деле общеизвестно, что судебные функции парламента существенно расширились после известных событий XVII в. [10].

Характерно отличие даже в изданиях XX в. Если в публикации 1921 г. мы видим просто последовательно опубликованные различные источники, то в издании 1977 г. читателю предстает картина, разделенная на более мелкие «частицы». Это не случайно. Возможно, издание 1921 г. еще испытывало на себе влияние позитивистского направления, в рамках которого важнее всего было источники собрать. В 1970-е гг. же доминировала в гуманитарном знании тенденция ревизионизма. Как известно, в области, освещаемой в данном исследовании, работал Конрад Рассел [15]. В концепции последнего история английского парламента представлялась настолько фрагментарно, что из-под его пера вышла формулировка «история парламента». Он отрицал любые тенденции, отдавая предпочтение поиску частных причин глобальных событий. Многотомное издание источников вышло как раз в пору господства ревизионистского направления и не могло не испытать на себе его влияния.

Таким образом, наличие выявленных изданий показывает, что существует достаточный массив источников для проведения диссертационного исследования. К тому же регулярность публикаций доказывает актуальность исследуемой темы. Имеется устойчивый интерес к проблемам парламентской истории преимущественно в англоязычной историографии. В то же время стоит подчеркнуть, что в отечественной исторической науке (новистике) не зафиксировано наличие изданий исследуемых источников как на русском языке, так и на языке оригинала. Подобное положение вещей должно стимулировать переводную, исследовательскую деятельность в данном направлении.

Литература

1. Дмитриева О. В. Парламент и политическая культура в Англии второй половины XVI – начала XVII в.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 1436 с.
2. Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 29 – 31 января 1996. 448 с.
3. Козлов В. П. Теоретические основы археографии с позиций современности // Отечественные архивы. 2001. № 1. С. 10 – 33.
4. Кондратьев С. В. «Ода «вольность» английских юристов и парламентариев, или к вопросу о том, как принималась «Петиция о праве» // Европа. 2013. С. 106 – 120.
5. Books and readers in early modern England. Material studies / Ed. by J. Andersen and E. Sauer, 2002. University of Pennsylvania Press. 312 p.
6. Commons Debates 1628 / Ed. by R. C. Johnson, M. F. Keeler. London, 1977, 4 vols.

7. Commons Debates for 1629 / Ed. by W. Notestein, F. H. Relf. Minneapolis, 1921. 304 p.
8. Ephemera parliamentaria; or a faithfull register of the transactions in Parliament: In the third and fourth years of the reign of our late sovereign lord, King Charles: containing the severall speeches, cases, and arguments of law transacted between his majesty and both houses. Together with the grand mysteries of the kingdome then in agitation / Ed. by T. Fuller. London: Printed for John Williams and Francis Eglesfield. 1654.
9. Gardiner S. R. History of England from the Accession of James I to the Outbreak of the Civil War, 1603 – 1642. Cambridge University Press, 2011. 10 Vol.
10. Hart J. S. Justice upon Petition: The House of Lords and the Reformation of Justice, 1621 – 1675. L., 1991.
11. Historical Collections: Abridg'd and Improv'd / Ed. by Rushworth. Fol. I. 1703. 476 p.
12. Raymond T. The Parliamentary or Constitutional History of England. London, 1751 – 1761. 24 vols.
13. Return of the Name of Every Member of the Lower House of Parliament of England, Scotland, and Ireland 1213 to 1874. London, 1878. 2 vols.
14. Rushworth. A Compleat Catalogue of All the Stitch'd Books and Single Sheets / Ed. by Rushworth. London, 1680.
15. Russell C. The Crisis of Parliaments: English History, 1509 – 1660. Oxford. 1971.
16. Sir Thomas Crew's Collection of the Proceedings of the Parliament in 1628 / Ed. by J. Parkhurst. London, 1707. 174 p.
17. Smith D. L. The Stuart Parliaments. 1603 – 1689. L., 1999.
18. Sources of English History of the Seventeenth Century, 1603 – 1689. Bibliographical series / Ed. by J. T. Gerould, University of Minnesota. Library, 1921, 565 p.
19. The Diurnall Occurrences in this great and happy Parliament, from the 3 d of November, 1640, to the 3 d of November, 1641 of Both Houses / Ed. by W. Cooke. London, 1641.
20. The Politics of Information in Early Modern Europe / Ed. by B. Dooley and S. A. Baron. London and New York, Routledge. 2005. 320 p.

Информация об авторе:

Ющенко Анастасия Викторовна – ассистент кафедры Новой истории и международных отношений, аспирант по направлению Всеобщая история Института истории и политических наук Тюменского государственного университета, stasy_stasy2009@mail.ru.

Anastasiya V. Yushchenko – Assistant Lecturer at the Department of Modern History and International Relations, post-graduate student at the Institute of History and Political Science, Tyumen State University.

(Научный руководитель: Кондратьев Сергей Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры Новой истории и международных отношений ТюмГУ, Директор Института истории и политических наук, skondratiev@utmn.ru.

Research advisor: Sergey V. Kondratiev – Doctor of History, Professor at the Department of Modern History and International Relations, Director of the Institute of History and Political Science, Tyumen State University).

Статья поступила в редколлегию 06.08.2015 г.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9. + 316.6

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЙ ВИКТИМИЗАЦИИ,
РАЗРАБОТАННЫХ В РАМКАХ ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКИ*О. О. Андронникова*THEORETICAL ANALYSIS OF THE MAIN CONTEMPORARY THEORIES OF VICTIMIZATION
DEVELOPED WITHIN FOREIGN SCIENCE*O. O. Andronnikova*

В статье дан обзор основных зарубежных теорий виктимизации. Целью данной работы выступает потребность преодолеть вакуум информации о развитии виктимологии за рубежом и основных зарубежных подходов к исследованию виктимности человека. Рассмотрены концепции образа жизни, личностных особенностей и аномальных межличностных отношений. Выделены основные последствия виктимизации, определенные на основании концепции *peer victimization*. Обозначено, что характерные нарушения (низкая самооценка и снижение чувства собственного достоинства) происходит у всех участников виктимного процесса. Рассмотрены последствия разных форм запугивания в раннем и подростковом возрасте. Выделена специфика киберзапугивания как формы насилия. Обозначена роль теорий влияния пола, расы, возраста в развитии подходов к виктимизации личности. Раскрыт механизм вторичной виктимизации и эффект социального заражения. Обозначены теории, раскрывающие специфику виктимизации несовершеннолетних беженцев. Предложен анализ различных воздействия для предотвращения насилия среди сверстников младшего подросткового возраста и оценка их эффективности. Новизна анализа заключается в распространении зарубежного опыта в поле отечественной виктимологии.

The paper provides an overview of the main theories of victimization popular abroad. The work aims to overcome the lack of information about the development of victimology abroad, and the main foreign approaches to the study of human victimization. The author considers the concept of "the lifestyle/exposure theory", personal characteristics and abnormal interpersonal relations. The concept of «peer victimization» is presented as a basis for the consequences. The study shows that the characteristic disorders (low self-esteem and impaired dignity) are present in all members of the victimization process. The effects of various forms of intimidation in the early age and adolescence were studied. The specifics of cyberbullying as a form of violence are highlighted. The role of the theories of gender, race, age influence in the development of approaches to victimization of the individual is revealed. The mechanism of secondary victimization and the effect of social contamination are described. The theories revealing the specifics of victimization of underage refugees are suggested. The author proposes an analysis of various activities to prevent violence among young teenage peers, their effectiveness is evaluated as well. The novelty of the analysis lies in the dissemination of international experience in the field of Russian victimology.

Ключевые слова: теории виктимизации, виктимность, концепция *peer victimization*, киберзапугивание.

Keywords: theory of victimization, victimization, concept of *peer victimization*, cyberbullying.

Введение

Современная виктимология выступает как некая сквозная теория, проводящая комплексный анализ феномена жертвы, опираясь на общетеоретические представления и модели, изначально разработанные в русле других социальных дисциплин (криминологии, конфликтологии, психологии, политологии, теории государственного управления, социальной работы, социологии и психологии отклоняющегося поведения, девиантологии) [1].

Именно комплексность подхода создает уникальность виктимологии как научного направления, систематизирующего знания по формированию и функционированию человека в кризисных ситуациях, создающих угрозу для его физического, духовного и психического здоровья и определяющих возникновение некоего социально-психологического феномена – жертвы.

Активность развития виктимологии как отдельного направления исследования вызывает необходимость анализа и синтеза основных отечественных и зарубежных теорий, являющихся основами для рассмотрения процессов виктимизации и девиктимизации, составления виктимологического прогноза, планирования виктимологической профилактики. Однако в настоящий момент наблюдается вакуум информации, раскрывающей развитие виктимологии за рубежом и основных подходов к исследованию виктимности человека.

Основные зарубежные виктимологические концепции и теории

Анализ основных теорий виктимологии, выдвинутых зарубежными авторами, позволяет выделить несколько основных подходов [19]. Первый такой подход – теория образа жизни (*the lifestyle/exposure theory*), которая утверждает, что виктимизация серьез-

ёзно зависит от общей концепции стиля жизни. Впервые данную теорию опубликовали Michael J. Hindelang, Michael R. Gottfredson and James Garofalo в своей книге «Жертвы персональной преступности: эмпирические основы для теории личностных виктимизаций» [7]. В работе очерчены социально демографические корреляты виктимизации на основе анализа статистических данных. В дальнейшем L. E. Cohen и M. Felson предложили объяснение возросшему количеству краж через близкую по сути и содержанию теории «повседневной деятельности» (routine activity) [3]. В качестве отправной точки для объяснения преступления авторы определили следующие три необходимые условия: (1) мотивированный преступник, (2) подходящая мишень и (3) отсутствие достаточной охраны собственности.

Основой теории «образа жизни» являются несколько положений:

- неравномерность распределения виктимности во времени и пространстве, приводящая к возникновению мест или времени с высокой степенью риска виктимизации;
- вероятность возникновения виктимности через различные промежуточные переменные или действия, определяемые образом жизни;
- возможность виктимизации у тех, кто взаимодействует с жертвами [18]. Именно данная теория объясняет закономерности временного или территориального уплотнения ситуаций преступления.

Другая теория возникла из осмысления степени влияния самих пострадавших на виктимизацию – Victim Precipitation Theory. Основная идея данной теории заключается в том, что потерпевшие могут спровоцировать свою собственную виктимизацию. Впервые криминологическое заявление об этой точке зрения было сделано М. Вольфгангом в 1958 г. В дальнейшем данная теория получило свое активное развитие как за рубежом, так и в России. Необходимо отметить, что приверженцы данной теории доходили до крайности, полностью присваивая всю ответственность за произошедшее преступление жертве.

Кроме вышеописанных теорий в зарубежной литературе представлены такие, как: модель межличностной виктимизации, которая описывает насилие в межличностных отношениях жертвы, возникающее вследствие индивидуальных особенностей личности или аномальных межличностных отношений; модель насилия в семье, рассматривающая насилие как средство социально-экономических и образованных факторов (Conflict/Critical/Feminist Theory).

Достаточно много исследователей опирается на теорию виктимологического конфликта, основывающуюся на положении, что преследования правонарушителя исходит от попытки выражения господства и контроля. По мнению авторов, такие выражения господства и контроля проистекают из широких структурных диспропорций связанных с возрастом и/или полом [2]. Довольно часто такое насилие опирается на патриархальные общественные ценности, подчеркивающие главенство сильного и подчиненные слабого (особенно половым путем). Близка к этому пониманию и гендерная модель насилия как способ сохране-

ния власти мужчинами или более сильным над менее сильным.

Интересный подход к объяснению феномена жертвенности предлагает О. Цур, рассматривающий жертвенность через мученичество, дающее возможность получить внимание и одобрение окружающих [20].

Ещё один подход к явлению виктимности направлен на изучение такого эффекта, как «вторичная виктимизация» (second victim) [10]. Суть теории в получении виктимности через непосредственный контакт с жертвами преступления. В категорию с высоким риском «вторичной виктимизации» попадают профессионалы, оказывающие первичную помощь жертвам: врачи, психологи, социальные работники.

Концепция peer victimization

Громадное внимание в зарубежной виктимологии уделяется явлению «peer victimization» [2], описывающему специфику насилия со стороны сверстников. Особый интерес к данному явлению проявляют исследователи межличностного взаимодействия в рамках школьных отношений. Проблематичный характер взаимодействия сверстников в контексте «peer victimization» и серьезность последствий данного явления приводит к необходимости крайне внимательного отношения к процессам виктимизации. Исследователи выделяют следующие негативные последствия «peer victimization»: низкая самооценка жертвы, появление выученной беспомощности, депрессии жертв, снижение чувства собственного достоинства у всех участников виктимного процесса [11]. Отличительной особенностью «peer victimization» будет низкий уровень участия самой школы в предотвращении насилия между сверстниками. Максимально уязвимы для возникновения «peer victimization» является средняя школа, в период которой создается представление о себе, формируется идентичность и чувство собственного достоинства, в дальнейшем оказывающие влияние на всю взрослую жизнь.

Ещё одной формой, активно обсуждаемой авторами, является киберзапугивание (cyberbullying). Специфика данной формы насилия связана с использованием Интернета и мобильных телефонов, которые дают возможность анонимно оказывать психологическое давление на жертву. В настоящее время изучение виктимизации со стороны сверстников развивается в двух основных направлениях, выделенных Seely, Tombari, Bennett & Dunkle (2009). Первое направление рассматривает «школьную дедовщину» (bullying strand) как социальное явление в школе. Второе направлено на изучение взаимодействия между отдельными группами сверстников (peer relationship strand).

Реляционное преследование (relational victimization) определяется зарубежными авторами как воздействие, направленное на подрыв отношений или социальной репутации человека, его изоляцию, манипуляции и распространение слухов [5], также активно обсуждается среди зарубежных виктимологов. Авторы отмечают серьезность последствий для личности, участвующей в процессе реляционного преследования с обеих сторон.

Значительную область исследования занимают целевые группы виктимизации (Targeted Peer Victimization (TPV)). В рамках данной концепции изучают взаимосвязи насилия, с различными социальными явлениями и влияние его на формирование представлений о себе (self-schemas) [4]. Исследования целевых групп виктимизации (TPV) позволили выделить разницу между формами насилия оказываемыми на девочек и мальчиков, и определить дифференцированный спектр последствий (низкая самооценка, негативные представления о себе, выраженные депрессивные симптомы) насилия в зависимости от пола. Серьезное воздействие виктимизация оказывает на развитие поведенческих проблем в детском возрасте. По исследованиям J. Snyder и его коллег обнаружено, что дети, испытывающие психоэмоциональное давление со стороны сверстников, имеют значительно более выраженное количество поведенческой дезадаптации и поведенческих проблем [14].

Как значимый аспект нарушений, являющихся следствием реляционной виктимизации, отмечают нарушение социальных и познавательных процессов. Многие авторы обозначают, что в результате оказанного насилия возникают серьезные нарушения формирования социальной адаптации, базовых представлений о жизни и ожиданий со стороны социума. Дети, испытывающие насилие со стороны сверстников, рассматривают социальные взаимодействия как враждебные и часто отказываются от сотрудничества [8]. Вследствие пережитого насилия у детей возникает чувство социальной отчужденности и отсутствия включенности «Я» в «Мы». Социальная отчужденность и постоянное ожидание агрессии со стороны сверстников приводят к тому, что, попадая в новое окружение, дети, пережившие опыт насильственных отношений со сверстниками, вновь выстраивают насильственные взаимодействия. Эмоциональные нарушения, низкая способность к саморегуляции и чувствительность к межличностным конфликтам также объясняются в реляционной концепции виктимизации последствиями пережитого насилия.

Рассматривая последствия запугивания в раннем подростковом возрасте, R. Scholte с соавторами фиксируют, что привлечение специальных мероприятий, направленных на снижение издевательств среди сверстников, дает хорошие результаты [9]. Анализ различных воздействий для предотвращения насилия среди сверстников младшего подросткового возраста позволяет сделать вывод, что максимально эффективной выступает модель, разработанная Swearer и Espelage 2004 г. [17]. Модель показывает, что издеательства в школе происходят не изолированно, а являются результатом сложного взаимодействия между отдельными факторами: семья, сверстники, класс, социальные факторы. Данные исследования позволили перейти от концептуальной модели, сосредоточенной на индивидуальных различиях учеников, к которой применяется насилие, к анализу взаимоотношений во всем классе и окружающего дефектов общества (класса). Индивидуальные особенности ребенка, являющиеся виктимизирующими его в одном классе, не становятся таковыми в другом.

К интересным выводам пришли исследователи по поводу участия детей в издевательствах. По результатам исследований следует, что многие дети, которые сами испытывали на себе элементы издевательств и травли, также участвуют в запугивании других учеников.

Объяснением этому служат исследования M. Sentse с соавторами, которые регистрируют влияние социального научения и подкрепления на формирование желания принять участие в издевательствах [12, с. 35]. Так подростки, активно участвующие в травле, часто получают за такое поведение ряд вознаграждений, например, за счёт увеличения социального статуса. Наблюдение за такой формой вознаграждения является серьезным подкреплением для других подростков и основанием для принятия активного участия в агрессивном отношении к сверстникам. Таким образом формируется нормативное отношение к агрессивным физическим воздействиям и запугиваниям, являющееся фактором виктимизации, проявления агрессии и издевательств в отношении сверстников, имеющих индивидуальные отличия [6].

Достаточно много внимания в последние годы в зарубежной виктимологии уделено теориям электронных форм виктимизации (electronic bullying). Изучая распространённые использования коммуникативных технологий для виктимизации, исследователи пришли к выводу, что подобная форма становится проблемой для многих стран Европы. Дж. Сулер ввёл термин «online disinhibition effect», связанный с уникальными характеристиками коммуникативных электронных технологий, вызывающий желание проявлять агрессию безнаказанно [16, с. 14]. Анализ причин возникновения электронной виктимизации позволяет сделать вывод об их совпадении с традиционными: попытка продемонстрировать собственную власть.

В современной зарубежной литературе представлено много работ о виктимизации несовершеннолетних беженцев. Испытываемый травматический опыт, по мнению многих авторов (Ajdukovic & Ajdukovic, 1998; Sack, Him, & Dickason, 1999; Derluyn & Broekaert, 2007; Lustig et al., 2004) приводит к формированию посттравматического синдрома и связанного с ним высокого уровня тревоги и депрессии [13]. Необходимость приспособиться к новым условиям жизни, демографические, языковые и другие факторы увеличивают риск возникновения психопатологии и оказывают виктимизирующее воздействие.

Отдельно изучалась роль темперамента в формировании депрессивных и агрессивных синдромов вследствие виктимизации [15]. Проведённые исследования показали взаимосвязь между спецификой темпераментальных особенностей и глубиной, сформированных отрицательных переживаний, депрессивных синдромов.

Заключение

Таким образом, зарубежными исследователями предложен ряд концепций, в рамках которых реализуются различные подходы к проблеме изучения виктимного поведения. Все разработанные концепции и теории виктимизации, рассматривая различные факторы воздействия как основные, несомненно отмечают важность учета влияния микро и макросоциальных

факторов, таких как: принятые в обществе паттерны взаимодействия, специфика межличностного взаимодействия, особенности прохождения школьного периода, семейные влияния, наличия индивидуального опыта насилия. Современная ситуация развития тео-

рий виктимизации характеризуется полифакторным подходом к изучению влияния, однако не имеет общей концепции, способной соединить все существующие теории второго уровня в единую стройную концепцию.

Литература

1. Гишинский Я. И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 72 – 73.
2. Brownmiller S. (1975). *Against our will: Men, women and rape*. New York: Simon & Schuster. P. 472.
3. Cohen L. E., & Felson. M. (1979). Social change and crime rate trends: A routine activity approach. *American Sociological Review*, 44. P. 588 – 608.
4. Cole D. A., Maxwell M. A., Dukewich T. L., & Yosick R. (2010). Targeted peer victimization and the construction of positive and negative self-cognitions: Connections to depressive symptoms in children. *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*, 39 (3). P. 421 – 435. doi: 10.1080/15374411003691776
5. Crick N. R., Grotpeter J. K. (1996). Children's treatment by peers: Victims of relational and overt aggression // *Development and Psychopathology*. 8. P. 367 – 380.
6. Duffy A. L., & Nesdale D. (2009). Peer groups, social identity, and children's bullying behavior. *Social Development*. 18. P. 121 – 139.
7. Hindelang M. J., Gottfredson M. R., & Garofalo J. (1978). *Victims of personal crime: An empirical foundation for a theory of personal victimization*. Cambridge, MA: Ballinger. P. 349.
8. Rudolph K. D., Troop-Gordon W., Flynn M. (2009). Relational victimization predicts children's social-cognitive and self-regulatory responses in a challenging peer context. *Developmental Psychology*, Vol 45(5). P. 1444 – 1454. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1037/a0014858>
9. Scholte R., Sentse M., & Granic I. (2010) Do Actions Speak Louder Than Words? Classroom Attitudes and Behavior in Relation to Bullying in Early Adolescence, *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. 39:6. P. 789 – 799. Режим доступа: DOI: 10.1080/15374416.2010.517161
10. Scott S. D., Hirschinger L. E., Cox K. R., et al. (2009). The natural history of recovery for the health care provider «second victim» after adverse patient events. *Qual Saf Health Care*. 18. P. 325 – 330.
11. Seeley K., Tombari M. L., Bennett L. J., & Dunkle J. B. (2009). Peer Victimization in Schools: A Set of Quantitative and Qualitative Studies of the Connections Among Peer Victimization, School Engagement, Truancy, School Achievement, and Other Outcomes. National Center for School Engagement. 1. P. 13 – 46.
12. Sentse M., Scholte R. H. J., Salmivalli C., & Voeten M. (2007). Person-group Dissimilarity in involvement in bullying and its relation with social status. *Journal of Abnormal Child Psychology*. 35. P. 1009 – 1019.
13. Smid G. E., Lensvelt-Mulders G. J. L. M., Knipscheer J.W., Gersons B. P. R., & Kleber R. J. (2011). Late-Onset PTSD in Unaccompanied Refugee Minors: Exploring the Predictive Utility of Depression and Anxiety Symptoms, *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. 40:5. P. 742 – 755. Режим доступа: DOI: 10.1080/15374416.2011.597083
14. Snyder J., Brooker M., Patrick M. R., Snyder A., Schrepferman L., & Stoolmiller M. (2003). Observed Peer Victimization During Early Elementary School: Continuity, Growth, and Relation to Risk for Child Antisocial and Depressive Behavior. *Child Development*. 74(6). P. 1881 – 1898.
15. Sugimura N., & Rudolph K. D. (2012). Temperamental Differences in Children's Reactions to Peer Victimization, *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. 41:3. P. 314 – 328. Режим доступа: DOI: 10.1080/15374416.2012.656555
16. Suler J. (2004). The online disinhibition effect. *Cyberpsychology and Behavior*. 7. P. 321 – 326.
17. Swearer S. M., & Espelage D. L. (2004). Introduction: A social-ecological framework of bullying among youth. In D. L. Espelage & S. M. Swearer (Eds.), *Bullying in American schools: A social-ecological perspective on prevention and intervention* (P. 1 – 12). Mahwah, NJ: Erlbaum.
18. Tunnell K. (1994). Predicting household victimization utilizing a multi-level routine activity approach // *Journal of Crime and Justice* 19(2). P. 49 – 66.
19. Wilcox P. (2010) «Victimization, Theories of» *Encyclopedia of Victimology and Crime Prevention*. Ed. Bonnie S. Fisher and Steven P. Lab. Thousand Oaks, CA: SAGE, 2010. P. 978 – 986. SAGE Reference Online. Web. 6 Aug. 2012.
20. Zur O. (2013). Sacrifice, Martyrdom, Scapegoating, Suicide and Terrorism: Definitions, Differentiations and Resources. Режим доступа: Retrieved month/day/year from <http://www.zurinstitute.com/sacrifice2.html>

Информация об авторе:

Андронникова Ольга Олеговна – кандидат психологических наук, доцент, декан факультета психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск, andronnikovao@gmail.com.

Olga O. Andronnikova – Candidate of Psychology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

**СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМЫ УМСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ
В АБХАЗСКОЙ НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКЕ***М. Ф. Анкваб***CONTENTS AND FORMS OF INTELLECTUAL UPBRINGING
IN THE ABKHAZIAN NATIONAL PEDAGOGY***M. F. Ankvaб*

Статья является составляющей исследования особенностей абхазской народной педагогики и ее принципов. Актуальность работы в том, что этническая педагогика абхазов содержит множество самобытных приемов воспитания, в том числе и умственного, о котором пойдет речь, заслуживающих изучения и способствующих сохранению колорита и особенностей народа Абхазии при современном использовании. Впервые расширено и вместе с тем конкретизировано представление об интеллектуальном воспитании как компоненте системы формирования совершенной личности в представлении абхазов, что является новым относительно работ других авторов. Проведенный анализ наполняет свежим содержанием наши представления о педагогической мысли абхазов в прошлом, специфике их системы обучения и форм умственного воспитания. Теоретические положения и выводы автора могут быть использованы при написании учеными трудов и учебных пособий по этнопедагогике. В работе предложено внедрить предмет исследования в практику школьного обучения, систему подготовки и переподготовки преподавателей для дошкольных учреждений и общеобразовательной школы, педагогических факультетов вузов.

The paper is a part of the research that deals with the Abkhazian national pedagogy, its peculiarities and principles. The actuality of the work is explained in the following: the Abkhazian national pedagogy contains a set of unique upbringing methods, including intellectual, preserving the ethnic identity and features of the Abkhazian people. These methods and principles deserve studying and embedding in modern use. The idea of intellectual education is for the first time expanded and concretized, as component of the perfect personality formation system in representation of Abkhazians that is new concerning the works of other authors. The analysis carried out in the article fills with the new contents our considerations about the pedagogy of Abkhazians in the past, specifics of their educational process. Theoretical provisions and conclusions of the author can be used by scientists while writing works and manuals on ethnic pedagogy and traditional educational system. In the work ways of introduction of the research object in practice are offered.

Ключевые слова: Абхазия, Республика Абхазия, система просвещения в Абхазии, система образования, абхазы, абхазский народ, абхазская народная педагогика, умственное воспитание, интеллектуальное развитие, принципы воспитания, абхазская этнопедагогика, абхазский фольклор.

Keywords: Abkhazia, the Republic of Abkhazia, Abkhazians, Abkhazian people, Abkhazian national pedagogy, intellectual upbringing, intellectual development, the principles of upbringing, Abkhazian ethnopedagogics, Abkhazian folklore.

На протяжении всей своей истории человечество формировало определенную модель совершенной личности – образец, который воплощал конгломерат социальных взаимоотношений, быта, менталитета и отражал народные суждения, представления о высоко нравственном интеллектуальном идеале. С этой целью на протяжении веков люди в независимости от национальности стремятся оставить в наследие своим потомкам самое лучшее и ценное – способность трудиться, физическое и духовное воспитание, развивают мыслительные свойства разума. Народ Абхазии не является исключением.

Актуальность нашего исследования состоит в том, что в педагогической культуре абхазов много самобытных оригинальных и уникальных методов, относящихся к области умственного воспитания, которые не были широко рассмотрены в свете данной проблемы ранее. Они заслуживают признания, изучения и дальнейшего применения в системе совершенствования интеллектуального становления и самообразования будущих последователей.

Предметом изучения явились идеи, практика и проблема ментального онтогенеза, освещенные в ду-

ховной культуре и произведениях фольклористики абхазов. Согласно с вышеприведенными условиями были обозначены соответствующие задачи:

- выяснить аспекты умственного воспитания, его содержание и формы как наиважнейшего компонента структуры обучения в абхазской этнопедагогике;

- предложить метод практического применения идей народной педагогики в концепции прогрессивного расширения мыслительных возможностей подрастающего поколения.

Анализ внушительного количества источников, большую часть из которых составляет абхазский фольклор, позволил нам судить о том, что доминантой во взаимосвязанных критериях воспитания (эстетическом, трудовом, физическом и нравственном) выступает интеллектуальное обучение. При соблюдении физической и моральной чистоты для абхазов важно постепенное приучение детей к систематическому труду, самостоятельному мышлению и обретением стойкости характера. А эти качества пестовались только посредством развития ума и не могли существовать одно без другого. Поэтому интеллектуальное совершенствование сопутствовало остальными

сторонами воспитания и формировало систему обучения, о которой пойдет речь ниже.

За многие тысячелетия становления истории абхазского народа был собран огромный эмпирический материал, который ко времени возникновения письменности по своему характеру приблизился к научному. Данному факту содействовало наличие у абхазов системы аккумулирования и передачи знаний подрастающему поколению. Эволюция первоначальных представлений этноса об окружающем его органическом мире, как верных, так и ошибочных, происходила под влиянием именно умственного воспитания.

Наши предшественники во все времена мыслили рационально, многие явления окружающей их действительности они безошибочно толковали и стремились дать им вдумчивые объяснения. Они владели и передавали поколениями конкретный и внушительный свод рекомендаций по стимулированию познавательной активности. Знания, которыми овладевали дети, «условно можно разделить на две обширные группы:

а) общие, охватывающие знания собственного языка, природы, истории, географии, культуры, математические, астрономические, сельскохозяйственные и др.;

б) специализированные, к которым причисляется запас знаний о разных ремеслах» [10, с. 78].

Из этого следует, что «первостепенной задачей считается развитие речи детей, ибо речь и мышление взаимосвязаны, они формируются одновременно» [12, с. 44]. В народе существовали стишки, потешки, скороговорки, направленные на выработку навыков произношения сложных звуков абхазского языка: «Пятеро голубей восседают на пяти сухих ветвях, у каждого по пятеро голубят, а зять их сидит на сырой ветви», «Знаете ли вы, что сказала абхазу жена Камлия-Кумлея Цыхчаным, когда убирала лён за рекой Аспа?» [7, с. 69]. Множество пословиц свидетельствуют о важности грамотного владения родной речью: «Кто владеет языком, тот владеет и поселком», «Язык народа – лекарство», «Осла узнают по ушам, а человека по речам» [7].

Рассуждая о значимости владения языком, на наш взгляд, стоит уделить особое внимание внушительному средству обучения – фольклору. Его можно считать как отдельной единицей познания, так и эффективным приемом, универсальным методом интеллектуального формирования. «Во все эпохи народ функционально применял собственный фольклор с целью пропаганды потребности получения знаний и просвещения. В поговорках и пословицах закреплены приемы, которые передавались поколениями, которые были позже осмыслены в прогрессивной педагогической науке» [8, с. 35].

У абхазов издревле считается, что «Образование – гость, ум – хозяин», «Умный что ни скажет – все хорошо» [7, с. 13 – 39]. Вместе с воспеванием ментальных способностей высмеивается глупость: «Своего дурака просить не посылай», «Слепая лошадь пуглива», «Не существовало бы глупца – от кого бы умный поживился?», «Глупая голова ногам покоя не дает», «Своего дурака в гости не отправляй – осрамит»,

«Для глупого всегда пасха» [7]. Этому свидетельствуют и национальные сказания с красноречивыми названиями: «Глупость древних людей», «Сказ о глупом», «Глупость и ум» [1, с. 94, 97, 179].

В абхазских сказках можно наблюдать удивительные, развивающие воображение, персонажи, волшебные создания (великана-адау, колдунью Арупап, злобного Аджиньша, мифического жеребца Араш, чудища Агульшап и пр.), дивные происшествия (перевоплощения, оживления, странствие в другой мир и пр.), магические объекты (ковер-самолет, молоток-атамскуагу и пр.) [2]. Все это представляет собой олицетворение древнейших суеверий, символическое воссоздание мощи природы и созидательную мысль народа. Здесь, невзирая на общность с притчами разных этносов, можно заметить и много своеобразных черт, придающих им особенный колорит. Свойственны, к примеру, упоминаемые в различных сюжетах соревнования в меткой стрельбе, разнообразного рода набеги, джигитовка, скачки, касание груди женщины как символ усыновления и т. д. Зачастую предоставляются описания охоты, детали охотничьего обихода. Все это приобщало детей к традиционной культуре края, давало великолепную пищу для размышлений.

Необыкновенные легенды, повествующие о величавых явлениях природы гор, к примеру, «Как появилось озеро Рица», служат доказательством свойственной народу пытливости ума. Сосредоточивают на себе интерес и таинственные персонажи богини плодородия (Джаджа), родительницы водной стихии русалки (Дзызлан), лесного человека (Абынуавы).

Вдобавок к абхазским сказкам, притчам и легендам, большое количество старинных загадок, стимулирующих работу мышления и логики, также свидетельствуют о важности умственной направленности обучения: «Рожденное водою, воспитанное солнцем, завидев свою мать умирает. (Соль)», «В наростах нога, а на голове падубовые рога. (Петух)», «У кого мать пряма, отец кривой, а дочь сумасшедшая. (Дерево, виноградная лоза и вино)», «С тобою в одном дворе живет, много пользы приносит, а повстречаешь на дороге – не признаешь. (Пчела)», «Куда пойдешь – пойдет с тобою, что ты не сделаешь – повторит, а никакой помощи никогда не окажет. (Тень)» [7, с. 67].

Помимо интеллектуального воспитания посредством устного творчества, в республике с младенчества приобщали детей к крестьянскому труду и специализированной области познания – ремеслам, которые «у абхазов не обрели такого развития, как у иных народностей Закавказья. Материал, деревянную утварь и кожаные изделия для хозяйства, а также порох, производили в каждой семье самостоятельно. Услугами специалиста пользовались лишь при необходимости изготовления изделий из металла. Металлические части сельскохозяйственных орудий, оружие – кинжалы, а иногда и ружья, золотые и серебряные украшения создавали потомственные умельцы – кузнецы и ювелиры, трудившиеся, как правило, на заказ» [6, с. 87]. По этой причине наиболее распространенным было кузнечное дело. «Ни у одного из народов Кавказа не присутствует такого высоко-

го почитания кузни и кузнецов, как у абхазов» [14, с. 68].

К ремеслу отца ребенка (обычно мужского пола) начинали приобщать еще с младенчества – сначала в виде наблюдения и мелких поручений, затем выполнения самых легких частей работы, «набивания руки» и все эти манипуляции происходили при постоянном объяснении теоретического материала наставником. Это касалось всех видов деятельности. Если старшие, к примеру, увлекались охотой, то уже с юных лет мальчики в такой семье умели обращаться с оружием, выслеживать дичь, ставить капканы. По тому же принципу осуществлялось обучение девочек мастерству старших женщин в родне.

Несомненно, ремесленное образование, обуславливающееся наличием интеллектуальных способностей и сопровождавшееся в свою очередь их развитием, имело возрастной и гендерный характер. Однако, в связи с доминированием натурального хозяйства над промыслом, дети в большей степени приобщались к земледелию и скотоводству. Они умели пасти и гонять на водопой лошадей, обрабатывать землю, работать в поле – погонять тягловых животных, а затем и выполнять прочие обязанности связанные с земледелием: запастись дровами и сеном, восстанавливать орудия труда, запахивать почву для разных посевов, сохранять урожай и т. д.

Дети на собственном опыте убеждались в возможности изменения природы многих растений. Вместе с взрослыми подростки участвовали в получении новых сортов, обучались приемам прививки плодовых деревьев и выведению гибридов. Вдобавок к тому, что ребенок получал обширную информацию по ботанике, занятость в этой сфере способствовала проявлению его созидательного начала, служило важной составляющей для расширения кругозора.

В системе интеллектуального воспитания в абхазской народной педагогике значительное место занимали знания по уходу за крупным и мелким скотом, домашней птицей. Девочки и мальчики наблюдали за ростом молодняка, учились определять их откормленность и здоровье. Они осваивали, как содержать животных и чем их кормить, как установить по рогам возраст скотины, а по зубам – кобылы.

Особое внимание абхазы уделяли обучению уходу за лошадьми, ибо коневодство было у них самой любимой и древней отраслью животноводства. В национальном фольклоре множество примет связано с поведением животного: «Если лошадь, на которой едет всадник через реку, испражнилась в воду, то она скоро будет продана или украдена», «Если лошадь взбрыкнет, как только на нее сел всадник, то она вернется обратно с полдороги», «Если лошадь, стоя на месте, вытягивает ногу, то ей предстоит дальняя дорога» [7, с. 116]. Известны имена боевых коней нарта Сасыркуа – Бзоу и Абырысила – Араш [11]. Большой интерес представляет система содержания и ухода за лошадьми, а также подготовки их к скачкам и военным походам. В ней нашли отражение глубокие эмпирические знания и навыки населения по технике пастьбы, кормления и улучшения поголовья.

Детвора наблюдала за разделыванием скота, присутствовала при свеживании туши. По достижению

определенного возраста мальчики должны были под надзором старших учиться выполнять эти работы самостоятельно. Помимо практической жизненной необходимости, данный процесс носил и обучающий характер, посредством которого младшее поколение приобретало знания по биологии и зоологии, училось философскому отношению к жизни и смерти. Взрослые объясняли, как называются внутренние органы животных, как они функционируют и для чего они служат. Это способствовало не только формированию ветеринарных навыков, но и осведомленности в области анатомии, становлению навыков врачевания, неотъемлемого элемента этнической медицины, которая у абхазов представляла одну из самых передовых отраслей знания.

Наши далекие предки лечили заболевания и всевозможные раны целебными растениями и настояками. «В связи с недостатком квалифицированных лекарей в регионе доминировала общенародная врачебная наука. Практика исцеления больных передавалась из поколения в поколение. Единым в традиционной медицине разных этносов было пользование растительными средствами врачевания. Наравне с фитотерапией, имеющей рациональное использование, применялись магические способы влияния на заболевшего. Народная медицина располагала собственными положительными сторонами: опыт, нажитый целителями, с успехом исследуется и используется в настоящее время» [4, с. 198]. К примеру, из сведений об этномедицине края, известно, что фейхоа, прорастающий непосредственно на территории Абхазии, «издавна применяется при различных дерматологических заболеваниях, регулирует деятельность желудочно-кишечного тракта, нормализует обмен веществ. Его плоды используют для излечения от атеросклероза, базедовой болезни, запоров и подагры. Отвар листьев используют при пародонтозе, а также как дезинфицирующее и ранозаживляющее средство» [5, с. 398].

Дети наблюдали и учились у старших, как собирать лекарственные растения, готовить их по старинным рецептам и превращать в целебные снадобья. В течение этого процесса они изучали названия полезных трав и ядовитых ягод, что способствовало их познанию о флоре своей республики. Следовательно, элементарные медицинские познания входили в содержание обучения. Так, веками совершенствовалась этническая медицина, и одновременно осуществлялось ментальное становление подрастающего поколения.

Знахарство как вид врачевания, на наш взгляд, демонстрирует побочное действие своеобразного стремления абхазов к познанию тайных сил бытия. Большое количество сведений о заговорах, наговорах свидетельствуют о значимости этого явления среди населения республики.

Одновременно с навыками и умениями самоизлечения абхазы учили собственных детей и простым математическим суждениям, вследствие того что любому труженику необходимо было смыслить в количестве накопленного сена, знать сколько намолотить зерна или к примеру какое количество холста наткать. В этом им приходит на помощь ознакомление с бас-

ниями, в которых воспевались разумные люди и животные, присутствовал счёт. Например, сказ о хитроумной и плутовской лисе («Медведь и лиса», «Лисий нрав»), скупом и недалёковидном волке («Волк и лошадь»), нескладном медведе, неразумном и наивном ослике, сообразительной свинье, работающей мыши («Пеструшка и полевка»), лукавом и смекалистом воробье («Лиса и воробушек») и т. д. [2] Занятия математикой носили наглядно выраженную предметную направленность. Существовали и бесчисленные арифметические головоломки, забавы, ребусы, загадки и т. д.

Значимым средством интеллектуального роста подрастающего поколения служило освоение всевозможных мер длины. Мерилом у абхазов служили части тела человека (в основном, пальцы). Длина и ширина части тела измерялись в сравнении с эталоном (аршин, метр, сажень, палка определенной длины и т. д.).

В умственном развитии детей важное место занимали знания физики. Дети слушали рассказы взрослых о явлениях природы, видели, как они изготавливают различные изделия из строительного материала и, подражая им, узнавали свойства различных предметов: глины, камня, древесины, металлов и т. д. Они строили игрушечные дома и крепости, изготавливали различную посуду, орудия труда и попутно узнавали, что каждое вещество обладает физическими свойствами: прочностью, упругостью, твердостью и т. д. Даже малыши знали, что при нагревании вода испаряется, а лед тает, соль растворяется в воде.

Рассудительности подрастающего поколения способствовали и астрономические сведения. С давних времен у абхазов существовал своеобразный лунный календарь. Однако есть некоторые упоминания и о том, что время ежегодных празднеств устанавливали и по солнцу, и по луне [3]. В языке присутствовали названия всех дней недели и каждого месяца. Дни весеннего и осеннего равноденствия (21 марта и 22 сентября), дни летнего и зимнего солнцестояния (21 июня и 22 декабря), точно определялись, как и даты религиозных и национальных праздников [9]. Древний календарь являлся плодом длительного наблюдения крестьян за изменениями спутника Земли. Глядя на луну, абхазы могли точно определять, сколько дней месяца прошло, а сколько осталось (и это несмотря на то, что лунный месяц был равен 27 – 31 суткам, и потому был очень подвижен). Все это было известно детям с малых лет.

Кроме календарного ориентирования «в системе воспитания подрастающего поколения большое внимание уделялось передаче знаний по народной метеорологии» [9, с. 175]. Детвора приобретала синоптические познания, усердно подмечая погодные явления, поведение представителей фауны. Они учились предугадывать засуху, неурожай, узнавали, что их ожидает в летний сезон, в зимнее время, в осеннюю пору. Основопологающим принципом в предсказаниях погоды считались приметы. По ним судили о грядущих явлениях природы и в соответствии с этим готовились к ним. Определенные наиболее надежные народные приметы предвосхищали то, что с течением времени было засвидетельствовано наукой. Умозаключения

возникали в результате длительных наблюдений за явлениями природы, поведением животных и птиц, насекомых, которые по-своему, инстинктивно чувствуют изменения погоды: «Если дельфины начнут выпрыгивать на поверхность моря – это к плохой погоде», «Если с берега моря ясно видны Трапезундские горы – жди дурной погоды», «Если во время засухи ночи холодные – дождя не будет долго», «Если река шумит слишком сильно – к дурной погоде» [7, с. 109].

От предвосхищения климатических изменений во многом зависело благополучие и процветание народа, поэтому абхазы приучали молодежь быть наблюдательной и применять подмеченное на практике. Закономерности естественной среды, которые они постигали, служили составной частью знаний, вооружавших следующие поколения.

С экологическими знаниями развивалось представление детей об окружающем их мире [15], чему содействовала и география края. Старшие рассказывали о реках, горах, городах. С малых лет детям сообщались названия ближайших мест и населенных пунктов, а подросткам рассказывали о разных странах. Взрослые учили молодежь, что мир большой, и люди живут на земле повсеместно, говорят на разных языках. Формированию топографических знаний юного поколения существенно способствовали описания горных ландшафтов в этнических притчах. В рассказах о том или ином населенном пункте, речке, ущелье указывались их наименования: «Неподалеку от селения Члоу лежит громадный черный камень, расщепленный на две равные части. Рассказывают абхазы, что этот камень был разрушен богатырем Абрикилом во гневе» [11, с. 68]. «Эх, в такую ночь быть бы в Ахалыцесе (название местности в Гагринском районе Абхазии)», – взглянув на прояснившееся небо, воскликнул старик [1, с. 210]. Обрисовывая в небывалицах красу родной земли, мудрый народ старался расширить кругозор подрастающего поколения, вызвать в детях не только патриотизм и любовь к отечеству, но и пробудить энтузиазм к исследованию.

Изучение географии края тесно связано с его историей, которая составляла основу всего абхазского фольклора. В данном контексте значимую роль играют предания об исторических событиях и личностях, героические и патриотические песни. На преданиях прошлого и событиях действительности фольклор учил подрастающие поколения, как надо жить. Доблестные песни повсеместно встречаются в музыкальном фольклоре абхазов. «Наиболее распространены такие героические песни, как о Хаджарате Кяхба, Мнапхе Кягуа, Данакае Ашуба и многих других. Характерной чертой песенного стиля абхазов является сохранившаяся и активно развивающаяся традиция мужского пения. Наиболее ярко эта традиция представлена в жанрах историко-героических, трудовых и обрядовых песен. А женское песнопение отображено в колыбельных, свадебных, суть и предмет которых связан с семейным бытом» [13, с. 232]. Таким образом, певцы-педагоги, сообщая молодому поколению сведения из истории своего народа, думали не только об образовательных целях, но и о воспитании у молодежи чувства патриотизма.

Подводя итог, мы видим, что абхазы всегда отличались высокими интеллектуальными способностями и эрудицией. Представители народа во все времена и на всех этапах исторического становления обладали пытливым умом, наблюдательностью, смекалкой и прочими показателями мыслительной активности, что являлось результатом наличия у абхазов собственной организации умственного наставничества. Она включала в себя развитие биологических, математических, астрономических, географических, исторических и прочих сторон этнического обучения и была построена на эмпирическом опыте и на примере старших.

Проведенный анализ служит ярким доказательством того, что воспитательное и образовательное дос-

тояние абхазского народа включает в себя безусловные педагогические возможности для роста интеллектуального потенциала современного подрастающего поколения Республики Абхазия. Именно поэтому в настоящее время очень важно в педагогических учебных заведениях уделить достоянное внимание освоению будущими учителями педагогического наследия абхазского народа, для чего необходимо проводить следующие спецкурсы: «Абхазская этническая педагогика», «Педагогическая культура народа Абхазии», «Интеллектуальное развитие в этнопедагогике абхазов» и др.

Литература

1. Абхазские сказки / под общей ред. А. Хашба и В. Кукба. С предисловием А. Хашба и вступ. ст. академика И. И. Мещанинова и В. И. Кукба. Сухум: Издание АБНИИКА, 1935. 220 с.
2. Абхазские сказки. Составил, обработал и перевел с абхазского Х. С. Бгажба Сухуми: Алашара, 1976. 315 с.
3. Ардзинба В. Г. К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток: этнокультурные связи. М. 1988. С. 263 – 306.
4. Василенко В. Г., Ктиторова О. В., Хлудова Л. Н., Цыбулькикова А. А. Использование народной медицины для оказания помощи населению Северного Кавказа в дореволюционный период // Теория и практика общественного развития. 2013. № 9. С. 196 – 198.
5. Вдовенко-Мартынова Н. Н., Додова Х. М. Применение сырья фейхоа (*feijoa sellowiana* berg.), культивируемого на черноморском побережье Кавказа, в народной медицине и перспектива использования в фармации // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 2 – 3. С. 398 – 399.
6. Гадло А. В. Этнография народов Средней Азии и Закавказья: традиционная культура: учебное пособие. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. С. 85 – 91.
7. Гулия Д. И. Сборник абхазских пословиц, загадок, скороговорок, омонимов и омографов, народных примет о погоде, заговоров и наговоров // Труды Абхазского научно-исследовательского института языка и истории им. акад. Н. Я. Марра отдел языка и литературы. Выпуск IX. Издание АБНИИ АН СССР СУХУМИ – АБГИЗ, 1939. 164 с.
8. Ибрагимов А. Р. Задачи умственного воспитания и их решение средствами этнопедагогике // Вестник университета Российской академии образования. 2007. № 4. С. 34 – 35.
9. Кунижева Л. З. Символика солнца и луны в земледельческой календарной обрядности абазин // Археология и этнология Северного Кавказа. 2012. № 1. С. 171 – 175.
10. Линь Л. Умственное воспитание в китайской народной педагогике // Педагогический журнал Башкортостана. 2009. № 5(24). С. 76 – 88.
11. Пачулиа В. П. Легенды лазурного берега. М.: Наука, 1973. 88 с.
12. Портнягин И. И. Интеллектуальная составляющая воспитания в традициях народа // Высшее образование сегодня. 2012. № 3. С. 43 – 46.
13. Чурей Д. А. Музыкальный анализ абхазских песен // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2012. № 6. С. 177 – 182.
14. Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми: Абхазское государственное издательство, 1957. С. 278.
15. Khusainov Z. A. Ecological Aspects in Family Education // European Journal of Natural History. 2014. № 3. С. 9 – 11.

Информация об авторе:

Анквab Марина Фёдоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Абхазского государственного университета, г. Сухум, ankvab.marina@yandex.ru.

Marina F. Ankvab – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department for Foreign Languages, Abkhazian State University.

Статья поступила в редколлегию 04.08.2015 г.

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Е. В. Аршинова, М. А. Билан

VALUE-SEMANTIC COMPONENTS OF THE LIFE STRATEGIES OF UNIVERSITY STUDENTS

Ye. V. Arshinova, M. A. Bilan

Цель статьи – раскрытие ценностно-смысловых составляющих жизненных стратегий студентов вуза. Описаны содержательные характеристики жизненной стратегии личности. Обоснована позиция о том, что ценностные ориентации являются основным компонентом жизненной стратегии личности. В качестве методов исследования использовались: тест М. Рокича, тест Ш. Шварца, тест смысловых ориентаций Д. А. Леонтьева, тест Р. Инглхарта, модифицированный М. С. Яницким. Опираясь на типологию Л. И. Деметий и В. Е. Купченко, выделены и описаны различия фаталистической, конформистской, целеустремленной жизненных стратегий, заключающиеся в способе планирования будущего, сформированности образа будущего, сформированности основных жизненных целей, степенью осмысленности и удовлетворенности жизнью, способности самостоятельно контролировать события своей жизни и нести за них ответственность. Представлены характерные особенности ценностно-смысловой сферы личности студентов вуза, относящихся к данным типам жизненных стратегий.

The paper aims at disclosing the value-semantic components of the life strategies of university students. The characteristics of meaningful life strategy of the individual are described. The paper substantiates the position that the value orientations are a major component of vital strategies of the personality. The following research methods were used: M. Rokich's test, S. Schwartz's test, D. A. Leontiev's life orientations test, R. Inglehart's test modified by M. S. Yanitskiy. Basing on the typology by L. I. Dementy and V. E. Kupchenko, the authors identified and described the differences between the fatalistic, conformist and purposeful life strategies, which lie in the method of planning for the future, the formation of an image of the future, the formation of the main goals in life, the degree of meaningfulness and life satisfaction, the ability to independently control the events of their life and take responsibility for them. The paper presents the characteristics of value-semantic sphere of the personality of high school students belonging to these types of vital strategy.

Ключевые слова: жизненная стратегия, ценности, ценностные ориентации, ценностно-смысловые составляющие, студенты вуза.

Keywords: life strategy, value system, value orientation, value-semantic component, university students.

В современной психологической науке изучение представлений о будущем, жизненных ценностей, жизненных стратегий не теряет своей актуальности, поскольку на сегодняшний день востребованными качествами личности являются мобильность, инициативность, конкурентоспособность, самостоятельность в выборе ведущих жизненных ориентаций. Одной из возможностей самоорганизации человека являются жизненные стратегии. Данной проблеме посвящены работы К. А. Абульхановой-Славской, Л. А. Беляевой, А. А. Белецкой, М. А. Белугиной, О. С. Васильевой, Л. И. Деметий, Е. А. Демченко, В. Е. Купченко и др. Понятие жизненной стратегии, сформулированное К. А. Абульхановой-Славской, дает наиболее обобщенную характеристику жизненной стратегии. Как пишет автор, жизненная стратегия личности предполагает в своей основе принцип опоры на собственные силы, выявление того, хватит ли у нее сил для резких изменений в своей жизни, которые могут обернуться неудачей [цит. по: 1, с. 67 – 68].

Жизненная стратегия регулирует жизнедеятельность человека, определяет его жизненный путь. Жизненные стратегии имеют динамичную структуру, включающую в себя ценности, жизненные ориентации (ценностные, политические, репродуктивные, социально-профессиональные), потребности, цели, установки, которые формируют сферы жизненного мира личности: смысловую, мотивационную, регулирующую [3; 9]. В качестве характеристик жизненной стратегии личности Л. И. Деметий и В. Е. Купченко выделяют следующие: индивидуаль-

ность/типичность; закономерность/случайность; целостность/дискретность; своевременность/несвоевременность; самостоятельность/зависимость; продуктивность/непродуктивность [7, с. 94 – 95].

Среди компонентов жизненной стратегии особое место отводится ценностным ориентациям (К. А. Абульханова-Славская, М. А. Белугина, О. С. Васильева, Л. И. Деметий, Е. А. Демченко, В. Е. Купченко, М. О. Мдивани, А. Е. Созонтов и др.). Как отмечают А. В. Серый и М. С. Яницкий, ценностные ориентации определяются направленностью личности на ту или иную систему ценностей [16]. В то же время ценностные представления выступают для человека образом, с которым он соотносит свои интересы и личные склонности, испытываемые потребности и актуальное поведение [11].

Таким образом, теоретический анализ позволяет дать следующее определение жизненной стратегии личности: жизненная стратегия – это целенаправленный и сознательный способ планирования жизни на основе иерархии ценностных ориентаций, путем поэтапного формирования будущего. Следовательно, ценностные ориентации выступают фактором, мотивирующим поведение личности, отражают отношение личности к действительности, определяют целеполагание, позволяют планировать и выстраивать собственный жизненный путь. Помимо ценностей жизненная стратегия включает следующие составляющие: цели в жизни как часть образа будущего, представления о будущем, средства, способы достижения жизненных целей, смысл жизни, удовлетворенность

жизнью, а также личностные качества субъекта (ответственность, инициативность, самостоятельность, активность) [4; 5].

Важную роль формирование ценностно-смысловых компонентов жизненной стратегии приобретает в юношеском возрасте, поскольку данный этап связан с профессиональным и личностным выбором, характеризуется поиском жизненного пути и смысла жизни. Именно в этот период закладываются основы жизненной стратегии личности, которые реализуются на последующих этапах жизненного пути. Значимым фактором социализации человека, оказывающим влияние на выбор и реализацию жизненной стратегии, является образовательная система (начальная и средняя школа, профессиональные училища, техникумы, высшая профессиональная школа и т. д.) (В. В. Давыдов, Я. Л. Коломинский, А. А. Реан, Д. И. Фельдштейн). В период обучения в вузе происходит самоутверждение личности, развитие критериев зрелой личности, которые способствуют становлению в качестве субъекта жизни, таких как: стремление к саморазвитию, самостоятельности, решительности, самоконтролю, осмысленному построению жизненной стратегии. Вышесказанное определяет актуальность изучения ценностно-смысловых составляющих жизненных стратегий студентов вуза.

Цель исследования состояла в изучении ценностно-смысловых составляющих жизненных стратегий студентов вуза. Выборку составили студенты, обучающиеся в Кемеровском государственном университете на различных факультетах. Всего в исследовании приняли участие 240 респондентов, средний возраст – 20 лет. Взяв за основу типологию Л. И. Дементий и В. Е. Купченко, мы при помощи кластерного анализа выделили три группы респондентов. Для разделения респондентов на группы были выбраны тесты М. Рокича, Ш. Шварца, СЖО, поскольку ценности являются основой жизненных стратегий разных типов.

Результаты эмпирического исследования. В первую группу вошли 67 респондентов (27,92 % от всей выборки), во вторую – 88 респондентов (36,66 % от всей выборки), в третью – 85 респондентов (35,42 % от всей выборки). Иерархия ценностных ориентаций по методике М. Рокича представлена следующим образом. Для первой группы респондентов приоритетные терминальные ценности следующие: «любовь» (процент реализованности – 38,25 %), «материально обеспеченная жизнь» (29,81 %), «здоровье» (57,16 %), «уверенность в себе» (52,48 %), «активная деятельная жизнь» (47,85 %), «счастливая семейная жизнь» (24,03 %). В то же время степень реализованности ценностей «счастливая семейная жизнь», «материально обеспеченная жизнь», «любовь» невелика (24,03 %, 29,81 % и 38,25 %), что может свидетельствовать о том, что ценности несут дефицитарный характер. К отвергаемым ценностям-целям относятся: «красота природы и искусства», «счастье других», «творчество», «развлечения», «познание», «общественное признание».

Для второй группы респондентов значимые ценности-цели представлены такими категориями, как «любовь» (83,52 %), «здоровье» (71,24 %), «материально обеспеченная жизнь» (51,9 %), «счастливая семейная жизнь» (59,91 %), «наличие хороших и верных

друзей» (71,34 %), «уверенность в себе» (64,58 %). Незначимыми оказались: «жизненная мудрость», «познание», «красота природы и искусства», «развлечения», «творчество», «счастье других».

Значимыми терминальными ценностями третьей группы являются «любовь» (55,33 %), «здоровье» (75,21 %), «счастливая семейная жизнь» (65,31 %), «уверенность в себе» (77,67 %), «активная деятельная жизнь» (72,29 %), «наличие хороших и верных друзей» (76,26 %). Респонденты данной группы к отвергаемым ценностям отнесли «познание» (75,33 %), «общественное признание» (73,31 %), «развлечения» (69,19 %), «творчество» (65,4 %), «счастье других» (52,6 %), «красота природы и искусства» (58,29 %).

Первая группа респондентов к предпочитаемым ценностям-средствам отнесла «образованность» (50,76 %), «независимость» (49,81 %), «ответственность» (61,79 %), «жизнерадостность» (63,66 %), «эффективность в делах» (54,88 %), «воспитанность» (69,63 %). Отвергаемые ценности-средства следующие: «непримиримость к недостаткам в себе и других» (41,70 %), «терпимость» (50,61 %), «высокие запросы» (51,03 %), «смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов» (52,97 %), «чуткость» (56,37 %), «исполнительность» (60,63 %).

Иерархия ценностей-средств второй группы включает в себя «воспитанность» (81,37 %), «образованность» (67,06 %), «ответственность» (74,52 %), «жизнерадостность» (77,13 %), «аккуратность и чистоплотность» (79,42 %), «честность» (75,26 %). Отвергаемыми ценностями являются «исполнительность» (72,04 %), «терпимость» (63,73 %), «чуткость» (73,49 %), «широта взглядов» (69,13 %), «высокие запросы» (63,80 %), «непримиримость к недостаткам в себе и других» (51,84 %).

Высший доминирующий уровень и актуальную позицию среди ценностей-средств респондентов третьей группы занимают «жизнерадостность» (82,21 %), «ответственность» (83,51 %), «образованность» (72,53 %), «независимость» (74,24 %), «воспитанность» (80,75 %), «аккуратность и чистоплотность» (79,69 %). Незначимые ценности-средства «исполнительность» (78,24 %), «смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов» (80,85 %), «высокие запросы» (73,08 %), «чуткость» (78,18 %), «терпимость» (69,96 %), «непримиримость к недостаткам в себе и других» (55,88 %).

Для оценки потенциала развития и самореализации личности мы использовали метод, предложенный М. С. Яницким и А. В. Серым, основанный на вычислении показателя расхождения в реализованности ценностей-целей и ценностей-средств (таблица 1).

Из таблицы видно, что расхождение между реализованностью значимых инструментальных и терминальных ценностей у всех трех групп в пределах оптимального [15; 16]. Это свидетельствует об оптимальном опережении развития личностных качеств (реализации ценностей-средств) над процессом достижения жизненных результатов (реализации ценностей-целей), что необходимо для эффективной самореализации [11; 15]. Как пишут М. С. Яницкий и А. В. Серый, умеренное преобладание реализации инструментальных ценностей может рассматриваться как наличие определенного потенциала развития лич-

ности [11; 15]. Следовательно, можно предположить, что респонденты второй и третьей групп обладают определенным потенциалом развития личности. Для респондентов первой группы данный показатель приближен к границе уровня с низким целеполаганием, что свидетельствует о низкой степени осмысленности жизни, низком уровне притязаний [11; 15].

Таблица 1

Показатели расхождения в реализованности терминальных и инструментальных ценностей (%)

Показатели	Типы жизненных стратегий		
	1	2	3
Тр	41,60	66,58	70,35
Ир	58,42	75,79	78,82
ΔИрТр	16,82	9,21	8,47

Далее нами исследовались индивидуальные ценности с помощью методики Ш. Шварца. Анализ значимости ценностей по данной методике показал, что высокозначимыми ценностями для респондентов всех трех групп являются «самостоятельность» и «достижения». Самостоятельность позволяет личности полагаться на собственный потенциал и внутренние источники развития, что является необходимой основой для самоопределения, ответственности и активности личности в своей жизни [7]. Тем не менее отметим, что более высокие средние показатели по данной ценности обнаружены у респондентов третьей группы.

В число ценностей, имеющих высокую значимость, у испытуемых первой группы входит «безопасность», тогда как для испытуемых второй и третьей групп данная ценность имеет промежуточное значение. По результатам исследования Л. В. Баевой, в число базовых ориентиров молодежи (60 %) входит

«безопасность» [2]. Еще одним отличием является то, что испытуемые второй и третьей групп в число значимых включили «гедонизм», тогда как у испытуемых первой группы данная ценность входит в число незначимых. В том же исследовании Л. В. Баевой удовольствие и комфорт относятся к значимым ценностям молодежи Астраханской области [2]. Ценности «универсализм» и «стимуляция» являются отвергаемыми для всех трех групп, тем не менее средние показатели по данным ценностям выше в третьей группе, чем в первой и второй.

Несмотря на то, что для всех трех групп ценность «традиции», которая отражает уважение, принятие обычаев и идей существующих в культуре, является низкой по значимости, во второй и третьей группах обнаружены более высокие показатели. Данные, полученные нами, не противоречат тенденции, отмеченной О. И. Карпухиным [8], который объясняет присутствие данной ценности в числе низкосзначимых тем, что в молодежной среде произошли сложные процессы, свидетельствующие о переоценке культурных ценностей предыдущих поколений, нарушении преемственности в передаче социокультурного опыта.

Необходимо отметить, что на уровне индивидуальных приоритетов различий в иерархиях значимых ценностей между выделенными группами нами не обнаружено. Респонденты каждой из групп отметили как наиболее важные ценности «самостоятельность», «гедонизм», «достижения».

Для выявления присущих каждой жизненной стратегии смысловых ориентаций, нами использовалась методика СЖО. Результаты (таблица 2) позволяют констатировать, что респонденты третьей и второй групп демонстрируют высокую степень удовлетворенности и осмысленности жизни. В то же время у респондентов первой группы данный показатель значимо ниже.

Таблица 2

Усредненные результаты по тесту СЖО

Шкалы СЖО	Типы жизненных стратегий						Различия при $p < 0,05$ в парах
	1		2		3		
	<i>М</i>	<i>δ</i>	<i>М</i>	<i>δ</i>	<i>М</i>	<i>δ</i>	
Общий показатель осмысленности жизни	94,46	15,90	101,89	15,41	104,86	16,66	1-2 ($p < 0,004$); 1-3 ($p < 0,000$)
Цель	33,46	6,88	36,20	6,90	37,14	6,88	1-2 ($p < 0,015$); 1-3 ($p < 0,001$)
Процесс	27,88	6,65	30,32	5,62	31,35	6,37	1-2 ($p < 0,015$); 1-3 ($p < 0,001$)
Результат	23,57	4,92	25,50	4,68	26,56	5,22	1-2 ($p < 0,014$); 1-3 ($p < 0,000$)
ЛК-Я	24,42	4,20	26,52	4,09	26,64	4,81	1-2 ($p < 0,002$); 1-3 ($p < 0,003$)
ЛК-Жизнь	27,37	6,41	30,57	5,86	31,48	6,17	1-2 ($p < 0,002$); 1-3 ($p < 0,000$)

Как видно из таблицы 2, респонденты первой группы демонстрируют достоверно более низкие показатели по трем временным локусам (Цели, Процесс, Результат), а также локусам контроля «Я» (ЛК-Я) и Жизнь (ЛК-Жизнь). В то же время респонденты второй и третьей групп не обнаруживают достоверных различий между собой. Отметим, что испытуемые

второй и третьей групп характеризуются высокими показателями общей осмысленности жизни, что говорит об удовлетворенности жизнью в целом, склонности оценивать пройденный этап жизни как плодотворный, о важной роли настоящих и будущих событий в этот период, о позитивной оценке сегодняшнего дня и планирования будущего. Для респондентов

третьей и второй групп характерна целеустремленность, эмоциональная насыщенность жизни, вера в свои планы и их осуществление. Анализируя данные таблицы 2, можно утверждать, что у респондентов третьей группы обнаружены самые высокие показатели по шкале «Локус контроля – Я». Следовательно, для данной группы свойственны представления о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями. Несколько ниже показатели по данной шкале у представителей второй группы, что также может свидетельствовать о том, что испытуемые обладают способностью планировать будущее в соответствии со своими жизненными целями. Представители первой группы по шкале «Локус контроля – Я» демонстрируют низкие показатели, что можно описать как неверие в свои силы и неспособность контролировать события собственной жизни. Данные результаты согласуются с показателями расхождения ценностей-целей и ценностей-средств, которые характеризуют невысокий уровень целеполага-

ния и низкую степень осмысленности жизни данной группы. Заметим, что респонденты первой группы убеждены в том, что жизнь неподвластна сознательному контролю и планировать будущее не имеет смысла (шкала «Локус контроля – жизнь»). Отметим, что респонденты третьей группы уверены в своей способности контролировать события собственной жизни, способны осознанно принимать решения и реализовывать их в жизни (шкала «Локус контроля – жизнь»). Несмотря на то, что у испытуемых второй группы данные показатели несколько ниже, тем не менее они выше среднего, что также позволяет охарактеризовать их как способных контролировать свою жизнь, принимать решения и воплощать их в жизнь.

Помимо этого данная методика позволяет изучить актуальное смысловое состояние, представляющее совокупность актуализированных, генерализованных смыслов, размещенных во временной перспективе [10; 11]. Соотношение типов актуального смыслового состояния по группам приведено в таблице 3.

Таблица 3

Распределение типов АСС в исследуемых группах (%)

Типы стратегий	Типы АСС							
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й	8-й
1	34,33	5,97	8,96	8,96	10,44	4,47	8,96	17,91
2	26,14	1,13	6,82	6,82	5,68	6,82	7,95	38,64
3	17,65	3,53	3,53	4,70	4,70	8,24	8,24	49,41

К классу продуктивных состояний относится 8-й тип АСС, отражающий положительный полюс осмысленности, все три временных локуса контроля имеют высокие показатели осмысленности. Он характеризуется тем, что прошедший отрезок жизни был продуктивным и значимым, процесс жизни в настоящем воспринимается как интересный, эмоционально насыщенный, а наличие целей придает всей жизни человека осмысленность, направленность и временную перспективу [10]. Как видно из данных таблицы, продуктивный тип в большей степени характерен для третьей стратегии (49,41 %). Наименьшая выраженность данного типа присуща респондентам первой стратегии (17,91 %).

К частично продуктивным типам, характеризующимся состоянием с высокой осмысленностью двух локусов контроля, можно отнести 4-й, 6-й, 7-й типы АСС [10]. Доля частично продуктивных типов выглядит следующим образом: первая стратегия – 22,39 %, вторая стратегия – 21,59 % и третья стратегия – 21,18 %. Класс непродуктивных состояний составляют АСС с заблокированными для сознания двумя или более временными локусами смысла (1-й, 2-й, 3-й и 5-й типы АСС). Непродуктивный тип в стратегиях характеризуется следующим соотношением: первая – 59,7 %, вторая – 39,77 % и третья – 29,41 %. Таким

образом, респонденты первой группы демонстрируют самый высокий процент непродуктивного типа АСС.

Для изучения ценностных типов в выделенных группах нами использовалась методика Р. Инглхарта, модифицированная М. С. Яницким. Результаты приведены на рис. 1.

Как следует из полученных результатов, адаптирующийся тип наиболее распространен во второй группе (39,77 %), несколько меньше в первой группе (32,84 %), меньше всего представителей адаптирующегося типа в третьей группе (29,41 %). Социализирующийся тип, характеризующийся ориентацией на семью, карьере и общественное признание, представлен в группах следующим образом: 50 % – респонденты второй группы, чуть меньший процент представлен в третьей группе (43,53 %), наименьшая распространенность в первой группе (40,30 %). Отметим, что наибольший процент промежуточного типа присутствует в первой группе (26,86 %), чуть меньше в третьей (22,35 %) и незначительный процент во второй группе (10,23 %). Особенностью данной выборки является присутствие индивидуализирующегося типа (4,71 %) только у испытуемых третьей группы. Данные результаты согласуются с методикой СЖО, по результатам которой именно испытуемые третьей группы демонстрируют более высокие показатели по шкале «Локус контроля – Я».

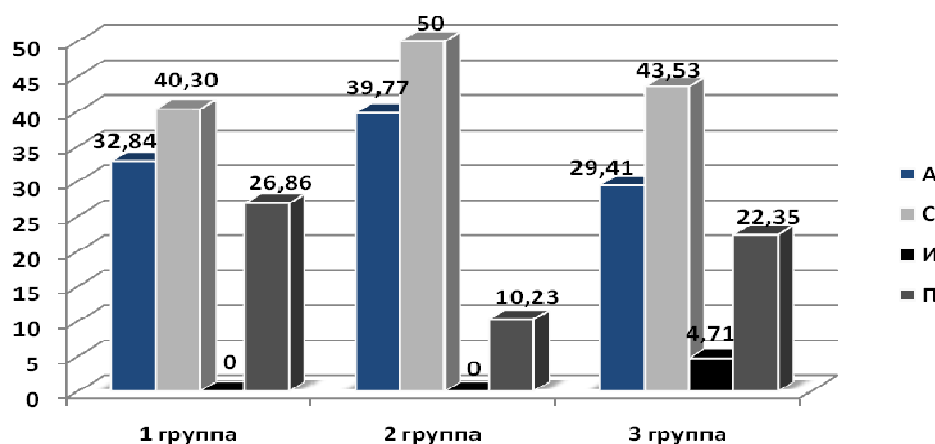

Рис. 1. Представленность ценностных типов респондентов по группам (%)

Для изучения специфики жизненной стратегии мы составили анкету. В данной статье отразим только наиболее значимые результаты, в рамках заявленной темы. Способность контролировать события собственной жизни является одной из характеристик жизненной стратегии. Для этого респондентам был задан вопрос «Как Вы полагаете, от чего главным образом зависит то, как складывается Ваша жизнь?». Отметим, что респонденты третьей группы, в отличие от двух других, уверены в том, что то, как складывается их жизнь, зависит в большей степени от них, чем от внешних обстоятельств (42,35 %) и 20 % уверены в том, что жизнь складывается главным образом от них. Намного меньше в третьей группе респондентов, кто считает, что жизнь зависит в некоторой степени от них, но больше от внешних обстоятельств. Еще одним отличием является то, что в третьей группе не было ни одного респондента, кто выбрал вариант, что их жизнь зависит от внешних обстоятельств, тогда как в первой группе (7,46 %) и второй (6,82 %).

Поскольку ответственность является важным параметром жизненной стратегии личности (О. С. Васильева, Е. А. Демченко), респондентам был задан вопрос «Предпочитаете ли Вы брать на себя ответственность в жизни?». Отметим, что именно респонденты третьей группы демонстрируют большую уверенность в том, что как складывается их жизнь, зависит главным образом от них. На наш взгляд, это непосредственно связано с тем, что выявлены значимые различия в степени реализованности по тесту М. Рокича инструментальной ценности ответственность, степень реализованности которой намного выше именно у представителей третьей группы (83,51 %), хотя входит в число значимых всех трех групп. Заметим, что ни один из респондентов третьей группы при ответе на вопрос «Знаете ли Вы, чего хотите достичь в жизни?» отрицательно не ответил, в отличие от респондентов первой и второй групп. Данные результаты согласуются с тестом СЖО, по результатам которого у респондентов третьей группы самый высокий показатель по временному локусу «Цель».

По результатам проведенного исследования можно сделать **выводы**.

1. Респонденты первой группы придерживаются жизненной стратегии фаталистического типа. Для

студентов данной группы предпочитаемыми являются такие терминальные ценности, как «материально обеспеченная жизнь», «здоровье», «уверенность в себе», «активная деятельная жизнь», «любовь», «счастливая семейная жизнь». В числе значимых ценностей-средств оказались «образованность», «независимость», «ответственность», «жизнерадостность», «эффективность в делах», «воспитанность». В то же время ценностный компонент представлен ценностями, имеющими дефицитный характер. Представители данной стратегии характеризуются низкой степенью общей осмысленности жизни, несформированностью жизненных целей субъекта. Респонденты, отнесенные к данному типу жизненной стратегии, характеризуются убежденностью в том, что жизнь не поддается сознательному контролю, они подвержены внешнему влиянию, преобладает неверие в способность контролировать события собственной жизни. Эти студенты склонны перекладывать ответственность за события собственной жизни на социальное окружение.

2. Респонденты второй группы придерживаются жизненной стратегии конформистского типа. Эти студенты способны планировать будущее в соответствии с жизненными целями, присутствует удовлетворенность жизнью в целом, склонность оценивать пройденный этап жизни как плодотворный. В числе значимых ценностей-целей оказались «любовь», «здоровье», «материально обеспеченная жизнь», «счастливая семейная жизнь», «наличие хороших и верных друзей», «уверенность в себе». Иерархия ценностей-средств включает такие ценности, как «воспитанность», «образованность», «ответственность», «жизнерадостность», «аккуратность и чистоплотность», «честность». Ценностный компонент представлен ценностями социализации.

3. Респонденты третьей группы придерживаются жизненной стратегии целеустремленного типа. Данный тип жизненной стратегии характеризуется высокими показателями осмысленности и удовлетворенности жизнью, ощущением продуктивности прожитой жизни, удовлетворенности настоящим, позитивным видением будущего. Представителей данной стратегии отличает сознательное планирование собственной жизни, наличие целей в жизни, а также готовность преодолевать трудности и неудобства на пути дости-

жения своей цели. Для данных студентов характерны конкретизированные представления о будущем, способность контролировать события собственной жизни и нести за них ответственность. Среди личностных качеств отметим целеустремленность, самостоятельность, ответственность, активность, уверенность в себе. В структуре терминальных ценностей предпочитаемыми оказались «любовь», «здоровье», «активная деятельная жизнь», «уверенность в себе», «счастливая семейная жизнь», «наличие хороших и верных друзей». Иерархия ценностей-средств включает в себя

ценности «образованность», «ответственность», «независимость», «воспитанность», «жизнерадостность», «аккуратность и чистоплотность». Ценностный компонент представлен ценностями самореализации.

Подводя итог исследованию, можно констатировать, что были обнаружены достоверные различия ценностно-смысловых составляющих жизненных стратегий студентов вуза. Полученные результаты могут быть использованы в работе психологов, специалистов по работе с молодежью для организации помощи молодежи в планировании своего будущего.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни: монография. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Баева Л. В. Ценности молодежи «эпохи перемен»: взгляд из России // Socioloska Luca. 2007. № 1 – 2. С. 74 – 81.
3. Белецкая А. А. Особенности жизненных стратегий учащихся старших классов: кросс-культурный аспект: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 25 с.
4. Билан (Ляхова) М. А. Особенности ценностных компонентов жизненных стратегий студентов вуза, воспитывавшихся вне родительской семьи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. Вып. № 4(52). Т. 1. С. 167 – 174.
5. Билан (Ляхова) М. А. Ценностные компоненты жизненных стратегий студентов вуза, воспитывавшихся вне родительской семьи: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Кемерово, 2011. 22 с.
6. Васильева О. С., Демченко Е. А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека // Вопросы психологии. 2001. Март – апрель. С. 74 – 85.
7. Дементий Л. И., Купченко В. Е. Жизненные стратегии: монография. Омск, 2010. 192 с.
8. Карпухин О. И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 124 – 128.
9. Легостаева Н. И. Структура жизненных стратегий современного российского студенчества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2012. 24 с.
10. Серый А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика / науч. ред. М. С. Яницкий. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. 272 с.
11. Серый А. В., Яницкий М. С. Ценностно-смысловая парадигма как методологическая основа оценки и прогнозирования развития личности // Личностное развитие: прогностические модели, факторы, вариативность. Томск, ТГПУ, 2008. С. 71 – 93.
12. Федорова Е. П. Жизненные стратегии человека как проявление ценностного отношения к жизни // Гуманитарный вектор. (Серия: Педагогика, психология). 2008. № 4. С. 48 – 55.
13. Чеботарева Д. Ю. Жизненные стратегии студенческой молодежи юга России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2006. 26 с.
14. Яницкий М. С., Портнова А. Г., Богомолов А. М. Адаптационная парадигма в постнеклассической методологии психологических исследований развития личности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 2. С. 19 – 26.
15. Яницкий М. С., Серый А. В. Диагностика уровня развития ценностно-смысловой сферы личности: учебное пособие. Новокузнецк: МАОУ ДПО ИПК, 2010. 102 с.
16. Яницкий М. С., Серый А. В. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19-1. С. 82 – 97.

Информация об авторах:

Аршинова Елена Владимировна – ассистент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ, arshinova75@mail.ru.

Yelena V. Arshinova – Assistant Lecturer at the Department of Social Psychology and Psychosocial Technologies, Kemerovo State University.

Билан Марина Анатольевна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ, lma_05-80@mail.ru.

Marina A. Bilan – Candidate of Psychology, Senior Lecturer at the Department of Social Psychology and Psychosocial Technologies, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 11.09.2015 г.

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Д. Н. Долганов

CLASSIFICATION OF INTERPERSONAL RELATIONS

D. N. Dolganov

В данной работе рассматриваются теоретические основы классификаций межличностных отношений. Предпринимается попытка разработки классификации межличностных отношений на основе системного подхода. Согласно принципу системных описаний предполагаемая семантическая структура межличностных отношений представлена следующими сферами: восприятие себя и других людей, восприятие психологического времени, восприятие отношений с группами как отражение аффилиативной потребности, восприятие и оценка коммуникативного стиля. Каждая сфера может быть окрашена эмоционально либо положительно, либо отрицательно, следовательно из соотношения четырех основных параметров и двух функциональных состояний можно арифметически предположить наличие шестнадцати типов межличностных отношений. Приводятся результаты первого эмпирического этапа исследования, которые позволили выявить все шестнадцать ожидаемых типов. Кроме этого, основным достижением данного этапа исследования является то, что предположение о возможности типологизации межличностных отношений через семантические структуры находит подтверждение.

The paper discusses the theoretical basis for the classification of interpersonal relations. An attempt at classifying interpersonal relations basing on a systematic approach is made. Under the principle of the system description, the suggested semantic structure of interpersonal relations is represented by the following areas: perception of themselves and others, psychological perception of time, perception of the relations with the groups as a reflection of affiliative needs, perception and evaluation of communicative style. Each sphere can be coloured emotionally either positively or negatively, so the ratio of the four basic parameters and two functional states can assume the existence of sixteen types of interpersonal relations. The results of the first empirical phase of the study revealed that all sixteen of the expected types do exist. In addition, the main achievement of this phase of the study is that the assumption of the possibility of a typology of interpersonal relations through the semantic structure is confirmed.

Ключевые слова: межличностные отношения, психосемантика, имплицитная модель, смысложизненные ориентации, ценностные ориентации.

Keywords: interpersonal relations, psychosemantics, implicit model, life purpose orientation, value orientation.

Описанные на сегодняшний день виды межличностных отношений представлены довольно различными вариантами: отношения знакомства, приятельские отношения, товарищеские отношения, супружеские отношения, любовные отношения; первичные отношения, вторичные отношения; оценочные, действительные; симпатия – антипатия, дружба – вражда, любовь – ненависть; официальные и неофициальные, деловые и личные, рациональные и эмоциональные, субординационные и паритетные [8; 10; 13].

О наличии большого количества классификаций С. В. Духновский говорит, что «на сегодняшний день в психологии нет общепринятой и разделяемой всеми учеными... классификации межличностных отношений. Эта проблема обусловлена отсутствием единых, общепринятых... критериев. Оснований для классификации» [4, с. 13]. Для демонстрации отличий классификации отношений можно привести несколько типологий.

Л. Я. Гозман, рассматривая эмоциональные межличностные отношения как особый вид отношений, выделяет отношения симпатии и отношения любви. Критерием выделения данных отношений является безусловно эмоциональная основа [2]. Н. Н. Обозов описывает отношения приятельства и знакомства, отношения дружбы, товарищеские отношения, семейно-брачные отношения и родственные отношения. В качестве оснований типологии автор выделяет следующие критерии: 1) главный критерий – это глубина вовлечения личности в отношения; 2) избирательность при выборе партнера; 3) различие функций и целей отношений; 4) дополнительные критерии – дис-

танция между партнерами, продолжительность и частота контактов [9].

Е. Ю. Клепцова, рассматривая компоненты межличностных отношений (направленность, модальность, валентность, интенсивность, осознанность, дифференцированность, сложность, уровень развития, широта, эмоциональность, взаимопонимание, когнитивное отождествление), группирует отношения по аналогии с Н. Н. Обозовым в три группы: отрицательные, индифферентные и положительные отношения. Данные виды отношений сопоставимы по содержанию и проявлениям с видами отношений, которые выделяет автор: гуманные отношения, нейтральные отношения, негуманные (эгоистические) отношения [5 – 6].

Л. Н. Собчик, опираясь на типологию Т. Лири, предлагает модифицированный вариант, в котором выделяются восемь типов межличностных отношений. Властный – лидирующий; независимый – доминирующий; прямолинейный – агрессивный; недоверчивый – скептический; покорный – застенчивый; зависимый – послушный; сотрудничающий – конвенциональный; ответственный – великодушный. Данная типология прошла валидизацию в рамках концепции «ведущей тенденции» и подтвердила свою практическую значимость [12].

Приведенные примеры показывают справедливость вышеприведенного тезиса С. В. Духновского. Различие классификационных оснований связано с тем сегментом деятельности, в которой формируется типология. В одном случае типология исходит из запросов консультативной и терапевтической практики, в другом случае – из запросов экспериментально-

исследовательской практики, а третьем случае – из запросов психодиагностической практики. Вопрос, возможно ли создание наиболее обобщенного подхода к типологии межличностных отношений, мы рассмотрим далее.

Согласно одному из системных принципов, исследуемое явление можно описать через следующие основные параметры: пространство, время, энергия, информация. Пространство – социальное пространство, которое проявляется в общении, взаимодействии между субъектами или социальными группами. Где общение имеет наиболее приоритетное значение, поскольку именно в общении и происходит реализация отношений [1]. Информация. Вслед за С. В. Духновским, Л. В. Куликовым мы полагаем, что информационной основой межличностных отношений является познание [3; 4; 7]. Однако термин «познание» очень широк и требует конкретизации. Применительно к проблематике межличностных отношений «познание» необходимо понимать, как проявление обыденных форм социальной перцепции, социального познания, что можно выразить в терминах когнитивного подхода – «когниции», «когнитивная схема», «система личностных конструкторов». Психологическое время – данная система задается самой физической реальностью, в плане психологической реальности обозначенная система проявляется в осмысленности и синхронизации субъективного опыта, сформированного в различные отрезки времени. Рассогласование и несвязанность субъективного опыта лишает человека полноценности бытия. Энергия – это мотивационно-потребностные состояния, которые являются движущей силой формирования межличностных отношений. Конечно, в большей степени мы говорим о социальных потребностях: аффилиативная потребность, потребность в общении, потребность в признании и уважении. Эмоциональные состояния также относятся к стимулирующим факторам, однако, считать их типично принадлежащих к данной сфере не совсем верно. Эмоциональные процессы мы можем видеть и в проявлениях сферы познания, сферы общения, сферы восприятия и переживания психологического времени. Таким образом, согласно базовым определениям понятия «межличностные отношения» эмоции являются наиболее характерной чертой проявления отношений, но отнюдь не единственной. Т. е. эмоции можно определить применительно к сфере межличностных отношений как универсальный регулирующий процесс (рис. 1).

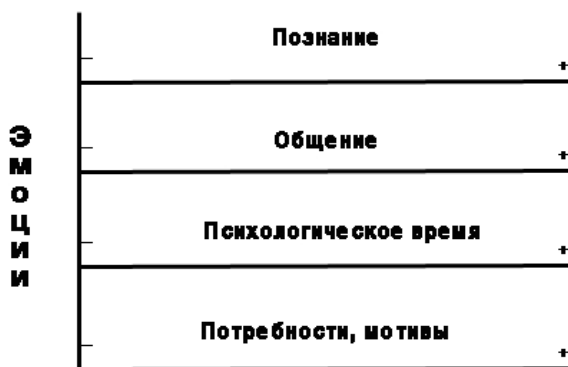

Рис. 1. Эмоциональная регуляция сфер межличностных отношений

Из описанной структуры можно выделить типы межличностных отношений. Исходя из арифметической посылки о том, что в измерении участвуют четыре параметра, мы можем зафиксировать $16 = 2^4$ типов межличностных отношений: сочетания положительных и/или отрицательных эмоциональных оценок. А если предположить, что кроме положительных и отрицательных эмоциональных состояний могут иметь значение и нейтральные, то количество возможных сочетаний уже может быть $81 = 3^4$. Следовательно, данная предполагаемая модель требует обязательной эмпирической проверки.

Эмпирическая апробация предложенной модели межличностных отношений была осуществлена в два этапа.

Первый этап. Исследованием охвачены 71 человек, из них: 46 женщин (65 %) и 25 мужчин (35 %). Разброс возрастного диапазона в группе испытуемых составил от 14 до 52 лет. С целью устранения искажений, которые могут быть привнесены слишком большой пропорцией испытуемых женского пола и испытуемыми с низкими или высокими возрастными, часть испытуемых была нами исключена из расчетов. В конечной выборке осталось 59 человек, из них: женщины 35 человек (59 %), мужчины 24 человека (41 %). Возрастной разброс испытуемых составил от 20 до 35 лет. Средний возраст всей выборки составил 25,9, средний возраст женщин – 25,8, средний возраст мужчин – 26,1.

Как упоминалось выше, параметром, дифференцирующим проявления выделенных четырех компонентов системы межличностных отношений, является эмоциональный тон (положительный или отрицательный). Для каждого элемента характер проявлений устанавливался отдельно. Таким образом, каждый испытуемый кодировался индивидуально, в зависимости от проявляющихся тенденций. Параметр *межличностные отношения* оценивается по содержанию факторных структур. Например, выпадение конструкта Я из факторной структуры можно уже рассматривать как негативацию тона отношений, но в некоторых случаях это может свидетельствовать о просто функциональных изменениях, поэтому обязательно учитывать и соотношение коэффициента когнитивной дифференцированности к среднему значению по всей выборке. Также обязательно учитывать место конструкта Мать в факторной структуре. Даже учитывая, что у представителей разных полов этот конструкт занимает отличающееся положение в структуре субъективного опыта, конструкт Мать, как правило, присутствует в содержании выделенных факторов. Следовательно, факторная структура испытуемого, которая содержит в первом факторе конструкты Друг и Несчастный человек, а во втором факторе конструкт Враг и при величине коэффициента когнитивной дифференцированности, в среднем менее 5000,00 (диффузность) или больше 10000,00 (монолитность), квалифицируется нами как проявление отрицательной аффективной окраски отношений. В таблице 1 приведены примеры положительно и отрицательно окрашенных факторных структур.

Факторные структуры оценки психологического времени нами оценивались по сформированности выделенных структур, принципиально важным мы считаем представленность всех трех временных локусов

(прошлое, настоящее, будущее) в факторной структуре, однако, как показано в таблице, объединение всех временных локусов и типов событий в один недифференцированный фактор является признаком отрицательной окраски восприятия психологического времени. Мерой дополнительной оценки использовался

коэффициент когнитивной дифференцированности. Для оценки психологического времени средние величины коэффициента свойственные адаптивным факторным структурам колеблются в диапазоне от 3500,00 до 7000,00.

Таблица 1

Примеры положительно и отрицательно окрашенных факторных структур

<i>Межличностные отношения</i>					
<i>положительно окрашенные</i>			<i>отрицательно окрашенные</i>		
	F 1	F 2		F 1	F 2
Я	0,85	-0,16	Я	0,42	-0,62
Мать	0,84	-0,17	Мать	0,86	0,17
Друг	0,64	0,56	Друг	0,63	-0,57
Враг	-0,08	0,79	Враг	-0,80	0,50
Счастливый человек	0,88	0,05	Счастливый человек	-0,04	-0,88
Несчастный человек	-0,17	0,76	Несчастный человек	-0,58	0,64
КД	6741,33		КД	12073,63	
<i>Психологическое время</i>					
	F 1	F 2		F 1	
Прошлое	0,94	-0,10	Прошлое	-0,83	
Настоящее	0,07	0,97	Настоящее	-0,96	
Будущее	0,81	0,42	Будущее	-0,97	
Лучшее событие	0,71	0,59	Лучшее событие	-0,96	
Худшее событие	-0,89	-0,28	Худшее событие	-0,74	
КД	4507,60		КД	2620,84	

Оценка параметров мотивации аффилиации и коммуникативного стиля проводилась с использованием методики А. Мехрабиена «Мотивация аффилиации», которая диагностирует два основных мотиватора – стремление к принятию и страх отвержения, вывод о положительной или отрицательной окраске делается в зависимости от преобладающей тенденции – а также теста коммуникативных умений Михельсона выявляющий три стиля: зависимый, компетентный и агрессивный.

Оценка дается по преобладающему стилю. Статистическая обработка результатов осуществлялась с использованием программных средств: Excel, Statistica.

Результаты

Анализ полученных данных позволил нам выявить все ожидаемые 16 типов межличностных отношений.

Таблица 2

Таблица отнесения испытуемых к ожидаемым типам межличностных отношений

<i>Типы МО</i>					<i>Испытуемых (абс.)</i>	<i>Испытуемых (%)</i>
	<i>МО</i>	<i>ПВ</i>	<i>МА</i>	<i>КС</i>		
1	+	+	+	+	10	16,9
2	+	+	+	-	2	3,4
3	+	+	-	+	12	20,4
4	+	-	+	+	1	1,7
5	-	+	+	+	4	6,7
6	+	+	-	-	1	1,7
7	+	-	-	+	6	10,2
8	-	-	+	+	2	3,4
9	+	-	-	-	2	3,4
10	-	-	-	-	1	1,7
11	-	-	-	+	2	3,4
12	-	-	+	-	2	3,4
13	-	+	-	-	2	3,4
14	-	+	-	+	8	13,5
15	+	-	+	-	2	3,4
16	-	+	+	-	2	3,4
Всего					59	100

Примечание: МО – восприятие отношений, ПВ – психологическое время, МА – мотивация аффилиации, КС – коммуникативный стиль, «+» – положительно окрашенный признак, «-» – отрицательно окрашенный признак.

В таблице 3 приведены обобщенные характеристики выделенных типов межличностных отношений. Характеристики параметров МО и ПВ представлены кратким описанием содержания выявленных факторных структур. Факторный анализ данных семантиче-

ского дифференциала предполагает два варианта анализа. Первый вариант – анализ элементов оценки, поскольку мы предлагали оценивать не один, а несколько объектов; второй вариант – анализ факторных структур признаков (шкал) семантического дифференциала.

Таблица 3

Краткие характеристики выявленных типов межличностных отношений

Типы МО	Параметры	Характеристики
1 тип	МО+ ПВ+ МА+ КС+	Элементы: 1 ф. мать, друг, счастливый человек, Я (положительный другой и Я) 2 ф. враг – несчастный человек (отрицательный другой) Признаки: 1 ф. личностные черты. 2 ф. привлекательность. 3 ф. умный-счастливый. Элементы: 1 ф. прошлое, настоящее, будущее, ЛС – ХС Признаки: 1 ф. позитивность-негативность. 2 ф. жизнерадостность – надежда. 3 ф. беззаботность, потрясение. СО – 8,7 СП – 13,8. 3 – 7 К – 15,4 А – 5,5.
2 тип	МО+ ПВ+ МА+ КС-	Элементы: 1 ф. «Другие», 2 ф. «Близкие и Я». Признаки: 1 ф. Личностные черты. 2 ф. Поведенческо-стилевые черты. 3 ф. Уравновешенность. Элементы: 1 ф. Настоящее, будущее, ЛС – ХС. 2 ф. Прошлое. Признаки: 1 ф. Разочарование – гордость. 2 ф. Радость – надежда. 3 ф. Беззаботность. СО – 9,5 СП – 14,5. 3 – 13 К – 7,5 А – 5,5.
3 тип	МО+ ПВ+ МА- КС+	Элементы: 1 ф. Позитивный образ. Признаки: 1 ф. Личностно – поведенческие черты. 2 ф. Ум – уравновешенность. Элементы: 1 ф. Прошлое, настоящее, будущее, ЛС – ХС. Признаки: 1 ф. Самоутверждение – угнетенность, 2 ф. Сомнение. СО – 14,6 СП – 10,6. 3 – 6,9 К – 17 А – 2,6.
4 тип	МО+ ПВ- МА+ КС+	Элементы: 1 ф. Я – враг, несчастный человек. 2 ф. Мать, счастливый человек. 3 ф. Друг. Признаки: 1 ф. Поведенческо-стилевые черты. 2 ф. Умный – уравновешенный. 3 ф. Мечтатель – реалист. 4 ф. Личностно – стилиевые. Элементы: 1 ф. Будущее, ХС, ЛС, настоящее. 2 ф. Прошлое. Признаки: 1 ф. Уверенность – угнетенность. 2 ф. Самоутверждение. 3 ф. Радость – беззаботность. СО – 14 СП – 14,3 – 12 К – 12 А – 3.
5 тип	МО- ПВ+ МА+ КС+	Элементы: 1 ф. Я, мать. 2 ф. Несчастный человек. Признаки: 1 ф. Поведенческо-стилевые черты. 2 ф. Экзистенциальные черты. 3 ф. Умный – счастливый. Элементы: 1 ф. ЛС, будущее, настоящее – ХС. 2 ф. Прошлое. Признаки: 1 ф. Беззаботность – сомнение. 2 ф. Самоутверждение. СО – 10 СП – 12,7. 3 – 8 К – 16,2 А – 3,2.
6 тип	МО+ ПВ+ МА- КС-	Элементы: 1 ф. Я. 2 ф. Враг, счастливый человек. 3 ф. Несчастный человек. Признаки: 1 ф. Поведенческо-стилевые черты. 2 ф. Стилевые черты. 3 ф. Инициативный. 4 ф. Умный – счастливый. Элементы: 1 ф. Настоящее, будущее. 2 ф. ЛС. 3 ф. Прошлое – ХС. Признаки: 1 ф. Уверенность – жизнерадостность. 2 ф. Вздошность – угнетенность. 3 ф. Грусть – пассивность. 4 ф. Гордость. СО – 17 СП – 9. 3 – 10. К – 8 А – 9.
7 тип	МО+ ПВ- МА- КС+	Элементы: 1 ф. Я, друг, мать, счастливый человек. 2 ф. Враг, несчастный человек. Признаки: 1 ф. Личностно-стилевые черты. 2 ф. Темпераментный – спокойный. 3 ф. Привлекательный. Элементы: 1 ф. Прошлое, настоящее, будущее, ЛС – ХС. Признаки: 1 ф. Энтузиазм – подавленность. 2 ф. Гордость – сомнение. СО – 13,6 СП – 6,5. 3 – 5,5. К – 17,8 А – 7,1.
8 тип	МО- ПВ- МА+ КС+	Элементы: 1 ф. Счастливый человек, друг, мать, Я – несчастный человек. 2 ф. Враг. Признаки: 1 ф. Личностные черты. 2 ф. Привлекательный – прагматичный. 3 ф. Умный – счастливый. Элементы: 1 ф. Будущее, ЛС – прошлое, ХС. Признаки: 1 ф. Угнетенность – воодушевленность. СО – 9,5 СП – 20,5. 3 – 6 К – 17,5 А – 3.

9 тип	МО+ ПВ- МА- КС-	Элементы: 1 ф. Я, друг, мать. 2 ф. счастливый человек – несчастный человек. Признаки: 1 ф. Конструктивный – импульсивность. 2 ф. Умный – счастливый. 3 ф. Целенаправленный. Элементы: 1 ф. Прошлое, ХС – ЛС, будущее. 2 ф. Настоящее. Признаки: 1 ф. воодушевленность – депрессивность. 2 ф. Надежда – жизнерадостность. СО 15,5 СП – 10. 3 – 4,5 К – 14 А – 5,5
10 тип	МО- ПВ- МА- КС-	Элементы: 1 ф. Друг, счастливый человек, мать – несчастный человек. 2 ф. Я, враг. Признаки: 1 ф. Личностные черты. 2 ф. Привлекательный. 3 ф. Мечтатель – реалист. Элементы: 1 ф. Будущее, прошлое, ЛС, настоящее. Признаки: 1 ф. Угнетенность – радость, 2 ф. Надежда. СО – 28 СП – 3. 3 – 15 К – 7 А – 5.
11 тип	МО- ПВ- МА- КС+	Элементы: 1 ф. Мать, друг. 2 ф. Я. Признаки: 1 ф. Личностные черты. 2 ф. Силевые черты. 3 ф. Привлекательный. 4 ф. Прагматизм – импульсивность. 5 ф. Конструктивный. Элементы: 1 ф. Будущее, прошлое, ЛС, настоящее. 2 ф. ХС. Признаки: 1 ф. Безучастность – депрессивность. 2 ф. Воодушевленность – уверенность. 3 ф. Ошеломленность – боль. 4 ф. Жизнерадостность. СО – 19 СП – 11,5. 3 – 9 К – 17 А – 1.
12 тип	МО- ПВ- МА+ КС-	Элементы: 1 ф. Мать – враг. 2 ф. несчастный человек. 3 ф. Я, друг. Признаки: 1 ф. Личностно-поведенческие. 2 ф. Привлекательный. 3 ф. Умный – счастливый. 4 ф. Прагматичный. Элементы: 1 ф. ЛС, настоящее, прошлое, будущее – ХС. Признаки: 1 ф. Ошеломленность – болезненность. 2 ф. Надежда. 3 ф. Подавленность – уверенность. СО 16 СП – 19,5. 3 – 10 К – 9,5 А – 7,5.
13 тип	МО- ПВ+ МА- КС-	Элементы: 1 ф. Несчастный человек – счастливый человек. 2 ф. Я – враг. Признаки: 1 ф. Самореализующийся – мечтатель. 2 ф. Мягкий – импульсивный. 3 ф. Силевые черты. 4 ф. Умный – упорный. Элементы: 1 ф. ЛС, будущее, настоящее – ХС. Признаки: 1 ф. Воодушевленность – неуверенность. 2 ф. Безучастность. 3 ф. Гордость – депрессия. СО – 18,5 СП – 11,5. 3 – 10,5 К – 10 А – 6,5.
14 тип	МО- ПВ+ МА- КС+	Элементы: 1 ф. Мать, друг, Я. 2 ф. Враг – несчастный человек. Признаки: 1 ф. Личностные черты. 2 ф. Силевые черты. 3 ф. Умный – счастливый. 4 ф. Темпераментный – спокойный. Элементы: 1 ф. ЛС, будущее, настоящее, прошлое – ХС. Признаки: 1 ф. Депрессивность – надежда. 2 ф. Беспечность – жизнерадостность. СО – 15,6 СП – 13,6. 3 – 6,7 К – 15 А – 3,7.
15 тип	МО+ ПВ- МА+ КС-	Элементы: 1 ф. Мать, друг, Я. 2 ф. Несчастный человек. Признаки: 1 ф. Личностные черты. 2 ф. Личностно-силевые черты. 3 ф. Силевые черты. 4 ф. Поведенческо-силевые черты. 5 ф. Мечтатель – реалист. Элементы: 1 ф. Настоящее, будущее, ЛС, прошлое, ХС. Признаки: 1 ф. Включенность в жизнь – не включенность. СО – 11 СП – 17. 3 – 12 К – 5,5 А – 6,5
16 тип	МО- ПВ+ МА+ КС-	Элементы: 1 ф. Счастливый человек, мать, друг – несчастный человек. 2 ф. Я. Признаки: 1 ф. Личностно-силевые. 2 ф. Мечтатель – реалист. 3 ф. Поведенческо-силевые черты. Элементы: 1 ф. Будущее, ЛС, настоящее – ХС. Признаки: 1 ф. Самоутверждение – депрессивность. 2 ф. Беззаботность. 3 ф. Надежда – неуверенность. СО – 8 СП – 17. 3 – 14,5 К – 5,5 А – 7

Анализ факторных структур по объектам показывает, что, как правило, испытуемые воспринимают оцениваемых людей в пространстве «положительный образ – отрицательный образ», а также «близкие люди – другие люди». При анализе признаков мы использовали классификацию конструкторов, описанную С. С. Смагиной [11]. Наиболее часто испытуемыми используются личностные черты, поведенческие и стилевые черты, как в более «чистом» виде, так и в сочетании. Анализ

данных по семантическому дифференциалу «психологическое время» показал, что при оценке элементов происходит их дифференциация в пространстве «позитивные события – негативные события». При анализе факторных структур по признакам оценки мы видим достаточное разнообразие выявленных факторов, но тем не менее в их содержании прослеживается общая тенденция отражающая активность или пассивность субъекта.

Оценка параметра «мотивация аффилиации» довольно однозначна. Как уже упоминалось, в структуре аффилиационного мотива выделяются два компонента: стремление к принятию и страх отвержения, которые отражают ведущие ожидания субъекта взаимодействия.

Оценка четвертого параметра «коммуникативный стиль» проводится по трем шкалам: зависимый стиль общения, компетентный стиль и агрессивный. Положительным проявлением данного параметра мы считали преобладание компетентного стиля общения. Негативным проявлением мы считали преобладание зависимого или агрессивного стиля. Следует отметить, что преобладание зависимого стиля общения встречается чаще, чем проявление агрессивного стиля.

Резюмируя результаты данного этапа, мы можем сказать, что:

– использование принципа системного описания для анализа феномена межличностных отношений вполне оправдано;

– выявлены все шестнадцать ожидаемых типов межличностных отношений;

– вместе с тем содержательные интерпретации выделенных типов не позволяют охарактеризовать их специфику;

– нет возможности провести количественное (статистическое) сравнение параметров выделенных типов МО, а также затруднен качественный сравнительный анализ;

– использование диагностических методик разного типа может являть причиной неточной или даже искаженной оценки исследуемых параметров.

Учитывая все выше сказанное, мы пришли к выводу о необходимости внесения поправок в процедуру исследования, что реализовано нами на втором этапе.

Литература

1. Андреева Г. М. Общение и межличностные отношения. 2006 // Библиотека учебной и научной литературы. Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/andreeva_ob/ (дата обращения: 10.06.2015).
2. Гозман Л. Я. Психология эмоциональных отношений. М.: Изд-во МГУ, 1987. 175 с.
3. Духновский С. В. Переживание дисгармонии межличностных отношений: монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. 175 с.
4. Духновский С. В. Диагностика межличностных отношений. Психологический практикум. СПб.: Речь, 2010. 141 с.
5. Клепцова Е. Ю. Виды межличностных отношений // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. № 2(2). Т. 15. С. 382 – 387.
6. Клепцова Е. Ю. Психологическая структура гуманных межличностных отношений субъектов образовательной деятельности // Образование и саморазвитие. 2013. № 3(37). С. 28 – 35.
7. Куликов Л. В. Психология настроения. СПб.: Изд-во С.Петербургского университета, 1997. 234 с.
8. Межличностные отношения. Режим доступа: [http://wiki.myword.ru/index.php/Межличностные отношения](http://wiki.myword.ru/index.php/Межличностные_отношения) (дата обращения: 10.06.2015).
9. Обозов Н. Н. Психология межличностных отношений. Киев: Лыбидь, 1990. 192 с.
10. Общественные и межличностные отношения // А. Я. Психология. Режим доступа: <http://azps.ru/-handbook/o/obshche883.html> (дата обращения: 10.06.2015).
11. Смагина С. С. Субъективная репрезентация межличностных отношений студентов в особенностях динамики их индивидуального сознания: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2002. 20 с.
12. Собчик Л. Н. Диагностика индивидуально-типологических свойств и межличностных отношений: практическое руководство. СПб.: Речь, 2003. 95 с.
13. Сушков И. Р. Межличностные отношения // Психология онлайн. Режим доступа: <http://www.psychological.ru/default.aspx?s=0&p=27&0a1=689&0o1=0&0s1=1> (дата обращения: 10.06.2015).

Информация об авторе:

Долганов Дмитрий Николаевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных и экономических наук, зав. лабораторией социологических и социально-психологических исследований филиала КузГТУ в г. Белово, dodn-b@yandex.ru.

Dmitriy N. Dolganov – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department for the Humanities and Economic Sciences, Head of the Laboratory of Sociological and Socio-Psychological Research, Belovo branch of Kuzbass State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 02.09.2015 г.

УДК 159.9.01; 378.02:37.025

ПРИЗНАКИ ПЕРЕХОДА ОТ МЕТАФИЗИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ В ПОСТРОЕНИИ КАРТИНЫ МИРА К НАУЧНЫМ (результаты опыта работы со студентами разных курсов)

Т. Ю. Дробчик, Б. П. Невзоров

FEATURES OF TRANSITION FROM METAPHYSIC TO SCIENTIFIC PRINCIPLES IN WORLD PICTURE BUILDING (the results of the experience of working with students of different courses)

T. Yu. Drobchik, B. P. Nevzorov

В статье приведены и обоснованы три признака культурного перехода от метафизических принципов к научным в построении картины мира студентами-гуманитариями, наблюдаемого во время преподавания дисциплины «Современная научная картина мира» и (или) «Естественнонаучная картина мира». Обсуждена также концепция педагогического иммунитета, согласно которой роль преподавателя сводится к выстраиванию аттрактора (пути развития) для ученика на многие годы вперед в контексте преподаваемого предмета. Обозначены черты результата творческой деятельности, то есть оперирования информацией.

The paper presents and explains the three features of cultural transition from metaphysic to scientific principles in the world picture building by the students majoring in the Humanities being observed while being taught the discipline “Modern scientific world picture” and (or) “Natural scientific world picture”. The paper also discusses the conception of pedagogical immunity according to which the role of the teacher is brought to building the attractor (the way of development) for a student for many future years in the context of the subject being taught. The authors present the peculiarities of the results of art activity, i. e. the information manipulation.

Ключевые слова: философия образования, современное естествознание, концепция педагогического иммунитета, аттрактор – путь развития ученика, оперирование информацией.

Keywords: philosophy of education; modern natural science, conception of pedagogical immunity; attractor – the way of student’s development, information manipulation.

На смену экономического и политического кризиса 2008 г. пришел кризис 2015 г. Нельзя не увидеть в быстрой кумулятивной смене кризисов влияние кризиса науки и образования, который, в свою очередь, обусловлен сменой культурологических парадигм – переходом от индустриальной цивилизации к информационной, а, может, уже и к постинформационной [1 – 3].

Современный кризис образования в значительной степени связан с тем обстоятельством, что европейская система образования входит в прямое противоречие с существующей культуротворческой стихией как обыденной, так и экономической, политической и других сфер жизни. В существующей образовательной схеме индивидуальный опыт обезличен, поскольку преподаются определенные предметы, отрасли науки и т. д. Здесь господствует знание в его абстрактно чистой, незамутненной форме, отождествляемой с классическими концепциями истины аристотелевского типа – «соответствия». Здесь господствует Наука как форма миропонимания. Жизненный стихийный поток накопления жизненного опыта отделен от образовательной системы, поскольку в настоящее время метафизичен.

Да, два десятилетия преподавая дисциплину «Концепции современного естествознания», которая сейчас переименована на новых методических основаниях в «Современную научную картину мира» или «Естественнонаучную картину мира», мы убеждаемся два-три последних года, что к нам стали приходить студенты с совершенно отличающимися по сравнению с предшественниками запросами к результатам процесса познания.

Удивительно, насколько параллельно поменялись и названия дисциплины, и выраженность картины мира – от метафизической к научной – в представлениях каждого из студентов.

Концепции означают определенный способ понимания, толкования действительности. Конечно, задачей преподавателя «Концепций современного естествознания» была передача содержания научных концепций на фоне их исторической, логической смены в истории человечества. Но концепция, как ее не транслируй, несет отпечаток мнения, привязку к ученому – автору этой концепции. Дисциплина с таким названием толерантна, можно так сказать, к прочим мнениям, в том числе и обучающихся.

В установившихся к настоящему времени в цивилизации представлениях проявляется метафизический настрой [4]. Метафизика – философское знание о сверхчувственных началах бытия. В систематике Аристотеля она звалась «первая философия». И если наука занимается только тем, что можно изучить эмпирически или математически (исходя из эмпирических данных), то первая философия – метафизика – изучает то, до чего может дотянуться разум. На начальном этапе развития цивилизации метафизика противопоставлялась ремесленному, чувственному опыту. На более поздних этапах служила пополнением образного, понятийного багажа для использования наукой и техникой.

Получив богатое историческое развитие, метафизика превратилась в учение о сверхчувственных принципах и началах бытия, которая часто выступает синонимом онтологии и даже используется в качестве философского метода познания. Метафизически интерпретировать картину мира пыталась схоластика в средние века. Метафизиками были Джордано Бруно, Декарт, Спиноза, Лейбниц и др.

В настоящее время господство метафизических представлений о природе, столь активно демонстрируемое на аттестационных мероприятиях уступает место исключительно научным, шире – диалектиче-

ским. В дальнейшем, лет через 50, солидарно с представлениями Огюста Конта мы вправе ожидать господство диалектических (противоположных метафизике) представлений, на которых выстроены общенаучные методы.

Если метафизика переносит видение закономерностей в узкой умпостигаемой сфере на всю физическую реальность, то диалектика, наоборот, обозревает самые широкие сферы, к коим относится материя в целом, природа, общество и мышление человека, полагая при этом, что хотя в более узких областях могут быть свои специфические закономерности, например, узконаучные, однако они никаким образом не отражают универсальные закономерности развития как мира в целом, так и отдельных его частей [4]. Где-то посередине находятся опытно-научные представления о действительности.

Итак, начиная преподавать дисциплину «Концепции современного естествознания» в 1995 г., мы видели перед собой студентов-метафизиков по принципам построения их картины мира. Характеристика такой среднестатистической картины мира:

- отрицание авторитетов (сопоставлений и обобщений);
- пренебрежение чужим мнением («Мы почитаем всех нулями, а единицами себя». А. С. Пушкин);
- безразличие к соотносению своего мнения с мнениями других, со знанием («Там, где кончается знание, начинается мнение». Гиппократ);
- догматизм;
- нетерпение критики, даже с помощью достоверно полученных доводов;
- наличие в обыденной картине мира студента огромного количества фактов, несвязанных ни системными, ни причинно-следственными связями между собой, что часто влечет за собой грубейшее обращение причины и следствия, неумение их выстроить в нужном порядке.

Метафизика представляет замкнутый метод видения мира, в котором все возвращается к некому началу, содержанием которого выступает, как правило, личность строителя картины мира (студента). Это возвращение у философов обуславливает универсально-циклический характер развития мира [4]. Если применять синергетические нелинейные модели развития (точка бифуркации как выбор в дальнейшем одного из возможных путей развития – динамический путь – следующая точка бифуркации), то среднестатистический студент формирует метафизическую картину мира как набор образцов, являющихся чьей-то чужой неавторизированной работой по осуществлению выбора. Вся работа такого студента сводится к отнесению – лайку «верю – не верю», «нравится – не нравится». Метафизическая картина мира – набор точек бифуркации, выстроенных причинно-следственных связей, без опыта и роста флуктуаций перед точкой выбора (сомнения, критика, проверки), и самого динамического пути обретения следствия (вывода, нового, связанного с предыдущим, другим знанием).

Как ученым нам необычайно импонируют в своих стремлениях молодые люди, приходящие к разговору с нами в процессе изучения дисциплины в последние два-три года. Их притязания в значительной мере от-

влечены от «верю – не верю», постепенно вырисовывается требование не получения готового выбора – концепции, но и ответов на вопросы «почему?» и «как?». Появился вызов – «а как доказывается данное утверждение?».

Первый признак наступления культурного перехода от метафизических представлений к выраженности научной картины мира в обыденных представлениях о природе – **интерес к отысканию причины явления.**

Второй признак, вытекающий из первого, – **интерес к процессу порождения явлением-причиной явления-следствия, к механизму природного процесса.**

Метафизическая картина мира в целом возникла благодаря спекулятивной способности рассудка ограничиваться опытом субъективных впечатлений. В результате «чистота» мыслительных операций упиралась в умозрительные «пределы» бытия, провозглашая их универсальными принципами. Между тем, поскольку рассудок оставался замкнут в пространство субъективного опыта, то, не выходя за границы дедуктивно-индуктивных связей, образовывал логический круг, который в картине мира обретал характер циклично развивающейся реальности.

Диалектика, лежащая в основе построения общенаучных методов, есть открытый метод теоретического видения мира, перспективы развития которого имеют альтернативную основу и зависят от выбора своего будущего человеком или социумом, напоминая тем самым спираль [4]. Наши студенты, если можно так выразиться, устали находиться в ситуации «замерших», бессвязных, обезличенных информационных единиц в структуре собственной картины мира. Кроме того, обилие этих единиц в современном информационном пространстве объективно требует систематизации фактов, увязывания их в причинно-следственном взаимодействии.

Если метафизика явно или неявно проповедует идею «вечного возвращения», то диалектика отстаивает идею неповторимости и уникальности всех форм жизни, не оставляя надежды на повтор.

Если в метафизике типом связи между целым и частью, например, между Богом (обезличенным информационным полем, например, интернетом) и человеком, выступает эманация как истечение низшего из высшего, причем высшее остается в безущербном состоянии, а низшее сохраняет структуру высшего; то в диалектике типом связи между целым и частью, например, между материей и сознанием человека, становится эволюция, то есть такой процесс совершенствования части, когда она может стать лучше целого [4].

Поэтому **третьим признаком** культурного перехода является **низведение собственного мнения с пьедестала истины и выдвижение ценности накопления объективного (возможного к достижению любым человеком) знания.** Причем причинами этой ценностной устремленности является не только стремление стать профессионалом – экспертом, знанием (мнением) которого дорожат работодатели и коллеги, но и желание участия в самом процессе познания, любопытство (разобрать – собрать, выделить

причину, осознать участие условий в наступлении того или иного следствия данной причины).

Метафизика опирается на умозрительные принципы, среди которых: 1) все в одном и одно во всем; 2) из ничего ничего не бывает; 3) подобное стремится к подобному; 4) тайная гармония управляет явной, масштаб которых не может быть проверен или опровергнут опытным путем; диалектика, общенаучный метод вооружается универсальными диалектическими законами, чья истинность подтверждается разносторонним опытом [4].

В метафизике критерием истинности ее положений выступает дедуктивный метод проверки (то есть от принципа к факту), причем принципы (догмы, аксиомы) может выдвинуть и сам создатель картины мира, но чаще выдвигаются обезличенные информационные единицы (подражание «не помню кому»). В диалектике критерием истины выступает индуктивный метод, где практика, то есть частное, должна подтверждать общее положение, например, выдвинутый закон. В конкретной науке вообще применяется целая полифония методов, что является критерием верификации, особенно в отношении к уникальным природным явлениям, которых в природе подавляющее большинство.

Как же мы видим структуру участия нас, преподавателей, в построении картины мира студентов в связи с изменяющимися запросами?

1. Переход от изложения исторически сменяющихся концепций – мнений (безусловно, прошедших ту или иную верификацию и фальсификацию) ученых к обозначению процесса поиска связи между фактами, явлениями. Мы считаем важным показать и особенности труда ученого (поиск метода, учет возможных условий проведения исследования, накопление систематизированного знания о работах предшественников), и важность толерантности, некоторого постоянного недоверия самому себе, желание утвердиться во мнении через мнения окружающих [1 – 3].

2. Предложение самим студентам «пережить» опыт поиска научной истины тем или иным великим ученым. С этой целью нами разработаны несколько кейс-заданий, перекликающихся с соответствующими заданиями ФЭПО. Каждому из студентов поручается выступить на «научном конгрессе», где собрались великие ученые различных веков, от имени одного из них с изложением не только его концепции (пространства-времени, организации материи, движения, взаимодействия), но и верифицирующих доводов.

3. Работа педагога в механизме педагогического иммунитета [1]. *Педагогический иммунитет* – механизм невосприимчивости отдельно выделенным педагогом – элементом образовательной системы, а также педагогическим сообществом, чиновниками от образования любых аномальных для исторического развития отношений в тернальной структуре «Ученик – Преподаватель – Общество» отклонений, способных переродиться в социально-патологические формы и сдерживать прогресс всех систем, контактирующих с образовательными.

Иными словами, преподаватель, в том числе и «Современной научной картины мира», не есть ретранслятор знаний, он предзадает путь развития

ученика (аттрактор), прогнозируя опасности того или иного пути – ветвления, оберегая от ошибок выбора в точках бифуркации. Аттрактор (от лат. «притягивать») в синергетике – некая траектория.

Роль преподавателя, согласно концепции педагогического иммунитета, сводится к выстраиванию аттрактора для ученика на многие годы вперед в контексте преподаваемого предмета.

Безусловно, проще всего, если вообще терминология «простого» уместна для характеристики труда преподавателя, аттрактор выстраивать преподавателям-естественникам, математикам. В их силе выстраивать «материальный» аттрактор – обратные реакции на воздействие материальных факторов природы.

Восходя от корпускулярно-вещественных представлений к квантово-полевым, от скалярной математики к векторной, пространственной, преподаватели-естественники могут подготовить почву и успешно структурно-геометрически заложить аттрактор и на динамическом уровне (четкая связь причины и следствия, деяний и последствий этих действий), и активно создавать почву духовного развития в точках выбора – точках бифуркации.

Как лучше решить тригонометрическое уравнение – аналитически или посредством геометрического образа – единичной тригонометрической окружности? Преподаватель математики, вырабатывая аттрактор развития Ученика, *обязан*, отвлекаясь от своих личных предпочтений, показать разные способы решения, отработать с Учеником эти разные способы, и только потом дать возможность выбора для всех последующих процедур.

Где же здесь духовное формирование?

– Четкое понимание, что в любой жизненной ситуации есть *много способов решения*, какие-то дадут одни и те же следствия, какие-то выведут на новую дорогу в жизни.

– Выработка душевного свойства, ныне называемого «толерантность» – «терпение, выносливость». По причине нелинейности развития ВСЕГО в природе никакой человек не может сказать: «Только так и никак иначе», всегда есть много способов и механизмов решения, развития. К сожалению, преподаватель в реальных условиях образовательного процесса иногда позволяет себе становиться ментором не только в закладке принципов и аксиом, но и в других процедурах работы с предметным материалом.

На наш взгляд, именно на этом этапе Преподаватель должен обладать той составляющей педагогического иммунитета, которую можно описать так:

Концепция педагогического иммунитета требует от преподавателя знания материалов преподаваемого предмета всех трех уровней информации (информация – сведение, инструкция и оператор) на уровне и в рамках требований Науки. Четкое понимание целей и задач своей деятельности, не допущение сомнений, влияний в процессе преподавания. Это в аналогиях, взятых из биологии, эндо-иммунитет. Внутренняя химия, которая не допускает серьезных флуктуаций в работе органов, обеспечивая гомеостатическое регулирование.

Отметим, упоминая о недопущении сомнений, мы не говорим здесь о процессах подготовки к занятию –

там сомнения, поиск подчас противоречивых (по принципу дополнительности и кентавровости) сведений, выработка самих алгоритмов многочисленными методами, подчас синтетически – необходимое условие труда Преподавателя. Мы считаем, что это и есть суть Преподавательской уникальности, именно в непрограммируемом творческом труде и состоит отличие не только одного Преподавателя от другого, но и Преподавателя от ретрансляторов знаний (например, компьютеров, СМИ, откровенно плохих, ленивых учителей). Мы глубоко уверены, что все попытки заменить Преподавателя-человека на нынешнем этапе развития технологии, культуры вообще, не смогут поспособствовать полноценному становлению личности Учащегося.

«Эмоцию» в компоненте «информация – инструкция» выполняет роль пожелания – захочет или не захочет пользователь исполнять инструкцию. Поэтому подспорьем успеха труда Преподавателя здесь является дисциплина и авторитет.

Замена детского «хочу» на подростковый «надо» в условиях дикой природы провоцировалась безусловным стремлением человека – животного – выжить. Без инструкций, исходящих от Преподавателей, выжить было невозможно (вспомним становление альтруизма вообще, уважения к старшим поколениям в частности).

Постиндустриальное общество, отодвинув естественный отбор, всюю занимаясь искусственным, сместило приоритеты. Правозащитники и СМИ, отважно, или не обладая должными научными и социальными знаниями, в том числе и области педагогики, или реализуя собственно инструкции по развалу Системы образования в России, принижая авторитет Преподавателя, никак не способствуют полноценному развитию молодых россиян.

Мы убеждены, что приобщение Преподавателя к занятию налаживанием связей в образовательной системе – с родителями, чиновниками и т. д. – слишком

сильное разбазаривание духовных и прочих сил Преподавателя.

4. Сотворчество преподавателя и студента.

Множество работ философского, психологического и педагогического содержания пытаются оценить причины и механизмы творческой деятельности, то есть *оперирования* информацией. Черты результата такой деятельности очевидны:

- творец оперирует информацией быстрее остальных на данном историческом этапе;

- творение уникально, не стоит забывать, что образ-информация, переходя в материальное воплощение, всегда диссипатирует, хаотизируется;

- творение прекрасно, гармонично, законченно, но предполагает развитие (обладает диссиметрией – частичным нарушением симметрии, как лицо человека), недаром техника и наука обезличенны;

- акт творения (оперирования информацией) предполагает мощнейшую духовную, психическую флуктуацию – от взлета при переходе идеи из бессознательного в сознание до упадка сил, опустошения от понимания законченности, решения, системной победы (и над Природой, и над собой);

- как в квантовой механике, как у Ф. Энгельса насчет трудовой деятельности, творение (выработанный человеком оператор) меняет творца – наполняет его адаптивными возможностями в самом широком понимании среды.

Преподаватель и Ученик на уровне *оперирования* информацией уже сотрудники. Наш опыт показывает, что Ученик догоняет Преподавателя в понимании данного фрагмента действительности тогда, когда осмеливается с ним *предметно* спорить, критиковать, возражать. Это состояние Ученика – величайшее достижение Преподавателя в работе на двух предыдущих этапах информационных потоков. Это, на наш взгляд, и может считаться результатом образовательного процесса, перефразируя: «и наполнить, и зажечь».

Литература

1. Дробчик Т. Ю., Невзоров Б. П. Концепция педагогического иммунитета и тернальные структуры в образовательной среде // Педагогика высшей профессиональной школы: коллективная научная монография / под ред. С. Д. Якушевой. Новосибирск: СибАК, 2012. С. 142 – 177.
2. Дробчик Т. Ю., Невзоров Б. П. О выявляющихся в преподавании естественнонаучных дисциплин студентам-гуманитариям причинно-следственных нарушениях в понимании процессов // Вестник КемГУ. 2014. № 2(58). Т. 1. С. 83 – 87.
3. Дробчик Т. Ю., Невзоров Б. П. Подходы к воспитанию человека постинформационной цивилизации в ходе преподавания концепций синергетики // Вестник КемГУ. 2015. № 1(61). Т. 4. С. 107 – 110.
4. Родзинский Д. Л. Философия в вопросах и ответах: учебное пособие. М., 2009.

Информация об авторах:

Дробчик Татьяна Юрьевна – кандидат химических наук, доцент кафедры генетики КемГУ, belayad@ngs.ru.

Tatyana Yu. Drobchik – Candidate of Chemistry, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Genetics, Kemerovo State University.

Невзоров Борис Павлович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры генетики Кемеровского государственного университета, nevzorov@kemsu.ru.

Boris P. Nevzorov – Doctor of Pedagogics, Full Professor, Professor at the Department of Genetics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ПЕРВОКЛАССНИКОВ С УЧЕТОМ ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И ПРИЗНАКОВ ДЕФИЦИТОВ РАЗВИТИЯ

Н. П. Кривошеина, А. И. Федоров, Э. М. Казин, И. А. Свиридова, Н. Н. Кошко, М. С. Коломеец

FEATURES OF FIRST-GRADERS' ADAPTATION TAKING INTO ACCOUNT THE INDIVIDUAL TYPOLOGICAL INDICATORS AND SIGNS OF DEVELOPMENT DEFICIENCIES

N. P. Krivosheina, A. I. Fedorov, E. M. Kazin, I. A. Sviridova, N. N. Koshko, M. S. Kolomeets

Проведено экспериментальное исследование психофизиологических параметров центральной нервной системы и адаптации первоклассников, имеющих признаки дефицитов развития. Выявлены достоверные различия психофизиологических особенностей у первоклассников, имеющих те или иные дефициты развития и первоклассников условной нормы. Психофизиологический профиль первоклассников с признаками дефицитов развития отличается неуравновешенностью нервной системы с преобладанием процессов торможения, низкой скоростью зрительно-моторной реакции, низким объемом внимания и образной памяти. Полученные результаты показывают, что лица с признаками дефицитов развития характеризуются напряжением механизмов регуляции и неудовлетворительной адаптацией, преобладанием симпатотонического типа вегетативной регуляции сердечного ритма.

An experimental investigation of physiological parameters of the central nervous system and the adaptation of first-graders with different development deficiencies was performed. Significant differences in the psychophysiological features of the first-graders who have certain deficiencies and the conventionally normal first-graders were discovered. The psychophysiological profile of the first-graders with development deficiencies is marked by the misbalance of the nervous system with a predominance of inhibitory processes, low-speed hand-eye reaction, low level of attention and shaped memory. The obtained results show that individuals with deficiencies are characterized by the development of mechanisms of regulation of stress and poor adaptation, the predominance of sympatho-tonic type of autonomic regulation of heart rate.

Ключевые слова: первоклассники, психофизиологические особенности, физиологическая адаптация, дефицит внимания, социально-психологические дефициты, индивидуально-типологические показатели.

Keywords: first-graders, physiological characteristics, physiological adaptations, attention deficiency, social and psychological deficiencies, individual typological indicators.

Современная школа предъявляет новые, усложненные требования к ребенку. Момент поступления в школу, период начальной адаптации и усвоения правил, предъявляемых образовательным учреждением, является стрессогенным фактором, вызывающим устойчивые нарушения психического состояния ребенка. Результаты многочисленных исследований, проведенных с детьми младшего школьного возраста, показывают заметное увеличение невротических реакций, неврозов и других нервно-психических и соматических расстройств, в сравнении с дошкольным возрастом [1 – 2; 6; 9; 13; 15].

Несоответствие требований школы и психофизиологических возможностей детей весьма характерно для первоклассников. М. М. Безруких среди негативных факторов, приводящих к дезадаптации детей, особо выделяет именно комплекс педагогических факторов, утверждая, что современная школа действительно стала «зоной риска» для ребенка [1]. По данным М. М. Семаго от 30 до 50 % детей, поступающих в первые классы, имеют те или иные отклонения в развитии [14].

На поведенческом уровне различные нарушения психического развития могут проявляться у ребенка в виде дефицитов ресурса личности по отношению к окружающей действительности: дефицита самостоятельных форм поведения, дефицита эмоционально-волевой сферы [4], которые отмечаются родителями и педагогами.

Как правило, при возникновении дефицитов имеют место сложные сочетания биологических и соци-

альных факторов, которые могут приводить к нарушению индивидуального развития. Тем не менее, еще недостаточно изучены психофизиологические особенности детей с признаками дефицитов развития, при этом известно, что дефициты личности в процессе развития организма могут проявляться в виде дезадаптивных форм поведения ребенка, нарушении состояния социального, психологического и физического здоровья.

В этой связи особенно остро стоит проблема раннего выявления внутренних (социально-психологических и физиологических) рисков развития дезадаптивных форм поведения для того, чтобы выработать наиболее адекватные стратегии образовательной политики с учетом индивидуальных психологических, психофизиологических особенностей организма и своевременно вносить необходимые коррективы в образовательный процесс [3; 9 – 10; 15].

Учитывая это, актуальным является изучение индивидуальных психофизиологических особенностей детей, имеющих признаки дефицитов развития с целью повышения эффективности и успешности образовательной деятельности и оптимизации процесса адаптации детей к процессу обучения в начальной школе.

Методика исследования

Проведено социально-психологическое и психофизиологическое обследование детей семилетнего возраста, обоего пола, учащихся первых классов общеобразовательных организаций г. Кемерово в количестве 255 человек, из них 139 мальчиков и 116 девочек.

Для выявления дефицитов развития личности ребенка на ранних стадиях использовался тест Тулуз-Пьерона, позволяющий диагностировать признаки дефицита внимания [17] и методика определения факторов риска зависимости у детей 6 – 8 лет, с помощью которой выявлялись признаки социально-психологических дефицитов [4]. Также у всех обследованных детей проводилась оценка нейродинамических и психодинамических показателей с использованием автоматизированного психофизиологического комплекса "Статус ПФ" [7], изучение функциональных возможностей и особенностей вегетативной регуляции сердечного ритма с использованием автоматизированной кардиоритмографической программы «ORTO Expert» [5; 8].

Статистическая обработка полученных данных проводилась с использованием программы «STAT. EXE». За достоверные отличия принимались отличия при $p < 0,05$.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенное нами исследование позволило выявить на основе теста Тулуз-Пьерона группу детей семилетнего возраста, имеющих признаки дефицита внимания ($n = 116$ человек, 45,5 % от всех обследованных). В эту группу попали дети, имеющие низкие или слабые показатели точности и скорости выполнения теста.

При проведении сравнительного анализа средних значений психофизиологических показателей у детей двух групп были выявлены достоверные различия. Дети с отсутствием признаков дефицита внимания характеризовались достоверно высокими значениями объема внимания, уровня развития образной памяти, низкой латентностью простой зрительно-моторной реакции (более высокой скоростью зрительно-моторного реагирования) (таблица 1).

Таблица 1

Психофизиологические показатели первоклассников с признаками дефицита внимания и группы условной нормы

Показатели	Дети группы условной нормы ($n = 139$) $M \pm m$	Дети с признаками дефицита внимания ($n = 116$) $M \pm m$	$p < 0,05$
Образная память, балл	$7,73 \pm 0,16$	$5,64 \pm 0,15$	*
Объем внимания, балл	$5,95 \pm 0,17$	$3,89 \pm 0,12$	*
ЛППЗМР (латентный период простой зрительно-моторной реакции), мс	$379,08 \pm 4,74$	$431,91 \pm 9,2$	*
РДО_СРЕД (среднее время реакций отклонений), мс	$54,13 \pm 3,37$	$71,45 \pm 4,91$	*

Примечание: * – достоверные групповые различия при $p < 0,05$.

В группе детей с признаками дефицита внимания отсутствуют лица с высоким объемом внимания, чуть меньше третьей части обследуемых характеризуются средними значениями, а большая часть обследуемых (72,4 %) имеют низкий объем внимания.

Время простой зрительно-моторной реакции является интегральным показателем скорости проведе-

ния возбуждения по различным элементам рефлекторной дуги. Латентный период зрительно-моторных реакций имеет значение адекватного показателя функционального состояния нервной системы и удлинение времени реакции свидетельствует об ухудшении функционального состояния мозга детей, имеющих признаки дефицита внимания.

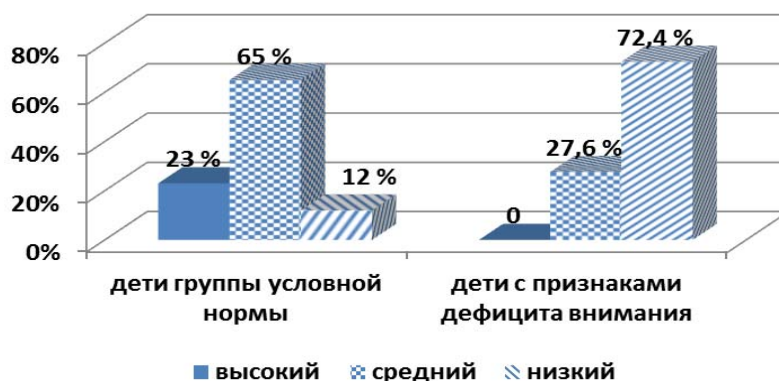

Рис. 1. Уровень объема внимания в изучаемых группах

У 55 % первоклассников с признаками дефицита внимания показатель времени зрительно-моторной реакции существенно превышает значения возрастной нормы ($431,91 \pm 9,2$), что свидетельствует о низкой скорости обработки информации, преобладании инерт-

ности нервных процессов и может быть обусловлено преобладанием процессов торможения в ЦНС у детей данной группы.

Одним из психофизиологических показателей функционального состояния является скорость реак-

ции. Реакция на движущийся объект является сложным пространственно-временным рефлексом и используется в качестве теста для определения уровня взаимоотношения процессов возбуждения и торможения в центральной нервной системе человека [13], что обуславливает необходимость точной его оценки. Сопоставление суммарного значения ошибок запаздывания и суммарного значения ошибок опережения дает оценку соотношения процессов возбуждения и торможения в центральной нервной системе. Превышение суммарного значения ошибок опережения свидетельствует о преобладании процессов возбуждения, превышение суммарного значения ошибок запаздывания свидетельствует о преобладании процессов торможения.

При изучении реакции на движущийся объект выявлены достоверные различия в исследуемых группах детей: в группе первоклассников с отсутствием признаков дефицита внимания больше лиц с преобладанием процессов возбуждения, в то время как перво-

классники, имеющие признаки дефицита внимания, характеризуются преобладанием процессов торможения в нервной системе (среднее значение суммы запаздываний в группе лиц без дефицитов ($429,4 \pm 27,59$) достоверно ниже, чем в группе лиц с дефицитами внимания ($586,81 \pm 43,77$), что может свидетельствовать о напряжении регуляторных механизмов, развитии состояния утомления детей).

Среди современных методологических подходов к оценке состояния вегетативных функций ведущее место принадлежит анализу вариабельности сердечного ритма (СР). Исследование вегетативных функций проводилось с помощью автоматизированного кардиоритмографического комплекса «ORTO Expert» [8].

Для оценки функционального резерва организма применялась активная ортостатическая проба, с помощью которой оценивается характер и степень реагирования систем регуляции сердечного ритма.

Таблица 2

Показатели вариабельности сердечного ритма первоклассников изучаемых групп

Показатели	Дети группы условной нормы ($n = 139$) $M \pm m$	Дети с признаками дефицита внимания ($n = 116$) $M \pm m$	$P < 0,05$
M , (в покое)	$0,69 \pm 0,01$	$0,66 \pm 0,01$	*
SDNN, с (в покое)	$0,06 \pm 0$	$0,05 \pm 0$	*
АМО, % (в покое)	$38,73 \pm 1,18$	$44,53 \pm 1,48$	*
ИН, у. е. (в покое)	$147,5 \pm 10,88$	$217,19 \pm 21,05$	*
МО, с (в покое)	$0,67 \pm 0,01$	$0,64 \pm 0,01$	*
ЧСС уд./мин (в покое)	$88,06 \pm 0,78$	$91,59 \pm 0,91$	*
M , (в ортостазе)	$0,6 \pm 0$	$0,58 \pm 0,01$	*
SDNN, с (в ортостазе)	$0,05 \pm 0$	$0,04 \pm 0$	*
АМО, % (ортостазе)	$47,88 \pm 1,21$	$54,66 \pm 1,43$	*
ИН, у. е. (в ортостазе)	$257,64 \pm 16,21$	$330,69 \pm 17,71$	*
dX, с (в ортостазе)	$0,2 \pm 0,01$	$0,17 \pm 0,01$	*
МО, с (в ортостазе)	$0,59 \pm 0,01$	$0,57 \pm 0,01$	*
ЧСС уд./мин (в ортостазе)	$100,6 \pm 0,78$	$104,89 \pm 0,97$	*
RMSSD, с (в ортостазе)	$0,03 \pm 0$	$0,02 \pm 0$	*

Примечание: * – достоверные групповые различия при $p < 0,05$.

Результаты оценки параметров вегетативной регуляции сердечного ритма показывают, что первоклассники, имеющие признаки дефицита внимания, в условиях покоя достоверно отличаются от первоклассников условной нормы по большинству кардиоритмографических показателей (таблица 2).

Отмечено, что у первоклассников, имеющих признаки дефицита внимания, регистрируются достоверно более высокие значения индекса напряжения (ИН в покое = $217,19 \pm 21,05$; ИН в ортостазе = $330,69 \pm 17,71$) по сравнению с первоклассниками без дефицитов (ИН в покое = $147,5 \pm 10,88$; ИН в ортостазе = $257,64 \pm 16,21$).

У первоклассников с признаками дефицита внимания наблюдается большая степень центрального управления кардиоритмов (АМО = $44,53 \pm 1,48$) вследствие повышения активности симпатно-адреналовой и гипоталамико-надпочечниковой систем. Это свидетельствует об общем снижении уровня активации сердечно-сосудистой системы и говорит о значительном уровне напряжения в системе нейро-эндо-

кринной регуляции физиологических функций, что может оказаться прогностически неблагоприятным признаком для адаптивных возможностей аппарата кровообращения первоклассников, имеющих дефициты внимания.

Вариационный размах (dX) (разность между длительностью наибольшего и наименьшего R-R интервала) свидетельствует об активности контура автономной регуляции ритма сердца и связан с дыхательными колебаниями тонуса блуждающих нервов. Статистически значимое уменьшение вариационного размаха ($dX = 0,17 \pm 0,01$) в ортостазе у первоклассников, имеющих дефициты внимания, свидетельствует о более оптимальной регуляции сердечного ритма детей 1 группы. В состоянии ортостаза вариационный размах выше у детей группы условной нормы ($dX = 0,2 \pm 0,01$), что свидетельствует о более оптимальном регулировании сердечного ритма.

При анализе особенностей среднего значения NN-интервалов (M) были отмечены достоверные различия в изучаемых группах (таблица 2). Отмечаются

более высокая продолжительность N-N интервалов у первоклассников группы условной нормы (M в покое = $0,69 \pm 0,01$; M в ортостазе = $0,6 \pm 0,01$), что связано с меньшими значениями ЧСС и может указывать на более высокие функциональные возможности организма детей, не имеющих признаков дефицита внимания.

Средняя частота сердечных сокращений в покое при выполнении ортостатической пробы, отражающая конечный результат всех регуляторных влияний на сердце и систему кровообращения в целом, по данным нашего обследования достоверно выше у лиц с признаками дефицита внимания (ЧСС в покое = $91,59 \pm 0,91$; ЧСС в ортостазе = $104,89 \pm 0,97$), что свидетельствует о преобладании влияния симпатического отдела ВНС на сердечный ритм.

Выявлены достоверные различия некоторых показателей временного анализа ВРС между первоклассниками двух групп: величины показателей SDNN в покое ($0,06 \pm 0$), SDNN ($0,05 \pm 0$) и RMSSD ($0,03 \pm 0$) в ортостазе достоверно выше у лиц группы условной нормы в сравнении с таковыми у лиц с признаками дефицитов, что свидетельствует о преобладании парасимпатических влияний на сердечный ритм у первоклассников, не имеющих дефицитов внимания. Пре-

обладание парасимпатического компонента в структуре ВРС первоклассников, не имеющих дефицита внимания, согласуется с представлением об адаптационно-трофическом действии блуждающих нервов на сердце и является показателем индивидуальной устойчивости здорового организма к стрессирующим факторам. Показатели временного анализа ВРС у первоклассников с признаками дефицита внимания характеризуются достоверно более низкими значениями SDNN и RMSSD, свидетельствующими о преобладании адренергических влияний на сердечный ритм.

На основании анализа особенностей вегетативной регуляции сердечного ритма по показателям кардиоритмографии в покое и при проведении активной ортостатической пробы у первоклассников изучаемых групп были выделены 3 типа адаптивных реакций: удовлетворительная адаптация, напряжение механизмов адаптации и неудовлетворительная.

Первоклассники с признаками дефицита внимания характеризуются главным образом напряжением механизмов регуляции (51 %) и неудовлетворительной адаптацией (36 %), в удовлетворительном состоянии находятся 13 % обследуемых (рис. 2).

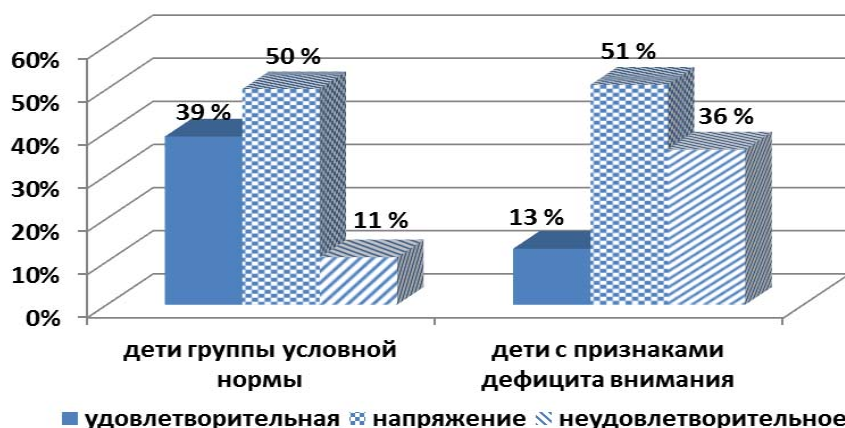

Рис. 2. Физиологическая адаптация у лиц изучаемых групп

О напряжении регуляторных систем у первоклассников с признаками дефицита внимания свидетельствует смещение вегетативного равновесия в сторону преобладания адренергических механизмов – у 47 % детей с признаками дефицита внимания характеризуются симпатическими влияниями на регуляцию сердечного ритма (рис. 3), в то время у третьей части детей группы условной нормы отмечается усиление парасимпатических влияний на сердечный ритм. Повышение тонуса парасимпатической иннервации сердца в этот возрастной период отмечали другие исследователи [11].

Для исследования наличия взаимосвязей между психофизиологическими параметрами и особенностями

ми физиологической адаптации детей с признаками дефицита внимания и признаками социально-психологических дефицитов нами с помощью анкеты [16] была выделена группа детей, у которых отмечен высокий риск по шкалам методики. В качестве признаков социально-психологических дефицитов рассматривались: дефицит самостоятельных форм поведения, дефицит эмоционально-волевой сферы. К группе детей, имеющих признаки социально-психологических дефицитов, отнесены 123 человека, что составило 48 % от всех обследованных, остальные 132 первоклассника отнесены к группе условной нормы.

Рис. 3. Особенности вегетативной регуляции в изучаемых группах

Таблица 3

**Психофизиологические показатели первоклассников
с признаками социально-психологических дефицитов и группы условной нормы**

Показатели	Дети группы условной нормы (n = 132) $M \pm m$	Дети с признаками социально-психологических дефицитов (n = 123) $M \pm m$	$P < 0,05$
Образная память, балл	$7,2 \pm 0,19$	$6,13 \pm 0,17$	*
Объем внимания, балл	$5,42 \pm 0,19$	$4,38 \pm 0,15$	*
ЛППЗМР (латентный период простой зрительно-моторной реакции), мс	$380,52 \pm 5,65$	$423,97 \pm 8,51$	*

Примечание: * – достоверные групповые различия при $p < 0,05$.

При проведении сравнительного анализа средних значений психофизиологических показателей у детей изучаемых групп были выявлены достоверные различия, аналогичные полученным данным при сравнении показателей в группах детей с признаками дефицита внимания и без него. Дети с отсутствием признаков социально-психологических дефицитов, так же как и дети с отсутствием признаков дефицита внимания, характеризовались достоверно высокими значениями объема внимания, памяти, более высокой скоростью зрительно-моторного реагирования (таблица 3).

Результаты оценки параметров вегетативной регуляции сердечного ритма демонстрируют картину, схожую при оценке параметров ВРС у детей, имеющих признаки дефицита внимания и группы условной нормы: первоклассники, имеющие признаки социально-психологических дефицитов, в условиях покоя и при выполнении ортостатической пробы достоверно отличаются от первоклассников группы условной нормы (таблица 4).

Таблица 4

**Показатели вариабельности сердечного ритма первоклассников
с признаками социально-психологических дефицитов и группы условной нормы**

Показатели	Дети группы условной нормы (n = 132) $M \pm m$	Дети с признаками социально-психологических дефицитов (n = 123) $M \pm m$	$P < 0,05$
M , (в покое)	$0,69 \pm 0,01$	$0,66 \pm 0,01$	*
АМО, % (в покое)	$39,04 \pm 1,24$	$43,87 \pm 1,41$	*
SDNN, с (в покое)	$0,06 \pm 0$	$0,05 \pm 0$	*
ИН у. е. (в покое)	$149,96 \pm 12$	$210,58 \pm 19,6$	*
МО, с. (в покое)	$0,67 \pm 0,01$	$0,64 \pm 0,01$	*
ЧСС уд./мин (в покое)	$87,59 \pm 0,77$	$91,89 \pm 0,9$	*
M , (в ортостазе)	$0,6 \pm 0,01$	$0,58 \pm 0,01$	*
ЧСС уд./мин (в ортостазе)	$100,81 \pm 0,83$	$104,42 \pm 0,91$	*

Примечание: * – достоверные групповые различия при $p < 0,05$.

Отмечено, что у первоклассников, имеющих признаки социально-психологических дефицитов, реги-

стрируется достоверно более высокие значения индекса напряжения (ИН в покое = $210,58 \pm 19,6$) по

сравнению с первоклассниками без дефицитов (ИН в покое = $149,96 \pm 12$).

У первоклассников с признаками социально-психологических дефицитов, так же как и у детей группы с признаками дефицита внимания, амплитуда моды имеет большие значения по сравнению с группой условной нормы ($AMo = 43,87 \pm 1,41$), что говорит об усилении гуморальных влияний на сердечный ритм, повышении активности симпато-адреналовой и гипотизарно-надпочечниковой систем, свидетельствующих о значительном уровне напряжения нейро-эндокринной регуляции физиологических функций.

О напряжении регуляторных механизмов адаптации к условиям среды у детей с признаками социально-психологических дефицитов свидетельствует достоверно более высокая частота сердечных сокращений (ЧСС в покое = $91,89 \pm 0,9$, ЧСС в ортостазе = $104,42 \pm 0,91$) по сравнению с детьми группы условной нормы (ЧСС в покое = $87,59 \pm 0,77$; ЧСС в

ортостазе = $100,42 \pm 0,83$). Более низкие значения пульса в группе детей условной нормы по сравнению с детьми, имеющими признаки социально-психологических дефицитов, свидетельствуют о высоких функциональных возможностях их организма и меньшем напряжении регуляторных механизмов. На это также указывает более высокая продолжительность N-N интервалов (М в покое = $0,69 \pm 0,01$; М в ортостазе = $0,60 \pm 0,01$) и достоверно более высокие значения SDNN, характеризующие преобладание парасимпатической регуляции на сердечный ритм.

Так же как в случае с первоклассниками, имеющими признаки дефицитов внимания, регуляция сердечного ритма каждого второго ребенка с признаками социально-психологических дефицитов характеризуется преобладанием симпатических влияний (рис. 4), свидетельствующих о значительном уровне напряжения нейро-эндокринной регуляции физиологических функций.

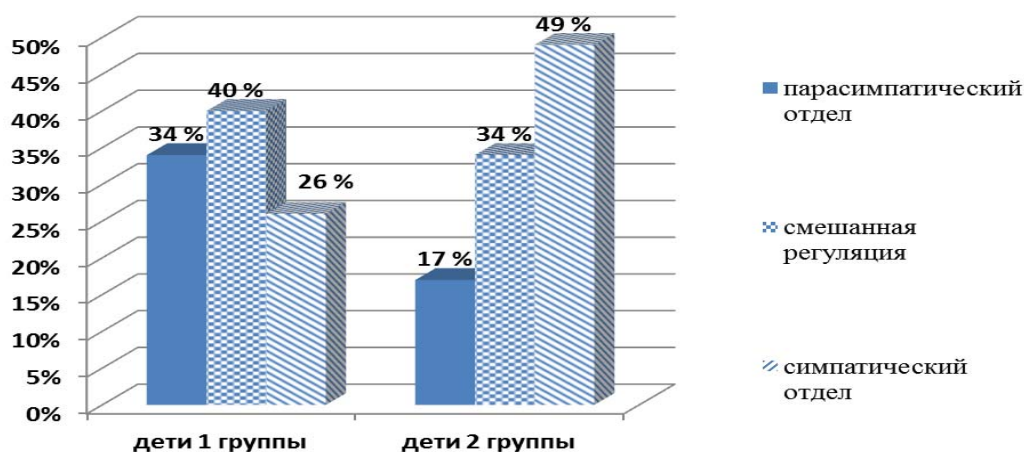

Рис. 4. Особенности вегетативной регуляции в изучаемых группах

Физиологическая адаптация у детей с признаками социально-психологических дефицитов, так же как и у детей с признаками дефицита внимания, характеризуется главным образом напряжением механизмов

регуляции и неудовлетворительной адаптацией, в то время как дети группы условной нормы находятся преимущественно в удовлетворительном состоянии (рис. 5).

Рис. 5. Физиологическая адаптация у лиц с признаками социально-психологических дефицитов и группы нормы

Состояние неудовлетворительной адаптации обуславливает повышенный уровень напряжения регуляторных систем и смещение вегетативного равновесия в сторону преобладания адренергических механизмов.

Практически у половины первоклассников с признаками дефицитов, независимо от их характера, преобладает адренергический тип регуляции сердечного ритма, что сопровождается снижением функционального ре-

зерва сердечно-сосудистой системы и резистентности организма к неблагоприятным факторам среды. Преобладание сбалансированного и парасимпатического влияния на сердечный ритм чаще встречается среди первоклассников, относящихся к группе условной нормы.

Заключение

На основании анализа полученных материалов нами установлено, что у детей, имеющих признаки дефицита внимания, выявлены также признаки социально-психологических дефицитов. При сравнении изучаемых показателей у детей, имеющих признаки дефицитов развития, выявлены схожие тенденции в формировании адаптивных реакций организма.

Дети с признаками дефицита внимания и социально-психологических дефицитов характеризуются более низким уровнем развития психических функций, высокой латентностью зрительно-моторной реакции, меньшей уравновешенностью процессов возбуждения и торможения в центральной нервной системе. Для них свойственно меньшая степень активности автономного и внутрисистемного контуров регуляции, большая степень центрального управления кардиоритмов, вследствие повышения активности симпато-адреналовой и гипоталамико-надпочечниковой систем, что свидетельствует о более высокой степени напряжения регуляторных механизмов адаптации к процессу обучения.

У детей группы условной нормы отмечается наиболее оптимальные для данного возрастного периода нейродинамические показатели и уровень развития психических функций, соответствующий возрастным нормам. В этой группе отмечается преимущественно сбалансированное или парасимпатическое влияние на сердечный ритм и удовлетворительное функциональное состояние.

Литература

1. Безруких М. М. Здоровьесберегающие технологии в общеобразовательной школе: методология анализа, формы, методы, опыт применения. М., 2002.
2. Блинова Н. Г., Буданов Е. А., Казин Э. М., Кошко Н. Н. Особенности адаптации к обучению учащихся начальных классов в зависимости от уровня их психологической и биологической зрелости и индивидуально-типологических особенностей // Валеология. 2012. № 4. С. 7 – 13.
3. Блинова Н. Г., Игишева Л. Н., Литвинова Н. А., Федоров А. И. Практикум по психофизиологической диагностике: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС. 2000. 128 с.
4. Галажинский Э. В., Санжаева Р. Д. Личностное развитие: прогностические модели, факторы, вариативность: коллективная монография / ред. И. С. Морозова. Томск: Изд-во Томский государственный педагогический университет, 2008. 464 с.
5. Галеев А. Р. Использование показателей сердечного ритма для оценки функционального состояния школьников с учётом их возрастных особенностей и уровня двигательной активности: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 1999. 20 с.
6. Дубровинская Н. В., Фарбер Д. А., Безруких М. М. Психофизиология ребенка: психофизиологические основы детской валеологии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС. 2000. 1444 с.
7. Иванов В. И., Литвинова Н. А., Березина М. Г. Оценка психофизиологического состояния организма человека. Роспатент № 2001610233.
8. Игишева Л. Н., Галеев А. Р. Оценка функционального состояния организма с помощью программно-технического комплекса ОРТОEXPERT: методическое руководство. Кемерово, 2003. 36 с.
9. Казин Э. М. Онтогенез. Адаптация. Здоровье. Образование: учебно-методический комплекс. Книга I. Здоровьесберегающие аспекты дошкольного и начального общего образования: учебно-методическое пособие / ред. Э. М. Казина. Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2011.
10. Казин Э. М., Лурье С. Б., Селянитская В. Г., Касаткина Н. Э., Блинова Н. Г., Литвинова Н. А., Свиридова И. А., Шорин Ю. П., Федоров А. И., Коваленко Н. В. Адаптация и здоровье. Теоретические и прикладные аспекты: коллективная монография / отв. ред. Э. М. Казин. Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2008. 299 с.

Проведенное исследование позволило сделать заключение, что в зависимости от уровня активности нейродинамических, психодинамических и вегетативных механизмов регуляции процесса психофизиологической адаптации формируются различные уровни регуляторно-адаптивного потенциала: лица с оптимальными нейродинамическими показателями, высоким уровнем развития психических функций, сбалансированными механизмами вегетативной регуляции сердечного ритма, охарактеризуются высоким уровнем регуляторно-адаптивного потенциала (к ним относятся первоклассники, не имеющие признаков дефицитов развития); лица с пониженной активностью нейродинамических функций при повышении симпатического влияния на сердечнососудистую систему и напряжением механизмов адаптации характеризуются средним уровнем регуляторно-адаптивного потенциала (к ним относятся первоклассники, как не имеющие признаков дефицитов развития, так и первоклассники с признаками дефицитов развития); лица при низких уровнях развития психических и нейродинамических функций, с неудовлетворительным функциональным состоянием на фоне доминирования симпатотонических влияний на аппарат кровообращения, характеризуются низким уровнем регуляторно-адаптивного потенциала (это первоклассники, имеющие признаки дефицитов развития), что указывает в целом на высокую физиологическую «стоимость» приспособительных реакций для данной группы.

Представленные материалы свидетельствуют о значительной роли функциональных взаимоотношений между вегетативными механизмами и нейродинамическими параметрами, которые наряду с высшими отделами головного мозга осуществляют выбор наиболее адекватной реакции, обеспечивающей, в свою очередь, стабильную долговременную адаптацию.

11. Коркушко О. В., Шатило В. Б., Шатило Т. В., Короткая Е. В. Анализ вегетативной регуляции сердечного ритма на различных этапах индивидуального развития человека // Физиология человека. 1991. Т. 17. № 2. С. 31 – 39.
12. Кривошеина Н. П., Кошко Н. Н., Федоров А. И., Свиридова И. А., Казин Э. М., Коломеец М. С. Психофизиологические особенности детей старшего дошкольного возраста, имеющих признаки отклонений в функционировании мозга // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии и педагогики Детства: тенденции, парадигмы, перспективы развития» «Башкирский государственный университет». Стерлитамак, 2014. С. 87 – 90.
13. Литвинова Н. А. Роль психофизиологических показателей в механизме адаптации к умственной деятельности: монография. Кемерово: 2012. 168 с.
14. Семаго Н. Я., Семаго М. М. Теория и практика оценки психического развития ребенка. Дошкольный и младший школьный возраст. СПб.: Речь, 2005.
15. Сиротюк А. Л. Нейропсихологическое и психофизиологическое сопровождение обучения. М.: Сфера, 2003.
16. Федоренко Е. Ю. Выявление риска зависимости у детей 6 – 8 лет: методическая разработка. Красноярск, 2008. 17 с.
17. Ясюкова Л. А. Оптимизация обучения и развития детей с ММД – Тест Тулуз-Пьерона: методическое руководство / доп. и перераб. СПб.: ИМАТОН, 2007. 104 с.
18. Task Force of the European Society of Cardiology and the North American Society of Pacing and Electrophysiology. Heart Rate Variability / Standards of Measurements, Physiological Interpretation, and Clinical Use // Circulation. 1996. 93. P. 1043 – 1065.

Информация об авторах:

Кривошеина Наталья Петровна – методист ГОО «Кузбасский РЦППМС», аспирант кафедры физиологии человека и безопасности жизнедеятельности КемГУ, orvc-valeo@mail.ru.

Natalia P. Krivosheina – educator at Kuzbass Regional Center of Psychological, Pedagogical, Medical and Social Assistance “Health and Development of the Personality”, post-graduate student at the Department of Human Physiology and Life Safety, Kemerovo State University.

(Научный руководитель – **А. И. Федоров**). (Research advisor – **A. I. Fedorov**).

Федоров Александр Иванович – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой физиологии человека и безопасности жизнедеятельности КемГУ, valeol@kemsu.ru.

Alexander I. Fedorov – Doctor of Biology, Professor, Head of the Department of Human Physiology and Life Safety, Kemerovo State University.

Казин Эдуард Михайлович – доктор биологических наук, заслуженный деятель науки, профессор кафедры физиологии человека и безопасности жизнедеятельности КемГУ, valeol@kemsu.ru.

Eduard M. Kazin – Doctor of Biology, Honored Scientist, Professor at the Department of Human Physiology and Life Safety, Kemerovo State University.

Свиридова Ирина Альбертовна – доктор медицинских наук, профессор, директор ГОО «Кузбасский региональный центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Здоровье и развитие личности», orvc@mail.ru.

Irina A. Sviridova – Doctor of Medicine, Professor, Director of Kuzbass Regional Center of Psychological, Pedagogical, Medical and Social Assistance “Health and Development of the Personality”.

Кошко Наталья Николаевна – кандидат биологических наук, методист ГОО «Кузбасский РЦППМС», orvc-valeo@mail.ru.

Natalia N. Koshko – Candidate of Biology, educator at Kuzbass Regional Center of Psychological, Pedagogical, Medical and Social Assistance “Health and Development of the Personality”.

Коломеец Марина Сергеевна – магистрант кафедры физиологии человека и безопасности жизнедеятельности КемГУ, методист ГОО «Кузбасский РЦППМС», orvc-valeo@mail.ru.

Marina S. Kolomeets – Master’s Degree student at the Department of Human Physiology and Life Safety, Kemerovo State University, educator at Kuzbass Regional Center of Psychological, Pedagogical, Medical and Social Assistance “Health and Development of the Personality”.

(Научный руководитель – **А. И. Федоров**). (Research advisor – **A. I. Fedorov**).

Статья поступила в редколлегию 09.09.2015 г.

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Г. Е. Логинова

PROBLEMS OF HIGHER EDUCATION HUMANITARIZATION IN MODERN RUSSIA

G. E. Loginova

Цель данной статьи – проанализировать проблемы и роль гуманитарного образования в высшей школе, рассмотреть его значимость в повышении качества образования, в формировании конкурентоспособности выпускников вузов на рынке труда.

The purpose of the paper is to analyze the problem and the role of Humanitarian education in higher school, considering its importance in improving the quality of education and in shaping the competitiveness of university graduates in the labour market.

Ключевые слова: высшее образование, гуманизация, гуманитаризация, виртуальное общение, цифровые технологии.

Keywords: higher education, humanization, humanitarization, virtual communication, digital technology.

Анализ современной литературы показывает, что российская система образования, особенно высшего, существенно изменяется. Завершается этап экстенсивного развития, намечается переход к интенсивному развитию высшего образования. От радикальной, классической дидактической парадигмы образование должно перейти к инновационному, недирективному, гуманистическому. Его основными принципами являются: проектный характер образования, инновационность обучения, интеграция гуманитарного и технического естественнонаучного знания, формирование информационно-образовательной среды вуза.

Начиная с 2000 г. в России идут непрерывные реформы системы образования: введен ЕГЭ, созданы национальные федеральные университеты, вводятся все новые ФГОСы, принят новый закон «Об образовании в РФ» (2015 г.), проводятся ежегодные мониторинги и государственные аккредитации вузов, множество некачественных вузов закрывается или реформируется. Министерство образования и науки вводит все новые критерии в деятельность вузов и преподавателей, особое внимание уделяется развитию инженерного и дистанционного образования.

На деле это нередко приводит к бюрократизации и формализму, ведет к сокращению роли и значимости преподавателя в образовательной деятельности. Никто не отрицает важности применения цифровых технологий и интернета в образовательной деятельности. Современные технологии полезны и необходимы, но они – лишь инструменты. Единственным реально контролирующим учебную работу студента субъектом образовательной деятельности является преподаватель. В этом контексте ничто не заменит преподавателя. Он не только обучает, но и воспитывает, интеллектуализирует и гуманизирует личность студента. Однако время реального общения преподавателя и студента в учебном процессе в новых вводимых учебных планах и рабочих планах существенно уменьшается. В технических университетах значительно сокращается объем фундаментальных общеобразовательных и гуманитарных дисциплин. Подобные нововведения недостаточно проработаны и могут не толь-

ко не принести пользы, но и привести к снижению качества образования.

В высшем образовании только два равноценных субъекта – преподаватель и студент. И именно в их реальном, «аудиторном» взаимодействии совершается образование личности студента как в профессиональном, так и в духовном, интеллектуальном плане. В этой связи, отмечая возрастающую роль интернета и других форм электронного виртуального общения в образовании, особенно дистанционного, необходимо корректно их использовать. Если в индивидуальном персонифицированном общении преподавателя со студентом они эффективны и необходимы, то в обезличенном неперсонифицированном виртуальном взаимодействии между абстрактным преподавателем и абстрактным студентом они могут быть просто бессмысленными. В этом случае дистанционное обучение может быть сведено к анонимному формальному обмену текстами в виртуальном пространстве. Разумеется, такой неидентифицированный, неперсонифицированный обмен текстами никакого смысла, ни обучающего, ни воспитательного не имеет.

Как отмечает М. Н. Гусарова: «Попытки реформирования системы высшего технического образования по пути создания инновационной и конкурентоспособной модели, отвечающей вызовам современной экономики и ориентированной на быстроменяющийся высокотехнологичный глобальный рынок, по сути, оказались незавершенными и непоследовательными. В итоге по-прежнему функционирует модель профессионального образования, характерная для индустриального общества. Исследователи определяют ее как модель «разового образования» из-за присущих ей черт стандартности и обезличенности обучающихся, ориентации на формальные критерии компетенций будущего молодого специалиста. Таким образом, до сих пор сохранилась направленность системы инженерно-технического образования на получение личностью определенной суммы знаний, навыков и умений, на основе которых возможно выполнение только узкопрофессиональных функций» [3].

Отсутствие глубоких «долгоиграющих» профессиональных знаний, с одной стороны, и недостаточ-

ная социальная зрелость, вызванная отсутствием должной гуманитарной подготовки, с другой, приводит выпускников вузов к целому ряду негативных последствий. Как отмечают социологи, около 50 % выпускников вузов не могут устроиться по полученной специальности, значительная часть работающих по специальности неудовлетворена своей профессией, многие вынуждены получать второе образование или переучиваться на различных курсах и т. д. [4].

Все вышеизложенное свидетельствует о необходимости корректировки в реформировании системы высшего профессионального образования. Особенно важной является его гуманитаризация. При этом гуманитаризацию следует интерпретировать как предельно широкий, синтетический по своему содержанию процесс. Как отмечает А. Г. Антипов: «Гуманизация и гуманитаризация образования хотя и не тождественные понятия, но очень близкие по своей сути. Гуманизация образования заключается не только в утверждении человечности в отношениях между субъектами этого процесса, но и в ориентации на общечеловеческие ценности: совесть, честь, порядочность, долг, ответственность, справедливость, сочувствие, милосердие и т. п. Гуманитарная образованность – это не просто какой-то освоенный объем гуманитарных знаний, это навыки и приемы работы с этими знаниями, их производство и воспроизводство» [1, с. 98].

Гуманитарная подготовка – это еще и искусство понимания людей и успешного общения с ними. Без этого выпускник вуза не может быть эффективным ни в профессиональной деятельности, ни в личной жизни. Сохраняя традиционную направленность, система образования должна повысить качество, т. е. рыночную конкурентоспособность выпускаемых специалистов. Она должна давать не только профессиональные знания и умения, но и осуществлять всестороннюю подготовку творческих личностей, новаторов будущей социальной реальности. Система высшего образования является основным институтом формирования "образа" – личности человека. При этом именно гуманитарные науки являются человекоформирующими. И в этом смысле образование не может быть негуманитарным. Соответственно, учитывая вышеизложенные проблемы в развитии современной высшей школы, сегодня должна резко возрасти и существенно измениться роль гуманитарного образования в техническом вузе [5].

Во-первых, гуманитаризация технического образования необходима, потому что именно изучение гуманитарных и социальных наук формирует личность будущего специалиста. Оно формирует мировоззрение, самосознание, духовные ориентиры личности, а значит непосредственно влияет на ее активность и поведение в социальной и профессиональной жизни. Неслучайно известные авторитеты в области профессиональной подготовки и бизнес-образования отмечают, что успешность профессиональной карьеры специалиста на 20 % зависит от профессиональных знаний; на 80 % – от социальных личностных качеств человека, от умения понимать других людей и навыков общения с ними. Однако именно этот гуманитарный аспект высшего образования недооценива-

ется в современном российской системе высшего образования [6]. Таким образом, сохраняя значение традиционных гуманитарных курсов: философии, социологии, политологии и т. д. – необходимо дополнить их прикладными гуманитарными дисциплинами, направленными на практическое развитие таких личностных качеств специалиста, как коммуникабельность, уверенность, инициативность, управленческие и другие навыки "рыночного" общения. Это могут быть: технология управления, этика делового общения, социальный менеджмент, самоменеджмент и т. п. Введение таких миникурсов и тренингов не займет значительного времени в учебном процессе, но может существенно повысить конкурентоспособность молодых специалистов.

Во-вторых, возрастает значение гуманизации методики и технологии самой образовательной деятельности. Здесь особенно актуальны следующие направления:

- а) введение новых образовательных технологий;
- б) гуманизация атмосферы и стиля преподавания всех учебных дисциплин;
- в) индивидуализация образовательного процесса, т. е. индивидуализация взаимодействия преподавателя и студентов, направленная на формирование качеств, которые необходимы и для личности конкретного студента и для его будущей профессии.

В-третьих, необходимым направлением в деятельности технического вуза в контексте усиления его связи с региональным рынком образовательных услуг может стать организация маркетинговой службы и системы гибкой специализированной подготовки старшекурсников под заказ, крупных государственных и частных предприятий Кузбасса. Управление маркетингом – многогранный процесс, включающий наряду с оперативной, текущей управленческой работой и такие функции, как исследование рынка, оценка ситуации, предвидение, планирование, организация практической реализации намеченного, мотивация и контроль. Но основная по значимости среди них, несомненно, исследовательская функция. Только она позволяет решать две ключевые проблемы, ради которых делается вся аналитика маркетинга: найти выгодные для образовательного учреждения возможности сбыта его услуг. Маркетинговые службы, с одной стороны, будут способствовать трудоустройству и повышению конкурентоспособности выпускников вузов на региональном рынке труда, с другой стороны, они должны способствовать систематическому обновлению и пересмотру вузовских программ, введению новых специальностей.

В-четвертых, необходимо повысить престиж высшего образования в обществе. Образование не обеспечивает в глазах общества своего предназначения; общество не обеспечивает образование достойным финансированием. Но именно развитие образования – основное условие социально-экономического прогресса в обществе. В этом направлении также необходимы усилия специалистов гуманитарных наук.

Гуманитаризация образования предполагает непрерывность взаимообогащающей связи мировоззренческой, специальной и гуманитарной подготовки; формирование широкого общекультурного кругозора

на основе интеграции гуманитарных знаний с естественнонаучными. Гуманитаризация образования должна включать в себя гуманизацию и охватить сферу внеаудиторной жизни студентов, внутреннюю атмосферу студенческих коллективов, их быта, досуга, творческой деятельности; вовлечение студентов в творческую деятельность в студенческих объединениях, клубах, художественных студиях.

Гуманитаризация образования требует расширения и усиления влияния дисциплин гуманитарного цикла. Время от времени в современной научной литературе возникают дискуссии о соотношении воспитания и обучения, гуманитарного и профессионального в содержании учебных планов в технических вузах. На наш взгляд, в сравнительном плане эти споры показательны. Например, в европейских и американских университетах объем гуманитарных дисциплин в подготовке инженерных кадров составляет около 40 %. При этом обязательно присутствуют курсы по искусствам: поэзии, литературе, живописи и т. д. В наших технических вузах таких предметов значительно меньше и их объем в последние годы сокращается. На наш взгляд, это контрпродуктивная тенденция [5].

В теоретическом аспекте обучение и воспитание, гуманитаризация (как цель и результат гуманитаризации) и получение профессиональных знаний – две стороны единого процесса. Они взаимосвязаны и неразрывны. Еще Демокрит отмечал: «С воспитанием связано обучение. Сама способность стыдиться (совесть) приходит к человеку в процессе обучения» [6, с. 259]. Гуманитаризацию образования следует рассматривать, с одной стороны, как средство формирования у студен-

тов и будущих специалистов общечеловеческой культуры, с другой – как важный инструмент социализации и будущей профессиональной успешности студента. Без качественной профессионализации не может быть сформирован специалист, профессионал в своем деле. Однако без гуманитаризации не может быть сформирована полноценная личность, т. е. эффективный профессионал.

В заключение подчеркнем необходимость гуманитаризации современного образования. Гуманизация образовательного процесса является одной из его тенденций и представляет собой процесс, создающий благоприятные условия для развития личности в системе образования. Гуманизация обусловлена как диалектикой развития социума, так и внутренним развитием системы образования, поворотом к формированию личностной индивидуальности учащихся. Гуманизация выражается в усилении человекоформирующих функций образования, повышении его духовно-культурного потенциала, включает в себя изменения как в содержании, так и в технологии образовательной деятельности. Процесс гуманитаризации образования является многоаспектным, не сводимым только к его гуманитаризации. Последняя представляет собой одно из направлений гуманитаризации образования.

В контексте современных тенденций развития образования в России потребность гуманитарного образования актуализируется. В значительной степени именно от гуманитарной подготовки зависит как формирование инновационного потенциала молодых специалистов – выпускников вузов, так и их востребованность на рынке труда.

Литература

1. Антипов А. Г. Гуманизация и гуманитаризация образования: состояние и проблемы // Высшее образование в России. 2009. № 6. С. 98 – 102.
2. Гусарова М. Н. Модернизация высшей технической школы в постсоветский период отечественной истории в контексте общемировых требований к инженерному образованию // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение. 2009. № 6. С. 8. Режим доступа: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2009/6/Gusarova_Modernization/
3. Демкин В. П., Можаяева Г. В. Гуманитарное образование в информационном обществе // Гуманитарная информатика. № 1. Режим доступа: <http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/content/index.htm>
4. Нечаев В. Д. О концепции современного гуманитарного образования // Высшее образование в России. 2011. № 3. С. 14 – 22.
5. Образование и наука на рубеже XXI века: проблемы перспективы развития // тезисы докладов III Академических чтений МАН Вильямс. Минск, 2013. 200 с.
6. Чанышев А. Н. Философия Древнего мира: учебник для вузов. М.: Высшая школа, 1999. 703 с.

Информация об авторах:

Логинова Галина Евгеньевна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Истории, философии и социальных наук» Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, Loginovage@mail.ru

Galina E. Loginova – Candidate of Philosophy, Assistant Professor at the Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ АБОРТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

И. С. Морозова, К. Н. Белогай, Ю. В. Борисенко, Т. О. Отт

PROBLEMS OF PREVENTION OF ABORTIONS AT YOUTH

I. S. Morozova, K. N. Belogay, J. V. Borisenko, T. O. Ott

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, в рамках научно-исследовательского проекта № 14-36-01016a1 «Уровни регуляции репродуктивного поведения и репродуктивное здоровье молодежи», 2014 – 2015.

В статье анализируется проблема абортного поведения молодежи. Представлены стратегии работы психолога в преабортном консультировании. Рассмотрена работа психолога с ресурсами женщины, планирующей сделать аборт, в зависимости от типа поведения беременной, а также от типа ситуации, в которой она находится. Представлен психологический анализ этапов принятия решения об аборте или рождении ребенка.

In article the problem of abortions at youth is analyzed. Strategy of work of the psychologist in preabortion consultation. Work of the psychologist with the woman's resources is considered, which plans to make abortion, depending on type of behavior of the pregnant woman, and the type of situation in which it is located. Presents a psychological analysis of the stages of decision making about abortion or the birth of a child.

Ключевые слова: абортное поведение молодежи, профилактика абортов, преабортное консультирование.

Keywords: abortive behavior of young people, prevention of abortion, pre-abortion counseling.

Охрана материнства и детства является одной из основных приоритетных задач государства. При сложившейся демографической ситуации сохранение каждой беременности, каждого жизнеспособного и здорового плода и новорожденного, снижение внутриутробной и младенческой смертности приобретает для современного общества важнейшее значение. Столь пристальное внимание к этой проблеме связано в первую очередь с демографической ситуацией, сложившейся в России. Предпринимаемые меры, к сожалению, не повышают рождаемость в нашей стране на должный уровень. Основным путем решения проблемы сохранения детородной функции женщин являются уменьшение числа медицинских и криминальных абортов, профилактика нежелательной беременности. Профилировать нежелательную беременность приходится в основном женщине, поскольку именно она принимает окончательное решение о сохранении зародившейся в ее теле новой жизни, или отказе от нее. Поскольку многие поведенческие акты напрямую зависят от личностных особенностей человека, способность проектировать и прогнозировать результаты собственной активности не всегда входят в число актуализированных состояний. Именно этим объясняется ситуация возникновения беременности, которую партнеры не планировали, и проблема ее сохранения или прерывания актуализируется в сознании каждого из участников. По данным многочисленных исследований в Российской Федерации аборт рассматривается как самый простой, экономичный способ решения возникшей проблемы. Согласно данным, приводимым О. Н. Безруковой, в нашей стране до 30 % женщин вынашивают нежелательную беременность, каждый восьмой ребенок в стране рождается вне брака [1]. Для сравнения – в США примерно половина беременностей, заканчивающихся родами, не планировалась [11]. Несмотря на значительное снижение количества абортов по сравнению с совет-

ской эпохой, Россия в последние годы удерживает первое место в мире по количеству абортов на душу населения [10].

Следует подчеркнуть разнонаправленность точек зрения представителей различных сфер жизнедеятельности на данную проблему. Медики акцентируют внимание на праве женщины принимать собственное решение и видят свою функцию в обеспечении сбережения физического здоровья. Социологи и демографы прогнозируют рост смертности и снижение количества детей. Педагоги и представители религиозных организаций и конфессий призывают к общественному мнению о необходимости воспитания и образования подрастающего поколения в сфере репродуктивного поведения.

Мы поддерживаем позицию А. О. Чахоян, согласно которой культура репродуктивного поведения включает в себя понимание моральной ответственности за последствия полового контакта и соответствующий выбор средств по предотвращению нежелательной беременности [11]. Именно формирование культуры репродуктивного поведения, расширение представлений молодежи о различных способах контрацепции должна стать основой профилактики искусственных абортов, сохранения и укрепления репродуктивного здоровья населения, главным образом, молодого поколения [2]. Мы считаем важным подчеркнуть, что проблема выбора средств профилактики аборта прямо коррелирует со способами решения задач по укреплению института семьи, возрождению и сохранению духовно-нравственных традиций семейных отношений.

Осуществляя теоретико-методологический анализ причин выбора аборта в качестве способа репродуктивного поведения как системы действий, определяющих рождение или отказ от рождения ребенка, мы считаем важным остановиться на феномене брачно-семейных отношений. Нами сформулировано заключение

ние о том, что произошли значительные изменения в содержании представлений о природе брака: из институционального явления, которое регулируется нормами и правилами, принятыми в конкретном социуме, он становится относительно свободным соглашением между супругами, своеобразным партнерством. Происходящее в сознании современного молодого человека разделение брачности, сексуальности и прокреативности, приводит к тому, что брак рассматривается людьми не только и не столько как способ удовлетворения потребности в детях, сколько как возможность удовлетворения других индивидуальных потребностей – эмоциональных, сексуальных, потребностей в личностной самореализации [8].

Данные, полученные в результате наших исследований, свидетельствуют о том, что факторы регулирования рождаемости на уровне личности, такие как потребность в детях, репродуктивные мотивы, индивидуально-психологические характеристики личности, ценность самого ребенка, психологическая готовность к родительству [7], оказывают определяющее воздействие на решение о рождении или отказе от рождения ребенка. Содержательные характеристики ценностно-смысловой сферы напрямую взаимосвязаны, на наш взгляд, с ориентацией женщин на абортное или контрацептивное поведение. При этом следует отметить, что если проблема контрацепции в основном касается вопросов выбора способов и ответственности, то проблема абортов связана с отношением к человеческой жизни, этическими, правовыми, политическими, экономическими вопросами, которые в каждой стране, в каждой семье и каждом случае решаются по-разному. И часто такое решение связано с отсутствием элементарных знаний, нежеланием брать на себя ответственность за жизнь другого человека, давлением ситуативных обстоятельств. Именно поэтому актуализируется проблема профилактики абортного поведения.

Эта проблема носит интегративный, всеобъемлющий характер и предполагает поиск решений, реализация которых определяется совместными действиями представителей различных сфер деятельности.

Именно поэтому задачей всех специалистов, работающих с молодежью, является разработка программ, методов и методик работы по формированию репродуктивной культуры поведения в различных жизненных ситуациях.

Мы предлагаем рассмотреть следующие направления профилактической работы с женщинами в ситуации кризисной беременности:

- расширение информационного пространства (книги, листовки, брошюры, видеоматериалы);
- проведение социальных акций (памятник нерожденным детям, молебен за убитых в утробе);
- сопровождение процесса формирования ценностно-смысловой сферы человека на различных возрастных этапах (беседы о семейных ценностях, проведение тематических конкурсов, фестивалей, парадов);
- оказание социально-психологической помощи (создание центров помощи беременным и их семьям в трудной ситуации, организация волонтерского движения, обучение специалистов).

Особое значение, на наш взгляд, приобретает наличие обязательного преабортного консультирования.

Деятельность психолога по доабортному консультированию осуществляется на основании приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 01.06.2007 № 389 «О мерах по совершенствованию организации медико-социальной помощи в женских консультациях». В качестве основной функции кабинета медико-социальной помощи заявлены мероприятия по предупреждению абортов, воздействие на психику женщины по формированию у женщины осознанной необходимости вынашивания беременности и дальнейшая поддержка в период беременности.

Востребованность практики доабортного консультирования актуализируется в сознании всех сотрудников акушерско-гинекологической службы. По мнению и теоретиков, и практиков женщина, желающая прервать беременность, перед получением направления на операцию, должна посетить специалиста по доабортному консультированию, и только потом принять окончательное решение.

Рассмотрим особенности проведения доабортного консультирования. В качестве первой особенности следует остановиться на задачах консультанта. В рамках решения первой задачи консультанту необходимо отделить в сознании женщины беременность от предстоящих и сопутствующих проблем. Актуализированная проблема женщины, оказавшейся в ситуации кризиса, требует осознания и разделения собственной точки зрения и позиции окружающих ее людей. Приходя на консультацию по принуждению, женщина чувствует чужое влияние, переживает собственную беспомощность и как результат не принимает на себя ответственность за решение. В литературе такие клиенты обозначены как «немотивированные» [4]. Такая ситуация представляет собой очевидный источник стресса для консультанта любой теоретической ориентации – неважно, в каком учреждении это происходит. Консультант вынужден помогать человеку, который не осознает необходимости ее для самого себя. Если немотивированный клиент все-таки вынужден по каким-либо причинам посещать консультанта, обычно свое нежелание взаимодействовать он выражает по-разному: пропускает встречи, безразличен ко всему, что происходит во время консультирования, отказывается принять долю ответственности за процесс консультирования. Иногда клиент всем своим видом показывает, что он просто отсиживает положенное время.

Следующая задача консультирования заключается в том, чтобы выявить настоящие мотивы прерывания и сохранения беременности. В рамках реализации исследовательского проекта нами была разработана методика и изучены репродуктивные мотивы современной молодежи. Результаты свидетельствуют об изменении ценностно-смыслового аспекта репродуктивного поведения молодежи. Так, среди причин отказа от рождения ребёнка доминирующую позицию занял мотив, отражающий субъективное отношение к материальным (финансовым) затруднениям. Следующим по степени значимости оказался мотив, показывающий отсутствие стабильности в отношениях с партнёром. На третьем месте – мотив, также отражающий субъективное отношение к материальным трудностям (отсутствие собственного жилья) [6].

В процессе консультации важно помочь женщине осознать и откорректировать деструктивные мотивы сохранения беременности. Консультант должен стремиться к ослаблению напряженности. Упоминание об аборте в самом начале взаимодействия ставит барьер между консультантом и клиентом. Выстраивая диалог, консультанту необходимо отказаться от собственных интерпретаций. Расширяя репертуар когнитивных схем клиента, консультант обогащает эмоциональный опыт клиента, обеспечивает осознание и усвоение вариативных форм поведения в будущем.

В принятии решения об аборте или рождении ребенка можно выделить 4 этапа:

1. *Первая реакция женщины на новость о беременности.* Осознавая себя в настоящем, женщина может оценить сложившуюся ситуацию и как позитивную, и как негативную.

2. *Сбор мнений.* Будучи членом определенной социальной группы, женщина информирует близких ей людей о беременности, получает в ответ определенные эмоциональные реакции, оценки, возможные варианты поведения. Возможно полное, частичное совпадение или не совпадение внешних оценок с внутренней позицией женщины.

3. *Провозглашение решения.* Женщина приходит в абортарий на операцию или сохраняет беременность. К этому моменту ее позиция, сформировавшаяся в момент получения новости о беременности, может укрепиться или измениться. На этом этапе осуществляется определенное действие.

4. *Оценка решения.* Отношение к свершившемуся факту может иметь краткий или растянутый во времени период формирования. Если первые три этапа требуют динамического отношения к принятию решения, то проживание последнего этапа зависит от индивидуально-психологических особенностей женщины, ее возраста, наличия или отсутствия других детей. Исследователи указывают на феномен «годовщины» – периода осмысления последствий своего поступка, оценки нереализованных возможностей, «тоски» по нерожденному ребенку [10]. Переоценка решения наступает иногда сразу, иногда через 15 – 20 и больше лет, иногда не наступает вовсе.

На следующем этапе доабортного консультирования консультант стремится помочь женщине найти внутренние ресурсы для преодоления кризисной ситуации, понять и осознать собственные установки и диспозиции относительно сложившейся ситуации и ее возможных последствий. Консультант создает условия для осуществления самостоятельного анализа причин возникновения кризисной беременности, оценки способов ее проживания или прерывания, прогнозов дальнейшего будущего, наступление которого возникнет обязательно при любом принятом решении.

Осуществляя совместный анализ ресурсов беременной, консультант организует обсуждение сильной и слабой стороны сложившейся ситуации. Чтобы не усилить противодействие, целесообразно вначале поговорить о «положительных последствиях»: «Каковы возможные последствия, если вы сделаете это? Что вы получите, приобретете в результате?». После того как женщина высказала все «за», психолог говорит: «Како-

вы возможные последствия, если вы не будете делать аборт, родите ребенка? Что вы получите, приобретете?». Важно помочь осознать клиенту, что данная ситуация не конечна. Последствия будут у любого решения. Каждый период развития содержит различный потенциал динамичности, в стабильные периоды этот потенциал ниже, в критических ситуациях он выражен более значительно. Сопровождая процесс переживания клиентом ситуации выбора, консультант помогает клиенту понять, что критические периоды содержат в себе как потенциал развития, так и регресса личности. Консультант должен очень четко выделять наличие этих противоречивых тенденций и сориентировать клиента на потенциал его развития.

Следует подчеркнуть, что каждая консультация неповторима и индивидуальна. Поиск решения, его реализация всегда зависит от женщины (наличие опыта прерывания беременности или его отсутствие, наличие детей, социальный статус, принадлежность к референтной группе, иерархия причин, подталкивающих её к выполнению принятого решения). Реализация решения во многом зависит от внешних факторов (члены семьи, прародители, родственники, друзья, общественное мнение).

Важный аспект для профилактики abortивного поведения – поиск ресурсов беременной женщины. К. Муздыбаев определяет ресурсы как все то, что человек использует, чтобы удовлетворить требования среды и совладать с ситуацией. Успешность адаптации к беременности напрямую зависит от характера и степени наличных и доступных ресурсов. Различают два крупных класса ресурсов: личностные ресурсы (психологические) – навыки и способности индивида, его психологические особенности и средовые (социальные) ресурсы, которые отражают доступность инструментальной, моральной и эмоциональной помощи со стороны социума. К личностным ресурсам беременной следует отнести уверенность в себе, психологическую готовность к материнству, конструктивные мотивы сохранения беременности, ценностную сферу, ориентированность на семью и ребенка. Все это будет теми ресурсами, которые поспособствуют адаптации к беременности и ее сохранению. Напротив, инфантильность, неумение брать на себя ответственность за свои поступки, психологическая неготовность к материнству, деструктивные мотивы сохранения беременности, ценности, вступающие в конфликт с принятием роли матери, будут способствовать выбору аборта. Средовые ресурсы – это наличие эмоциональной, материальной поддержки семьи, друзей, социальная защищенность на работе, наличие минимальной финансовой базы для обеспечения ребенка помогут принять решение в пользу сохранения беременности. Напротив, отсутствие жилья, отвержение со стороны родных, чувство социальной незащищенности и нестабильности будут подталкивать к мысли об аборте [9].

Рассмотрим типы поведения женщин и возможные действия консультанта (таблица).

Взаимодействие консультанта и клиента

№	Тип поведения клиента	Действия клиента	Действия консультанта
1	<i>Агрессивная закрытость.</i>	Дает односложные ответы. Воспринимает вопросы как копание в душе.	Демонстрирует позитивное отношение. Задает вопросы о том, что она знает по внутриутробному развитию ребенка, по процедуре аборта. Использует макеты внутриутробного развития, называет слова «ребенок», «мама», «радость». Использует техники выяснения. Применяет адекватный словарь.
2	<i>Молчаливое недоверие.</i>	Дает односложные ответы, но более отзывчива. Готова слушать. Берет информационные материалы с собой. Откликается на реальное предложение помощи.	Побуждает женщину назвать какие-либо причины выбора, чтобы было о чем говорить. Использует техники перефразирования. Выражает мысль клиента своими словами. Предлагает помощь (вещи на ребенка, продукты, подарочные книги).
3	<i>Частичная открытость.</i>	Говорит о мотивах прерывания беременности. Описывает частично свою ситуацию. Сдерживает слезы, стесняется и не желает показывать свои эмоции чужому человеку.	Поддерживает в проявлении эмоций. Использует приемы резюмирования, дальнейшее развитие мыслей собеседника. Сообщает о восприятии партнера, о том, как клиент воспринимается. Отражает чувства, демонстрируя понимание эмоционального состояния клиента и помогая осознанию своего эмоционального состояния.
4	<i>Доверительная открытость.</i>	Аргументирует варианты решения, описывает сомнения. Спрашивает совета, открыта к проявлению эмоций.	Активно слушает, способствует раскрытию, осознанию собственных мотивов и смыслов. Демонстрирует аутентичность, положительное и безоценочное отношение.
5	<i>Активный поиск (требование помощи).</i>	Открыта, настойчива. Чаще всего при получении помощи и просто моральной поддержки сохраняет беременность. Уходит от психологической работы по осознанию и прогнозированию будущего.	Обозначает границы помощи. Учитывает факт частичного принятия помощи именно в данной ситуации. Прогнозирует риски повторения подобной ситуации.

На заключительном этапе консультации консультант должен руководствоваться идеей о том, что принимать решение должна сама женщина, так как именно она не только создаст условия для рождения новой жизни, обеспечит ее физическое и психическое развитие, но и будет сопровождать становление личности, ее социализацию. Важно прогнозировать возможность прерывания беременности на более позднем сроке, если решение оказалось не достаточно осознанным самой женщиной, принятым под давлением со стороны консультанта.

Реализованная потребность отреагировать свои опасения и страхи, полученный во время консультации опыт переживания возможных вариантов решения, проведенный анализ идеальных перспектив осуществленных действий позволят женщине более уверенно смотреть в будущее и воспринимать его с определенной долей позитива. В ходе консультации необходимо отмечать возможные повторы, возвращения к определенным вопросам. Они указывают на самые интенсивные реакции, на наиболее эмоционально окрашенные области жизненного опыта. Такие повторы выполняют роль рубежных «показателей», и их учет обеспечивает достижение более высоких результатов самой консультации.

Помимо индивидуальной работы с кризисной беременностью эффективной, на наш взгляд, является тренинговая работа с молодыми женщинами (18 – 25 лет) по программам формирования материнской позиции и контрацептивной культуры женщин – выбора контрацепции в противовес аборту [10].

Обобщая полученные в работе результаты, мы можем утверждать, что программа по доабортному консультированию должна быть направлена на решение следующих проблем:

- 1) мотивирование женщины на обсуждение альтернативных способов поведения;
- 2) поиск конструктивных мотивов в мотивационной структуре женщины, поиск контраргументов и проработка причин отказа от рождения ребенка;
- 3) обнаружение неосознаваемых барьеров в отношении рождения ребенка и их проработка (чему помогает использование рисуночных и эмоционально-образных приемов в работе).

Литература

1. Безрукова О. Н. Материнство в контексте социальных и психологических проблем репродуктивного здоровья // Биосоциальная природа материнства и раннего детства / под ред. А. С. Батуева. СПб.: СПбГУ, 2007.
2. Гаврилова Л. В. Репродуктивное поведение населения РФ в современных условиях // Планирование семьи. 1997. № 4. С. 8 – 6.
3. За жизнь. Защита материнства и детства: опыт и методика работы / сост.: С. В. Чесноков, свящ. И. Тарасов. М.: Лепта Книга, 2011. 464 с.
4. Кочюнас Р. Основы психологического консультирования. М., 2000.
5. Куценко О. С. Аборт или Рождение? Две чаши весов: пособие для психологов и других специалистов, работающих с женщиной и ее семьей в ситуации репродуктивного выбора. СПб., 2011. Режим доступа: <http://www.prolife-science.ru>
6. Морозова И. С., Белогай К. Н., Борисенко Ю. В., Отт Т. О. Апробация опросника «репродуктивные мотивы» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3(59). Т. 3. С. 140 – 145.
7. Морозова И. С., Белогай К. Н., Борисенко Ю. В., Отт Т. О. К проблеме детерминации репродуктивного поведения молодежи // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 1(27). С. 130 – 134.
8. Морозова И. С., Белогай К. Н., Борисенко Ю. В., Отт Т. О. Построение уровневой модели регуляции репродуктивного поведения молодежи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2-1. С. 167 – 172.
9. Муздыбаев К. Стратегия совладания с жизненными трудностями. Теоретический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии, 1998. Вып. 2. Т. 1.
10. Технологии формирования конструктивной репродуктивной мотивации и профилактики abortивного поведения молодежи: учебно-методическое пособие / сост. И. С. Морозова, К. Н. Белогай, Ю. В. Борисенко, Т. О. Отт. Кемерово, 2014. 156 с.
11. Чахоян А. О. Врач акушер-гинеколог как агент формирования репродуктивного поведения женщины: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Волгоград, 2011.

Информация об авторах:

Морозова Ирина Станиславовна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей психологии и психологии развития КемГУ, ishmorozova@yandex.ru.

Irina S. Morozova – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of Chair of General Psychology and Psychology of Development, Kemerovo State University.

Белогай Ксения Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ, belogi@mail.ru.

Kseniya N. Belogay – Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Department of General Psychology and Psychology of Development, Kemerovo State University.

Борисенко Юлия Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ, evseenkova@mail.ru.

Juliya V. Borisenko – Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Department of General Psychology and Psychology of Development, Kemerovo State University.

Отт Татьяна Олеговна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ, Olegovna5555@ya.ru.

Tatyana O. Ott – Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Department of General Psychology and Psychology of Development, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 14.07.2015 г.

РАЗВИТИЕ И САМОРАЗВИТИЕ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕЛИРУЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЕЙ

М. А. Фризен

DEVELOPMENT AND SELF-DEVELOPMENT OF THE FORMING PERSONALITY IN THE CONTEXT OF MODELING ACTIVITIES

M. A. Frizen

В статье анализируются деятельностные контексты развития личности, связанные с моделированием социальной реальности (непосредственно-эмоциональное общение в младенчестве, общение дошкольников со сверстниками в сюжетно-ролевой игре и общение с референтным окружением в подростковом возрасте), анализируется их потенциал для личностного саморазвития. Предполагается, что указанные ведущие типы деятельности основываются на доступном в каждом из рассматриваемых возрастов уровне моделирования социальной реальности. Указывается, что в младенчестве в рамках включенности ребенка в человеческий диалог, смысловой по своей природе, закладывается общая недифференцированная модель мира, которая варьируется по степени стабильности/нестабильности, доверия/угрозы; в дошкольном детстве моделирующая деятельность позволяет осуществлять первичную смысловую разметку внешней и внутренней действительности; в подростковом возрасте происходит смещение смысловой разметки мира и ее выполнение на новом уровне, обеспечивающем складывающимися высшими психическими функциями. Применительно к каждому анализируемому виду моделирующей деятельности делается вывод о его ресурсности для личностного развития и саморазвития.

The paper analyzes the activity contexts of the personality development connected with social reality modeling (direct and emotional communication in infancy, communication of preschool children of the same age in subject role-playing games and communication with the reference environment at teenage age), the potential for their personal self-development is analyzed. All the mentioned leading types of activities are supposed to be based on the available level of social reality modeling in each of the considered ages. It is specified that the general undifferentiated model of the world is formed in infancy within the child's inclusiveness in human dialogue, the model varies in the degree of stability / instability, trust / threat; in preschool childhood the modeling activity allows to carry out the primary semantic marking of external and internal reality; at teenage age there is a shift of the semantic marking of the world and its realization at a new level provided with the developing high mental functions. In relation to each analyzed type of the modeling activity the conclusion about its potential for personal development and self-development is made.

Ключевые слова: ведущий тип деятельности, моделирующая деятельность, развитие, саморазвитие.

Keywords: leading type of activity, modeling activity, development, self-development.

В рамках классической теории деятельности введено понятие ведущего типа деятельности, предполагающее, что на каждом этапе становления личности та или иная деятельность обеспечивает наиболее интенсивные преобразования личности – «ведет за собой развитие» (А. Н. Леонтьев [8]). Вслед за Д. Б. Эль-кониным [14], Д. И. Фельдштейном [13] можно соот-

нести ведущие типы деятельности с чередующимися системами социальных условий становления личности – социальными ситуациями развития, одной из подобных систем является выстраивание отношений становящейся личности с доступным ей сегментом общества, миром людей.

Таблица 1

Социальная ситуация развития "Я-Общество" на разных этапах онтогенеза

<i>Возраст</i>	<i>Социальная ситуация развития – система «Общество», сегмент общества</i>	<i>Содержание развития</i>
Младенчество	"Пра-мы". Мать, самые близкие взрослые	Формирование потребности в общении, базового доверия к окружающему миру как основы позитивного самоотношения.
Дошкольный возраст	Сверстники	Формирование/становление первичных нравственных инстанций, социокультурных эталонов поведения в типичных классах ситуаций, первичной самооценки, децентрации, элементов субъектности.
Подростковый возраст	Референтное окружение	Интенсивная социализация/индивидуализация, кристаллизация смысловой системы, формирование основ автономности, самодетерминации.

Вслед за Е. Б. Весна [6] мы полагаем, что ведущая деятельность, протекающая в указанных в таблице 1 возрастах, может носить моделирующий характер, при этом на каждом этапе онтогенеза формирующей-

ся личности доступен определенный уровень моделирования – психологической разметки – социальной реальности в силу уровня созревания психических функций (таблица 2).

Таблица 2

Ведущие типы деятельности моделирующего плана

<i>Возраст</i>	<i>Ведущий тип деятельности</i>	<i>Моделирующий компонент</i>	<i>Ведущий механизм вхождения в систему социального взаимодействия</i>
Младенчество (1,5 мес. – 1 год).	Непосредственно-эмоциональное общение с близким взрослым.	Эмоциональная составляющая общения. К году первый факт отделения от матери, «разрыва» синкретичной связи с ней (физическая мобильность).	Подражание. Первичное отделение субъектностей своей и взрослого.
Дошкольный возраст (3 – 7 лет).	Общение со сверстниками в сюжетно-ролевой игре.	Сюжетно-ролевая игра и смежные с ней деятельности как упрощенная модель социальной реальности; первичные нравственные инстанции. Первичное выделение позиций «Я» – «Другой» преимущественно во внешнем плане.	Эмпатия. Первичная децентрация. Элементы идентификации.
Подростковый возраст (10 – 15 лет).	Общение в контексте референтного окружения.	Референтное и иное окружение как более сложная модель социальной реальности. Обобщение позиций «Я» – «Другой» во внешнем и внутреннем плане.	Идентификация, рефлексия, верификация содержания и границ социальной нормы (социально-ролевое экспериментирование), самоверификация; фундаментальная личностная децентрация.

Безусловно, говорить о моделирующей деятельности применительно к младенческому возрасту некорректно: психика находится на начальном этапе развития, не может обеспечить процессы анализа, моделирования, формирование основ саморазвития, вместе с тем может закладываться его определенная база.

Включенность ребенка в отношения с близкими позволяет ему формировать самую общую, недифференцированную модель мира, которая варьируется по степени стабильности/нестабильности, доверия/угрозы. В младенчестве основой первичного восприятия ребенком мира служат близкие люди, взаимодействие с которыми создает у него ощущение комфорта и уверенности в позитивности окружающего пространства. Важным условием развития нам представляется вовлеченность ребенка в человеческий диалог, в процесс обмена смыслами: содержание этого процесса, эмоциональное наполнение каждого контакта, судя по всему, могут определять способ восприятия ребенком окружающего мира и влиять на формирование механизмов взаимодействия с ним (Н. Н. Авдеева [1, с. 3], Б. С. Братусь [5], Л. С. Выготский [7], А. Н. Леонтьев [8], Р. Ж. Мухамедрахимов [10, с. 16], К. Н. Поливанова [12, с. 42] и др.). При этом крайне важно, что у ребенка на эмоциональном уровне формируются первичные представления о мире как пространстве, с которым можно строить отношения, и о себе как значимом (ключевое слово «хороший», то есть принимаемый, свой); подобные представления создают основу убежденности личности в самоэффективности, позитивного принятия, представлений об управляемости

жизни в целом, могут обеспечивать формирование субъектности в будущем. Таким образом, первая не модель, но некий сенсорно-перцептивный «слепок» мира – его локальной зоны в границах отношений с близкими, в первую очередь, с матерью – существенным образом может определять будущую субъектность личности, в том числе и в плане саморазвития.

Это же можно сказать и в отношении автономности. Происходит первое ощущение собственных границ, сначала – формирование образа собственного тела. В целом для узнавания себя ребенок должен узнать окружающий мир, чтобы затем в нем выделить себя. Уже в младенчестве происходит усвоение ребенком смысловых содержаний, наполняющих окружающее социокультурное пространство: сенсорных эталонов, средств общения (интонаций, ритмики, слов человеческого языка), первых правил человеческого взаимодействия и др. Проводником смыслов является взрослый. Диалог между ребенком и взрослым осуществляется в системе «пра-мы», которая является функционально асимметричной: взрослый в этом диалоге активнее, он изначально выстраивает диалог с ребенком так, как будто тот уже является диалогизирующей личностью, носителем социальных и личностных смыслов. В результате ребенок постепенно отбирает те формы своего поведения, которые оказываются адекватны образу, создаваемому взрослым.

В пространстве диалога со взрослым младенец делает первые шаги в осознании себя и отделении себя от внешнего мира, в первую очередь, от взрослого, поскольку только в диалоге со взрослым младенец

получает возможность осознать себя как субъекта общения. Взрослый обращается к ребенку и ждет его ответной реакции, вкладывает в реакцию младенца свои смыслы, воспринимает эту реакцию как некий ответ. Таким образом, ребенок вовлекается взрослым в диалог, постепенно все в большей мере становясь его субъектом, уже самостоятельно «вызывая взрослого на разговор». У ребенка появляется и интенсифицируется потребность в общении не для удовлетворения своих нужд, а собственно для осуществления эмоционально насыщенного контакта со взрослым. Ребенок может выделить и удержать свое «Я», только отталкиваясь и опираясь на отношение другого человека. При исчезновении взрослого младенец буквально «теряет себя», он осознает себя только как то, на что направлено отношение взрослого. Другой является неустранимым и необходимым основанием сознания и самосознания человека [4].

В раннем детстве ребенок, манипулируя предметом, осуществляет физическую разметку мира, а кризис трех лет связан с первым шагом формирующейся личности к автономности уже не в физическом, а в личностном плане. Выделение позиции «Я» – это первый факт субъектности в истории развития личности: поддержание данной субъектности (различных проявлений самостоятельности, инициативности ребенка) взрослыми может обеспечить ему продуктивное моделирование социальной реальности в рамках общения со сверстниками в сюжетно-ролевой игре, а также в иных коммуникативных контекстах.

В дошкольном возрасте ребенок на доступном ему уровне исследует такие «общественные предметы», как социальные роли и социальные нормы. В сюжетно-ролевой игре ребенок воспроизводит сначала хорошо ему известные бытовые сюжеты, а к концу дошкольного возраста – сложные, трансформирующиеся по ходу реализации сюжеты, обобщенные социальные роли, моделирует те или иные ситуации (из жизни, из литературного произведения, из мультфильма). Это говорит о том, что ребенок усваивает и в некоторой степени индивидуализирует социальные содержания иного по отношению к раннему детству уровня – смыслы, связанные с означиванием пространства социального взаимодействия. Следовательно, моделирующая деятельность на данном возрастном этапе позволяет осуществлять первичную смысловую разметку мира – как внешнего (в результате формируются первичные нравственные инстанции, в первом приближении усваиваются гендерные, родительские и иные роли), так и внутреннего (формируется первичная самооценка, пока слабо дифференцированная и существенно зависящая от внешней оценки).

Сюжетно-ролевая игра предполагает обобщение и моделирование ребенком смыслов, заимствованных из окружающей социальной реальности, их проецирование в игровой ситуации на свои реальные действия.

Именно диалог со сверстниками в сюжетно-ролевой игре, обсуждение мыслей и чувств сказочных персонажей дает дошкольнику первый опыт самодистанцирования, начинают функционировать процессы децентрации. Ребенок старше пяти лет уже способен увидеть в себе качества, затрудняющие продуктивное

общение с окружающими, такая проблематизация коммуникативной ситуации способствует не только развитию самооценки, но и становлению субъектности, направленной на улучшение самого себя (ребенок может прилагать определенные усилия, чтобы быть более аккуратным, собранным, вежливым и др.; крайне важна поддержка и обратная связь окружающих). В результате дошкольник может приобретать первый опыт саморазвития.

Уровень психического развития оказывается достаточным для того, чтобы моделирование реальных жизненных отношений в игре привело к формированию к концу дошкольного возраста социокультурных стереотипов поведения в различных классах ситуаций, однако они функционируют пока на уровне знания, не являются частью внутреннего мира личности, волевой контроль оказывается недостаточным для реализации всех норм и правил в поведении и деятельности.

В целом сюжетно-ролевая игра для детей – это как бы «учебная модель» социума, в которой познаются и «отрабатываются» социальные нормы и правила. Исполняющий игровые роли ребенок ориентирован на фиксацию основных свойств, связей и отношений действительности.

К семи годам игровая модель реальности становится все более сложной, многокомпонентной и креативной, это может говорить о том, что у ребенка закладывается основа авторства по отношению к собственному поведенческому тексту, начинается процесс переплавки социальных смыслов в личностные, который наиболее интенсивно будет происходить в подростковом возрасте. Поддержание взрослыми формирующейся субъектности ребенка может составить позитивную основу становления процесса саморазвития. Вместе с тем описанная выше логика развития и предопределения саморазвития в дошкольном возрасте носит усредненный характер, важно понимать, что существует масса индивидуальных вариантов развития, связанных с острым протеканием кризиса трех лет, травмирующим жизненным опытом, отвержением в семье и мн. др. При определенных обстоятельствах дошкольник дистанцируется от взаимодействия со сверстниками, либо занимает в его структуре конформную позицию – вариантов развития существует множество. Ребенок может воспроизводить в общении со сверстниками асоциальные модели, транслируемые одними взрослыми и порицаемые другими. Инициативность ребенка может ограничиваться по тем или иным причинам. Таким образом, существует масса вариантов, при которых описанная выше логика развития будет существенно искажена.

В младшем школьном возрасте учебная деятельность становится ведущей, в ее структуре могут быть созданы условия перехода внешней оценки в самооценку, а внешнего контроля – в самоконтроль; младший школьник в идеале должен рефлексировать собственные изменения в результате учения. Подготавливается психическая основа для рефлексии, а также складывается осмысление того, что можно совершенствоваться в результате собственных усилий. Формирующаяся личность делает еще один шаг в на-

правлении децентрации, самодистанцирования, формирования субъектности в плане саморазвития.

В подростковом возрасте психика существенно совершенствуется (интеллектуализация познавательной сферы, оформление высших психических функций, в том числе саморегуляции поведения), функционирует рефлексия, идут процессы фундаментальной личностной децентрации (Ж. Пиаже по [11]). Интеллектуальные инструменты, применяющиеся в младшем школьном возрасте личностью для оценивания себя по достаточно небольшому набору критериев (успешность в учении, некоторые черты характера), теперь задействуются подростком для активного самопознания, самоопределения.

Подросток, осознающий себя как активного субъекта деятельности и носителя внутреннего мира, творчески осмысливает открывшуюся ему внешнюю и внутреннюю действительность. При этом ранее усвоенные от взрослых нормы и ценности теряют свою абсолютность, смысловые акценты представлений о мире смещаются. Таким образом, подростковый возраст впервые ставит перед человеком задачу личностного означивания мира (Л. И. Анцыферова [3], Б. С. Братусь [5], Л. С. Выготский [7], Д. А. Леонтьев [9] и др.), личность производит его смысловую разметку, усваиваемые социальные содержания трансформируются подростком в процессе нормотворчества, социально-ролевого экспериментирования, приобретая вид личностных смыслов, порождаются индивидуальные смыслы.

Говоря о предопределении саморазвития в отрочестве, можно, таким образом, указать на саморефлексию, креативность, становящуюся субъектностью, интенсивно отстаиваемую автономность. Саморегуляционные процессы в подростковом возрасте не ослажены, подросток находится под давлением социума, в частности, референтного окружения. Смысловому упорядочению деятельности также препятствует относительно низкая значимость этого процесса для большинства современных подростков. Психическая основа саморазвития в потенциале присутствует, при этом личность может не задействовать данные ресурсы в связи со спецификой мотивов и смыслов.

В силу того, что высшие психические функции интенсивно формируются, именно применительно к подростковому возрасту можно в чистом виде говорить о том, что индивид способен моделировать социальную реальность. В отрочестве в данном случае можно говорить о первых пробах личности взять на себя взрослую роль, это и отношения с противополо-

жным полом (первые влюбленности, браки в сети и др.), и опыт участия в школьном самоуправлении и молодежных движениях (школьный парламент, социально значимые проекты и др.), и принятие на себя ответственности в семье (забота о младших братьях и сестрах, участие в обсуждении важных тем, принятие на себя обязанностей и др.).

Активная проба себя в структуре социального взаимодействия дает подростку опыт саморефлексии, осознания разрыва между «Я»-реальным и «Я»-идеальным, в результате подобной рефлексивной активности подросток может прийти к выводу о необходимости самоизменения. При определенных условиях (выраженный интернальный локус контроля, наличие адекватных контекстов для саморазвития, принятие ответственности за его ход и результаты) подросток может выбрать путь осознанного и целенаправленного самоизменения, реализовывать субъектную позицию в плане саморазвития.

Пространством саморефлексии по-прежнему выступает диалог, но теперь более масштабный – в нем участвует большее количество людей, а также иные смысловые системы (художественные тексты, виртуальная реальность и др.). Смысловой диалог изменяется качественно. Появляясь в процессе отграничения «смысла Я» от всеобщего континуума смыслов, смысл «Обобщенный Другой» постепенно становится точкой опоры для трансформации, уточнения, совершенствования «смысла Я». «Личность как уникальная единичность сама для себя оформляется или образуется <...> как целое на границах (во встречах) с другими личностями» [2, с. 62 – 63]. По мнению Г. С. Батищева, обрести себя – это прежде всего значит «встретить и получить в других дар, способный обогатить и восполнить наше неполное «я», которое стихийно складывается в нас до того, как мы осознаем его неполноту, и стихийное его совершенствование дополним сознательным совершенствованием» [4, с. 108]. Анализируя свои представления о других людях и учаь осмысливать представления других людей о себе, подросток впервые осознает несовершенство своего «смысла Я» и сознательно начинает его трансформировать.

Таким образом, моделирование социальной реальности в процессе становления личности позволяет ей приобрести некую смысловую опору для познания и совершенствования себя, а также найти соответствующие деятельностные контексты.

Литература

1. Авдеева Н. Н. Привязанность ребенка к матери и образ себя в раннем детстве // Вопросы психологии. 1997. № 4.
2. Анисимова В. Е. Личность как способ бытия и проявления целостности человека: дис. ... канд. филос. наук. М., 1996. 118 с.
3. Анцыферова Л. И. Психология: жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 5. С. 114 – 128.
4. Батищев Г. С. Найти и обрести себя // Вопросы философии. 1995. № 3. С. 106 – 113.
5. Братусь Б. С. Личностные смыслы по А. Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельности подхода в психологии. Школа А. Н. Леонтьева. М.: Смысл, 1999. 429 с.
6. Весна Е. Б. Понятия «личность» и «индивидуальность» в понятийном пространстве, описывающем человека // Мир психологии. 1999. № 4. С. 279 – 292.

7. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
8. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 657 с.
9. Леонтьев Д. А. Психология смысла. Природа, структура и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. 487 с.
10. Мухамедрахимов Р. Ж. Формы взаимодействия матери и младенца // Вопросы психологии. 1994. № 6.
11. Обухова Л. Ф., Рябова Т. В., Гуслова М. Н., Стуре Т. К. Феномен эгоцентризма у подростков-инвалидов // Вопросы психологии. 2001. № 3. С. 56 – 73.
12. Поливанова К. Н. Специфические характеристики развития в переходные периоды (кризис одного года) // Вопросы психологии. 1999. № 1.
13. Фельдштейн Д. И. Психология взросления: структурно-содержательные процессы развития личности: Избр. труды. М.: Моск. психолого-соц. ин-т: Флинта, 1999. 672 с.
14. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989. 344 с.

Информация об авторе:

Фризен Марина Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии КамГУ им. Витуса Беринга, frizenm@yandex.ru.

Marina A. Frizen – Candidate of Psychology, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Theoretical and Applied Psychology, Kamchatka State University named after Vitus Bering.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

УДК 159.922

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНОГО КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Т. Н. Чекмарева

PSYCO-PEDAGOGICAL BASES OF TOLERANCE DEVELOPMENT AS AN IMPORTANT CHARACTERISTIC OF THE FUTURE TEACHER'S PERSONALITY IN THE CONDITIONS OF MODERN RUSSIAN EDUCATION

T. N. Chekmareva

Толерантность будущего педагога как качество личности и как профессионала соответствует запросам современных социокультурных преобразований. Цель: выявить психолого-педагогические основания развития толерантности как профессионально важного качества личности будущего педагога в системе высшего профессионального образования.

Глубокий комплексный анализ позволил изучить обстоятельства современного образования, повлекшие его кардинальные реформы. Выявлены психолого-педагогические основы толерантности в современных условиях российского образования. Рассмотрены проблемы и противоречия развития толерантности как профессионально важного качества личности будущего педагога в системе высшего образования. Представлен авторский подход в изучении вопросов становления и характеристики толерантности как понятия в условиях образования: психологическая специфика и функции толерантности в образовании.

Таким образом, необходимо повышение качества и создание новой системы подготовки педагогических кадров. В общей совокупности профессиональных знаний, умений, навыков и компетенций будущего педагога необходимо учитывать развитие профессиональных качеств, в их числе толерантность; создавать практико-ориентированные программы развития толерантности будущего педагога как качества личности и как профессионала.

Tolerance of the future teacher as the quality of the individual and the professional meets the needs of today's socio-cultural transformations. The paper aims at identifying the psycho-pedagogical bases of tolerance development as an important characteristic of the future teacher's personality in the conditions of modern Russian education.

The profound comprehensive analysis allowed investigating the circumstances of modern education that caused drastic reforms. The psycho-educational basic foundations of tolerance under the present-day Russian education conditions are discovered. Problems and contradictions of tolerance evolution as a future teacher's personal quality in the system of higher education are examined. The author's approach to studying the problems of formation and characterizing tolerance as a concept, its: psychological specificity and functions in education is proposed.

Thus it is necessary to improve the quality and create a new system of teacher training. The general set of professional knowledge, skills and competences of future teachers should be taken into account in the development of professional qualities including tolerance; in creating practically oriented programs for the tolerance development of the future teacher as the personality and professional trait.

Ключевые слова: толерантность, психологический феномен, характеристика (черта) личности, толерантность как профессионально важное качество; современное российское образование; высшее профессиональное образование; развитие толерантности будущего педагога.

Keywords: tolerance, psychological phenomenon, characteristic (feature) of the personality, professional tolerance; modern education, higher professional education, tolerance development in the future teacher.

Актуальность проблемы исследования

На современном этапе развития психологической науки, в условиях современных социокультурных и образовательных перемен, актуализировался интерес к исследованиям закономерностей становления личности педагога [6]. Уровень требований к педагогу в обществе возрастает (А. Г. Асмолов, Л. А. Вербицкая, Е. В. Чернобай, Е. А. Ямбург), государственная образовательная политика в корне меняет целевые ориентиры его деятельности [4], рассматривая ключевой в реформе образования (Д. Ливанов, Д. Медведев). Проблемы и перспективы развития деятельности педагога XXI в. создали интерес к комплексу тех качеств будущего педагога как личности и как профессионала [2], которые соответствуют запросам современных социокультурных преобразований гуманистического и духовно-нравственного характера [1], т. е. позволяют осуществлять то общественно ценное взаимодействие с обучающимися, когда происходит целостное развитие его личности и процесс «эффективной личностной самореализации» [3, с. 44].

Отдельные современные научные исследования важным фактором развития личности педагога рассматривают толерантность (Г. В. Безюлева, Г. С. Кожухарь, П. Ф. Комогоров, О. Б. Нурлигаянова, М. А. Перепелицина). Наше внимание направлено на проблему развития толерантности как профессионально важного качества (ПВК) личности будущего педагога с позиции гуманистического и духовно-нравственного начала, где психологической спецификой становится способность к *принятию* (безусловному) себя и Другого. «Необходимым условием успешной педагогической деятельности является умение принимать ребенка как данность – таким, каков он есть» [6, с. 295] и на основе принятия работать с его индивидуальностью, определяя вектор развития в социально значимом русле. Сегодня обращение к толерантности, как способности к принятию определено в нормативно-правовых и законодательных документах РФ. В этом проявляется общественно-ценностная направленность нашего научного интереса к развитию толерантности как ПВК личности будущего педагога [6].

Ответственность в подготовке такого профессионала возлагается на систему высшего профессионального образования, где резко возросли требования к качеству и смене устаревших методов и технологий подготовки будущих педагогов [2]. Разработка психолого-педагогических оснований развития специфических ПВК личности будущего педагога поможет создать соответствующие условия для общественно ценной самореализации личности будущих педагогов еще в процессе их обучения в вузе, и в дальнейшей профессиональной деятельности в современном пространстве российского образования [5; 6]. Наше внимание направлено на данную проблему, в частности, на поиск прогрессивных практико-ориентированных

технологий развития толерантности как ПВК личности будущего педагога. Предполагается, что специально разработанная практико-ориентированная программа способствует развитию толерантности как ПВК личности будущего педагога.

Теоретические основы толерантности как психолого-педагогической проблемы

Толерантность сегодня, качеством личности и как феноменом общественного бытия, включена в число *высших, базовых ценностей культуры* (И. В. Абакумова). Следуя этому, для образовательной политики XXI в. – представлена (А. Г. Асмолов, С. Л. Братченко, Б. С. Гершунский, А. М. Кондаков, Д. А. Леонтьев) в системе *ценностно-целевых* приоритетов *образования*; стратегически приоритетной основой образования, включая гуманистическое и духовно-нравственное начало; компонентом жизненной позиции *зрелой личности* [7].

Значительное количество исследований, предвосхищающие востребованные обществом в формировании толерантного сознания и отношений соответствуют тенденциям обновления педагогического профессионального образования и создают ту группу предпосылок для данного исследования, где внимание обращено на:

– «преобразование системы образования, обеспечивающей оптимальное развитие растущего человека» (Л. А. Вербицкая). Это разработки о становлении отношения обучающихся к толерантности как общественно значимой ценности (Т. В. Болотина, Б. С. Гершунский, М. С. Мириманова, др.), о развитии их толерантного сознания (Г. В. Безюлева, О. Д. Шарова, др.) и межэтнической толерантности (Г. Г. Абдулкаримов, З. Ф. Мубинова, В. А. Тишков, др.);

– личностный рост и профессиональное соответствие педагогических кадров требованиям образования (К. А. Альбуханова, В. А. Бодров, Л. А. Вербицкая, Б. А. Вяткин, Э. Ф. Зеер, И. А. Зимняя, Е. А. Климов, А. К. Маркова, Л. М. Митина, В. А. Сластенин, В. Д. Шадриков), где толерантность для педагога современного образования, рассматривают необходимой профессиональной характеристикой личностного роста (Ю. В. Ахметшина, Д. В. Зиновьев, П. Ф. Комогоров, Н. Ю. Кудзиева, Л. Л. Мончинская, В. С. Чернявская, Н. В. Шакина), неотъемлемым показателем профессионализма и зрелости в сфере деятельности «человек-человек», основанным на субъект-субъектных отношениях (С. Л. Братченко, И. В. Вачков, Е. Г. Виноградова, С. П. Иванова, А. Г. Исмагилова, Е. Ю. Клепцова, О. Л. Подлинных, Е. В. Фалунина);

– путей решения проблем негативных социальных и психолого-педагогических явлений в образовательном пространстве, кроющихся «в непростых межличностных, межэтнических и межнациональных отношениях» [6, с. 295], что можно рассматривать следст-

вием недостаточности, либо отсутствия толерантности как принятия у отдельных субъектов занимающихся профессионально образовательной деятельностью. В таких условиях толерантность в системе образования – объективная потребность; развитие толерантности как профессионального качества педагога – острая необходимость [7]. Так укрепляется идея развития будущего педагога нового уровня как личность и как профессионала: человек – обладающий культурой толерантности (В. В. Шалин), профессионал – носитель толерантности, как ПВК.

В современном научном мире существуют диссертационные работы, указывающие на необходимость и возможности рассматривать толерантность ПК педагога (Т. Б. Загоруля, Д. В. Зиновьев, П. Ф. Комогоров, З. Ф. Мубинова, О. Б. Нурлигаянова, О. Б. Скрыбина). Однако исследования развития толерантности как ПВК личности будущего педагога, варианты действующих программ в этом направлении единичны, и вопрос для научного исследования остаётся открытым (Е. Г. Левченко, Я. А. Писарев, З. Ш. Яхина).

Смысл развития ПВК для будущего педагога

Для личности будущего педагога ПВК рассматриваем в значении как: параметры оценки эффективности профессиональной деятельности (Н. В. Алишев, А. С. Егоров, Н. П. Реброва); компонент профессиональной пригодности (Е. А. Климов, А. К. Маркова, В. А. Толочек); качества, помогающие быстро обучаться выбранной профессии, адаптироваться к рабочему месту, эффективно выполнять профессиональные функции (В. А. Бодров, В. Д. Шадриков); характеристики умственной, нравственной, эмоционально-волевой сфер, влияющие на продуктивность профессионально-педагогической деятельности (К. А. Альбуханова, Л. М. Митина, Н. А. Шайденко).

Наблюдаются разные подходы к профессиональным качествам будущего педагога, но существует единство мнений о:

– значимости ПВК как *фундаментальном компоненте* личности будущего педагога, важнейшем факторе овладения профессией;

– формировании ПВК в совокупности общих и частных способностей, профессиональных знаний, навыков, умений и компетенций;

– необходимости развивать ПВК на этапе образовательной подготовки.

Психолого-педагогические и нормативно-правовые основания развития толерантности как ПВК личности будущего педагога

Во-первых, ссылаемся на обстоятельства современного поликультурного образования, которые обусловили его кардинальные реформы и коснулись личности педагога. Сюда относим: низкую оценку, данную грамотности школьников, уровню учителя (международные исследования PISA (Программа международной оценки обучающихся: Мониторинг знаний и умений в новом тысячелетии)) и сложившейся системы образования, как не в полной мере соответствующей потребностям общества (Программа социально-экономического развития РФ); показатели сравнительного анализа между современным социальным запросом и оценкой реально действующего педагога, где общественное мнение амбивалентно, колеблется от уровня «оптимизма» до «разочарования», но склоняется к «разочарованию» [7].

Во-вторых, ссылаемся на полученные данные доэкспериментального исследования о психолого-педагогической готовности педагогов к реализации современных технологий личностно-центрированного подхода. Основным показателем выступили «субъективные оценки педагога, как показатель принятия индивидуальности Другого (конкретного ребенка, как субъекта образовательной деятельности) и построение отношения через это принятие» (по К. Роджерсу). Сюда относим: показатели педагогов ДОУ. Респонденты: воспитатели (14), воспитанники старших групп (269).

Таблица 1

Принятие индивидуальности ребенка и построение отношения к нему

<i>Адекватное отношение воспитателя к ребенку</i>		<i>Слишком критическое</i>		<i>Идеализация в оценке</i>	
<i>показатель от – 0,3 до + 0,62</i>		<i>от – 1 до – 0,29</i>		<i>от + 0,63 до + 1</i>	
Количество детей (далее к/д)	%	к/д	%	к/д	%
158	58,7 %	79	29,4 %	32	11,9 %

Таблица 2

Восприятие ребенка через соотнесение реального облика к идеальному представлению о ребенке

<i>Негативное восприятие воспитателем детей группы</i>		<i>Позитивное и объективное</i>		<i>Нереалистически завышенное</i>	
<i>от 0 и ниже</i>		<i>от 0 до + 0,62</i>		<i>от + 0,62 и выше</i>	
к/д	%	к/д	%	к/д	%
123	45,7 %	114	42,4 %	32	11,9 %

Принятие индивидуальности Другого как субъекта образовательной деятельности
(респонденты: воспитатели (10), воспитанники подготовительных групп (200))

Направленность «скрытой оценки» воспитателя к воспитаннику его группы	Шкала «Свой – Чужой»			Шкала «Близкий – Далекий»			Шкала «Раздражает – не раздражает»		
	<i>позиция</i>	<i>к/д</i>	<i>%</i>	<i>позиция</i>	<i>к/д</i>	<i>%</i>	<i>позиция</i>	<i>к/д</i>	<i>%</i>
Позитивная самый лучший, хо- роший	«совсем свой»	4	2	«совсем близкий»	4	2	«совсем не раз- дражает»	3	2
	«свой»	50	25	«близкий»	20	10	«не раздражает»	17	9
Нейтральная (неоп- ределенная) такой же, как все дети	«больше свой, чем чужой»	8	4	«больше близкий, чем дале- кий»	50	25	«больше не раз- дражает, чем раздражает»	44	22
Индифферентная (безразличная) не знаю	«свой и чу- жой в равной степени»	64	32	«близкий и далекий в равной сте- пени»	48	24	«раздражает и не раздражает в равной сте- пени»	56	28
Амбивалентная (противоречивая) когда как (иногда хороший, иногда плохой)	«больше чужой, чем свой»	8	4	«больше далекий, чем близ- кий»	6	3	«больше раздра- жает, чем не раз- дражает»	76	38
Негативная хуже всех, плохой	«чужой»	66	33	«далекий»	64	32	«раздражает»	4	2
	«совсем чужой»	-	-	«совсем далекий»	8	4	«совсем раздражает»	-	-

Выявлено: субъективные оценочные тенденции воспитателя ДООУ (ближайшего микросоциума ребенка) к воспитаннику ДООУ (субъекту образовательной деятельности) свидетельствуют о склонности педагогов ДООУ в большей степени проявлять толерантность-

терпение, порой нетерпимость, интолерантность, чем толерантность-принятие. Воспитанники их возрастной группы по показателю «принятие», в первую очередь, «больше раздражают, чем не раздражают», «далёкие», «чужие».

Таблица 4

Принятие индивидуальности ученика и построение отношения к нему
(профессиональная коммуникативная толерантность педагога (по В. В. Бойко))
(респонденты: учителя (48, по 8 учителей 6 образовательных учреждений различных ступеней))

Адекватное терпимое отношение учителя к ученику		Допустимое терпимое		Слишком критическое	
высокий показатель принятия от 0 до 18 баллов		средний показатель принятия от 19 до 36 баллов		низкий показатель принятия от 37 до 135 баллов	
балл	% от общего числа	балл	%	балл	%
4	8,3 %	6	12,5 %	38	79,2 %

Данные свидетельствуют: учителя школ не хотят, не стремятся понимать и принимать индивидуальность ученика (субъекта своей педагогической профессиональной деятельности). Это проявляется в оценке образа, поведения, качеств ученика от созданного учителем эталона. Настаивают на принятии их точки зрения, т. к. подготовленность ученика к жизни рассматривают результатом, продуктом, успехом своей деятельности, давая этому высокую оценку «свой». Отказывают ученикам в праве на индивидуальность,

уважение, демонстрируя эмоциональное непринятие – «далекий», «раздражает, не раздражает в равной степени», «раздражает». Проявляют категоричность, консерватизм, желание перевоспитать, сделать «удобными» партнеров взаимодействия. По мнению представителей гуманистического направления, личностный потенциал каждого человека изначально здоровое, конструктивное развитие. Все деструктивное – следствие противоречий между заявленным потенциалом «индивидуума и тем, что «сформировали» из

этого внешние социальные структуры, в том числе педагогические» [3, с. 36]. В свою очередь, в основе толерантности педагога лежит готовность и способ-

ность к диалогу, к безусловному позитивному принятию себя и Другого (С. Л. Братченко, Е. Ю. Клепцова, Т. С. Кожухарь, Г. У. Солдатов, др.).

Таблица 5

Принятие индивидуальности Другого, как субъекта образовательной деятельности
(Респонденты: педагоги МОУ СОШ (10), ученики пятых классов (200))

Направленность «скрытой оценки» учителя	Баллы	Шкала «Свой – Чужой»			Шкала «Близкий – Далекий»			Шкала «Раздражает – не раздражает»		
		позиция	к/д	%	позиция	к/д	%	позиция	к/д	%
Позитивная	3	«совсем свой»	-	-	«совсем близкий»	-	-	«совсем не раздражает»	-	-
	2	«свой»	88	44	«близкий»	26	13	«не раздражает»	18	9
Нейтральная	1	«больше свой, чем чужой»	72	36	«больше близкий, чем далекий»	40	20	«больше не раздражает, чем раздражает»	30	15
Индифферентная	0	«свой и чужой в равной степени»	40	20	«близкий и далекий в равной степени»	38	19	«раздражает, не раздражает в равной степени»	66	33
Амбивалентная	-1	«больше чужой, чем свой»	-	-	«больше далекий, чем близкий»	30	15	«больше раздражает, чем не раздражает»	32	16
Негативная	-2	«чужой»	-	-	«далекий»	66	33	«раздражает»	54	27
	-3	«совсем чужой»	-	-	«совсем далекий»	-	-	«совсем раздражает»	-	-

В обоснование вышесказанного, объективными основаниями к развитию толерантности ПВК личности будущего педагога выступают следующие факты:

– не каждый, выбрав профессию педагога, способен стать им (Ф. Н. Гоноволин, Н. В. Кузьмина, В. А. Сухомлинский, А. И. Щербаков);

– будущий педагог должен обладать жестким набором определенных личностных качеств, которые, в процессе профобучения обуславливают становление уже профессиональных качеств (И. А. Зимняя, Е. А. Климов, В. Д. Шадриков);

– сегодня существующая тенденция к гуманизации образования, с его ставкой на человека – субъекта собственных изменений и свободное развитие, не может найти полноценной реализации в практике (Е. Г. Левченко, О. Л. Подлинная, Е. В. Фалунина). В таком случае, смысл развития толерантности как ПВК личности будущего есть гуманистическое начало личности педагога, способного осуществить личностно-центрированный подход, заявленный в реформах современного поликультурного образования; реализовывать задачи гуманистического воспитания, сохраняя индивидуальность каждого растущего человека, создавать условия для развития его свободной личностью, способной к самодетерминации, самоорганизации, саморазвитию, самовыражению, самореа-

лизации и самоактуализации [1; 5; 6]. Это глобальные идеи современного образования в развитии субъектности и полисубъектности личности, на которые нас ориентируют С. П. Иванова, И. В. Вачков, С. И. Орехов, О. Л. Подлинная, Е. В. Фалунина, Д. И. Фельдштейн.

В-третьих, основаниями стали нормативно-правовые документы реформы образования, где видим заинтересованность образовательной политики российского государства в развитии толерантности ПВК личности будущего педагога.

1. Главное условие реформы – разработка и внедрение ФГОС нового поколения (Э. Д. Днепров, А. В. Хуторской, В. Д. Шадриков). В основе – компетентностный подход. Ученые (Т. М. Ковалева, В. В. Краевский, И. И. Логвинов, Н. Д. Никандров, П. И. Пидкасистый, В. М. Полонский, В. А. Поляков, В. И. Слободчиков, Г. Н. Филонов, Е. А. Ямбург) отмечают: данный подход требует подготовки педагогических кадров особой специфики – способных и готовых реализовать одновременно технологии компетентностного образования и воспитания. В российском образовании сделан акцент на том, что формирование личности ученика, принятие и признание её важности, ценности, происходит непосредственно под влиянием личности педагога, а его профессиональ-

ным качествам отведена особая роль – стать образцом, проводником, примером социальной идентичности. Следовательно, в современном российском поликультурном образовании сделана ставка на *нового педагога*, его новые профессиональные обязанности, качества: он сам должен находиться в постоянном поиске, быть успешно адаптивным, эмоционально устойчивым, с высоким уровнем фрустрационной толерантности, самосовершенствоваться и являть поведением пример для подражания [3; 5; 7].

2. В *Федеральном законе об образовании в РФ* № 273 от 29.12.2012, ст. 3 п. 1, обозначены объективные позиции развития толерантности педагога; в ст. 50 п. 3 указано, что научные работники образова-

тельной организации обязаны формировать у обучающихся профессиональные качества по избранной профессии.

3. Впервые в *ФГОС ВПО* зафиксировано внимание на *компетенциях* обучающегося будущего педагога и профессиональной *компетентности* выпускника будущего педагога. В содержание компетенций включен и знаниевый компонент, и личностные качества, одним из которых показана толерантность. Результаты анализа стандартов по направлениям подготовки 050000 «Образование и педагогика» бакалавров, магистров и специалистов, на предмет включенности толерантности как общекультурной компетенции, представлены таблично (таблица 6).

Таблица 6

Включенность толерантности в состав компетенций

<i>Квалификация</i>	<i>Код</i>	<i>Направление подготовки</i>	<i>Блок ОК / Шифр компетенции</i>
Бакалавриат	050100.62	Педагогическое образование	ОК-3, ОК-14
	051000.62	Профессиональное обучение (по отраслям)	ОК-1, ОК-4, ОК-6
	050400.62	Психолого-педагогическое образование	ОК-5
	050700.62	Специальное (дефектологическое) образование	ОК-1
Магистратура	050400.68	Психолого-педагогическое образование	ОК-5
Специалитет	050407.65	Педагогика и психология девиантного поведения	ОК-2, ОК-5

Анализ показал, что данные компетенции в своей совокупности отображают связь толерантности с: процессом *познания* и *освоения* культурного опыта; *пониманием* базовых культурных ценностей; развитием *навыков* сотрудничества, диалога, безоценочности, разрешения конфликтов; формированием *самосознания*, самоидентификации субъекта; *гармонизацию* личности; *усилением* социальной мобильности, *адаптивных* возможностей в профессиональной деятельности. В целом видим: толерантность разворачивается в совокупности таких компонентов структуры субъектности и полисубъектности личности [5], как: гносеологическом (когнитивно-рефлексивная стратегия), аксиологическом (ценностно-мотивационная стратегия) и праксиологическом (операционально-деятельностная). Следовательно, толерантность развивается и развивается в совокупности знаний, чувственно-эмоционального опыта и компонента отношений и поведения, при этом всесторонне охватывает развитие личности будущего педагога.

В частности, проводя анализ ФГОС ВПО по направлениям подготовки 050100.62 «Педагогическое образование» и 050407.65 «Педагогика и психология девиантного поведения» для определения толерантности в качестве ключевой компетентности этих подготовок, можем сказать:

1) толерантность в стандарте как ключевая компетенция не выделена, ее суть – надпредметный и междисциплинарный характер общекультурных компетенций;

2) при этом толерантность неоднократно включена в ФГОС ВПО, что делает данную компетенцию значимой, важной в подготовке будущего педагога и дает возможность рассматривать толерантность как ПВК, способствующее профессиональной педагогической деятельности.

Таким образом, в совокупности данных государственных документов актуализируется проблема развития толерантности и создание прогрессивной *модели подготовки будущего педагога в системе ВПО*. Современные стратегии подготовки будущих современных педагогов включают в себя и обновленные для этого положения:

- *концепция поддержки развития педагогического образования* (проект на 2014 – 2017 гг.);
- *концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России* (представлена методологической основой ФГОС общего образования);
- *концепция профессионального кодекса учителя* (определяет грани нравственный, моральный, этический и духовный жизни педагога);
- *профессиональный стандарт педагога* (определяет смыслы и ценности педагога, основанные на толерантных отношениях принятия Другого и построении на этой основе образовательного процесса).

В-четвертых, как основание выступают те политические реформы, в которых проявился интерес российского государства к развитию толерантности. Одним из таких документов является *Стратегия госу-*

дарственной национальной политики РФ до 2025 г. Анализ документа в интересах исследуемой темы показал, что *приоритетным* направлением в реализации Стратегии определен процесс развития системы образования как *поликультурной*. В контексте *методологии* для сферы образования всех этапов обучения поставлены множественные задачи воспитания детей и молодежи, которые основаны на *толерантности*, национальном достоинстве граждан, духовных и нравственных ценностях народов России.

Таким образом, в условиях:

- 1) интенсивной социокультурной динамики Российского общества;
- 2) модернизации образования;
- 3) осознания роли личности педагога и его профессиональных качеств в контексте последних требований образовательной парадигмы, видим, что это

должен быть педагог *нового уровня развития* как *личность* и как *профессионал*.

В нашем понимании такой педагог – носитель нового ПВК личности – толерантность. Теоретически допускаем: если некоторые ученые (И. В. Абакумова, А. Г. Асмолов, Г. В. Безюлева, В. В. Бойко, Д. А. Леонтьев, Г. У. Солдатова, др.) толерантность рассматривают как *личностную ценность*, *норму цивилизованного общества*, принадлежащую к числу базовых гуманистических ценностей культуры, компонент жизненной позиции *зрелой личности*, то толерантность как ПВК личности будущего педагога в структуре всех его профессиональных качеств может быть:

- 1) отнесена к числу гуманистических, базовых;
- 2) определять развитие педагога как *зрелую личность*, способную воплощать идеи гуманистического подхода и воспитание свободной личности.

Литература

1. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / под ред. А. Я. Данилюк; А. М. Кондакова, В. А. Тишкова. М.: Просвещение, 2009. 24 с.
2. Концепция поддержки развития педагогического образования (проект) // Сайт педагога-исследователя. 12.01.2014. Режим доступа: <http://si-sv.com/news/2014-01-12-166> (дата обращения: 06.06.2015).
3. Подлинный О. Л. Теория и практика становления гуманистического мировоззрения учителя на основе личностно-центрированного подхода (в системе вузовского и поствузовского образования): дис. ... д-ра пед. наук. Иркутск: Иркут. гос. пед. ун-т, 1999. 388 с.
4. Профессиональный стандарт педагога // Учительская газета. 27.02.2014. Режим доступа: http://www.ug.ru/new_standards/6 (дата обращения: 06.06.2015).
5. Фалунина Е. В. Психолого-педагогическая модель системы подготовки будущих учителей к работе в пространстве современного образования: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2012. 68 с.
6. Фалунина Е. В., Чекмарева Т. Н. Актуализация проблемы развития толерантности личности у будущих педагогов в условиях высшего профессионального образования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2013. № 4 (26). С. 295 – 299.
7. Чекмарева Т. Н. Теория и методология становления толерантности педагога: монография. Братск: БГУ, 2010. 134 с.

Информация об авторе:

Чекмарева Татьяна Николаевна – старший преподаватель кафедры педагогики и психологии Братского государственного университета, г. Братск, tnchek@rambler.ru.

Tatiana N. Chekmareva – Senior Lecturer at the Department of Psychology and Pedagogics, Bratsk State University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'246.2

АВТОРСКИЙ СТИЛЬ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ М. ДЕБРЕНН КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СОЗНАТЕЛЬНОГО МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ПЕРЕНОСА *Ю. А. Баранова*

M. DEBRENNE'S ACADEMIC STYLE AS A PERFORMANCE OF CONSCIOUS CROSS-LANGUAGE TRANSFER *Yu. A. Baranova*

Рассматриваются стилеобразующие особенности научных статей французско-русского билингва М. Дебрэнн с точки зрения перенесения данным автором традиций франкоязычных научных текстов в собственные тексты аналогичного жанра, однако написанные на русском языке. Данный феномен и формы его проявления в жанре русскоязычной научной статьи анализируются в рамках более крупного явления, наблюдаемого в речи вышеуказанного билингва – сознательного межъязыкового переноса, состоящего в намеренном использовании норм родного языка (французского) в процессе практики иностранного (русского). Делается вывод о том, что научные статьи билингва по совокупности своих формальных и содержательных особенностей гораздо ближе к французской научной традиции, нежели к русской.

The paper discusses some features of the style of M. Debrenne's academic papers in terms of transferring the traditions of the French language academic writing into her texts of a similar genre written in Russian. This phenomenon and its manifestations in her Russian academic papers are analyzed within the framework of a larger phenomenon observed in the speech of the above-named French-Russian bilingual: conscious cross-language transfer, which consists in the intentional use of the rules of her native language (French) while writing in her second language (Russian). This analysis allows us to conclude that this bilingual writer's academic texts, as the sum of their formal and substantive features, are significantly closer to the French academic tradition than to the Russian one.

Ключевые слова: научный стиль, научная традиция, межъязыковой перенос, французско-русский билингвизм.

Keywords: academic style, academic tradition, cross-language transfer, French-Russian bilingualism.

Научная статья как исторически сложившаяся форма письменной научной коммуникации находится, вероятно, ближе остальных типов текста к центральной задаче научной деятельности – получению и распространению новых знаний. По этой причине данный научный жанр часто называют ведущим типом текста современного языка науки.

Вместе с тем в дискурсе цивилизации отражается множественность социальных практик, принятых в академической сфере общения и являющихся культурно обусловленными – таким образом, в форматах различных культур, даже если речь идет об одной сфере общения – научной – обнаруживаются существенные различия [4, с. 12].

Так, русская научная традиция, во многом испытавшая влияние аналогичной немецкой, отличается строгостью оформления мысли [16, с. 245], стремлением к беспристрастному и объективному изложению научного знания, в то время как французская культура накладывает на научные тексты отпечаток индивидуальности их автора и характеризуется большей степенью субъективности представления научной информации.

Итак, выдвигая тезис о том, что стиль франкоязычных научных статей отличается меньшей строгостью канона, большей экспрессивностью и гораздо более выраженным присутствием автора, чем это принято соответствующей традицией русскоязычных

текстов указанного жанра, мы последовательно анализируем с этой точки зрения наиболее характерные для русскоязычных научных статей французско-русского билингва М. Дебрэнн особенности – как формальные, так и содержательные (*Мишель Дебрэнн* – профессор кафедры французского языка Новосибирского государственного университета, носитель французского языка и культуры, проживающий на территории России большую часть своей жизни (около 40 лет). Свободный, высокий уровень владения ею русским языком и глубокие знания русского менталитета определили наш исследовательский интерес к данной языковой личности с точки зрения наличия в ее русскоязычном дискурсе явления межъязыкового переноса – *Прим. автора*). Анализ выполнен нами на основе авторских редакций научных статей изучаемого билингва [5 – 14]. Примеры из текстов приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

I. В качестве наиболее важных отмеченных нами **формальных особенностей** научных статей указанного билингва мы выделяем: лексические, грамматические, синтаксические, графические и пунктуационные; также к формально-стилистическим особенностям мы относим и наличие в рассматриваемых текстах средств художественной выразительности (тропов) и приемов создания комического.

Согласно русской научной традиции, требование точности представления информации предопределяет

терминологичность лексики, однородность и замкнутость лексического состава, отсутствие разговорных и просторечных слов и выражений, эмоционально-экспрессивной лексики в произведениях научного стиля [15, с. 224 – 225]. Однако **лексические** особенности, обнаруживаемые в научных статьях рассматриваемого билингва, во многом противоречат вышесказанному: помимо некоторых случаев «бытового», т. е. нетерминологического обозначения собственно-лингвистических реалий и явлений («*определенная мышца во рту*», «*язык как элемент рта*» [6], «*спорят о том, что считать приличным словом, а что – ругательством*» [11], «*одни вещи проще обсуждать на одном языке, другие – на другом, и не потому, что «слов нет»*» [13]), нами были отмечены многочисленные примеры разговорных, разговорно-сниженных, просторечных слов и выражений («*к примеру среди ответов канадских респондентов...*» [5], «*оно [слово] еще не стало разговорным и на телевидении, скорее всего, будет «забикано»*», «*продолжает беседу как ни в чем не бывало*», «*русская публика – в шоке*» [7], «*сопоставление «чайника» и эксперта*» [8], «*большой разницей в национальных терминотерминологиях*» [9], «*«заикленность» французоз на правильности языка*», «*сообщение «висит» на сайте*» [11], «*закон <...>, направленный на борьбу с пиратством и незаконным скачиванием*», «*она [реакция] затесалась между «равенством» и «братством»*» [13] и мн. др.), а также некоторые устойчивые сочетания, являющиеся экспрессивно-окрашенными («*Вполне вероятно, что наш уважаемый коллега «встретил по одежке» юных москвичек и петербуржек и пал жертвой этого распространенного заблуждения – ведь, как говорится, «свечку не держал»*» [7], «*...когда комментаторы исправляют ошибки других комментаторов (часто при этом нарушая другие правила языка – притча о бревне в глазу в действии)*», «*Также спорили о других выражениях, в том числе о «набивших оскомину»*» [11] и др.), употребление которых малохарактерно для русской традиции, требующей от жанра научной статьи более строгого, серьезного и выдержанного стиля [2, с. 17]. Помимо вышеуказанных лексических особенностей в научных статьях автора-билингва стоит отметить и некоторое количество окказионализмов, многие из которых являются заимствованиями либо кальками из французского языка и приводятся в кавычках («*бикультурал*» [9], «*свобододубийство*», «*свобододубийственный*» [13], «*орфофашист*» [11], «*лингвоперсона*», «*портретируемый*» [12] (в значении «человек, на основе речевых особенностей которого составляется языковой портрет»), а также использование языковых примеров, содержащих грубую и даже обценную лексику французского и русского языков, нередко в тех случаях, когда она не является объектом исследования.

Наиболее вероятным объяснением описанного несоответствия нам видится, во-первых, тот факт, что во французском, родном языке билингва, научно-профессиональный стиль менее четко противопоставлен нейтральному и литературно-художественному стилям, а специальная терминология – нейтральной лексике, следовательно, французская стилевая система характеризуется гораздо большей подвижностью

элементов, чем русская [3, с. 256 – 258]; а во-вторых, то, что грубая и вульгарная лексика является менее табуированной для носителей французского языка, воспринимается менее эмоционально, и, как следствие, имеет гораздо более широкую сферу употребления, чем в русском. В качестве подтверждения данных мыслей приведем цитату самой М. Дебрени из рукописи статьи «Об одной межкультурной коммуникационной ошибке»: «*Дело в том, что во Франции не существует табу на произнесение грубых, неприличных слов в присутствии дам. К тому же <...> во Франции интеллигенция выражается порой существенно более грубо, нежели другие слои населения*» [2, с. 17; 7].

Наиболее релевантной в рамках научного стиля **грамматической** особенностью текстов М. Дебрени справедливо назвать форму самообозначения в них автора, т. е. грамматическое лицо и число глаголов, а также личных и притяжательных местоимений, используемых при выражении авторской точки зрения. Большая часть статей француженки написана в соответствии с русской научной традицией повествования от 1-го лица множественного числа, однако и в этом аспекте стилистики нами были отмечены несколько ярких исключений: в некоторых статьях, как ни парадоксально, автор выражает себя то при помощи форм 1 л. мн. ч. («*заметим, что...*» [9], «*мы, пожалуй, не согласимся*» [10], «*мы отдаем предпочтение индивидуальному речевому портрету*» [12], «*в этом исследовании мы опираемся...*» [13] и др.), то посредством форм 1 л. ед. ч. («*целая группа новых, интереснейших терминов оказываются малопереводимыми на французский и, как я полагаю, на другие европейские языки*», «*я очень четко чувствовала, что без этих знаний нельзя понять, о чем говорят окружающие*» [9], «*это, на мой взгляд, возможно только с английским языком*» [10], «*в моем случае первым языком является французский*» [12], «*мое обращение к концепту LIBERTE имеет глубоко личные мотивы*» [13] и др.). Проанализировав контексты употребления указанных грамматических форм, мы пришли к выводу, что под авторским «мы» в рамках научных статей М. Дебрени подразумеваются такие социальные роли, как *лингвист, исследователь, режиссер – преподаватель иностранного языка*; в свою очередь самообозначение «я» возникает при выражении переводческого мнения, изложении собственных размышлений билингва о русском и французском языках, а также приведении некоторых сугубо личных впечатлений, ассоциаций и фактов биографии. При этом, осознавая чуждость русской научной традиции подобных явлений, в одной из статей автор приводит следующий комментарий: «*...необходимо указать некоторые личные подробности, от первого лица, вопреки принятой русской научной традиции*» [13].

Однако наиболее ярко на фоне остальных научных статей выделяется «Языковая автобиография» [14], полностью написанная от 1 л. ед. ч. и целиком посвященная описанию жизненных фактов билингва, связанных с изучением различных языков. На наш взгляд, само обращение к жанру автобиографии требует от исследователя большой смелости, равно как и свободное использование форм 1 л. ед. ч. Поскольку в соответствии с русской научной традицией автор

должен придерживаться объективности, беспристрастности и некатегоричности, и его образ в русскоязычной научной статье выражается преимущественно имплицитно [1, с. 264], мы также склонны объяснять вышеуказанные факты через особенности французского менталитета в целом и французской научной традиции в частности: особенности франкоязычных статей связаны с особенностями европейского менталитета и культуры, направленных прежде всего на индивидуальность, а не на коллектив, поэтому во франкоязычных научных текстах нередко можно встретить использование автором форм 1 л. ед. ч.; стоит отметить и то, что франкоязычные научные трактаты часто излагались в форме незатейливой беседы, иногда с юмором и примерами из собственного жизненного опыта [16, с. 245, 247].

Как известно, требование ясности мысли и логичности ее выражения обуславливает преобладание в русскоязычных научных статьях повествовательных предложений с прямым порядком слов [15, с. 224 – 225]. Вместе с тем отмеченные нами **синтаксические** особенности научных текстов аналогичного жанра М. Дебрэнн представляют противоположную тенденцию, выражающуюся в использовании предложений с разговорным и обратным порядком слов: «Первый метод **подходит лучше** для существительных» [5], «**Сложно бывает передать «наивность» некоторых дефиниций**» [10], «**Интересует это нас потому, что...**» [13] и др. Помимо особенностей порядка слов, стоит отметить, что в целом синтаксис рассматриваемых научных текстов обнаруживает много сходств с разговорной речью, что в некоторых случаях может проявляться, например, в предпочтении действительных конструкций более уместным страдательным («орфографический чемпионат, в котором **предлагали** сложнейшие диктанты, финал которого **показывали в прямом эфире**» [11]), в использовании бытийных конструкций вместо более уместных в научном стиле посессивных («**Есть** этому правилу и исключения, например...», «Помимо отмеченных категорий, **были также каламбуры**» [5], «**Специфическое значение «щедрый» было только у последнего [слова]**», «У него [бога плодородия] **была и женская ипостась**» [13]). Описанные особенности также могут быть объяснены тем, что, как это уже было указано выше, научно-профессиональный стиль французского языка, в отличие от русского, менее четко противопоставлен другим функциональным стилям, а также обнаруживает большую степень эмоциональности.

Несвойственная русскому научному стилю экспрессивность выражается и в особом **пунктуационном** и **графическом** оформлении, обнаруживаемом в некоторых научных статьях билингва: для текстов М. Дебрэнн характерно не только использование парантетических введений в виде восклицательных знаков, служащих для выражения эмоционального авторского отношения к сказанному («...**понадобилось прочитать всю классическую русскую и советскую литературу, в том числе большое количество романов о второй мировой войне, внимательно слушать лекции по научному коммунизму (!) и конспектировать Ленина и труды съездов КПСС (!!!)**» [9], «**После этого поста последовали еще восемь (!) длинных сообщений на эту тему**» [11]), но и постановка таких малохарак-

терных для научного стиля знаков препинания, как многоточие («**означает либо одно, либо другое в зависимости от контекста, скорее всего это прилагательное означает сразу все вместе...**» [10]), тройного знака вопроса («**не могу вспомнить то или иной слово, и мне кажется, что тот факт, что постоянно говорю на двух языках усиливает это явление (или это – ранний Альцгеймер???)**» [14]). Также в изучаемых статьях нами были отмечены такие графические особенности, как сохранение автором эмотиконов при приведении языковых цитат, служащих примерами для исследования («**Какой ужас! Пост очень плохо написан, редко видел хуже, очень некрасиво > < »**, «**Pas de s a confetti, c'est invariable - _ - »**» [11]), любопытный графический прием создания иронии при помощи заключения форманта женского рода существительного во внутрисловные скобки в целях ситуативного уточнения принадлежности к женскому полу указанной группы лиц («**Профессор объясняет, почему он перестал читать лекции русским студент(к)ам**» (Использование иронии по отношению к женскому полу в данном контексте обусловлено тем, что в статье описываются некоторые французские стереотипы о русских девушках, обучающихся в высших учебных заведениях – прим. автора) [7]), двойное графическое выделение (совмещение знака ударения и полужирного начертания) логического ударения предложения («**Читатели сайта обращают большое внимание на то, как рассказан случай из жизни**» [11]), а также написание некоторых слов заглавными буквами с целью их эмоционального выделения («я говорила с ними [сыновьями] **ТОЛЬКО** по-французски и воссоздала ячейку франкоязычной коммуникации вокруг себя», «я тогда **НИКОГДА** с ними [сыновьями] не говорила на русском» [14]).

Экспрессивность и эмоциональность франкоязычных научных статей нередко проявляется и в **использовании средств художественной выразительности**, также являющихся малохарактерными для русскоязычных текстов аналогичного жанра [16, с. 248]. Исследователи отмечают, что общая тенденция французского языка, заключающаяся в использовании метафор и других способов переноса для расширения номинативных средств языка, «анимизм» в построении предложения захватывают и научно-профессиональную речь [17, с. 22]. Это объясняет наличие в рассматриваемых текстах М. Дебрэнн таких тропов, как метафора («**внешность «куклы Барби» для них не сочетается с интеллектуальностью**» [7], «**ученик неизменно «видит» операцию деления как «раздел» и ожидает, что результат (размер полученной «порции») будет меньше, чем исходная цифра**» [8]), олицетворение («**анализ всего ассоциативного поля данного стимула не выявил явного лидера среди реакций, у многих реакций – средние результаты**» [5], «**Остальные реакции типа гость, гражданин, студент, агент и т. д. идут далеко позади**» [6], «**Французский же, наоборот, вызывает у меня девиантные формы в русском**» [12], «**французская «свобода» занимает почетное двадцать первое место в ядре языкового сознания французов**» [13] и др.), эпитеты («**В целом получился прекрасный материал для изучения «наивных представлений»**», «**модераторы выпустили грозное предупреждение**», «**речевое**

произведение, содержащие отклонения от норм французского языка, недостойно этого *гордого* названия» [11] и др.), перифраза («они считают, что таким девушкам нечего делать в *«храмах науки»*» [7]).

Однако наибольшую роль в создании эмоциональности текста в статьях М. Дебрэнн играет использование **приемов создания комического** – иронии и юмора: «Сложно бывает передать «наивность» некоторых дефиниций <...> так, чтобы *подобные образцы наивной лексикографии не относили к переводческим перлам*» [10], «*Больной темой французской грамматики оказалось, без сюрпризов, согласование причастия прошедшего времени в сложных временах*», «*Не обошлось без спора о существовании существующих только в наивной картине мира пользователей языков вроде «голландского» или «бразильского»*» [11], «мы хотели бы обосновать целесообразность проведения исследования речевого портрета французо-русского билингва – *вашего покорного слуги, как принято говорить в интеллигентных кругах*» [12] и мн. др. По нашим наблюдениям, наибольшее количество примеров использования данных стилистических приемов обнаруживает себя в научных статьях М. Дебрэнн, посвященных наивным представлениям о языке, в то время как в статьях, написанных на другие лингвистические темы, случаи использования иронии и юмора единичны.

II. Наиболее заметную роль в создании стилистики текста, безусловно, играют формальные языковые средства, однако нельзя отрицать и тот факт, что на создание целостного впечатления о произведении письменного жанра влияют и его внутренние, **содержательные аспекты**, наиболее важными из которых в случае научных статей М. Дебрэнн являются некоторые авторские стратегии представления научной информации, а также формы взаимодействия с читателем.

Одной из любопытных стратегий аргументации, уже отчасти упомянутой нами выше в связи с анализом грамматических особенностей исследуемых статей, является малохарактерное для русскоязычных авторов статей **обращение к собственным биографическим фактам** как к средству иллюстрации теоретических тезисов. Например, говоря о сложности освоения иностранцами прецедентных феноменов другой культуры, билингв пишет: «*Автор этих строк по себе знает, что ей потребовались годы целенаправленной работы, чтобы освоить культурный багаж, которым владел средний житель СССР того времени*» [9], описывая далее виды деятельности, способствовавшие приобретению ею знаний о менталитете чужой страны; в другой статье, посвященной сравнению французского концепта LIBERTE с русскими ВОЛЯ и СВОБОДА, с целью представления более полной аргументации того факта, что лексемы, являющиеся смысловыми эквивалентами в двух языках, могут иметь различные шлейфы коннотаций, билингв приводит факты из собственной биографии, а также некоторые личные размышления о языковых различиях: «*Я – француженка, живу вот уже более 35 лет в России, в Сибири, где я стала филологом. С*

первых лет жизни в России я заметила, что одни вещи проще обсуждать на одном языке, другие – на другом, и не потому, что «слов нет», а из-за их коннотаций, из-за разницы в ментальном образе, проявленной этими словами в обоих языках» [13].

Также нами уже был упомянут факт наличия в статьях М. Дебрэнн языковых средств, служащих для создания эмоциональности, однако экспрессивность в текстах билингва в некоторых случаях проявляется и в прямом **выражении отношения автора** к некоторым фактам и явлениям: «*Перевод ассоциаций в ассоциативных экспериментах – неблагоприятное дело, в виду отсутствия широкого контекста и многозначности лексем*» [5], «*Начнем с удивительного – единичного – наблюдения, порадовавшего нас*», «*Можно только позавидовать тому студенту <...>, который сохранил такое воспоминание о своем преподавателе*» [6]. Повторим, что в парадигме научных традиций русского языка подобные проявления субъективности рассматриваются скорее как нежелательное отступление от канона, поскольку они противоречат объективности научного знания [18, с. 116].

Наконец, в завершение описания стилиобразующих особенностей научных статей билингва, стоит также подчеркнуть и факт гораздо **меньшей дистанции автора с читателем**, чем это принято русской научной традицией, общение с ним не в рамках парадигмы «*коллега-коллега*», а скорее «*приятель-приятель*» [2, с. 17], выстраиваемой не только при помощи всех вышеописанных специфических средств, но и, в некоторых случаях, посредством прямого обращения к читателю как к собеседнику с целью оживить в нем воспоминания либо натолкнуть на рефлексии: «*каждый из нас на себе может чувствовать, как с годами менялась его собственная манера говорить, в силу личных причин, а также в результате более глобальных изменений в стране*», «*советские телезрители старшего поколения наверно помнят удивление, которое вызвало появление В. В. Познера на советских экранах*» [12] и др.

Таким образом, мы полагаем, что представленный анализ не только позволил выявить наиболее существенные различия русской и французской традиций написания научных статей, но также сделать вывод о том, что по совокупности своих формальных и содержательных особенностей научные статьи М. Дебрэнн тяготеют к французской традиции, обнаруживая при этом множество противоречий соответствующей русской.

Сама француженка отмечает, что использование вышеуказанных средств и приемов помогает ей достичь желаемого эффекта воздействия на читателя и отражает ее авторский замысел, что свидетельствует о сознательном, неслучайном внедрении данных элементов, широко применяемых франкоязычными авторами научных статей, в тексты данного жанра на русском языке [2, с. 18], представляя тем самым яркий пример сознательного межязыкового переноса на стилистовом уровне.

Литература

1. Архипова Е. И., Казакова О. А. Жанровая специфика научной статьи по лингвистике (на материале русского языка) // Вестник науки Сибири. 2013. № 1(7). С. 263 – 270.
2. Баранова Ю. А. О некоторых моделях, отражающих механизмы и причины сознательного межъязыкового переноса (на примере исследования речи французско-русского билингва) // Вестник Новосибирского государственного университета. (Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация). 2014. Т. 12. Вып. 2. С. 13 – 20.
3. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков: учебник. Изд. стереотип. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 288 с.
4. Галанова О. А. Жанр научной статьи как форма культуры // Медицина и образование в Сибири. 2013. № 6. С. 12.
5. Дебрэнн М. Ассоциативные нормы франкофонии // Язык и культура в условиях интернационализации образования: Международная конференция, посвященная 15-летию ФИЯ НГУ. Новосибирск, 2014. С. 148 – 158.
6. Дебрэнн М. Ассоциативный словарь как выражение наивных представлений о языке // Международная научная конференция «Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика». Кемерово, 2008. С. 62 – 68.
7. Дебрэнн М. Об одной межкультурной коммуникационной ошибке (рукопись неопубликованной статьи).
8. Дебрэнн М. Обзор зарубежных (французских) работ по изучению наивных познаний // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 4. Коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово; Барнаул, 2012. С. 442 – 431.
9. Дебрэнн М. Освоение прецедентных феноменов как способ аккультурации иммигранта // Проблемы языкового образования в полиэтничном сообществе Сибири: материалы II всерос. науч.-метод. конф. (Новосибирск, 28 – 30 сент. 2007 г.) / [редкол.: Н. Н. Курпешко (отв. ред.) и др.]. Новосибирск: Ин-т филологии, 2007. С. 40 – 44.
10. Дебрэнн М. Перевод в рамках сопоставительных исследований (рукопись неопубликованной статьи).
11. Дебрэнн М. Правильный французский язык с точки зрения пользователей интернета // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 4. Коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово; Барнаул, 2012. С. 327 – 337.
12. Дебрэнн М. Речевой портрет билингва – к постановке вопроса // Человек. Язык. Культура: сборник научных трудов, посвященный 60-летию юбилею проф. В. И. Карасика, отв. соред. В. В. Колесов, М. В. Пименова, В. И. Теркулов. Киев; Издательский дом Д. Бураго, 2013. Ч. 2. (Серия: Концептуальный и лингвальный миры). Вып. 2.
13. Дебрэнн М. «Я выбрала свободу» // Бытие в языке: сборник научных трудов к 80-летию В. И. Жельвиса. Ярославль, 2011. С. 21 – 44.
14. Дебрэнн М. Языковая автобиография // Вестник Новосибирского государственного университета. (Серия: Психология). 2014. Т. 8. № 1. С. 55 – 64.
15. Косова В. А. Трансформация жанра научной статьи или выделение жанровых разновидностей? // Ученые записки Казанского государственного университета. (Серия: Гуманитарные науки). 2007. Т. 149. № 1. С. 224 – 234.
16. Лукина О. Р. Особенности стратегий русскоязычных и франкоязычных научных статей // Общественные науки. 2011. № 5. С. 245 – 248.
17. Пиотровский Р. Г. Очерки по грамматической стилистике французского языка. М., 1956. 199 с.
18. Шилихина К. М. Ирония в академическом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. (Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация). 2013. № 1. С. 115 – 118.

Информация об авторе:

Баранова Юлия Андреевна – аспирант факультета иностранных языков Новосибирского государственного университета, yulia_baranova1990@mail.ru.

Yuliya A. Baranova – post-graduate student at the Faculty of Foreign Languages, Novosibirsk State University.

(Научный руководитель: Дебрэнн Мишель – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка Новосибирского государственного университета.

Research advisor: Michèle Debrenne – Doctor of Philology, Professor at the Department of the French Language, Novosibirsk State University).

Статья поступила в редколлегию 08.09.2015 г.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Н. Е. Булаева, Ю. А. Богатова

TO THE ISSUE OF STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF WORDS IN SCIENCE FICTION WORKS IN THE ENGLISH LANGUAGE

N. E. Bulaeva, Yu. A. Bogatova

Настоящая статья посвящена вопросу образования новых слов в научно-фантастических произведениях, рассмотрению выражаемых ими понятий. На материале примеров из произведений А. Кларка и Р. Брэдли изучаются словообразовательные модели, а также типы изменения значений уже существующих в языке слов. В ходе проведенного анализа было установлено, что неологизмы научной фантастики образуются по основным словообразовательным моделям, существующим в языке, из которых деривация, словосложение и сокращение являются преобладающими. В исследовании показано, что новые лексические единицы используются для наименования географических объектов, технических устройств, предметов быта вымышленных миров, создаваемых в подобного рода текстах.

The paper is devoted to the issue of new words formation and consideration of the realias expressed by them. The word-formation patterns and the types of change of meaning of the words already existing in the English language are studied on the basis of the works by A. Clarke and R. Bradbury. The analysis showed that the neologisms of science fiction are made according to the main patterns existing in modern English. Derivation, compounding and shortening are among them. The study shows that neologisms are used to denote geographical objects, technical devices, objects of everyday life of possible worlds created in the named literary works.

Ключевые слова: научно-фантастический текст, неологизм, способы образования новых слов, деривация, словосложение, сокращение, изменение значения слова.

Keywords: science fiction text, neologism, ways of new words formation, derivation, compounding, shortening, change of word meaning.

Термин «science fiction» («научная фантастика») ввел американский писатель-фантаст Хьюго Гернсбек в конце 20-х гг. прошлого столетия, в свою очередь, конечное утверждение научной фантастики как литературного жанра осуществилось в середине прошлого века после Второй мировой войны благодаря открытиям того времени: появление теории относительности Эйнштейна, производство и испытание ядерной бомбы, создание космического корабля и первый полет в космос и т. д. Так научная фантастика принципиально обособляется от общепантеистической традиции, которая сложилась в литературе ранее, «она рисует реальный, хотя и фантастически преображаемый наукой (к худу или к добру), мир, по-новому открывающийся взгляду исследователя» [2, с. 1123]. Можно сказать, что этот жанр основывается на новейших технологиях и научно-технических прогнозах, однако первостепенной задачей авторов становится не описание технического прогресса, а описание героя, его психологического состояния в «чужом» для современного читателя мире.

Рассматриваемый жанр является сегодня одним из самых популярных жанров художественной литературы. Об этом свидетельствуют десятки фильмов, выпускаемых, в основном, американской «фабрикой грез», книги – полторы тысячи названий ежегодно, реклама, компьютерные игры и многое другое. Известно, что в США существуют специальные курсы по научной фантастике, которые читаются во всех высших учебных заведениях и колледжах страны. Постепенно вирус научной фантастики распространя-

ется, завоевывая все новые территории, сознание миллионов людей [3]. И это не случайно, ведь представители научной фантастики смело экспериментируют с новыми образами: здесь фантастическое граничит с реальным, здесь сосуществуют два противоположных полюса. Мир, воспроизводимый на страницах таких произведений, открыт для всевозможных трансформаций в пространстве и времени, а типичные объекты зачастую предстают в новой ипостаси. К примеру, компьютер обладает человеческими способностями, а человек, наоборот, деградирует до состояния примитивного существа.

Вполне закономерно, что научная фантастика является великолепной базой для словотворчества, поскольку для изображения новых образов используются новые слова. Писателям-фантастам приходится создавать новые лексические единицы для названия реалий вымышленного мира, таких как средства перемещения и другие технические устройства и артефакты, элементы быта, животного и растительного мира и многие другие, которые характерны только для научной фантастики. Бытует мнение, что произведения научно-фантастического жанра трудны для восприятия именно из-за наличия последних. Нельзя не признать, что в таких произведениях присутствуют неологизмы, но их не так много, как может показаться на первый взгляд, так как слишком большое количество новых слов сделает язык произведения очень сложным для понимания.

Следует подчеркнуть, что до сих пор важным остается вопрос создания таких лексических единиц.

При рассмотрении вопроса образования новых слов в научной фантастике важно, прежде всего, разграничить такие понятия, как новая форма слова и новые значения, которые приобретают уже существующие в языке слова в научно-фантастическом контексте.

Для обозначения первого понятия в лингвистике существует термин «неологизм». Неологизмы – это

слова, которые являются абсолютно новыми лексическими единицами для каждого исторического периода. Термин «неологизм» применяется к вновь созданному понятию, обозначению предмета, названию отрасли науки, роду занятий и т. д.

П. Стоквелл выделяет 6 способов образования реальных-неологизмов [5] (рис.).

Рис. Способы образования реальных-неологизмов

Прокомментируем каждый из предложенных в классификации П. Стоквелла способов образования новых слов конкретными примерами. В рамках настоящей статьи в качестве иллюстративного материала для анализа методом сплошной выборки были отобраны 70 лексических единиц, служащих для обозначения новых реалий, из произведений американских авторов-фантастов XX в. Р. Брэдли и А. Кларка.

1. Искусственно созданные слова (creation type).

Анализируемый способ относится к словам, придуманным автором «с нуля». Эти лексические единицы чаще всего имеют форму имен собственных. В «Марсианских хрониках» Р. Брэдли "Tuigero!" - название государства на Марсе, а Tyrr - название планеты Марс на языке марсиан:

"This is the planet Tyrr," she said, "if you want to use the proper name" [6, с. 17].

Искусственно созданные слова – самый противоречивый тип неологизмов. Существуют ли истинно новые слова нового мира, или все слова в той или иной степени основаны на базе уже имеющихся слов языка? Если неологизм образован в соответствии с нормами написания и произношения языка, читатели пытаются понять его смысл, используя значения уже известных слов. Если им это удастся, значит, выдуманный неологизм относится совершенно к другому типу, и является результатом деривации или словосложения, или какого-либо другого способа. Примеров истинно новых неологизмов в рассмотренных произведениях очень мало – 2,8 % от общего количества проанализированных в работе примеров. П. Стоквелл отмечает, что попытки имитировать произношение внеземных существ в научной фантастике выглядят как новые слова, но в большинстве случаев такие слова невозможны в английском языке с точки зрения орфографии, например, из-за перехода от звонкого согласного к глухому без промежуточного гласного ("bkg", "td"). Они могут быть произнесены другим существом со своими особенностями артикуляции, но вряд ли человеческое ухо сможет воспринять такие звуки, либо данная последовательность звуков физически невозможна вообще. Согласно исследователю, подобные слова сложно назвать неологизмами [5].

2. Заимствование. Заимствования слов происходят на протяжении всей истории языка. Заимствования могут сохранить свою первоначальную форму и/или произношение, либо быть адаптированы под особенности языка, причем часто до такой степени, что люди не воспринимают их как заимствованные. В научной фантастике заимствования могут произойти из абсолютно «чужих» языковых систем, либо из различных комбинаций существующих земных языков. При этом заимствование может быть одним из 3 типов:

- без изменения произношения;
- слово адаптировано к английскому языку по форме и произношению и остается неизменяемым;
- адаптировано к английскому языку по форме и произношению и может свободно подвергаться морфологическим изменениям в соответствии с нормами языка.

В рассматриваемом материале выявлено 7 лексем, без учета производных, что составляет 10 % от общего количества примеров, представленных для анализа. Так, латинское слово "terra" стало распространенным названием планеты Земля во многих научно-фантастических текстах, так же как и "sol" (солнце, "the sun"), "Luna" ("the Moon", «Луна») для обозначения Луны как спутника Земли, одной из многих лун вселенной. Производные "solar" («солнечный») в таких словосочетаниях, как "solar wind", "solar power", и "lunar" («лунный») – "lunar module", являются адаптированными к языку словами и используются в научных текстах. Однако "Terra" для обозначения Земли все-таки привязано к научно-фантастическим текстам и сохраняет этот оттенок даже в производных сочетаниях типа "terrestrial languages" («земные языки») и "terrestrial broadcasting". "I'm glad right here on terra firma!" – реплика жителя покинутого города в «Марсианских хрониках».

К словам, полностью адаптированным к языку, можно отнести "telepathy" («телепатия», от греч.), и образованные от него "telepath" и "telepathic"; "hypnosis", "teleportation" («телепортация») [6].

3. Деривация: «от лат. derivatio – отведение; образование – процесс создания одних языковых единиц (дериватов) на базе других, принимаемых за исходные, в простейшем случае – путем «расширения»

корня за счет аффиксации или словосложения, в связи с чем деривация приравнивается иногда к словопроектированию или даже словообразованию» [4, с. 129]. В рассматриваемых произведениях новые слова образуются путем аффиксации. Аффиксация – один из самых распространенных способов словообразования в языке, он заключается в образовании новых слов путем присоединения к основе слова словообразовательных аффиксов [1]. При этом аффиксы (префиксы и суффиксы) могут различаться не только по месту в слове, но и по степени самостоятельности. Суффиксы, оформляющие слово как определенную часть речи, теснее связаны с основой, в то время как префиксы, главным образом, изменяют семантику слова и более самостоятельны лексически. В рассматриваемом материале способ аффиксации представлен 15 примерами, что составляет 21,4 % от общего количества отобранных примеров.

Примерами префиксации могут служить лексические единицы “nanochip”, “nanotechnology”, “nanoassembly” (технология производства наночипов и имплантантов). Префиксы имеют большей частью латинское происхождение и отражают общепринятый аналогичный процесс словообразования в естественных науках. При образовании неологизмов могут иметь место и несколько процессов сразу, например, лексическая единица “astrogation” (от *греч.* “aster” – «звезда»), образованная путем усечения от “navigation” и префиксации, обозначает навигацию между звездами, а не по ним.

Путем суффиксации образованы такие слова, как “communicator” (обозначает устройство, а не человека), “blaster”, “disintegrator” (оружие, часто употребляется в *pulp-fiction*), также все названия рас и народов, образованные от названий планет, которые они заселяют, например «Martian» [6]. При словообразовании способом конверсии происходит не только грамматическая, но и семантическая перестройка. Производное слово заимствует семантику производящей основы, прибавляя к ней свою, обусловленную новым частеречным статусом.

4. Словосложение. Одним из самых распространенных способов словообразования в рамках научной фантастики является словосложение – 31 единица (44,2 % от общего числа примеров). Слова могут быть образованы по различным моделям, таким как «существительное + глагол» или «глагол + существительное» (N+V, V+N – warp-drive, hoverchair, thinkwriter), прилагательное + глагол (Adj + V, V + Adj – newspeak, doublethink). Самой же распространенной является модель «существительное + существительное» (N + N, – tapeworm, braincap, brainbox, vidphone, spaceship, spaceguard [7], pocketbook, sandship, phoenix-disk [6]). Отдельного внимания заслуживают создаваемые авторами-фантастами целостные сочетания слов. Такие сочетания естественно рассматривать на другом языковом уровне – синтаксическом, однако каждый из компонентов таких выражений, используемых в научной фантастике, не может существовать отдельно без нарушения смысла обозначаемого ими понятия. Поэтому в рамках рассматриваемого жанра представляется возможным отнести модель прилагательное + существительное (Adj + N) к способу создания новых слов – словосложению. Подобные словосочетания типичны для научной фантастики из-за их описательного смысла и эффективности в создании атмосферы технически развитого мира будущего: “shuttle-craft”, “artificial intelligence”, “black holes”, “force field”, “inner space” [7].

Зачин «Ylla» Р. Брэдбери как раз изобилует такими лексическими единицами, позволяющими читателю воссоздать особенности марсианской культуры, их образ жизни:

“They had a house of crystal pillars on the planet Mars by the edge of an empty sea, and every morning you could see Mrs. K eating the golden fruits that grew from the crystal walls, or cleaning the house with handfuls of magnetic dust which, taking all dirt with it, blew away on the hot wind. Afternoons, when the fossil sea was warm and motionless, and the wine trees stood stiff in the yard, and the little distant Martian bone town was all enclosed, and no one drifted out their doors you could see Mr. K himself in his room, reading from a metal book with raised hieroglyphs over which he brushed his hand as one might play a harp” [6, с. 2].

Читатель оказывается на другой планете, в незнакомом ему мире, в котором, как он может предположить, люди живут в хрустальных домах, едят золотые фрукты и убирают дом при помощи специальной магнитной пыли. В этом же абзаце употребляются реалии “metal book”, “metal insects”, “electric spiders”. Таким образом, можно предположить, что марсиане достигли больших успехов в электронике и т. д. Вышеназванные понятия не существуют в нашем мире и, соответственно, в нашем времени, однако благодаря умелому комбинированию хорошо известных нам слов “book”, “insects”, “spiders” с такими же знакомыми прилагательными “electric”, “metal”, “crystal” автор, в результате, создает совершенно новое сочетание, элементы которого семантически спаяны.

И, наконец, в качестве примера словосложения можно привести имена собственные – названия вирусов у Кларка – the Mandelbrot Maze, the Combinatorial Catastrophe, the Transfinite Trap, the Conway Conundrum, the Turing Torpedo, the Lorentz Labyrinth, the Bodean Bomb, the Shannon Snare, the Cantor Cataclysm и т. д. Многие из них являются научными терминами, заимствованными автором произведения. Другие являются модификацией уже знакомого понятия, которая иллюстрирует, что научные открытия развиваются, так же как и научная фантастика, путем понимания нового с помощью уже известных вещей.

5. Сокращение. Суть этого способа словообразования состоит в отсечении части основы, которая либо совпадает со словом, либо представляет собой словосочетание, объединенное общим смыслом. Как пишет П. Стоквел, аббревиация – наиболее часто встречающийся способ сокращения слов в произведениях научно-фантастического жанра: “fax” (от “facsimile”), “Cryonics” (от “cryogenics”), “cyborg” (от “cybernetic organism”) [5]. Однако в рассмотренном материале зафиксировано только 7,6 % случаев использования сокращений слов. Аббревиатуры в научной фантастике используются с целью создания псевдонаучного

языка, в сочетании с большим количеством заимствований. К этому еще стоит прибавить акронимы, которые предполагают контекст новых технологий, которые достаточно знакомы либо из реального мира, либо из мира произведения: "UFO" (unidentified flying object), HAL (суперкомпьютер в «Космической одиссее» А. Кларка).

Следует подчеркнуть, что все неологизмы, упомянутые выше, образованные путем создания, заимствования, деривации, словосложения и сокращения, могут употребляться в различных грамматических формах, иметь грамматические категории тех частей речи, которыми они представлены.

В зависимости от типа изменения значения слова можно выделить следующие подгруппы, которые в анализируемом материале представлены в незначительном количестве – 14 % от общего числа примеров.

Генерализация – изменение значения, при котором видовое понятие, присущее денотату, развивается в родовое. Например, лексическая единица "bird" (птица) изначально обозначала "nestling" (птенец), а "dog" (собака) – породу [5]. Реалии жанра научной фантастики еще не просуществовали достаточно времени для того, чтобы подвергнуться подобному изменению значения. Тем не менее была зафиксирована лексическая единица "spaceship" (космический корабль), которая у А. Кларка помимо семы «транспорт» приобрела также сему «жилье», т. к. для многих людей космический корабль является именно домом. Конечно, это не означает, что герой произведения проводил всю свою жизнь на корабле, но достаточно для того, чтобы назвать данный объект местом своего проживания [7].

Конкретизация – в противоположность расширению значения, сужение, наоборот, предполагает, что исходное значение выступает как родовое, а измененное – как одно из составляющих его видовых. Лексическая единица "An ID" ("Ident", "identification card") – удостоверение личности с фотографией в виде пластиковой карточки с микросхемой. В «Космической Одиссее 3001» А. Кларка в результате сужения значения означает только аналог паспорта, удостоверение личности человека, содержащее его персональную информацию, тогда как в современном языке рассматриваемое слово может иметь значение – «любое удостоверение с фотографией, будь то паспорт, водительское удостоверение и т. д.» [8].

Реконтекстуализация – глобальный эффект изменения значения слова, который является преобладающим в научной фантастике и, соответственно, может быть проиллюстрирован многочисленными примерами, поскольку научная фантастика описывает альтернативные миры. Реконтекстуализации чаще

всего подвергаются реалии, являющиеся именами собственными (географическими названиями, названиями учреждений, организаций, учебных заведений т. д.). Примером может служить любое название места, созвучное с реальным географическим наименованием, но по описанию не имеющее с ним ничего общего. Так, реалия «Оксфорд» (Oxford) в романе А. Кларка обозначает крупнейший университет планеты Земля, но устроен он не так и находится совсем не там, где в реальном мире, но получил данное название в честь известного университета в Великобритании. Данный пример еще раз подчеркивает, что мир произведений научной фантастики – это «чужой мир». В нем даже знакомые миры «реконтекстуализуются» в различные «возможные» миры. Яркий пример реконтекстуализации обнаруживаются и в сборнике Р. Брэдли «Марсианские хроники»:

«They came to the strange blue lands and put their names upon the lands. Here was Hinkston Creek and Lustig Corners and Black River and Driscoll Forest and Peregrine Mountain and Wilder Town, all the names of people and the things that the people did... And the rockets struck at the names like hammers, breaking away the marble into shale, shattering the crockery milestones that named the old towns, in the rubble of which great pylons were plunged with new names: IRON TOWN, STEEL TOWN, ALUMINUM CITY, ELECTRIC VILLAGE, CORN TOWN, GRAIN VILLA, DETROIT II... all the mechanical names and the metal names from Earth» [6, с. 102].

Как свидетельствует рассматриваемый отрывок, население будущего дает земные названия поселениям, объектам физической географии и т. п., к тому же в тексте они получают графическое выделение.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что новые слова, которые создаются в произведениях научной фантастики для обозначения ранее неизвестных, несуществующих объектов, образуются на основе уже закрепленных в языке словообразовательных моделей. Поскольку научная фантастика описывает возможные фантастические миры, то большая часть новых слов призвана называть объекты быта, технические и научные достижения, географические объекты. Проанализированный корпус примеров и данные количественного анализа позволяют сделать вывод о том, что деривация и словосложение являются наиболее продуктивными при создании неологизмов научной фантастики. Это объясняется тем, что авторы стремятся достичь эффекта достоверности, правдоподобия изображаемого, что возможно в том случае, когда читатель не испытывает сложности в восприятии информации. Неологизмы по своей структуре напоминают уже существующие в языке лексические единицы и кажутся вполне «осознаваемыми» для читателя, а обозначаемые реалии не представляются настолько чуждыми.

Литература

1. Ильина А. Н., Кибасова С. Г. Словообразование в современном английском языке: учебное пособие для студентов экономических специальностей. СПб.: Изд-во СПб ГУЭФ, 2012. 90 с.
2. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПКи Интелвак, 2001. 1632 с.
3. Парнов Е. Зеркала надежд и тревоги // Американская фантастика: в 2-х т. Т. 1 / сост., вступ. ст. Е. Парнова. М.: ТЕРРА, 1997. С. 3 – 23.

4. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. 685 с.
5. Stockwell P. The Poetics of Science Fiction. London: Longman, 2000. 251 p.
6. Bradbury R. The Martian Chronicles. New York: Bantam Books, 1979. 182 p.
7. Clarke A. C. 2010: Odyssey Two. New York: The Ballantine Publishing Group, 1984. 335 p.
8. Clarke A. C. 3001: The Final Odyssey. New York: The Ballantine Publishing Group, 1998. 304 p.

Информация об авторах:

Булаева Наталья Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, natbulaeva27@mail.ru.

Natalya E. Bulaeva – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Translation and Cross-cultural Communication, Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University.

Богатова Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, ybogatova@mail.ru.

Yulia A. Bogatova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Translation and Cross-cultural Communication, Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 17.09.2015 г.

УДК 811.161.1'42

МЕДИЦИНСКАЯ КАРТА АМБУЛАТОРНОГО БОЛЬНОГО: ГРАФИКО-ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПАРАМЕТР

С. Ф. Галкина

OUTPATIENT CARDS: THE GRAPHIC-SPATIAL PARAMETER

S. F. Galkina

В данной работе анализируется графико-пространственный параметр текстов естественной письменной русской речи на материале медицинской карты амбулаторного больного. Описаны графические, параграфемные особенности текстов, используемые креолизованные компоненты. Выделены типы письменно-речевых личностей авторов в соответствии с преимущественно используемыми методами организации, структуризации записей и применяемыми паралингвистическими средствами. Делаются выводы о соотношении институциональных и креолизованных компонентов в текстах медицинских карт амбулаторного больного. Креолизованные компоненты активно используются авторами, несмотря на официальность документа.

The paper analyzes the graphic-spatial parameter of texts of natural Russian writing on the material of Outpatient cards. Graphics, paragraphemic features of texts and the used creolized components are described. The types of authors' writing personalities are determined in accordance with the used methods of organization, structuring records and chosen paralinguistic means. The author draws conclusions about the correlation between institutional and creolized components in the text of outpatient cards. Creolized components are widely used by the authors despite the official character of the documents.

Ключевые слова: естественная письменная речь, графико-пространственный параметр, медицинская карта амбулаторного больного, креолизованный текст, письменно-речевая личность.

Keywords: natural writing, graphic-spatial parameter, outpatient medical card, creolized text, writing personality.

Одна из характерных особенностей современных лингвистических исследований заключается в обращении к текстам, ранее находившимся на периферии научных интересов языковедов, либо вообще за их пределами. Одним из типов таких текстов являются письменно-речевые произведения официально-делового стиля различного жанрового воплощения, часть которых уже подверглась лингвистическому исследованию, в частности, заявления, жалобы [17], книга отзывов и предложений [20] и пр.

С другой стороны, в поле зрения исследователей оказались самые различные сферы профессионально-

го общения, изучаемые с позиций дискурсологии, теории языковой личности, теории речевой коммуникации, лингвопрагматики. Одной из таких сфер является коммуникация медицинской сферы в целом и медицинские тексты как результат этой коммуникации. В настоящее время исследователями активно изучаются различные «продукты» медицинского дискурса, в частности, коммуникативные стратегии [1; 2], дискурсивная компетентность врача в общении с пациентом [9], описаны характеристики медико-педагогического дискурса [3], суггестивные характеристики медицинского дискурса [8], метафора в ме-

дицинском дискурсе [15; 16; 19], представлены работы по медицинскому терминоведению [10]. Изучаются различные «продукты» медицинского дискурса: беседа врача с пациентом [9], собственно медицинская терминосистема и отдельные концепты [16; 19; 4], статьи в научно-популярных медицинских журналах [1] и статьи медицинской тематики в современных глянцево-журналах [12], обыденные медицинские коммуникативные разговорные практики [7]. Вместе с тем, насколько нам известно, отсутствуют к настоящему моменту исследования, объектом которых была бы медицинская документация, в то время как эта институциональная часть медицинского дискурса – неотъемлемая составляющая данной сферы.

Материалом для исследования в данной работе стала такая жанровая разновидность официальной медицинской документации, как медицинская карта амбулаторного больного (далее – МКАБ). Поскольку корпус данных текстов является пока преимущественно рукописным, то мы анализируем его с позиций Барнаульско-Кемеровской научной лингвистической школы естественной письменной русской речи (ЕПРР), основанной проф. Н. Б. Лебедевой (см. работы Н. Б. Лебедевой, Т. В. Алтуховой, Е. Г. Зыряновой, Н. Ю. Плаксиной, Н. И. Тюкаевой, Т. В. Шуматовой и др.). Следует отметить, что в электронном виде также сохраняются важнейшие параметры текстов ЕПРР – спонтанность, отсутствие редактирования (за исключением графических компьютерных редакторов).

В рамках вышеозначенного направления Н. Б. Лебедева все пространство речевой деятельности делит на четыре сферы по параметрам естественная/искусственная и письменная/устная речь. Таким образом, выделяются несколько типов речи: естественная устная речь (разговорная), искусственная письменная речь (профессиональная и подготовленная), искусственная письменная речь (профессионально подготовленный и напечатанный текст), естественная письменная речь, признаками которой являются письменная форма выражения и естественность изложения [14, с. 8 – 14]. Таким образом, тексты МКАБ относятся к естественной письменной речи, находясь на его периферии в аспекте профессиональности исполнения.

Вместе с тем МКАБ, как уже упоминалось выше, является жанром, который регулируется официальными предписаниями и требованиями. Но создание записей в МКАБ происходит в ограниченный временной период в рукописной форме. Кроме того, МКАБ обладает определенными особенностями, которые детерминированы ее положением на пересечении устной и письменной речи. С одной стороны, врач записывает устную речь пациента, с другой, – пользуясь профессиональными умениями и навыками, включает в текст штампы и клише, профессионализмы. Современные исследователи документных текстов отмечают, что «все более актуально решение комплекса проблем, связанных с анализом нестабильных отношений между действующими механизмами порождения текстов, обусловленными природой и свойствами языка, и естественными механизмами создания письменной речи, с одной стороны, и, с дру-

гой стороны, требованиями ограничительно-регулирующего характера...» [13, с. 6].

В данной работе мы рассматриваем записи МКАБ как речемыслительный продукт обыденного профессионального медицинского дискурса, реализованный в письменном тексте. В нашем исследовании [5] было обосновано применение коммуникативно-семиотической модели описания жанров ЕПРР для данного жанра. При анализе текстов по данной модели в центре внимания оказывается такой пациент, как графико-пространственный параметр, то есть то, как организуется пространство записи пишущим [14, с. 54 – 55]. Целью статьи является анализ текстов МКАБ по данному параметру. В ходе работы были выделены различные, в том числе креолизованные компоненты, характерные для данного жанра: экстралингвистические факторы текстопорождения ставят автора в ситуацию свободного использования различных невербальных компонентов, использования знаков, символов, элементов других семиотических систем, причем не всегда в их первоначальном значении. В корпусе текстов присутствует такой яркий признак ЕПРР, как креолизованность. Тексты, обладающие этими признаками, представляют собой «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (речевой) и невербальной, принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык» [18, с. 180 – 181]. Креолизованные компоненты являются неотъемлемой составляющей многих жанров ЕПРР [14].

В современном своем виде МКАБ утверждена приказом и является основным медицинским документом, который заполняют врачи амбулаторно-поликлинических учреждений (учетная форма № 025/у-04 "Медицинская карта амбулаторного больного"). Она относится к первичной медицинской документации, является учетной и отчетной. Одновременно это документ, имеющий юридическую силу; ее ведение регламентировано вышеназванным приказом и приложениями к нему. Следовательно, он представляет собой институциональный жанр.

Вместе с тем исследователи фиксируют: «анализ большого количества медицинских карт амбулаторного больного показал, что до настоящего времени проблема правильного ведения ее не решена» [5, с. 123]. Требования к ее ведению и оформлению допускают различные толкования, использование сокращений, условных обозначений, синонимичные формулировки. Экстралингвистические особенности производства записей в МКАБ (рукописный вариант, дефицит времени и т. п.) приводят к тому, что в данном жанре сочетаются признаки как институционального жанра, так и текстов ЕПРР, персонализированные компоненты.

Приобретение профессионального языкового опыта в ситуации обучения специалиста детерминруется экстралингвистическими факторами, принятыми в медицинском сообществе, в частности, такими как преемственность, передача навыков непосредственно от профессионала студенту или интерну: сами врачи отмечают, что ведут эти записи «так, как научили». Вместе с тем уровень развития и особенности функционирования современной медицинской терминологии позволяет использовать для обозначения од-

них и тех же объектов различные способы экспликации. Мы изучали и сопоставляли в своей работе тексты, созданные разными лингвоперсонами, для того, чтобы выявить вариации, имеющие место быть в записях медицинских карт амбулаторных больных. Безусловно, в данном случае нельзя говорить о тождественных условиях, в которых происходит текстообразование, поскольку в каждом случае врач и пациент находятся «здесь и сейчас», и, соответственно, не происходит повторения ситуации, даже если следующий больной описывает аналогичную симптоматику и его случай потребует применения тех же лекарственных препаратов. Тем не менее представляется, что ситуация записи приема амбулаторного больного является в определенном роде типовой для врача.

Фациенты («факторообразующие компоненты ситуации» [14, с. 54]) коммуникативно-семиотической модели [14] являются взаимообусловленными, поэтому охарактеризуем те из них, которые в наибольшей степени детерминируют особенности графико-пространственного параметра. Логичным представляется начать с субстрата (в терминологии Н. Б. Лебедевой) – то есть материала, на котором создается, а в случае с МКАБ – пишется текст. Субстратом МКАБ являются различные листы. Во-первых, это могут быть подготовленные типографским способом: графы, напечатанные для заполнения таблицы, варианты ответа для подчеркивания или зачеркивания. Во-вторых, субстратом часто являются чистые листы бумаги. В-третьих, может быть использовано «вторичное сырье»: чистые, незаполненные бланки, предназначенные для других документов (направления, талоны пациента, приказы и т. п.), документация других учреждений, если в ней достаточно места (незаполненного пространства) для внесения записей. При этом иногда используется другая пространственная ориентация листа для облегчения читателю разделения первичного и вторичного текста. Отметим, что горизонтальное и вертикальное расположение листов допускается: согласно требованиям к ведению МКАБ, это остается на усмотрение руководства конкретной поликлиники.

Сама запись приема пациента делится на несколько разных по структуре частей: дата, специальность врача, жалобы, объективно (данные осмотра), рекомендации (рекомендовано, лечение), направления (на анализы или к другим специалистам). Некоторые из этих частей дробятся на более мелкие, например, структурный компонент «Объективно» содержит разделы: артериальное давление, данные наружного осмотра и т. д. Эти компоненты представляют собой директивную составляющую структуризации текста. Варьирование внутри этих частей представляет собой проявление письменноречевой личности врача, ведущего прием и осуществляющего запись.

Можно выделить ряд паралингвистических средств, определяющих графико-пространственную организацию записей на странице. Рассмотрим их детально.

По степени структуризации и схематизации записей письменноречевые личности можно разделить на два основных типа: 1) «**вербалисты**», описывающие факты объективной действительности вербально, в

том числе с применением сокращений; 2) «**символисты**», активно использующие различные символы, знаки. Среди «вербалистов» можно выделить тех, кто активно использует сокращения, или стремится избегать их: *Сост удовл, в зеве – гиперемия...* Наиболее часто используются общепринятые профессиональные сокращения и аббревиации, например: *DS: C/d ММД (гиперактивное пов-ие Снижение когнитивных ф-ий, интеллектуальная нед-сть, психологическая), наружная и внутренняя гидроцефалия, субкомпенсированная, с/d периферической цервикальной нед-сти на резидуально-органическом фоне Р-ции...* Расшифруем приведенные сокращения: ММД – минимальная мозговая дисфункция, *DS* – диагноз; *с/d* – синдром; остальные сокращения также относятся к профессиональным и могут быть использованы в научном и/или учебном текстах, вторичных текстах. Приведем некоторые варианты частотных сокращений: *б/о, б/особ* («без особенностей»), *б/и, б/изм* («без изменений»), *б/б, б/бол* (безболезненный), *н* и *N* («норма» и деривационные варианты этого слова), *хр* вместо «хрипов». Следует отметить, что наряду с ними используются и записи без сокращений.

Приведем пример записей «символистов»: +, -, ↑, ↓, *сохр* ↑ *цифры АД*. Эта же информация «вербалистами» иначе, с помощью слов, хотя и с сокращениями, ср: *АД не снижается ниже 160/70; Пов. АД*. Применяются также общепринятые и общеизвестные графические обозначения: + в качестве эквивалента союза «и», – для обозначения отсутствия, ↑, ↓ как замещающие собой «повышение» и «понижение» соответственно, например: *тремор (+) ишемия; ↑ t° до 38,5; ↓ t° вечером*. Используются общепринятые научные символы: *t, t°* и медицинские обозначения: √.

В аспекте использования латиницы и кириллицы можно выделить два типа лингвоперсон:

1) врачи, использующие латинскую графическую систему и латинские термины ограниченно, в минимальном объеме (там, где невозможно или совершенно не принято использовать русский эквивалент, например, *verte*);

2) врачи, использующие их в ситуации равноправного статуса терминов. Границы этого использования как раз и определяются личностными предпочтениями врача и/или приобретенными навыками.

Лингвоперсонные особенности текстов медицинских карт амбулаторного больного показывают, что этот жанр имеет определенную область вариативности, обусловленную синонимией, ментальными и когнитивными особенностями письменной речевой личности, полученными профессиональными навыками. Анализ материала позволяет сделать предварительный вывод о том, что использование латиницы/кириллицы чаще всего связано с соответствующим тематическим полем лексики. Латинская графическая система используется при описании анатомических структур, это обусловлено тем, что анатомии человека студенты изучают на русском и латинском языке, соответственно, в амбулаторной карте врачи пишут: *Arteria basilaris*, так и *артерия*. Врач, фиксируя жалобы, симптоматику и ставя диагноз, выбирает между латинской и кириллической письменной системой (например, дакриоцистит и dacryocystitis). Как

показывает анализ материала, в процессе фиксирования жалоб пациента врачи используют чаще всего стандартные формулировки, имеющие латинские («дыхание везикулярное»), либо русские корни «головные боли». При этом, как правило, даже записывая термины греко-латинского происхождения, медики в наши дни отдают предпочтение кириллической системе. Термины, записанные латиницей, составляют порядка 5 % проанализированных записей. Следует отметить, что переключение с одной системы на другую происходит «автоматически», как например, в следующем диагнозе: «Плоскостопия обеих стоп I-II степени Hallux valgus». Греко-латинские термины, записанные по-латински, как правило, относятся к анатомо-гистологической номенклатуре, например, «Cor et pulm б/о». В данном случае правильнее будет даже говорить не о термине, а об усеченном термином-элементе, так как слово «pulm» написано без требуемого нормами грамматики латинского языка окончания. Используются также сокращения, принятые в анатомических атласах (такие как *A. basilaris*), или общемедицинские термины: *St. localis*. Слова, относящиеся к клинической терминологии, в 99 % случаев транслитерируются и записываются на кириллице, например, «периартрит» или «Ds: врожденная внутренняя гидроцефалия» (выделено нами).

Частотность использования различных креолизованных компонентов подтверждает мысль Н. Б. Лебедевой, которая пишет, что «одной из ярких характеристик ЕПР является такая черта текстов, как креолизованность, под которой понимается совмещение знаков разных семиотических систем: вербальных, паравербальных и иконических знаков, букв, цифр и элементов других символических кодов...» [14, с. 17]. Один из наиболее частотных используемых компонентов – различные знаки, используемые для структуризации такого компонента описания записи приема пациента, как «Рекомендации», например:

Р-ции:

1 – Конс. ортопеда. ФЗТ (ИРТ), психиатра.

2 – Гл. дно.

3 – Фенибут 0,25.

В данном случае используется такое параграфемное средство, как тире в качестве знака, акцентирующего внимание на пунктах рекомендаций, выделяющего их, причем этот символ является дополнительным к нумерации, которая, в свою очередь, не является обязательным компонентом. Наряду с нумерацией и тире в этом же качестве используются такие графические символы, как •, √ и тому подобные.

Активно врачами используются подчеркивания, например: «Вызов». Это графическое средство, позволяет выделить часть текста и/или отдельное слово в гомогенном тексте:

Литература

1. Акаева Э. В. Коммуникативные стратегии профессионального медицинского дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск: ОмГУ, 2007. 20 с.
2. Барсукова М. И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, СГУ, 2007. 24 с.
3. Бейлинсон Л. С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы (на материале коммуникативной практики логопедов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград: ВГПУ, 2009. 38с.

б/л с 28-30; Д/с энтеробиоз; у Девочки падает зрение!

Использование разных по величине букв – частотно используемое параграфемное средство, например, один и тот же компонент записи приема пациента может выглядеть как «РЕКОМЕНДАЦИИ» / «Рекомендации» / «рекомендации». Лингвоперсоны различным образом организуют текст в аспекте использования строчных и прописных букв. Офтальмологи и окулисты используют для обозначения левого и правого глаз как *O.D. O.S.*, так и *o.d. o.s.*; специалисты различных профилей – *n* и *N* для характеристики состояния или показателей как нормальных. Мы считаем, это связано с ментально-когнитивными процессами: одним людям проще дается восприятие целостного, гомогенного текста. Другим – графически выделенного, снабженного таблицами, графиками, то есть гетерогенного. Требования к записям в медицинской карте позволяют структурировать пространство листа на графы, а в массиве текста – использовать строчную или прописную буквы, различные знаки.

Таким образом, учитывая вышеописанные особенности текстов МКАБ можно сделать следующие выводы: поскольку директивные составляющие, институциональные компоненты организации и структурирования записей в документах данного жанра не являются жестко регламентированными, то в качестве организующего и структурирующего начала выступает сама пишущая личность, которая, несмотря на официализированность жанра, активно использует графические и параграфемные средства. Поэтому в данном институциональном жанре активно проявляются креолизованные компоненты, характерные для ЕПРР. Мы предполагаем, что они выполняют следующие функции:

1) аттрактивную (выделительную): письменно-речевая личность с одной стороны структурирует продуцируемый ею текст, с другой стороны, учитывается и фактор адресата, что необходимо для реализации коммуникативной задачи;

2) замещающую: обусловленную, с одной стороны, необходимостью экономии языковых средств, и, с другой стороны, как отмечает проф. Н. Б. Лебедева, чередованием «левополушарных и правополушарных стратегий, которое происходит именно в естественной (нерегламентированной, спонтанной) письменной речи» [14, с. 17].

Анализ институционального рукописного жанра на примере МКАБ показывает, что данное чередование осуществляется не только в спонтанной речи, но и характерно для письменных текстов, в том числе относящихся к периферии ЕПРР по признаку профессиональности – непрофессиональности исполнения.

4. Василенко А. В. Эпонимические термины терминосистемы медицинских клинических терминов // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. С. 22 – 27.
5. Вялов С. С., Черниенко Е. И., Чорбицкая С. А., Васина Т. А., Кузнецов В. И., Паскачев А. В. Общая врачебная практика: реализация работы и схема амбулаторно-поликлинической медицинской карты. Практическое руководство. М.: Изд-во РУДН, 2005. 273 с.
6. Галкина С. Ф. Медицинская карта амбулаторного больного как жанр естественной письменной речи: к постановке проблемы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. Вып. 4(52). Т. 3. С. 110 – 115.
7. Голев Н. Д., Шпильная Н. Н. Обыденная медицинская коммуникация (виды дискурсивных практик) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. Вып. 1(49). С. 128 – 138.
8. Гончаренко Н. В. Суггестивные характеристики медицинского дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: ВГПУ, 2007. 22 с.
9. Жура В. В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград: ВГПУ, 2008. 44 с.
10. Загрекова Е. Н. Истоки и развитие российской медицинской терминологии (на греко-латинской основе): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов: СГМУ, 2008. 24 с.
11. Зубкова О. С. Медицинская метафора и медицинская метафора – термин в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование) // Знание. Понимание. Умение. 2010 № 1. С. 140 – 145.
12. Костяшина Е. А. Современный гляцевый журнал: формирование картины мира на пересечении дискурсов // Картины русского мира: современный медиадискурс. Томск: ИД СК-С, 2011. С. 135 – 156.
13. Кушнерук С. П. Теория современного документного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград: ВГУ, 2008. 44 с.
14. Лебедева Н. Б., Зырянова Е. Г., Плаксина Н. Ю., Тюкаева Н. И. Жанры естественной письменной речи: Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М.: КРАСАНД, 2011. 256 с.
15. Мишланова С. Л. Метафора в медицинском дискурсе. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 160 с.
16. Полякова С. В. Метафорическое моделирование в русском и американском медицинском дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь: ПГНИУ, 2011. 23 с.
17. Сологуб О. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте: монография. Новосибирск, 2008. 332 с.
18. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180 – 181.
19. Уткина Т. И. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь: ПГУ, 2006. 23 с.
20. Шуматова Т. В. Книга отзывов и предложений как явление естественной письменной русской речи: жанровый аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово: АГПА, 2012. 28 с.
21. Юркевич А. С. Ежедневник как жанр естественной письменной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово: КемГУ, 2011. 24 с.

Информация об авторе:

Галкина Светлана Федоровна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Новосибирского государственного медицинского университета, port.artur@mail.ru.

Svetlana F. Galkina – Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Novosibirsk State Medical University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

**ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА:
РОМАН «ВАДИМ». ЭЙДОЛОГИЯ «ИНОГО ЦАРСТВА» В ПОЭТИКЕ**

М. А. Галиева

**FOLK TRADITION IN THE EARLY WORKS OF M. Y. LERMONTOV: NOVEL "VADIM".
EYDOLOGIYA "OTHER KINGDOM" IN THE POETICS**

M. A. Galieva

В статье рассматривается раннее творчество М. Ю. Лермонтова с позиций выявления архетипического смысла. Объектом исследования выступает неоконченный роман «Вадим». Это произведение анализировалось в большом литературном дискурсе, создаваемом русской традицией (параллели с творчеством Пушкина) и европейской (параллели с романом В. Гюго «Собор Парижской Богоматери»), но вопрос о фольклоризме почти не ставился относительно этого романа. Фольклорная традиция главным образом изучалась в поэмах Лермонтова. Фольклоризм прозы, романа «Герой нашего времени» изучался В. А. Смирновым, который поставил вопрос о космизации личности, об эйдологии любви в поэтике Лермонтова, обращаясь к латентным формам фольклоризма. Исходя из такого теоретического посыла, мы рассмотрели и роман «Вадим». Большое внимание уделено архетипическим построениям и ритуальной действительности в тексте.

Прикладной аспект исследования – в возможности использовать результаты в образовательной практике, а именно в учебных предметах, таких как русский фольклор и русская литература XIX века.

The article deals with the early work of M. J. Lermontov position detection archetypal sense. The object of research is the unfinished novel "Vadim". This work was analyzed in great literary discourse produced by the Russian tradition (parallels with the work of Pushkin) and European (parallels with the novel of Victor Hugo "Notre Dame de Paris"), but the issue of folklorism hardly raised regarding this novel. Folk tradition has been studied mainly in the poems of Lermontov. Folklorism prose, the novel "A Hero of Our Time" investigated V. A. Smirnov, who raised the question of cosmization personality eydologii love of Lermontov in poetics, referring to the latent form of folklorism. Based on this theoretical promise, we reviewed the novel "Vadim". Much attention is paid to the construction and archetypal ritual actually in the text.

Applied aspect of research is in the ability to use the results in educational practice, namely in teaching subjects such as Russian folklore and Russian literature of XIX century.

Ключевые слова: метафизика, миф, фольклор, иное царство, М. Ю. Лермонтов.

Keywords: metaphysics, myth, folklore, another kingdom, M. Y. Lermontov.

В литературоведении проблема фольклоризма творчества М. Ю. Лермонтова не является не разработанной, но исследователи главным образом обращаются к лирике и особенно к поэмам. Повести и роман остаются в стороне в контексте этой проблематики. Исключение составляет монография В. А. Смирнова, где анализируется роман «Герой нашего времени» с точки зрения фольклорной традиции и больше мифопоэтики [19]. Что же касается повестей и особенно раннего неоконченного произведения «Вадим», то вопрос о фольклорной традиции в этих вещах объемно не ставился. В литературоведческих работах начала XX в., посвященных народному устно-поэтическому элементу в лирике Лермонтова, лишь косвенно упоминается «Вадим»: в связи с преданием о мертвом женихе и песенным началом в архитектонике произведения. Однако, как нам видится, молодой поэт ко времени написания повести уже осознавал всю важность народной поэзии и сказок, а также тяготел к восточной культуре, изучая персидско-таджикскую поэзию, отразившуюся на раннем творчестве.

О романе М. Ю. Лермонтова «Вадим» в литературоведении написано немало. Во-первых, остается дискуссионным вопрос о датировке произведения (1832 – 1834 гг.). Во-вторых, эта вещь – ранняя, поэтому в ней ученые отмечают присутствие разных

литературных и фольклорных традиций: дана литературная обработка «пугачевского сюжета»; большое включение лирического материала в архитектонику повести. Кроме того, по тонкому замечанию К. Азадовского, изучавшего фольклоризм Лермонтова, в «Вадиме» выразилась, с одной стороны, «первая попытка в русской литературе показать пугачевское движение» [1, с. 234], с другой стороны, сюжетика повести соотносится с одной важной замечкой поэта 1830-х гг. Суть заметки состоит в следующем: «<...> если захочу вдаваться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях.

– Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская – я не слышал сказок народных; – в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности» [12, т. 6, с. 387] (здесь и далее в примерах – разрядка наша).

К этому наброску обращался и Н. Мендельсон, исследующий народные мотивы в поэтике Лермонтова [14, с. 166 – 167], и М. Азадовский, описывающий художественную систему поэта в свете фольклорной традиции. Однако стоит отметить, что исследователи главным образом останавливаются на внешних проявлениях фольклоризма, отмечая песенные традиции в повести, обращаясь к упоминаниям самого поэта о значении фольклорного народного слова [14, с. 166].

Как нам видится, фольклоризм заключен не только в этом, хотя склонность художника слова к архаическому, устно-поэтическому, безусловно, важна для понимания его творческой лаборатории. Часто фольклорная традиция сказывается латентно, через обрядовую реальность в тексте; здесь ставим вопрос не о «стилизациях и заимствованиях», не о прямой ориентации художника слова на фольклор. Но в чем же тогда заключается природа лермонтовского фольклоризма? На этот вопрос мы и попытаемся ответить в данной статье, обращаясь к повести «Вадим».

Исследователи, изучающие фольклорную традицию в творчестве поэта, указывают на особую включенность ее в поэтику в виде «речений», которые состоят из исповеди и песни, причем содержание «песни» не всегда передается» [22, с. 5]. Со страниц лермонтовского «Вадима» часто слышится песня или же передается ощущение героя, слушающего песню. Однако метафизическое, единение двух начал «земли» и «неба», сказывается не только в песне и через песню, хотя к этому мы еще вернемся.

Произведение открывается метафизикой – образа Вадима. Его лицо представляет собой противоречие плоти и Духа: «<...> широкий лоб его был желт как лоб ученого, мрачен как облако, покрывающее солнце в день бури <...> но сила души обнаруживается везде: они боялись его голоса и взгляда; они уважали в нем какой-то величайший порок, а не безграничное несчастье, демона – но не человека <...> в его глазах было столько огня и ума, столько неземного, что они, не смея верить их выражению, уважали в незнакомце чудесного обманщика» [12, т. 6, с. 8]. Все это неземное в Вадиме оказывается разрушительным, однако здесь дана высокая поэтика Духа; этим же знаком отмечена и Ольга: «<...> это лицо было одно из тех, какие мы видим во сне редко, а наяву почти никогда» [12, т. 6, с. 11]. Лермонтов выступает в роли визионера, представляющего не людей вовсе, а их имажинации – фигуры Вадима и Ольги принадлежат вечному, их лица несут в себе не человеческое, а архетипическое больше. Под имажинативным понимаем здесь, вслед за Я. Э. Голосовкером, выход в метафизическое, набор констант, передающихся от одного поколения другому (духообраз) [8, с. 48]. Имажинативное видение – это духовидение, направленное не только «по горизонтали», но и «по вертикали».

Стоит отметить: и Вадим, и Ольга видят мир особым образом – через воспоминания, вернее, припоминания. Припоминает Ольга, когда впервые смотрит в глаза Вадиму: «<...> она посмотрела ему пристально в глаза, как будто припоминая нечто давно, давно прошедшее» [12, т. 6, с. 13]. Она и не знала своего брата до этого момента, но, не смотря на это, угадывает его каким-то другим видением. Кроме того, Ольге дано имажинативное зрение, она видит то, что скрыто за бытовой действительностью: «Ольга часто забывала свое шитье и наблюдала синие странствующие воды и барки с белыми парусами и разноцветными флажками» [12, т. 6, с. 16]; жизнь ее ей представляется со стороны как сон, словно она встречается лицом к лицу с собой прежним: «<...> и все обиды,

все несправедливости, унижения рабства. Одним словом – жизнь ее встала перед ней, как остов из гроба своего; и она почувствовала его упрек...» [12, т. 6, с. 26]; «<...> громкие напевы слились для нее в один звук, нестройный, но решительный, в один звук воспоминания...» [12, т. 6, с. 27]. Вадим также обладает иной оптикой, не бытового порядка: «<...> золотой луч солнца, скользнув мимо соломенной крыши, упал на его коленку, и Вадим, казалось, любовался воздушной пляской пылинок, которые кружились и подымались к солнцу» [12, т. 6, с. 21]. Однако путь Вадима изначально отмечен знаком смерти и разрушения, на это указывают некоторые символы, которые в свете фольклорной ритуальной логики организуют обрядовую действительность: «Вадим с непонятным спокойствием рассматривал речные травы и густой хмель, который яркими, зелеными кудрями висел с глинистого берега. Вдали одетые туманом курганы, может быть могилы татарских наездников, подымались, выходили из полосатой пашни <...>»; «он обернулся в ту сторону, где деревянный мост показывался между кустов и где дорога, желтая, терялась за холмами...» [12, т. 6, с. 35]. Курганы, желтая дорога – это своего рода маркеры, они «сопровождают» путь Вадима. В фольклоре желтый цвет связан с погребальной обрядностью; в «желтых песочках»/желтой дороге проявляется мотив захоронения [3, с. 5]. Именно после такой пейзажной зарисовки мы узнаем страшную для героя весть – о приезде Юрия, чью кровь захочет пролить Вадим.

Исследователи обращают внимание на типологическую схожесть лермонтовского романа и романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери»: «Воздействие романа Гюго ощутимо также в «Вадиме», где безобразный трагический герой характеризуется сходно с Квазимодо у Гюго; параллели обнаруживаются и в описаниях толпы нищих» [13, с. 124] (подробнее о литературных влияниях, сказавшихся в романе, в статье Г. В. Москвина [15, с. 63]). Однако, как нам видится, Вадим Лермонтова представляет собой не просто горбача, тип трагедийного героя – это глубоко национальный образ, генетически возводимый к фольклорному коду. Так, Вадим убивает волка: «Перешагнув через порог, он заметил на стене свою безобразную тень; мучительное чувство... как бешеный он выбежал из дома и пустился в поле; по утрам явился он на дворе, таща за собою огромного волка... блуждая по лесам, он убил этого зверя длинным ножом, который неотлучно хранился у него за пазухой...» [12, т. 6, с. 40]. Этот фрагмент можно понять только через «голову быта». Убийство волка не созвучно реалистическому тону повествования, но оно вписывается в ритуальный контекст. По общеславянским представлениям волк связан с миром предков, убить волка – во многом убить своего двойника, alter ego [9, с. 124 – 125]. Кроме того, у волка выявляется и брачная символика, под женихом можно понимать волка. Вадим любит Ольгу запретной, разрушительной любовью, сила которой выявляется при появлении Юрия. Примечательно то, что этому «фантастическому» фрагменту противопоставлена охота старшего

Палицына, от которого волк уходит: «травля была неудачная; две лисы ушли от борзых и один волк отбился» [12, т. 6, с. 50].

Вадим – трикстер, и это качество проявляется именно в тот момент, когда он видит перед собой своего двойника (Юрия) только с обратным знаком. Нелучайно, Вадим перед убийством волка видит «свою безобразную тень»: он убивает не просто животное, он убивает в себе возможность всякой любви, понимая ее недостижимость. С этого переломного, ритуально маркированного момента разворачивается настоящая культовая культурная драма «трех» (термин А. Н. Веселовского [5, с. 232]).

Если путь Вадима, его действия вписаны в ритуальный, погребально-обрядовый комплекс, хотя все это носит характер разрушения, то путь Ольги несколько иной – однако тоже объясним через ритуальную логику произведения. Обратим внимание на фрагмент, в котором описывается сцена «катания в лодочке» Ольги и Юрия: «<...> их лодка скользила неприметно вдоль по реке, оставляя белый змеистый след за собою между темными волнами; весла, будто крылья черной птицы, махали по обеим сторонам их лодки <...> на западе еще была красная черта, граница дня и ночи» [12, т. 6, с. 47]. Две детали, важные в свете фольклорной традиции – змеистый след и метафора, разложимая на составляющие «лодка» и «птица». Во-первых, архетипическая модель лодки и птицы отсылает нас к паремиологическому материалу, к загадкам о смерти типа: «Сидит уточка на плоту», «Сидит сова на корыте». Здесь реализована метафора смерти через птицу, сидящую на дереве, то есть Мировом Древе (мировое древо представлено лодкой, плотом, корытом):

Сидит утка
На тату-плоту;
Никто отъ нея не уйдетъ:
Ни царь въ Москвѣ,
Ни король въ Литвѣ,
Ни рыба въ морѣ,
Ни звѣрь въ полѣ (норѣ) [11, с. 252].

Такая модель, характерная для загадки, оказывается актуальной и для поэтики Лермонтова, и, если проводить литературные параллели, для поэтики Есенина. В «маленьких поэмах» («Кобыльи корабли»), в «Пугачеве» метафорика связана с данной моделью [7, с. 100 – 103]. Кроме того, Есенин разработал в трактате «Ключи Марии» теорию образа заставочного, корабельного, который отчасти восходит к лермонтовскому «Парусу» и еще к некоторым текстам [6, с. 649 – 650]. Конечно, можно было бы в этом случае обратиться и к более близким источникам: учитывать факт возможного знакомства поэта с П. Киреевским и с его рукописным собранием [1, с. 244]. Но исходя из теоретического посыла о «внутренних» формах фольклоризма в поэтике, типология с творчеством Есенина, его «корабельным» образом показательна: оба поэта уловили и органически усвоили именно эту архетипическую модель.

Во-вторых, на обрядово-погребальный комплекс, на инвертированную реальность указывает не только данная архетипическая модель, но и «змеистый» след, явно отсылающий к женской архетипике. Ольга является фигурой, вокруг которой складывается любовный треугольник, но сюжет не ограничивается только этим. Вадим и Юрий несут в себе два начала – разрушающее и демиургическое, но они не имеют значения без женского начала, которое оказывается во главе «лодки». Здесь уместно привести один фрагмент из романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Фрагмент связан со «странным» желанием Петра Верховенского кататься в «лодочке»: «Мы, знаете, сядем в ладью, веселки кленовые, паруса шелковые, на корме сидит красна девица, свет Лизавета Николаевна... или как там у них, черт, поется в этой песне...» [10, с. 404]. Фольклористы интерпретируют этот сюжет через поэтику космической ладьи, где Кормчим мог стать Ставрогин [19, с. 160], а «ладья» могла бы объединить Верховенского, Лизу и Ставрогина, являясь эзотерическим символом. Лиза в этом случае выступает некой фигурой умолчания, но при этом организующей и управляющей путешествием. На этот фрагмент обращали внимание и в связи с разинским сюжетом, «разинской расписной ладью» [4, с. 220], однако нужно учитывать фольклорную логику – в сюжете такой ладьи важен космический элемент, герой на стенах темницы рисует ладью, которая представляет собой Мировую модель; лодка – способ переправы на «тот свет», способ приобщения к знаниям первопредков.

Итак, ритуальная ситуация «трех в лодке», представленная в поэтике Лермонтова и Достоевского, выходит за рамки обычного любовного конфликта, отсылая к фигурам трикстера и демиурга, системе двойничества (Вадим – Юрий), которая приобретает значение в обрядовом контексте только за счет женского начала. Вспоминая заметку Лермонтова 1830-х гг. о важности народной поэзии, о необходимости учебы у нее, обратим внимание на то, что Ольга и Юрий «катаются» в пограничное время: «<...> на западе еще была красная черта, граница дня и ночи» [12, т. 6, с. 47]. Здесь и актуализируется внутренний сюжет народных песен, лирических песен, в которых знаменательные события, встреча парня и девушки, происходят на заре. Это, по замечанию фольклористов, означает вступить в ойму [21, с. 167], приобщиться к знаниям космическим. Также стоит сказать об особом характере лермонтовского пейзажа, о его космической составляющей, звездной доминанте, что особенно проявится в романе «Герой нашего времени». Фольклористы выделяют в этом романе мотив «небесного ограждения», проявившийся через пейзаж, «лунный пейзаж» [20, с. 7]; человек оказывается в такие моменты обращения к небу, к звездам, к луне – на «пороге». Так и Вадим, осознавая собственное бессилие, смотрит на небо, облака, ощущает себя на границе неба и земли: «Восток белел приметно, и розовый блеск змеей обрисовывал нижние части большого серого облака, который, имея вид коршуна с растянутыми крыльями, держащего змею в когтях своих, покрывал всю восточную часть небосклона;

фантастически отделялись предметы на дальнем небосклоне, и высокие сосны и березы окрестных лесов чернели, как часовые на рубеже земли» [12, т. 6, с. 95]. Подобный пейзаж возникает и в конце романа, когда Вадим уже теряет всякую надежду на любовь Ольги, оставляя место в сердце лишь для мщения: «Вадим сидел на своем прежнем месте, под толстой березой, сложа руки и угрюмо глядя на небо. К нему подошел Орленко <...> Ты видишь это облако, которое как медвежья косматая шуба висит над месяцем?...» [12, т. 6, с. 115].

Это небо являет собой некое знамение герою в его «лиминальный» час. Представление облаков в виде животных генетически возводимо к солнечному мифу о метаморфозах героя [2, с. 167], о его открытости горному миру через перевоплощение, но Вадиму не дано пройти этих метаморфоз, так как изначально он выбрал путь мщения. Однако Ольга выступает неким «катализатором» на инициатическом пути героя, показывая ему из его мщения, ненависти иной выход – именно после встреч с ней горбун встречается со своим alter ego, что символически выражается в убийстве волка, в тех песнях, которые он слышит, различает в шепоте травы и реки, в звездном небе.

Лермонтовым представлена эйдология любви, которую должны постигнуть герои. Мы уже отмечали особенное в поведении Ольги и Вадима, их способность видеть небытовое. К этому волшебному кругу приобщен и Юрий, но опять-таки через Ольгу – его характер особенно раскрывается в разгар бунта, когда Юрий сам не может пойти за Ольгой и полагается на силу и умение старого слуги Федосея: «<...> Я желал бы представить Юрия истинным героем, но что ж мне делать, если он был таков же, как вы и я... против правды слов нет; я уж прежде сказал, что только в глазах Ольги он почерпал неистовый пламень, бурные желания, гордую волю, что вне этого волшебного круга он был человек, как и другой, – просто добрый, умный юноша. Что делать?» [12, т. 6, с. 84]. Именно женское начало важно для молодого Лермонтова, именно оно выступает в роли демиургического.

В сакрально-ритуальном диалоге между героем здесь также важен один жест. Юрий целует косу девушки: «<...> потом взял в руки ее длинную темную косу, упавшую на левое плечо, и прижал ее к губам своим; холод пробежал по его членам, как от прикосновения могучего талисмана» [12, т. 6, с. 43]. Ритуально верно сравнение косы Ольги с талисманом; волосы, коса в фольклоре – сакральны, они отвечают за статус женщины [16, с. 212 – 213] (за любовь в данном случае). Ольга избирает Юрия. Тогда возникает вопрос: для чего же в сюжете нужен Вадим? Лермонтов – поэт, творящий не просто по законам романтизма, его поэтику можно понять через культ звезд, Ма-

тери-сыра земли, халдейских культов, по тонкому замечанию В. В. Розанова [17, с. 294 – 295]. Преклонение перед Ольгой можно уподобить присяге Матери-сыра земле, приобщению к высшему женскому началу. В этой связи уместно привести отрывок еще из одного наброска поэта 1830 г.: «Когда я еще мал был, я любил смотреть на луну, на разнovidные облака, которые в виде рыцарей с шлемами теснились будто вокруг нее; будто рыцари, сопровождающие Армиду в ее замок, полные ревности и беспокойства» [12, т. 6, с. 386]. Духовный рост, детство поэта закончилось раньше, чем у его сверстников [18, с. 81], поэтому с ранних лет Лермонтов обладал склонностью к мифопоэтическому мышлению, являлся носителем имажинативного абсолюта, отразившегося в дальнейшем в его творчестве.

Все герои должны пройти свой инициатический путь. На это указывает, как мы выяснили, змеиная символика, убийство волка Вадимом, архетип лодки. Однако главным образом мифология инициаций проявляется в конце романа, когда герои попадают в странный грот. Юрий, Ольга и старший Палицын оказываются в одной пещере, больше напоминающей нору. Все они пребывают в ней вынужденно, но по законам ритуальной логики это место (с характерным названием «Чортово логовище») представляет «иное царство»: «<...> посередине возвышаются три кургана, образующие правильный треугольник; покрытые дерном и сухими листьями они похожи с первого взгляда на могилы каких-нибудь древних татарских князей или наездников, но, взойдя в середину между них, мнение наблюдателя переменяется при виде отверстий, ведущих под каждый курган, который служит как бы сводом для темной подземной галереи» [12, т. 6, с. 78].

Герои должны осуществить посещение «иного царства» – так происходят метаморфозы с их душой. Мотив посещения «того света» – один из основных для поэтики русской волшебной сказки. Этот мотив связан с добыванием вещей невесты, с узнаванием нужной информации, с приобщением к сакральным знаниям. Конечно, роман не окончен, но в ритуально-сакральном дискурсе он дописан до переломного момента для жизни главных героев, сведенных волею судьбы в одно место, в Чортовом логовище: так выстраивается эйдология «иного царства», позволяющая увидеть внутреннюю суть героев. Уже в этом произведении Лермонтовым задана космическая парадигма, выраженная в женском архетипе, в эйдологии любви и «иного царства», которые существуют в одной парадигме – лермонтовский герой всегда испытывается «на прочность», он должен иницироваться, чтобы получить желаемое, приобщиться к горному.

Литература

1. Азадовский К. Фольклоризм Лермонтова // Литературное наследство. Т. 43 – 44. Проблемы изучения Лермонтова. М.: Изд-во АН СССР, 1941.
2. Афанасьев А. Н. Сказка и миф // Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература. М.: Сов. Россия, 1986.
3. Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Пробная статья "Желтый" // Фольклорная лексикография: сб. науч. тр. Курск: Изд-во КГПУ, 1995. Вып. 4.

4. Бочаров С. Г. Французский эпиграф к «Евгению Онегину» (Онегин и Ставрогин) // Московский пушкинист V. Ежегодный сборник. М.: Наследие, 1995.
5. Веселовский А. Н. Три главы из исторической поэтики // Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.
6. Галиева М. А. Есенин С. А. // М. Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь. М.: Индрик, 2014.
7. Галиева М. А. «Формула космического ограждения» в поэме С. А. Есенина «Пугачев» // Вестник АГУ. 2014. Вып. 3(145).
8. Голосовкер Я. Э. Логика образа в эллинском мифе. Движение мифологического образа // Логика мифа. М.: Наука, 1987.
9. Гура А. В. Волк. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997.
10. Достоевский Ф. М. Бесы // Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М.: Худ. лит., 1957.
11. Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач. СПб.: Типография Н. А. Лебедева, 1876. № 2031.
12. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957.
13. Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981.
14. Мендельсон Н. Народные мотивы в поэзии Лермонтова // Венок Лермонтову. М., 1914.
15. Москвин Г. В. Вадим. М. Ю. Лермонтов // энциклопедический словарь. М.: Индрик, 2014.
16. Неклюдов С. Ю. О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре // Семиотика и художественное творчество. М.: Наука, 1977.
17. Розанов В. В. Из восточных мотивов // Собрание сочинений. Возрождающийся Египет. М.: Республика, 2002.
18. Семченко А. Д., Фролов П. А. «Он выучился думать...» // Мгновения и вечность: к истокам творчества М. Ю. Лермонтова. Саратов; Пенза: Приволж. кн. изд-во, 1982.
19. Смирнов В. А. Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики (архетипы «женского начала» в русской литературе XIX – начала XX века). Иваново: Юнона, 2001.
20. Смирнов В. А. Мотивы «небесного ограждения» в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Содержание и технологии литературного образования в средней школе: проблемы анализа художественного текста. Иваново: ИвГУ, 2004.
21. Смирнов В. А. Парадигма «Солнечного мифа» в поэме М. Цветаевой «Егорюшка» // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: сб. науч. тр. Иваново: ИвГУ, 1999. Вып. 4.
22. Ходанен Л. А. Поэмы М. Ю. Лермонтова. Поэтика и фольклорно-мифологические традиции. Кемерово, 1990.

Информация об авторе:

Галиева Марианна Андреевна – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, marianna.galieva@yandex.ru.

Marianna A. Galieva – graduate student of the history of modern Russian literature and modern literary process, Lomonosov Moscow University.

(Научный руководитель: Ничипоров Илья Борисович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, ruslitxx@philol.msu.ru.

Research advisor: Ilya B. Nichiporov – Doctor, professor of the history of modern Russian literature and contemporary literary process of the Moscow State University by Lomonosov).

Статья поступила в редколлегию 22.06.2015 г.

ПОСТПОЗИТИВНЫЕ НОМИНАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Д. М. Дедковская

POSTPOSITIVE NOMINATIVE CONSTRUCTION IN THE FUNCTIONAL ASPECT

D. M. Dedkovskaya

Статья посвящена вопросу функционирования постпозитивных номинативных конструкций: сегментированных, парцелированных, присоединительных. Эти конструкции актуальны в языке газет последних десятилетий. Цель исследования заключается в анализе подобных построений, выявлении их функций в текстах публикаций современной газеты. В качестве методологической основы взяты элементы функционально-текстового анализа, который позволяет определить роль того или иного синтаксического построения в тексте, поскольку нередко прагматика и функция обуславливают структуру синтаксической конструкции. Структура номинативных конструкций не всегда позволяет однозначно отнести их к тому или иному типу расчлененных конструкций. Подобные построения нередко вызывают трудности при их интерпретации. Функция конструкции обуславливает ее структуру, определяет взаимосвязь с другими компонентами текста. Постпозитивные номинативы, будучи явлениями экспрессивного синтаксиса, обладают определенным коммуникативным потенциалом, являются образованием не только сугубо синтаксического характера, но и текстового. Исследование показало, что анализ данных конструкций должен осуществляться в рамках не только структурного, но и функционального аспекта, с позиции коммуникативного подхода к тексту.

The paper deals with the problem of functioning of postpositive nominatives. These constructions can be segmented, parcelled and connective constructions. The aim of the research is to analyze these constructions, identifying their functions in modern newspaper text. As a methodological basis the elements of functional textual analysis were used. Functional textual analysis allows defining the role of a syntactic construction in the text as pragmatics and function often determine the syntax structure. Such structures are often difficult for interpretation in the language of the press. The function of the construction defines its structure, determines its correlation with other components of the text. Postpositional nominatives have a certain communicative potential, as they are structures of both syntactic and textual nature. The analysis of these constructions is performed on the basis of functional aspect and communicative approach.

Ключевые слова: номинативные конструкции, сегментация, парцелляция, присоединение, функция.

Keywords: nominative structures, segmentation, parcelling, connection constructions, function.

Изолированными номинативами принято называть двучленные конструкции, структурную основу которых составляют слова в именительном падеже, а также именные словосочетания. В зависимости от позиции номинатива относительно основного контекста выделяют препозитивные изолированные номинативы и постпозитивные. Эти синтаксические конструкции очень распространены в художественной и публицистической речи, что связано с их функциональным наполнением и коммуникативным потенциалом в тексте. Функциональный анализ конструкции в тексте, по мнению исследователей (С. Г. Ильенко, Г. А. Золотовой, М. В. Всеволодовой, Н. С. Валгиной), позволяет вскрыть некоторые особенности как структуры целого текста, его фрагментов, так и отдельных языковых единиц [3 – 5; 7 – 10]. Рассмотрение функций изолированных постпозитивных номинативов с позиции их функций в тексте является целью данной статьи.

Постпозитивные изолированные номинативы обладают богатой семантикой и разнообразными функциями. В смысловом плане данные синтаксические построения тесно связаны с предшествующим высказыванием, а в структурном – близки к номинативным предложениям. Говорить о таких постпозитивных конструкциях как о структурах непредложенческого характера возможно, лишь учитывая контекст предыдущего предложения.

Функции постпозитивных изолированных номинативов разнообразны. Отметим наиболее распространенные среди них.

Постпозитивные номинативы могут выполнять *определятельную функцию*. Как отмечает Г. Н. Акимов, по форме изолированные номинативы с определятельной функцией совпадают с номинативными предложениями, а функционально – близки к несогласованным определениям [1]. Основное назначение их в газетном тексте – описать героя публикации. Значение таких построений имеет идентифицирующие черты, которые видит в личности описываемого человека (внешние, физические, психические и социальные характеристики), и передает их в тексте с помощью номинативных сегментов. Например: *Мы встретились в кафе на одной из зеленых улочек уютного подмосковного городка. Черные джинсы, футболка, рюкзачок. Ничем, кроме высокого роста, не выделяется из толпы своих сверстников (Рос. газета, 2003. № 32). В одном из ящиков копалась женщина специфического вида: такие все чаще встречаются нам на пути. Обветшалая одежда, испитое лицо, под глазом красноречивый синяк, в руках палка для поиска нужной вещи (АиФ в Вост. Сибири, 2003. № 7).* Благодаря такого рода конструкциям читатель быстро может представить себе героя публикации, что облегчает дальнейшее восприятие текста.

Лексический центр данного функционального типа постпозитивных номинативов в основном составляет конкретная лексика семантического поля «человек». Это обусловлено тем, что в центре высказывания – человек как психическая и физическая личность. Постпозитивные номинативы с определятель-

ной функцией лаконичны и вместе с тем семантически насыщены.

Говоря о жанровой принадлежности номинативных двучленных конструкций с определительной семантикой, следует отметить, что чаще они встречаются в информационных жанрах (репортажах, заметках) и художественно-публицистических (например, портретном очерке) (классификация жанров А. А. Тертычного) [12]. Распространены подобные постпозитивные номинативы и в интервью, и не только в самом его тексте, но и в особенности, в его предтексте, коммуникативной задачей которого является введение адресата в ситуацию интервью, знакомство с героем публикации. Такие конструкции, как уже было отмечено, очень емко и лаконично передают представление о каком-либо лице.

Для постпозитивных номинативов характерна и *оценочная функция*. Такие конструкции выражают оценку какого-либо явления, ситуации или лица, описанных в предшествующем контексте. Например: *Они встретились и полюбили. Поженились, и у них родился ребенок. Обычная история* (АиФ, 2006. № 12).

К постпозитивным номинативам с определительным значением в некоторой степени близки постпозитивные номинативы с *эмотивной функцией*. Н. С. Валгина отметила: «номинативы в постпозиции по функции могут называть и тему, то есть конкретизировать подлежащее» [3, с. 193 – 205]. А могут утрачивать это назначение, и на первый план выступает экспрессивная, эмоциональная сторона конструкции: номинативы служат для обозначения цепочки впечатлений, чувств. – *Было очень тяжелое чувство, – признался после поездки в Тальцинский район Сокуров. – Снег, туман, воды Ангары. Это плохой знак, что первое мое свидание с родными местами прошло в такую мрачную погоду* (Рос. газета, 2004. № 8). Номинативы в представленном контексте имеют двоякую функцию. С одной стороны, они являются постпозитивными, поскольку по смыслу тесно связаны с предыдущим высказыванием, помогают передать эмоциональный настрой автора высказывания, раскрывают, почему говорящий в данной ситуации испытывает тяжелое чувство. Постпозитивные номинативы описывают эмоцию, названную в предыдущем предложении. С другой стороны, компонент *Снег, туман, воды Ангары* логически соотносится и с последующим высказыванием *мрачную погоду*, конкретизирует его. Функция этой конструкции близка к именительному темы: с помощью номинативов говорящий актуализирует в сознании адресата конкретные образы, которые обозначают тему высказывания, обозначенную словосочетанием *мрачную погоду*. Рассматривать номинативы как структуру предложенческого характера также нет достаточных оснований, поскольку они не обладают достаточной смысловой самостоятельностью. Таким образом, в функциональном плане номинативы в данном текстовом фрагменте представляют собой синкретичное образование не только синтаксического, но и текстового характера, что обусловлено тесной смысловой связью между номинативами, их последующим и предшествующим контекстами.

Как показывают наши наблюдения, постпозитивные изолированные номинативы с оценочной функцией распространены в текстах интервью, поскольку диалогическая речь часто отличается экспрессивностью, эмоциональностью, полемичностью и стремле-

нием говорящих дать субъективную оценку ситуации, явлению, предмету или лицу.

Иногда подобные структуры могут сочетать оценочную, определительную и эмотивную функцию. Как правило, можно говорить лишь о преобладании какого-либо функционального оттенка, что свидетельствует об экспрессивных возможностях, заложенных в таких построениях.

Среди постпозитивных номинативов можно выделить конструкции, структуру которых нельзя определить однозначно. Можно сказать, что это построения переходного характера. Переходность среди номинативных постпозитивных построений связана с тяготением последних к самостоятельности и со сложностью разграничения их с другими экспрессивными синтаксическими конструкциями. Исследователи отмечают, что трудно разделить сегментацию, парцелляцию и присоединение. Это происходит вследствие размытости границ между данными явлениями и обусловлено их сходными коммуникативными задачами и экспрессивными возможностями. По мнению В. В. Бабайцевой, «наиболее общее различие между парцелляцией и присоединением сводится к следующему: при парцелляции происходит *отчленение* фрагмента от базового предложения, а при присоединении – добавление, присоединение фрагмента к базовой части» [2, с. 555]. Сложность иногда вызывает разграничение парцелляции и постпозитивного сегментированного номинатива. Г. Н. Акимова отмечала, что различные формы расчленения текста, такие как парцелляция, вопросительные конструкции в монологе и др., «имеют много общего в своей основе с явлением сегментации» [1, с. 115].

Действительно, многие конструкции в газетном тексте допускают двоякое толкование. Например: *Ей ответили: «Максим восстановится. Но на это нужны годы». И деньги.* (АиФ, 2005. № 44). Как трактовать отчлененный компонент? В пользу парцелляции говорит легкость воссоединения его с базовым компонентом (нужны годы и деньги). Признаками присоединения можно считать характер информации, которая выглядит как добавление к уже сформулированному высказыванию. При этом базовый компонент представлен предложением с прямой речью, а отчлененная часть в нее не входит: это высказывание автора публикации. В любом случае, компонент *и деньги* является наиболее значимым в смысловой структуре высказывания, что характерно и для парцелляции, и для присоединения. В данном примере актуальное членение подкрепляется абзачным, что еще больше выделяет вторую часть расчлененной структуры из целого высказывания. Некоторые исследователи характеризуют сегментацию и парцелляцию с абзаца как новое явление в русском синтаксисе [13].

Приведем еще пример. *Уже давно на остров потянулись новые паломники, как будто и не было десятилетий забвения. И любопытствующие пассажиры теплоходов, и священнослужители окрестных обителей, и друзья, и очарованные странники, и спонсоры, и бескорыстные труженики* (АиФ, 2004. № 6).

На первый взгляд, номинативы в данном контексте структурно схожи с парцеллированными однородными членами при обобщающем слове *паломники*. Ср.: *Уже давно на остров потянулись новые паломники, как будто и не было десятилетий забвения; и*

любопытствующие пассажиры теплоходов, и священнослужители окрестных обителей, и друзья, и очарованные странники, и спонсоры, и бескорыстные труженики. Однако в отличие от парцеллятов, которые могут быть структурно необязательными и выполняют выделительно-акцентирующую функцию, номинативы в данном контексте в коммуникативном плане необходимы. Говорящему необходимо рассказать, о каких паломниках идет речь, поскольку номинативы уточняют все словосочетание *новые паломники*. В тексте рассказывается об острове, на котором стоит древний монастырь, поэтому речь идет не только о паломниках в привычном понимании этого слова, но и о просто интересующихся, любопытствующих посетителях, стремящихся побывать на священном месте. Это паломники «другого свойства», люди других социальных групп, интересов и стремлений. Понять это невозможно без последующих номинативов. Функциональная и коммуникативная обязательность номинативов дает больше оснований отнести их к постпозитивным номинативам, а не к парцеллятам.

Связь номинатива и предыдущего контекста как один из критериев классификации синтаксической конструкции не может быть безусловным, потому что все предложения в тексте так или иначе связаны. Когезия – один из параметров, присущих тексту [10]. И. Р. Гальперин считает, что связность в газетных текстах осуществляется с помощью особенных средств. Газетные сообщения «определены прагматической установкой этого типа коммуникации, а именно уложить возможно больше информации в возможно меньшее количество строк. Такая лапидарность текста приводит к необходимости избегать всяких формально-грамматических средств связи» [6, с. 74]. Отсутствие явно выраженных формально-грамматических связей приводит к усилению смысловых, коммуникативных. Именно поэтому не структурный, а функционально-коммуникативный критерий разграничения сегментированных номинативов является, на наш взгляд, основополагающим. Необходимо определить, насколько постпозитивные номинативы обязательны в коммуникативном плане, что определяет, в свою очередь, и структурные особенности конструкции.

Иногда постпозитивные номинативы демонстрируют стремление к самостоятельным предложениям, имеют при себе определения, выраженные причастными оборотами, и даже придаточные предложения.

Они – это те, кто приходил на этот клочок земли до них. Так они и стоял за их плечами – справа и слева. И князь Глеб Василькович, терпевший бедствие со своими судами на Кубенском озере в году 1260-м и давший обет, что поставит храм Божий на том месте, где обретет твердь земную. И двадцать три инока, искавших Бога в землянках на острове, которым князь построил обетованный каменный монастырь. И святой Иосаф, семнадцатилетний князь, ушедший в монахи и поразивший братию своим ангельским нравом. И шестьдесят три настоятеля, служившие на острове с тринадцатого века по век двадцатый. И несовершеннолетние преступники, посланные в бывший монастырь советской властью и учинившие последний из несчетных пожаров, пожравший все деревянные постройки. И милиционер Диванов, в двадцать пятом году уничтоживший двумя взрывами Спасо-Преображенский монастырь. И

смотритель маяка, устроенного в шестидесятых в уцелевшей колокольне, который в туман бил в скороду, чтобы лодки и теплоходики не постигла та же участь, что и княжеский флот. И семь веков теней. семь веков костей под ногами (АиФ, 2004. № 6).

В представленном примере именные конструкции структурно тяготеют к самостоятельным синтаксическим единицам, но в смысловом отношении тесно связаны с предшествующим контекстом: можно сказать, что номинативы распространяют местоимение *они*. В таком случае их структура сходна с парцеллированными однородными членами при обобщающем слове.

Безусловно, происходит остановка внимания на каждом компоненте высказывания, выраженного номинативом. Последние номинативы в данном текстовом фрагменте являются своеобразной логико-смысловой точкой, к которой стремится все высказывание. Все перечисленные лица и события составляют историю острова, его *семь веков теней и семь веков костей под ногами*.

Н. С. Валгина считает, что двучленность сегментированных построений «определяется структурной заданностью» [3, с. 204]. Парцелляты в структурном отношении не обязательны, «их роль не структурная, а выделительно-акцентирующая». Парцеллированные номинативы обязательны в коммуникативно-смысловом аспекте, в структурном плане они могут быть опущены.

Номинативы в данном фрагменте текста имеют выделительно-акцентирующую функцию, что сближает их с парцеллированными конструкциями, однако номинативы необходимы и в структурном плане. Первые два предложения этого фрагмента текста без последующего пояснения будут коммуникативно недостаточными, неясными. *Они – это те, кто приходил на этот клочок земли до них. Так они и стоял за их плечами – справа и слева.*

Возможно, это связано еще и с тем, что номинативы поясняют местоимение – слово, обладающее анафорической функцией. Как правило, местоимения содержат отсылку к предшествующему тексту. В данном тексте мы наблюдаем обратную взаимосвязь, что способствует структурной обязательности постпозитивных номинативов и построению двучленной конструкции.

Приведем еще пример. *Чего только эта долгая зима нам не подкидывала! И аномально теплый декабрь. И январь, когда количество осадков втрое превысило норму. И ураганные ветра, которые чуть не снесли Европу вместе с нашим Санкт-Петербургом. И цунами в Индийском океане, стоившее тысяч жизней жителей и гостей ранее благословенных в климатическом отношении Шри-Ланки, Мальдив и Таиланда. И дичайшие снегопады начала года, когда парализованными оказались транспортные магистрали половины России. И чрезвычайно снежный март. И неожиданные потепления в середине зимы в Сибири, когда там чуть ли не почки проклюнулись. Теперь вот ожидаем опасных паводков на юге России... (АиФ, 2005. № 13).*

Как трактовать подобные построения? Можно предположить, что отчлененные фрагменты являются парцеллированными дополнениями, которые в таком случае должны бы быть в форме винительного падежа, ср.: *зима подкидывала и аномально теплый декабрь, и январь, и ураганные ветра...* Формы именительного и винительного падежа в этом случае омо-

нимичны. Следовательно, структура этих конструкций сходна с парцеллятами. Однако совершенно очевидно, что и в этих двух фрагментах текста номинативы не являются парцеллированными в классическом смысле этого слова. Эти изолированные постпозитивные номинативы близки к самостоятельным номинативным предложениям, так как многие из них имеют при себе придаточные предложения и распространенные причастные обороты. Такого рода построения характеризуются уже отмеченным нами стремлением к самостоятельности. Однако тесная смысловая связь с предшествующим контекстом не дает оснований отнести их к независимым построениям.

Необходимо отметить, что смысловая неполнота характерна не только для номинативов, но и для первых частей двучленной конструкции: *Они – это те, кто приходил на этот клочок земли до них. Так они и стоят за их плечами – справа и слева. Чего только эта долгая зима нам не подкидывала!* Эти предложения из двух представленных выше контекстов, несмотря на их структурную самостоятельность, требуют обязательно в коммуникативном плане уточнения, которое и в первом фрагменте текста, и во втором выражено изолированными номинативами. Повторяющийся союз *и* является средством связи в тексте, кроме того он обладает в этих текстах особым стилистическим оттенком, который придает высказыванию возвышенный, торжественный эмоциональный тон, подчеркивает связь между перечисленными событиями, лицами и усиливает акценты на каждом номинативе.

Сегментированные, парцеллированные и присоединительные номинативы как экспрессивные синтаксические конструкции употребляются говорящим для того, чтобы обратить внимание адресата на определенный фрагмент высказывания или текста. Их распространенность в языке газеты связана с формированием актуализирующего типа прозы, который основывается на расчлененных конструкциях. «Ведущая тенденция современного синтаксиса – стремление к более расчлененному тексту. Этим объясняются различные нарушения синтагматической цепочки и создается новый вид прозы – актуализирующая проза» [1, с. 148]. Влияние такого типа прозы, характерного для художественной речи, способствует распространению расчлененных конструкций в текстах газет.

Текстовые фрагменты, представленные в статье, свидетельствуют о сложном характере экспрессивных синтаксических конструкций. Возможно, на трудность анализа и интерпретации данных фрагментов текста влияет структура двучленных конструкций: в большинстве из них в постпозиции не одиночный номинатив, а целые цепочки номинативов. Однако такая структура обусловлена скорее прагматикой и функцией конструкции. Именно функциональный и коммуникативно-прагматический критерии (а не структурный!) должны быть в основе анализа, когда речь идет о конструкциях такого типа. Подобные построения представляют собой пример переходных конструкций, синкретичный характер которых обусловлен текстом, коммуникативным намерением его автора.

Литература

1. Акимов Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1990. 168 с.
2. Бабайцева В. В. Явление переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
3. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2001. 304 с.
4. Валгина Н. С. Теория текста: учебное пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.
5. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: учебник. М.: Изд-во Москов. ун-та, 2000. 502 с.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1982. 162 с.
7. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2009. 352 с.
8. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: КомКнига, 2010. 368 с.
9. Ильенко С. Г. Текстовая реализация и текстообразующая функция синтаксических единиц // Русистика. Избранные труды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 359 – 376.
10. Кузнецова Н. В., Трофимова О. В. Публицистический текст. Лингвистический анализ: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 183 с.
11. Маклакова Т. Б. Позиционная детерминированность экспрессивного синтаксиса в структурной организации текста: прагматический аспект // Вестник ИГЛУ. 2014. № 2. С. 299 – 304.
12. Тертычный А. А. Жанры периодической печати: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. 321 с.
13. Харитоновна Е. В. Динамика структуры синтаксиса современного русского языка: тенденция к экономичности и к дистинктности: автореф. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 26 с.

Информация об авторах:

Дедковская Дарья Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Иркутского национального исследовательского технического университета, darya_dedkovskaya@mail.ru.

Darya M. Dedkovskaya – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of the Russian Language and Cross-Cultural Communication; Irkutsk National Research Technical University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

МЕТАКОНЦЕПТЫ «СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ» И «ИНТЕРНЕТ-МИНИАТЮРА» КАК ОСНОВАНИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ЖАНРОВ

А. А. Долганина

THE METACONCEPTS OF "POEM IN PROSE" AND "INTERNET-MINIATURE" AS THE BASIS OF GENRES COMPARISON

A. A. Dolganina

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-34-01014).

В статье в русле когнитивного направления теории речевых жанров моделируются метаконцепты «стихотворение в прозе» и «интернет-миниатюра». Предполагается, что между двумя указанными малыми прозаическими эмоционально-лирическими жанрами существует определенная близость. Для подтверждения данного предположения проводится анализ метажанровых представлений носителей языка. Цель работы – моделирование и сопоставление метаконцепта жанров «стихотворение в прозе» и «интернет-миниатюра». Материалом для изучения послужили высказывания, полученные в ходе психолингвистического эксперимента и направленного опроса авторов. Рассматриваются 376 ассоциативных реакций 75 информантов на стимул «стихотворение в прозе» и результаты опроса 102 информантов, в ответах которых выделено 1968 единиц метаязыковых высказываний об интернет-миниатюрах. Метаязыковой подход позволяет выделить признаки, в большей и в меньшей степени закрепленные в сознании носителей языка. Построение моделей дает основание для сопоставления двух жанров, принадлежащих к разным коммуникативным сферам и обладающих различной социо-культурной значимостью, и доказывает тезис об определенной близости их когнитивной структуры.

The theory of speech genres developed in the cognitive aspect. The models of the genre are studied in metalinguistic awareness. The paper focuses on the models of the concepts of "poem in prose" and "Internet-miniature". In order to test the hypothesis that there is a similarity between the two small prosaic emotional and lyrical genres, a comparative analysis of representations in metalinguistic awareness was carried out. The material for the study was the statements obtained in the course of psycholinguistic experiments and directed surveys of the authors. The author considers 376 associative reactions to the stimulus "poem in prose" and 1968 linguistic units comprising metalinguistic statements about Internet-miniatures. Metalinguistic approach helps identify the signs fixed in to metalinguistic awareness in a bigger or smaller degree. The models provide a basis for comparison of the two genres, despite different communicative spheres and socio-cultural importance. The comparative analysis proves the thesis of a close proximity of their cognitive structures.

Ключевые слова: модель речевого жанра, метаязыковое сознание, метаконцепт, интернет-миниатюра, стихотворение в прозе.

Keywords: model of speech genre, metalinguistic awareness, metaconcept, Internet-miniature, a poem in prose.

Вводные положения и замечания

В последнее время теория речевых жанров становится все более востребованной отраслью лингвистического изучения, в которой прочную нишу занимает когнитивный аспект изучения жанра. Жанр, наряду с такими способами категоризации, как концепт и фрейм, является «формой познания и концептуализации действительности» [10, с. 75]. Когнитивная теория развивает подход к жанру как к определенному модусу восприятия или способа построения значимых миров. Стивен Бэкс подчеркивает, что «жанры – ментальные образования, родственные схемам» [9, с. 37], образованным как кластеры ментальных концептов [9, с. 40]. У него читаем: «Жанр, или, скорее, наше представление о жанре базируется на понимании, подобно таким ментальным структурам, как схема или сценарий. Такой взгляд на жанр видит в нем не группировку текста наподобие библиотеки, но ментальный конструкт, которым мы пользуемся, когда создаем и интерпретируем тексты» [9, с. 45].

Языковое сознание концептуализирует разнообразные языковые (речевые) явления, в том числе и речевой жанр. Как отмечает Г. Г. Слышкин, результатом концептуализации любого языкового явления становится его метаконцепт – вид концепта, осмысляющего языковые явления [7, с. 34 – 50]. Он определяет мета-

концепт как «результат вторичной концептуализации, объектом которой становятся продукты предшествующего концептуального опыта человечества, оформленные как семиотические образования (такие как язык, текст, жанр, стиль, перевод, дискурс, грамматика и др.). В метаконцептах реализуется рефлексия носителя языка по поводу знаковой деятельности, объектом или субъектом которой он является» [6, с. 98]. Структуру метаконцепта как сложного образования вслед за Г. Г. Слышкиным описывает С. И. Меньшикова: 1) понятийный элемент – правила; 2) эмоциональный, или образный элемент, – ассоциации; 3) ценностный элемент – отношение, которое показывает степень важности семиотического образования для носителя языка [3, с. 62], в нашем случае семиотическим образованием выступает жанр.

Предмет исследования – два малых прозаических жанра – стихотворение в прозе и интернет-миниатюра. В классической литературе образцом малых жанровых форм является жанр «стихотворение в прозе». Как доказывает Ю. Б. Орлицкий, для русского культурно-языкового сознания является структурно-жанровая модель «стихотворения в прозе» является особо значимой [4, с. 56]. «Стихотворение в прозе – лирическое произведение в прозаической форме; обладает такими признаками лирического стихотворения, как неболь-

шой объём, повышенная эмоциональность, обычно бессюжетная композиция, общая установка на выражение субъективного впечатления или переживания, но не такими средствами, как метр, ритм, рифма» [2, с. 425]. Однако, как отмечают исследователи, «широкого распространения жанр не получил» [2, с. 425].

Массовая коммуникация в Интернете порождает на основе традиционных жанров новые жанровые формы. Интернет-миниатюра – один из новых и популярных жанров художественной сферы виртуальной, форма речевого творчества в русскоязычном Интернете, отличающаяся установкой на субъективное и эмоциональное самовыражение непрофессионального автора и соответствующим лирическим моделированием им фрагмента индивидуальной картины мира [5, с. 3]. Интернет-миниатюру можно рассматривать как жанр, относящийся к жанрам малой прозы сетевой любительской литературы. Благодаря малому объёму данный жанр получил коммуникативное преимущество в виртуальном пространстве.

На первый взгляд, сопоставление классического жанра литературы и одного из жанров сетевого творчества молодежи может показаться «сопряжением далековатых идей» [8, с. 236], поскольку эти жанры функционируют в разных сферах коммуникации (элитарная литературная коммуникация и массовая интернет-коммуникация) и разных социальных, исторических, культурных условиях. Однако стихотворение в прозе и интернет-миниатюра в исследовании, вслед за М. М. Бахтиным, рассматриваются как речевые жанры («к речевым жанрам мы должны отнести и короткие реплики бытового диалога <...> и бытовой рассказ, и письмо <...> и все литературные жанры (от поговорки до многотомного романа)» [1, с. 250]). Под речевым жанром понимается особая модель высказывания, формирующаяся комплексом жанрообразующих признаков (коммуникативная цель, образ автора и адресата, фактор прошлого и будущего, диктуемое содержание, формальная организация). Поэтому сравнение данных жанров правомерно только при условии наличия общего основания, которое, предположительно, обнаруживается в когнитивной природе жанра. Таким образом, объект исследования – метаконцепты указанных жанров, а цель – моделирование и сопоставление метаконцепта жанров «стихотворение в прозе» и «интернет-миниатюра» по данным метаязыкового сознания.

Методика исследования. Поскольку модель высказывания имеется в сознании говорящего, она может быть эксплицирована через активизацию метажанрового сознания в ходе эксперимента или опроса. Для определения наличия или отсутствия соотношения между стихотворением в прозе и интернет-миниатюрой решается задача, связанная с раскрытием когнитивной стороны жанра посредством сопоставления представлений носителей языка о жанрах «стихотворений в прозе» и «интернет-миниатюра».

Рассмотрим ассоциативные реакции на стимул «стихотворение в прозе», положенные в основу составления его метаконцепта. В ассоциативном эксперименте принимали участие 75 информантов в возрасте от 16 до 28 лет, преимущественно имеющие филологическое образование, а также группа школьников, послужившая контрольной группой. Следует сразу отметить, что

различия между ответами групп информантов не выявлены. Им предлагалось написать первые свободных 5 ассоциаций на стимул «стихотворение в прозе».

Результаты. Метаконцепт «стихотворение в прозе». Получены следующие устойчиво повторяющиеся ассоциации: *Тургенев* – 19, *безрифменность (без рифмы)* – 18, *текст* – 10, *белый стих* – 8, *литература* – 8, *школа* – 7, *Пушкин* – 6, *рассказ* – 6, *любовь* – 6, *лирика* – 6, *книга* – 6, «*Русский язык*» – 5.

Таким образом, «стихотворение в прозе» в сознании информантов соотносится, прежде всего, с автором жанра. Эксперимент показывает, что информанты осознают авторскую природу этого жанра. Наблюдается соотнесенность с близкими жанрами – *белый стих* и *рассказ* – причем, как в сторону прозы, так и в сторону поэзии. Такие ассоциации, как *школа* и *чтение книги*, указывают на место, в котором происходило восприятие жанра, то есть в сознании информантов вспоминается коммуникативная ситуация.

В рамках данной статьи остановимся на трех жанровых параметрах, общих в структуре обоих жанров: А) понятийный элемент (рефлексия над признаками жанра); Б) сообщение как элемент коммуникации; В) коммуникативная среда.

А) Понятие о жанре «стихотворение в прозе» строится, прежде всего, на его дифференциальных признаках. Эксперимент выявляет наиболее репрезентативные из них. Любопытно, что среди ассоциаций названы основные **признаки понятия «стихотворения в прозе»**, традиционно выделяемые исследователями. Однако ассоциативный эксперимент позволяет добавить в статичное перечисление признаков жанра количественный аспект значимости того или иного признака для восприятия читателями. Расположим выделенные признаки в порядке убывания: 1) лирическая проза (*лиричность, тонкая лирика, поэзия, индивидуально-авторское восприятие действительности (когда автора захлестывают большие чувства)* – 47; 2) безрифменность (*нескованность рифмой, отсутствие рифмы*) – 22; 3) отсутствие строф (*абзац*) – 3; 4) музыкальность (*музыка*) – 5; 5) своеобразный ритм (*ритмичность, ритм*) – 5; 6) длинные строчки (*длинное*) – 4; 7) коротко (*маленькое, на полстраницы небольшое*) – 4.

Графически количественные соотношения признаков «Стихотворения в прозе» можно представить в следующей схеме.

Таким образом, модель метаконцепта «стихотворение в прозе» имеет полевую структуру. В ядерной зоне располагаются самые репрезентативные признаки жанра «стихотворение в прозе»: представления читателей об этом жанре связываются с содержательным аспектом текста. Показательно, что именно *эмоциональность* и *лиризм* – выражение чувств и переживаний в тексте – коммуникативная задача автора этого жанра.

В околоядерной зоне располагаются признаки, на которые также обращают внимание большинство информантов: *безрифменность, отсутствие метра, строф, стихов*. Эти признаки оказываются негативными, противопоставляющими «стихотворение в прозе» лирическому стихотворению.

И наконец, периферийное поле образуют ассоциации с такими признаками, которые менее значимы в качестве дифференциальных признаков жанра для

обычного читателя, в меньшей степени репрезентативны при читательском восприятии как признаки стихотворения в прозе (*музыкальность, своеобразный ритм,*

миниатюрный объем). Заметим, что эти признаки носят формальный характер.

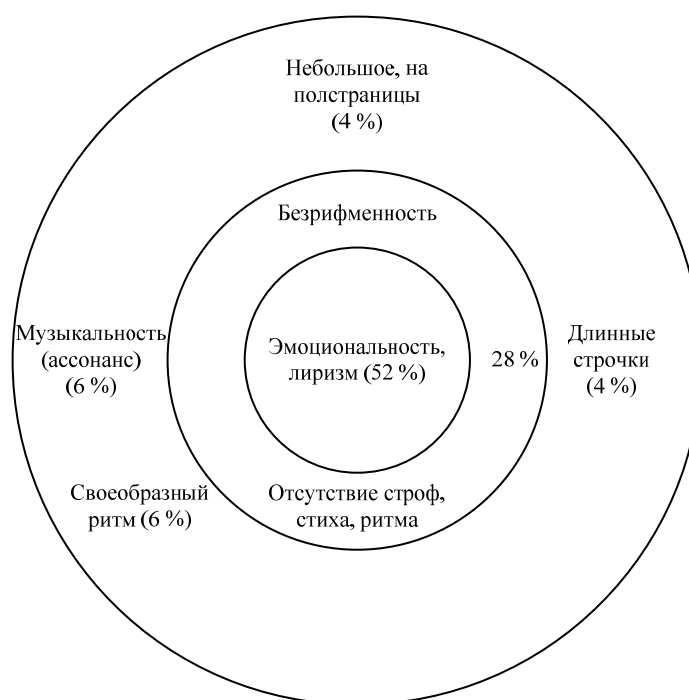

Схема. Графически количественные соотношения признаков «Стихотворения в прозе»

Таким образом, проведенный ассоциативный эксперимент позволяет нарисовать объемную картину известных характерных признаков жанра и говорить о том, какие из них наиболее закреплены обобщенным метаязыковым сознанием.

Тем не менее признаковые ассоциации составляют лишь 24 % от всех ассоциаций, то есть эксперимент дает возможность разнообразить существующую схему жанра, представляющую родовое понятие и набор дифференциальных признаков, другими аспектами, раскрывающими это понятие с позиций языкового сознания.

Другой немаловажной составляющей частью понятия является **соотнесение с парадигмой литературных жанров**: *бунинские рассказы, верлибр, белый 3, чистый, белый стих 8, гекзаметр, воспоминание, жанр 2, молитва православная, не баллада, песня, поэма 3, притча, рассказ 5, сложный жанр, экспериментальный жанр*.

В ходе анализа соотношения групп ассоциаций было замечено, что они во многом отражают модели коммуникации, и в частности коммуникативной модели речевого жанра, выделяемой Т. В. Шмелевой. Ассоциации включает в себя ряд параметров, в качестве которых выступают: адресант, адресат, сообщение (текст), код (язык), событийной содержание, контакт (канал связи), обычный контекст взаимодействия, эффект.

Б) Признаки сообщения характеризуются через апелляцию к родовому понятию: стихотворение в прозе – *текст 10* (это одна из наиболее частых ассоциаций), *произведение*, также называются элементы текста: *абзац, вставка, отрывок, выступление, зарисовка, интересный текст, набор предложений, предложение*

2, отсутствие строф, произведение, романтический конец, слово 2, столбец, строфа, четверостишие, строчки, сюжет. Дается характеристика текста стихотворений в прозе: *ничем не отличается от описательного текста, описательный текст, повествование, повествовательность, рассуждение, поэзия, проза*. К этой группе также можно отнести названия известных произведений и цитирование прецедентных текстов: *Русский язык, Собака, только гордый буревестник, о великий и могучий русский язык*.

В качестве кода называется не только ожидаемый характер речи (*ломаный язык, нескладно, лирика в прозе, грубость формы, резкость, детский лепет*) но и свойственный для литературы культурный код: *XIX в., серебряный век 2, античность, гекзаметр, пятистопный дактиль, длинные строчки – длинный. Декаданс, романтизм 2, романтика, романтический конец, грусть – грустные мысли, абсурд, импрессионизм*.

Событийное содержание стихотворения в прозе заключается в апелляции к лирической природе жанра и номинации **эмоциональных состояний** (эмоциональный настрой текста): *страдания, страх, импрессионизм, грустная мысль, без эмоций, скучно, безответная любовь, любовь 6, безысходность, боль, грустные листья опадали, шуришали тихие дожди, и мысли грустные витали, пасмурная погода, грусть, печаль, декаданс, душевный покой, спокойствие, роза <как хороши, как свежи были розы>, и жизнь хороша, и жить хорошо, легкая радость, легкость, надежда, смех, счастье, умиротворенность, удача, тоска, чувства, чувство радости*.

Особое внимание обращает на себя фрейм «**лирика**»: частотны однокоренные слова, словосочетания с эпитетами (уточняющими, часто оценочными

определениями): *лиричность, тонкая лирика, лирическая проза*, а также то, что вызывает лирическое отношение: *красочно изображаемые картины природы, «грустно листья опадали, шуришали тихие дожди, и мысли грустные витали»*. Ряд ассоциаций, описывающих семантическое наполнение, обозначение **тем**, концептов и отдельных образов, также свойствен лирическому дискурсу: *любовь б, про любовь, безответная любовь, смерть, надежда, бой, вера, воспоминание, голод, жизнь, море, дорога, пасмурная погода, природа, пруд, птица*.

В) Признаки коммуниктивной среды включают в себя канал связи или субстрат жанра, обеспечивающий контакт между коммуникантами, широко представленный в ассоциативной модели жанра: *буквы – 2, бумага, лист, исписанный лист, книга б, книга, ее структура с буквами, на полстраницы, чтение – 2, школа – 7, актер, одноклассники, учебник, учитель, родители, выступление, чтение – 2, ттец, литературный вечер, анализ стихотворения, литературоведение, не лирика, поэзия – 3, произведение, пятистопный дактиль, ст. переведенное с вост. яз., юмор*. Называется время, место, субъекты общения, шире – **ситуация функционирования**: *публичное чтение, школа – 7, актер, одноклассники, учебник, учитель, родители, выступление, чтение – 2, литературный вечер*.

Ряд ассоциаций можно соотнести с прагматической стороны воспроизводства и восприятия речи, в частности с параметром коммуникативного эффекта и коммуникативной цели. Количество ассоциаций такого рода составляет около 10 %. Коммуникативный эффект отражается в оценках: *тонкая лирика, резкость, интерес, интересно, интересный текст, неожиданно, необычно – 4, абсурд, бред – 2, несуразность, восхищение, так себе, забавно – 2, скучное, удовольствие, красота – 4, просто красиво, в меру эстетично*.

Для творческой языковой личности стимул «стихотворение в прозе» может являться мотивацией к созданию текста или воспоминания о собственном тексте, который был бы подобен «стихотворению в прозе». Примером могут служить следующие ответы: *мой рассказ – цель – творчество – грустно листья опадали, шуришали тихие дожди, и мысли грустные витали*. В этом же ключе можно интерпретировать реакции «нескованность рифмой» и «легкость»; «цель» – цель создать текст или прочитать его.

Таким образом, в ассоциациях складывается модель мотивационных отношений читателя и текста стихотворения в прозе: оценочность, интенция прочесть (воспринимать) или написать (создание текста), цель вступления в коммуникацию с текстом отражается в полученных ассоциациях.

Таким образом, когнитивное исследование языкового сознания при изучении стихотворения в прозе как жанра литературы показывают его коммуникативную природу речевого жанра. На уровне языкового сознания эксплицируются понятие о стихотворении в прозе, которое включает в себя признаки жанра, парадигмы сходных жанровых форм, представление об авторе, канале связи, ситуации и т. д.

Специфика объекта второго из сопоставляемых жанров – интернет-миниатюры – потребовала иной методики проведения эксперимента, направленного на экспликацию метаконцепта жанра – анкетирования-опроса. Для выявления наиболее полного мета-

жанрового представления о интернет-миниатюре был проведен опрос **авторов** интернет-миниатюр. В опросе приняли участие авторы текстов, отобранных в Интернете для исследования. Письма-анкеты были отправлены по электронной почте, в ответ было получено **102 анкеты** с ответами. Поскольку большинство ответов авторов являются многокомпонентными, для анализа и подсчета количественных показателей учитываются отдельные признаки, которые вычленились из смысловых единиц высказывания. Всего выделено 1968 минимальных единиц метавысказываний, соответствующих определенным признакам или характеристикам жанра интернет-миниатюры.

Анкета включала в себя 3 блока вопросов:

1. О миниатюрах и Интернете:

1.1. По какому принципу ваши тексты были отнесены к разделу миниатюр на сайте, на котором они опубликованы? Если вы сами определяете, что жанр вашего текста – миниатюра, то по каким признакам?

1.2. Почему вы опубликовали свои миниатюры именно в Интернете?

1.3. Если бы вы собирались опубликовать миниатюры в традиционных бумажных изданиях (журналы, сборники, книги), то изменяли бы свой текст? Если да, то каким образом?

2. О языке миниатюр:

2.1. Какие речевые (языковые) особенности имеются у миниатюры?

2.2. Каков язык миниатюр по сравнению с рассказом, эссе, личными дневниковыми записями?

3. Об авторе интернет-миниатюр:

3.1. Является ли литературное творчество вашей профессией? Призванием? Хобби?

3.2. Почему вы пишете миниатюры? С какой целью?

3.3. Каким вы видите читателя (адресата) своих миниатюр?

Вследствие направленного характера опроса, ориентированного на «анкету жанра» Т. В. Шмелевой и коммуниктивно-семиотическую модель Н. Б. Лебедевой, в сознании авторов интернет-миниатюр были актуализированы следующие параметры жанра: автор, адресат, цель, языковое воплощение (текст), материальный субстрат знака, коммуникативная среда. Кроме того, характеризуя интернет-миниатюру, информанты эксплицируют образный и информационный компонент концепта жанра (понятие «миниатюра» и его гиперонимы).

Выделяется ряд признаков, закрепленных метаязыковым (жанровым) сознанием за лирической миниатюрой в Интернете:

А) Признаки понятия «миниатюра»: объем (*короткие прозаические произведения; страничка или меньше; пол-листа в Ворде, по объему – меньше 4 тысяч знаков*) – 99 % (здесь и далее процентные соотношения приводятся в расчете от общего количества ответов, рассматриваемых в рамках 1 признака) содержательная наполненность/ёмкость (*обширны по содержанию; нечто емкое*) – 26 %, завершенность – 16 % (*законченные произведения; краткое, но законченное*), эмоциональность (*должна быть «ощущение-настроение-эмоция»; выражающие эмоцию; преобладание действий или чувств над описательной частью*) – 13 %.

Б) Признаки сообщения, языкового воплощения: художественный стиль (*стилистика, близкая к той, что используется в поэтических произведениях,*

красивый, поэтический, лирический, метафоричный) – 75 %, точность языка (язык миниатюр предельно точен; точность построения фразы) – 30 %, лаконичность (без "воды"; в миниатюре нет пространства для растекания "мыслью по древу") – 25 %, поэтическая выразительность (Большее количество средств художественной выразительности на единицу текста) – 20 %, индивидуально-авторские приемы (наличие речевых особенностей миниатюр зависят исключительно от желания автора; «я стараюсь насытить миниатюры яркими образами, используя для этого такие приёмы, как градация, ряды однородных членов, метафоры») – 11 %. В понимании авторов интернет-миниатюры по сравнению с традиционными миниатюрами являются более свободными в стилистическом и ортологическом отношении (просто в интернете я размещаю практически всё, что у меня есть – и стихи, и прозу, и хорошее, и не очень). Метажанровое сознание информантов-авторов в слабой степени осознает интернет-миниатюру как нечто особенное, отличающееся по своему речевому наполнению от художественного письменного текста вне пространства электронной коммуникации.

В) Признаки коммуникативной среды жанра: электронный субстрат жанра устойчиво противопоставляется бумажному изданию в следующих оппозициях: бесплатная – платная, наличие – отсутствие обратной связи, автор-любитель – профессионал, малые жанры – крупные жанры (миниатюра (а в журналистике блог) – формат интернета, поэтому публикация в сети вполне логична). Таким образом, в метаконцепте жанра имеется обоснование преимуществ электронной формы бытования интернет-миниатюры.

В обеих моделях жанров представления авторов показывают одинаковую общую структуру, в целом соответствующую структуре коммуникации. Модели

отражают понятийную сферу, в которой наиболее важные признаки совпадают у обоих жанров (близкие характеристики автора, малый объем, лиризм, эмоциональность, музыкальность, завершенность, содержание образов и тем). При этом преимуществом метаязыкового подхода является наличие полевой структуры метаконцепта, так как наиболее значимы те жанровые признаки, которые устойчиво эксплицируются в сознании носителей языка. Так в модели «стихотворения в прозе» семантический пласт значительно преобладает над формальным – признаки эмоциональности и лиризма (52 % в стихотворениях в прозе и 13 % в интернет-миниатюрах). В метаконцепте интернет-миниатюр, напротив, на первом месте находится формальный пласт – в центре признаков малого объема (99 % и 4 %), причем актуализация данных признаков в метажанровом сознании, по всей видимости, связана с несколькими причинами: 1) характером жанровой номинации, 2) сферой функционирования и 3) прагматическими различиями жанров. В модели метаконцепта «стихотворение в прозе» актуализированы признаки негативной оценки формы (нескладности, недостаточности рифм), а в интернет-миниатюрах, напротив, эстетическая функция не вызывает высоких требований, что говорит о различном ценностном восприятии данных жанров, обусловленном сферой коммуникации.

В результате анализа метаязыковых данных были получены модели метаконцепта жанров «стихотворения в прозе» и «интернет-миниатюры», которые, имея различия, тем не менее обладают выраженной долей общих признаков: как структурных, так и содержательных. Перспективой исследования является установление содержания концептуального наполнения жанров на текстовом уровне.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 250 – 297.
2. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. Энциклопедия, 1987. 750 с.
3. Меньшикова С. И. Соотношение понятий «концепт» и «метаконцепт» // Вестник Тверского государственного университета. (Серия 9: Филология). 2007. № 24. С. 53 – 60.
4. Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе: очерки истории и теории. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 200 с.
5. Плотникова А. А. Лирическая миниатюра в интернет-коммуникации (лингвопрагматический и метаязыковой аспект жанра): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 28 с.
6. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004.
7. Слышкин Г. Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи: Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. С. 34 – 50.
8. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.
9. Bax S. Discourse and Genre: Analysing Language in Context. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 224 p.
10. Newsom C. A. Pairing Research Questions and Theories of Genre: A Case Study of the Hodayot // Dead Sea Discoveries. 2010. № 17. P. 270 – 288.

Информация об авторе:

Долганина Анна Алексеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета, plotnikowa.anna@gmail.com.

Anna A. Dolganina – Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Department of the Russian language, National Research Tomsk State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИДАТОЧНЫМИ УСЛОВНЫМИ В ТЕКСТАХ ОТКРЫТОК ПРОЕКТА "POSTCROSSING"

О. В. Евстафиади, У. С. Баймуратова

COMPLEX CONDITIONAL SENTENCES IN THE "POSTCROSSING" POSTCARDS

O. V. Evstafiadi, U. S. Baymuratova

В работе рассматривается один из вариантов продолженной синтаксической формы с семантикой условия – сложноподчиненные предложения с придаточными условными (СППУ). Авторы обращаются к актуальной проблеме функционирования СППУ в текстах открыток проекта "Postcrossing". Выбор объекта исследования обусловлен, прежде всего, появлением нового жанра естественной письменной английской речи и необходимостью его изучения с разных сторон. Языковой материал анализируется при помощи методов структурно-функционального и семантико-контекстуального анализа. В статье приводятся лексико-грамматические и прагматические средства создания персонализирующей модально-прагматической суперструктуры СППУ, выделяются два типа речевых акта, характерных для исследуемого жанра естественной письменной английской речи. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании теоретической и практической грамматики английского языка, а также на практических занятиях по культуре иноязычного письменного общения.

The paper discusses one of the variants of the prolonged syntactical form with the semantics of condition – complex conditional sentences. The authors examine an urgent problem of functioning of complex conditional sentences in the texts of the postcards in the project "Postcrossing". The object under the study has been chosen because of the appearance of a new type of natural written English and the necessity to examine it from various aspects. The authors use such linguistic methods as the analysis of structure and function, the analysis of semantics and context. The paper provides a set of lexico-grammatical and pragmatic means that contribute to the subjective colouring of the modal-pragmatic superstructure of the complex conditional sentences. Two types of speech acts are determined in the texts of the postcards in the project "Postcrossing". The study may be applicable for theoretical and practical studying of English grammar and written speech.

Ключевые слова: сложноподчиненные предложения с придаточными условными, модально-прагматическая суперструктура, естественная письменная английская речь.

Keywords: complex conditional sentences, modal-pragmatic superstructure, natural written English.

В традиционной грамматике сложноподчиненное предложение с придаточным условным (СППУ) считается основным средством передачи условных отношений [15, с. 283; 14, с. 110 – 112], возникающих при взаимодействии двух событий: события-условия, эксплицитно выраженного в придаточной (зависимой) части, и события-следствия, представленного в главной части.

В современном языкознании накоплен значительный опыт анализа прототипических СППУ в разных языках [1; 11; 5]. В поле зрения исследователей попадают вопросы, связанные с изучением синтаксической формы сложного предложения, формальных показателей условной связи, употребления глагольных форм в СППУ. Несмотря на большое количество работ по условным отношениям, проблема функционирования сложных конструкций с условной семантикой в разных видах и жанрах речи изучена недостаточно.

Основная цель данного исследования заключается в выявлении специфики функционирования сложноподчиненных предложений с придаточными условными в текстах открыток проекта "Postcrossing".

Актуальность темы обусловлена появлением такого нового жанра естественной письменной английской речи, как тексты открыток проекта "Postcrossing", и необходимостью его исследования с разных сторон. Данному жанру присущи основные черты естественной письменной речи, проблемами изучения которой занимается научная школа Н. Б. Лебедевой, где уже на примере русского языка рассмотрены частная записка, ежедневник, личные письма и другое [10; 13]. Харак-

терными чертами данной письменной деятельности являются «повседневность сферы бытования, спонтанность, непрофессиональность исполнения, отсутствие промежуточных лиц и инстанций между отправителем и реципиентом текста» [2, с. 105]. Однако в исследуемых нами текстах открыток на английском языке выделим присущие им особенные черты: открытость информации (открытки посылаются без конвертов), разовое дистанционное общение с неизвестным адресатом, соблюдение этических норм, написание от руки. Нами уже была предпринята попытка анализа английских глаголов зрительного восприятия в данном типе открыток [4].

Материалом для исследования послужила выборка из 83 примеров, полученная методом сплошного извлечения из текстов более 500 открыток проекта "Postcrossing".

В ходе исследования были использованы следующие лингвистические методы и приемы исследования: метод структурно-функционального анализа, метод семантико-контекстуального анализа и прием статистического анализа.

В данной работе сложноподчиненное предложение с придаточным условным рассматривается как один из структурных вариантов (*Примеч. авторов: Другими вариантами ПСФ с семантикой условия в английском языке являются элементарное предложение (ЭП) с усложненной структурой; сложносочиненные и бессоюзные предложения; цепочки семантически связанных ЭП, следующих друг за другом через точку, восклицательный или вопросительный знак, а также*

контексты, объединяющие часть сложного предложения и последующее самостоятельное предложение [6, с. 170]) продолженной синтаксической формы (ПСФ) с семантикой условия, которая, с одной стороны, представляет собой «метаязыковой конструкт, позволяющий описать разностатусные (би- и полипредикативные) синтаксические конструкции в разных языках, объединенные условной семантикой и наличием более одного предикатного узла и образующие единую семантико-синтаксическую суперструктуру» [8, с. 4]. С другой стороны, ПСФ с семантикой условия понимается и как модально-прагматическая единица, обладающая модально-прагматической суперструктурой, которая образуется в результате взаимодействия разноразрядных языковых средств и способствует созданию модальности речи.

Изучение особенностей функционирования сложноподчиненного предложения с придаточным условным в рассматриваемом нами жанре естественной английской письменной речи становится возможным с позиций дискурсивно-стилистического подхода [3], объединяющего дискурсивные и стилистические особенности текста, который мы понимаем как продукт авторской и основу читательской дискурсивности и рассматриваем как определенный вид речевого взаимодействия. Компонентами коммуникации здесь являются адресант (говорящий или пишущий) и адресат (слушающий или читающий), интенции адресанта, его отношение к действительности и к содержанию сообщения, место и время общения. Организующим звеном в речевом взаимодействии является интенция, поскольку от нее зависит выбор адресантом предмета общения, языковых средств и вида своего сообщения. Способ реализации интенции адресанта определяется условиями коммуникации, связанными с расположением речевых партнеров во времени и пространстве, которые обобщаются понятием коммуникативных регистров и соответствуют различным видам коммуникации. В конситуативном регистре происходит непосредственная, спонтанная коммуникация, в дисситуативном регистре наблюдается дистанционная коммуникация [9; 12].

В случае непосредственной коммуникации оба собеседника (говорящий и слушающий) находятся в одной пространственно-временной плоскости. Временная и локальная параметризация коммуникантов осуществляется через дейктические средства, которые определяют ситуацию как «Я, здесь, сейчас». Говорящий широко пользуется также невербальными средствами общения, тогда как пишущему в дистанционной коммуникации, которая возникает в случае отсутствия непосредственного контакта между речевыми партнерами, когда они отдалены друг от друга во времени и пространстве, необходимо избрать такой способ представления ситуации, чтобы она была понятна читающему.

В полярных коммуникативных регистрах возникает различная прагматическая модальность, которая определяет характер модально-прагматической суперструктуры ПСФ с семантикой условия и ее лексико-грамматическую наполненность.

В дисситуативном регистре реализуется объективирующий, а в конситуативном регистре – персонали-

зирующий виды модально-прагматической суперструктуры ПСФ с семантикой условия (Примеч. авторов: Проведенное ранее исследование наглядно демонстрирует избирательность структурных вариантов ПСФ с семантикой условия в зависимости от вида речи и типа дискурса. Объективность речи в дисситуативном регистре формируется за счет ЭП с усложненной структурой и СППУ, доля которых составляет 58 % и 42 % от всех ПСФ с семантикой условия в этом виде речи соответственно [8, с. 11]. В конситуативном регистре персонализирующий вид модально-прагматической суперструктуры ПСФ с семантикой условия создается за счет СППУ, доля которого составляет 79 % от общего количества проанализированных примеров в этом виде речи. Для этого регистра типичны цепочки семантически связанных элементарных предложений (7,5 %); элементарные предложения с усложненной структурой (8 %); сложносочиненные и бессоюзные предложения (3,5 %), а также контекст, объединяющий часть сложного предложения и последующее самостоятельное предложение (2 %) [7, с. 77]).

Текст открыток, с одной стороны, можно рассматривать как продукт письменного дискурса, с другой стороны, как вид субъективно окрашенного общения.

Анализ примеров, содержащих языковые средства с условным значением, показал, что наиболее частотным вариантом ПСФ с семантикой условия в текстах открыток проекта “Postcrossing” является СППУ, доля которого по сравнению с другими вариантами составляет 95 %.

Элементарные предложения с усложненной структурой, характерные для дистанционной коммуникации, в которой возникает объективирующая модальность, практически не встречаются в этом жанре естественной письменной речи. Наряду с этим здесь также наблюдается полное отсутствие вариантов ПСФ с семантикой условия с персонализирующей модально-прагматической суперструктурой – сложносочиненных предложений, цепочек семантически связанных ЭП, а также контекстов, объединяющих часть сложного предложения и последующее самостоятельное предложение.

Субъективный и эмоциональный характер текста открыток формируется не в последнюю очередь за счет модально-прагматической суперструктуры сложноподчиненных предложений с придаточными условными. В данном случае речь идет о персонализации речи, которая интегрируется из комплекса средств реализации ПСФ. Рассмотрим эти средства более подробно.

1. Модальность гипотетичности

Модальность гипотетичности относит события не к актуально существующему миру, а к возможным мирам. Иными словами автор открытки воспринимает содержание высказывания как не соответствующее объективной реальности, то есть как желаемое, возможное, предположительное или неосуществимое.

Гипотетичность выражается при помощи **футуральной ориентации глаголов-сказуемых** в главной части СППУ:

If you go on my page you ll find the one I'd like.

If you have a cat, you will recognize the truth of this card.

Употребление в главной части СППУ глаголов-сказуемых в повелительном наклонении также способствует созданию гипотетичности. При этом говорящий выражает волевою установку на выполнение действия адресатом, а затем указывает на возможные условия осуществления этого действия.

Enjoy it if you come to Hong Kong.

If you can, please send me a card of Gagarin or Rostropovitch, both born in Orenburg.

Лексическими средствами выражения модальности гипотетичности в СППУ являются:

1) **модальные глаголы can, must, may, should:**

If you are interested in historical monuments you should visit it one day.

If you can, visit Taiwan. It is a good choice.

2) **модально-окрашенная лексика (предикаты с семантикой желания to want, would like, to be interested):**

If you'd like to share something about your life or your country's university life, I'll be very happy!

If you want see more of me please check my webpage.

If you are interested send ... mail Helen.

2. Другим морфологическим средством, способствующим созданию персонализирующей модально-прагматической суперструктуры СППУ, является **категория лица**.

Создание текста открытки проекта "Postcrossing" предполагает наличие речевого партнера, к которому можно обратиться в данном случае опосредованно через письменные средства коммуникации. Здесь обязательным является указание на лицо, обозначающее субъекта и объекта речи. В СППУ субъект речи при совпадении с субъектом действия выражается личными местоимениями 1-ого лица единственного и множественного числа в именительном (I, we), а также объектном падежах (me, us) и соответствующими им притяжательными местоимениями (my, our).

If you go on my page you'll find the one I'd like.

Sorry, if my handwriting is bad.

If you want see more of me please check my webpage.

Объект речи в СППУ может быть выражен местоимением 2-ого лица единственного и множественного числа you и притяжательным местоимением your.

Enjoy it if you come to Hong Kong.

Приведенные выше примеры наглядно демонстрируют персонализирующий характер модально-прагматической суперструктуры СППУ, поскольку в каждом из них есть указание на лицо, чье отношение к содержанию высказывания выражается в этом варианте ПСФ с семантикой условия.

3. Прагматическим средством, способствующим созданию персонализирующей модально-прагматической суперструктуры ПСФ с семантикой условия, являются усилительные **частицы so, very, really, too**, с помощью которых выражается оценочное отношение (оценка интенсивности и качества) говорящего к содержанию высказывания.

If you'd like to share something about your life or your country's university life, I'll be very happy!

Таким образом, модально-прагматическая суперструктура сложноподчиненных предложений с придаточными условными носит персонализирующий ха-

рактер, который интегрируется из комплекса морфологических, лексических и прагматических средств.

Считается, что условные конструкции появляются в речи в том случае, когда коммуникантам необходимо выразить свои желания, высказать предположения, сомнения или поставить условие, для того чтобы вызвать ответную реакцию речевого партнера. Иными словами, с прагматической точки зрения, условные конструкции реализуют различные типы речевых актов: вопрос, различные виды побуждения (совет, просьба, предложение, инструкция, приказ, запрет, разрешение), обещание, угроза [11, с. 8].

В исследуемом нами жанре естественной письменной английской речи есть следующая особенность: переписка предполагает разовость, то есть происходит дистанционное общение с абсолютно неизвестным ему адресатом, предложенным системой проекта "Postcrossing". Наш интерес обусловлен вниманием к вопросу, почему автор открытки ставит условия совершенно незнакомому человеку.

Следует отметить, что условные конструкции относятся к тому типу сложных предложений, которым соответствует элементарный речевой акт с одной иллокутивной функцией. Придаточное условное при этом не образует отдельного речевого акта со своей собственной иллокутивной функцией, а лишь эксплицирует условия успешности речевого акта [11, с. 133 – 134].

В результате проведенного анализа мы выявили два типа речевых акта, характерных для исследуемого жанра естественной письменной речи.

1. **Директивные речевые акты**, иллокутивная сила которых состоит не в сообщении информации о действительности, а побуждении адресата совершить какое-либо действие. В главной части СППУ передается совет, просьба и приглашение к дальнейшему общению.

Основным средством выражения директивов являются высказывания с глаголами-сказуемыми в повелительном наклонении.

If you want see more of me please check my webpage. – совет.

If you can, please send me a card of Gagarin or Rostropovitch, both born in Orenburg. – просьба.

Более вежливыми являются высказывания с модальными глаголами should и can в главной части СППУ.

I'd like to receive a card from your city. If you want you can send me one.

If you are interested in historical monuments you should visit it one day.

Для снижения категоричности директивов используется условная часть СППУ, в которой может содержаться условие самого факта произнесения директива (1) или условие успешности совершения действия, к которому побуждает адресант (2). Например,

(1) *If you would like to chat, write me.*

(2) *Its name is wax apple – if you have chance travel to Taiwan, in the winter (Nov & Dec) and spring (January & February).*

2. **Информативные речевые акты** передают информацию в главной части СППУ, в зависимой части содержится условие релевантности этой информации для адресата. В главной части подобных высказыва-

ний эллиптирована повелительная форма глагола, например, “remember”, “bear in mind”, которую можно осмыслить как скрытое побуждение (совет).

If you'd like to watch the video it's online at my website (it's 10 min.) - ... If you'd like to watch the video bear in mind it's online at my website (it's 10 min.)

If you'd like to share something about your life or your country's university life, I'll be very happy! - If you'd like to share something about your life or your country's university life, remember I'll be very happy!

Таким образом, проведенное исследование показало, что сложноподчиненные предложения с придаточными условными в текстах открыток проекта “Postcrossing” обладают персонализирующей модально-прагматической суперструктурой, которая создается при помощи комплекса лексико-грамматических и прагматических средств. Автор открытки при переписке с абсолютно незнакомым человеком использует СППУ для более вежливого выражения совета, просьбы и приглашения к дальнейшему общению.

Литература

1. Акимов Т. Г., Козинцева Н. А. Условные предложения в английском языке // Типология условных конструкций; отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 1998. С. 306 – 324.
2. Алтухова Т. В., Лебедева Н. Б. Виртуальное общение: новый этап развития письменной коммуникации // Вестник КемГУ. 2012. № 1(49). С. 105 – 111.
3. Андреева В. А. Литературный нарратив: дискурс и текст: монография. СПб.: Норма, 2006. 182 с.
4. Белова Н. А., Баймуратова У. С. Анализ английских глаголов зрительного восприятия в текстах открыток проекта «Postcrossing» // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 – 18. С. 4062 – 4066. Режим доступа: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10007176 (дата обращения: 30.06.2015).
5. Давыдова Н. А. Репрезентация условных отношений в английском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 254 с.
6. Евстафиади О. В. Продолженная синтаксическая форма с семантикой условия как средство выражения условных отношений (на материале английского языка) // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2010. № 9(40). С. 168 – 171.
7. Евстафиади О. В. Продолженная синтаксическая форма с семантикой условия в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2011. 193 с.
8. Евстафиади О. В. Функционирование продолженной синтаксической формы с семантикой условия в дисситуативном регистре (на материале английского языка) // Current issues of philology in the competency-based university education / ed. by M. Asper. Stuttgart, ORT Publishing, 2013. P. 4 – 18.
9. Жеребков В. А. Коммуникативная модель как комплексный метазнак // Вопросы языкознания. 1985. № 6. С. 63 – 69.
10. Зырянова Е. Г. Частная записка как жанр естественной письменной русской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2009. 20 с.
11. Киселева Н. Ю. Семантический и прагматический анализ функционирования условных конструкций в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2005. 195 с.
12. Кострова О. А. Продолженная синтаксическая форма в контактной коммуникации. На материале современного немецкого языка. Изд-во Сарат. ун-та, Самарский филиал, 1992. 144 с.
13. Юркевич А. С. Ежедневник как жанр естественной письменной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2011. 20 с.
14. Leech G. A. Communicative Grammar of English. 3^d Edition. Edinburgh, 2002. 440 p.
15. Quirk R. University Grammar of English. M: Vysshaja Shkola, 1982. P. 391.

Информация об авторах:

Евстафиади Ольга Вячеславовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка Оренбургского государственного университета, evstafiadi.olga@rambler.ru.

Olga V. Evstafiadi – Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Department of English Philology and Methods of the English Language Teaching, Orenburg State University.

Баймуратова Ульяна Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ОГУ, ulyanam@bk.ru.

Ulyana S. Baymuratova – Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Department of Translation Theory and Methods of Translation Practice, Orenburg State University.

Статья поступила в редколлегию 31.08.2015 г.

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДАННЫХ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ИССЛЕДОВАНИИ ФРАГМЕНТА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Н. А. Козлова

THE EXPERIENCE OF USING ASSOCIATION EXPERIMENT DATA IN STUDYING A FRAGMENT OF THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

N. A. Kozlova

Цель данной работы – построение ассоциативного поля концептов ВЕРХ/НИЗ как объектов конструирования языковой картины мира в китайском и русском языках, а также описание ассоциатов, входящих в структуру данных концептов. Предметом работы является семантика ассоциатов, составляющих ассоциативное поле концептов ВЕРХ/НИЗ. В основу исследования положены методы интроспекции, сопоставления, а также метод психолингвистического эксперимента. В ходе проведения исследования и обработки данных ассоциативного эксперимента были выделены ядерная и периферийная зоны исследуемых концептов, а также осуществлена попытка когнитивной интерпретации полученного материала. Результаты работы послужили основой составления ассоциативно-вербального поля концептов ВЕРХ/НИЗ в русской и китайской языковых картинах мира. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о наличии определенных ментальных моделей, характерных для носителей разных культур. Полученные результаты могут быть использованы в лексикографической практике для расширения дефиниций ассоциативных словарей.

The purpose of this work is the construction of the associative field of the concepts TOP/BOTTOM as the objects of designing the linguistic picture of the world in the Chinese and Russian languages, and also the description of the associates included in the structure of the concepts. The research focuses on the semantics associates constructing the associative field of the concepts TOP/BOTTOM. The research is based on the method of introspection, comparison, and the method of psycholinguistic experiment. In the course of the research and of processing the data of the associative experiment the nuclear and peripheral areas of the studied concepts were identified, and also the attempt of cognitive interpretation of the material was made. The results were the basis for constructing the associative-verbal field of the concepts TOP / BOTTOM in Russian and Chinese linguistic pictures of the world. The research allows making a conclusion about the presence of certain mental models, characteristic of different cultures. The results can be used in the lexicographical practice to expand the definitions of associative dictionaries.

Ключевые слова: концепт, фрагмент языковой картины мира, ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, когнитивная интерпретация, реакция.

Keywords: concept, fragment of the linguistic picture of the world, associative experiment, associative field, cognitive interpretation, reaction.

Данное исследование основано на идее, что концепт имеет динамическую природу и его содержание связано с изменениями, происходящими в обществе и налагающими свой отпечаток на сознание людей. Признаки концепта, актуальные для современного сознания, можно выделить с помощью ассоциативного эксперимента.

Изначально ассоциативный эксперимент находил свое применение в психологии, затем стал использоваться и на различных этапах лингвистических исследований, так как «внутренний лексикон человека скрыт для исследователей, однако он становится доступным для изучения посредством опросника» [7, с. 40].

По мнению большинства исследователей [2; 5], психолингвистический эксперимент, и прежде всего ассоциативный эксперимент, является одним из наиболее эффективных методов изучения концептов как фрагментов или явлений сознания. Ассоциативный эксперимент «с наибольшей объективностью выявляет не основные, непосредственно нерелевантные для обобщения семантические связи слова-стимула» [3, с. 105].

В настоящей работе данные ассоциативного эксперимента применялись для исследования вербализа-

ции концептов ВЕРХ/НИЗ в русской и китайской языковых картинах мира. Исследование выполнено в русле лингвоконцептологической парадигмы (разрабатывалась в трудах С. Г. Воркачева [1], В. И. Карасика [4]), задача которой состоит в выявлении «максимально полного состава языковых средств, репрезентирующих исследуемый концепт», и описании семантики этих единиц [6, с. 22].

Рассмотрим особенности формирования ассоциативного поля концепта по результатам обработки данных отсроченного ассоциативного эксперимента.

В эксперименте приняли участие 304 респондента (из них 194 – студенты китайского вуза, 187 – студенты российского вуза). При этом была использована письменная форма анкетирования на родном языке испытуемых. Время ответа и количество реакций не ограничивались.

Испытуемым были последовательно даны следующие инструкции: «Запишите любые пришедшие в голову слова на слово-стимул ВЕРХ» / «请写出关于“上”你首先想到的哪些词语». «Запишите любые пришедшие в голову слова на слово-стимул НИЗ» / «请写出关于“下”你首先想到的哪些词语».

Всего было получено 1224 реакции, из них на слово-стимул ВЕРХ / 上 было дано 609 реакций

(393 реакции в китайской аудитории и 216 реакций в русской аудитории), а на слово-стимул НИЗ / 下 – 615 реакций (406 реакций в китайской аудитории и 209 реакций в русской аудитории).

Полученные реакции были обработаны в количественном и процентном соотношении.

На первом этапе анализа были построены ассоциативные поля исследуемых концептов, а также выделены ядро и периферия данных полей. Ядром ассоциативного поля стали ассоциации, частотность употребления которых превышала 30 %, периферию представили ассоциации, частотность употребления которых составила от 5 % до 15 % (таблица).

На втором этапе анализа полученные реакции были разбиты на семантические группы по качественному показателю полученного материала.

В результате когнитивной интерпретации концептов 上 (верх) / 下 (низ) в китайском языке среди полученных реакций нами были выделены следующие когнитивные группы:

上 (верх):

– движение вперед (со значением процессуальности): 积极进取 (активно продвигаться), 奋进 (смело продвигаться), 进步 (прогресс), 前进 (продвижение вперед);

– борьба: 奋斗 (воодушевленная борьба), 努力奋斗 (усердно бороться);

– движение вверх (со значением процессуальности): 积极向上 (активно стремиться вверх), 天天向上 (каждый день по направлению вверх);

– отношение к пространству над поверхностью Земли (астрономические объекты, движение в атмосфере, объекты движения): 白云 (облако), 太阳 (солнце);

– результат движения вверх: 成功 (успех), 博士后 (докторская степень);

– положительные эмоции, позитивное отношение: 精神 (бодрый настрой), 快乐 (веселье);

– душевные качества: 品德 (добропорядочность), 谦虚 (скромность);

– политические взгляды: 求实创新 (деловитость и новаторство (лозунг)), 政治理想 (целесообразная политика (лозунг));

– превышение какого-либо уровня: 超过(превосходить), 市场商品价格上涨 (повышение стоимости рыночных товаров);

– мифологическая память, литературные и религиозные источники 玉皇大帝 (Нефритовый император), 玉兔 (Лунный заяц).

下 (низ):

– ухудшение: 堕落 (деградация, упадок), 失望 (потерять надежду);

– нарушение закона: 腐败 (коррупция), 贪污 (взяточничество);

– пассивность: 消极态度 (инертность), 固步自封 (не задаваться новыми целями, идиома);

– земля и объекты, располагающиеся на/в земле: 土壤 (почва), 泥土 (глина), 花 (цветы);

– негативные проявления, отрицательные качества: 卑鄙 (ничтожный), 无耻 (бесстыжий), 懦弱 (безвольный);

– движение вниз: 下降 (опускаться), 掉落 (опадать);

– природные объекты: 海洋 (морья и океаны), 长江 (река Янцзы), 黄河 (река Хуанхэ), 水 (вода);

– объекты, имеющие отношение к ходьбе: 脚 (стопа), 腿 (нога);

– наземный и водный транспорт: 自行车 (велосипед), 船 (лодка);

– животные: 老鼠 (мышь), 大象 (слон), 蛇 (змея).

Анализ полученного материала в качественном аспекте позволил нам выделить следующие когнитивные группы концепта ВЕРХ в русском языке:

– высокий (высота, высоко, небоскреб, многоэтажка, рост, сопка);

– вершина (вершина горы, вершина пирамиды);

– относящийся к пространству над чем-либо (небо, потолок, крыша, звезды, солнце).

– движение в атмосфере, объекты движения (космос, самолет);

– движение вверх (подъем, подъем в гору);

– движение в пространстве (взлет, скачок, прыгать);

– верховный (старший, главный, президент);

– нравственные категории (Бог, сила, мысль, мудрее, любовь, душа, Достоевский);

– достижение (успех, цель);

– победа;

– карьера (работа, стремление, мастерство, возможность);

– низ.

Результаты когнитивной интерпретации концепта НИЗ в русском языке:

– располагающийся внизу (пол, дно, подвал, плинтус, подполье, погреб);

– земля и объекты, располагающиеся на/в земле (мох, песок, камни, асфальт);

– падение (упасть, падать);

– снижение (спуститься, регресс, лифт, лестница);

– отрицательные качества и проявления (подлость, беспомощность, ассоциальность, унижение, разочарование);

– бедность (бомж, безработица, дефицит, инфляция, банкротство);

– пропасть (впадина, яма, ущелье);

– маленький (рост, человек);

– животные (гусь, грач, червяк).

По результатам обработки данных ассоциативно-го эксперимента нами была составлена сводная таблица, отражающая ассоциативно-вербальное поле концептов «ВЕРХ/НИЗ».

Ассоциативно-вербальное поле концептов ВЕРХ/НИЗ

АВП «ВЕРХ/НИЗ»	Количество полученных реакций (%)			
	студенты российского вуза		студенты китайского вуза	
	верх	низ	верх	низ
ЯДЕРНАЯ ЗОНА	небо 58 %	земля 44,5 %	солнце 44 %	трава 33 %
	потолок 24,5 %	дно 28,2 %	звезда 42,7 %	вниз 32 %
	облако 18,1 %	падение 20,1 %	облако 41,7 %	вода 22,7 %
	самолет 17,2 %	подвал 16,3 %	небо 39,6 %	земля 19,1 %
	лестница 16,4 %		самолет 39,6 %	земной шар 17,5 %
	крыша 16 %		птица 37,1 %	цветы 17,5 %
	звезды 15,5 %		луна 35 %	падение 17,3 %
ПЕРИ- ФЕРИЙНАЯ ЗОНА	солнце 13,6 %	ад 11 %	хорошо учиться 14 %	обувь 15 %
	вниз 13,6 %	трава 9,1 %	дерево 13,4 %	рыба 12,3 %
	карьера 12,7 %	ноги 9 %	космос 12,8 %	камень 12,3 %
	подъем 12,7 %	плинтус 8,2 %	гром и молния 12,8 %	дерево 11,8 %
	высота 10 %	яма 8,2 %	лампа 12,3 %	муравей 10,3 %
	достижение 10 %	бедность 7,2 %	воздух 11,8 %	моря и океаны 9,3 %
	летать 9,1 %	одежда 6,5 %	дождь 11,3 %	червь 9,3 %
	дерево 9,1 %	бомж 6,3 %	ракета 8,7 %	собака 7,7 %
	вершина 9,1 %		оптимизм 8,2 %	дорога 7,2 %
	птица 9 %		спутник 8,2 %	пассивный 6,7 %
	гора 8,2 %		успех 7,7 %	преступный 6,2 %
	полет 6,3 %		дирижабль 7,7 %	снижение 6 %
	космос 6,4 %		крыша 7,7 %	кот 5,1 %
	высокий 5,5 %		любовь 6,2 %	коррупция 5,1 %
	низ 5,5 %			
	стремление 5,5 %			
	луна 5,5 %			
	успех 5,5 %			
	воздушный шарик 5,5 %			

В заключение представим результаты когнитивной интерпретации концептов ВЕРХ/НИЗ 上 / 下 в сопоставительном аспекте.

1. Количество совпадающих реакций составило 36,6 %. Количество отличающихся реакций – 63,4 %. Совпадающие реакции свойственны ядерной и периферийной зонам концептов. Отличающиеся реакции в основном носят единичный характер, что говорит о широком интерпретационном поле концептов ВЕРХ/НИЗ. Кроме того, большое количество отличающихся реакций связано с особенностями культуры и менталитета двух национальностей.

2. Среди русской и китайской аудиторий отмечается высокий показатель наличия ассоциаций, связанных с физическими характеристиками пространства (62 %), что свидетельствует о присутствии самой фигуры наблюдателя, учитывающего расположение отдельных участков пространства относительно друг друга.

3. И в русском, и в китайском языковом сознании концепт НИЗ связан с отрицательными проявлениями характера и настроения.

4. Большое количество реакций китайской аудитории связано с когнитивным признаком «активное продвижение»: «积极向上 – активное движение

вверх», «积极 – активный» и результатом такого движения – «成功 – успех».

5. Доминирующим признаком при описании концепта ВЕРХ в русском языковом сознании является показатель «высокий» как в своем физическом значении, так и в социальном значении – «занимающий высокое положение в обществе».

6. Среди китайских респондентов чаще встречаются ассоциации, связанные с положительными эмоциями: «愉快 – радость», «快乐 – веселье», «微笑 – улыбка». Это можно связать с тем, что веселье, радость понимается китайцами как проявление счастья [5].

7. У русских студентов часто встречаются ассоциации со значением «карьера», «работа». Такие ассоциации определены особенностью социального устройства российского общества, где достижение определенного статуса является показателем успешности личности.

8. Собранный материал отличается большим количеством сверхсловных единиц. В первую очередь, это китайские идиомы, в основе которых часто заложен глубокий смысл с мифологическим или историческим подтекстом. На долю подобных ответов приходится 15,4 % реакций у китайских студентов. Такие реакции в большинстве своем являются единичными и индивидуальными: разом упасть на 1000 саженей –

落千丈 (о резком падении, сокращении); упасть так, что больше не встать – 蹶不振 (сдаваться после первой неудачи и поражения).

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

– важнейшей особенностью категории пространства является ее антропоцентричность, которая выражается в присутствии во взгляде говорящего общеус-

тановленных представлений, связанных с пространственным ориентированием;

– данные, полученные в результате ассоциативного эксперимента, расширяют структуру словарных дефиниций ВЕРХ/НИЗ и позволяют делать вывод о наличии определенных ментальных моделей, характерных для сознания носителей разных культур.

Литература

1. Воркачев С. Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. 2005. № 4. С. 76 – 83.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
3. Закорко С. В. Свободный ассоциативный эксперимент как основной метод психолингвистического исследования // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. № 1(9). С. 105 – 108.
4. Карасик В. И., Красавский Н. А., Слышкин Г. Г. Лингвокультурная концептология: учебное пособие к спецкурсу. Волгоград, 2009. 115 с.
5. Ли И. И., Го Ц. И. Концепт «счастье» в русском и китайском языковом сознании (на основании ассоциативного эксперимента) // Вестник гуманитарного научного образования. 2013. № 12(38). С. 16 – 19.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. 314 с.
7. Ситникова Е. В. Свободный ассоциативный эксперимент в лингвокультурном исследовании // Научный потенциал. 2013. № 2(11). С. 40 – 46.

Информация об авторе:

Козлова Наталья Александровна – старший преподаватель Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема, natpion@yandex.ru.

Natalia A. Kozlova – Senior Lecturer at Sholom-Aleichem Amur Region State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 81'42

КОГНИТИВНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ АВТОРСКОГО КОНЦЕПТА В ПРОЦЕССЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ РЕЦЕПЦИИ

К. В. Мартынюк

COGNITIVE TRANSFORMATIONS OF THE AUTHOR'S CONCEPT IN THE PROCESS OF THE READER'S RECEPTION

K. V. Martyniuk

Статья посвящена процессам концептуализации авторского текста его реципиентами. Целью статьи является анализ трансформаций авторского концепта в процессе его когнитивной обработки читателем. Полученные данные подтвердили гипотезу о том, что совокупность концептуальных признаков того или иного индивидуального концепта не является стабильной неизменяемой системой, а подвергается постоянным трансформациям, базирующимся на модусе восприятия.

The paper focuses on the processes of the reader's conceptualization of the author's text. As a result of the analyses, the hypothesis was proved that conceptual features of an individual concept are not permanent invariable features and can be continuously transformed according to the modus of perception.

Ключевые слова: концепт, концептуализация, рецепция, интерпретация, модус восприятия.

Keywords: concept, conceptual feature, conceptualization, reception, interpretation, modus of perception.

Введение

В данной статье анализируются некоторые результаты исследования, целью которого является описание процесса концептуализации авторского текста его реципиентами на концептуальном уровне. В данной публикации мы рассмотрим когнитивные трансформации, которым подвергается авторский концепт в процессе его когнитивной обработки читателем.

Занимаясь проблемой процессов понимания и интерпретации текста, исследователь неизбежно сталкивается с вопросом о том, каким образом читатель понимает, что именно заложено в текст автором. Теория прагматического понимания речевых актов Т. ван Дейка поднимает вопрос о том, «каким образом слушающий на самом деле узнает, что когда говорящий произносит то или иное предложение, он тем самым обещает или угрожает» [4, с. 15]. В работах Т. ван

Дейка и В. Кинча процесс понимания рассматривается как многоступенчатый процесс, направленный на ограничение вариативности не только на традиционных уровнях – грамматическом, лексико-грамматическом, но и когнитивном [4]. При этом подразумевается, что перцепция текста не ограничивается только восприятием языковых и графических знаков и средств, но в большой степени включает в себя и общий фонд знаний, коммуникативный фон. «Коммуникативный фон понимается прежде всего как совокупность условий и особенностей производства, распространения и восприятия медиатекста, иначе говоря, всего, что стоит за его словесной частью» [5, с. 28]. Для идентификации речевого акта слушающему нужна информация из многих источников и каналов, среди которых авторами выделяются грамматика, паралингвистика, наблюдение ситуации, хранящиеся в памяти знания, знания о характере происходящего, знания, полученные из предыдущих речевых актов, а также другие знания о мире. По сути, в процессе чтения текста (в данном исследовании мы говорим о художественном тексте) читателю для успешного понимания необходимо собрать компоненты информации из тех же самых источников и по тем же самым каналам. Лишь с тем только отличием, что в связи со спецификой письменного текста, читатель лишается возможности проанализировать паралингвистические характеристики исходного текста (в какой-то мере он сам приписывает данные характеристики читаемому тексту, исходя из собственного опыта, памяти, знаний, коммуникативной интуиции и т. д.) Иными словами, смысловое поле текста как языкового единства структурировано таким образом, что дает читателю как варианты, так и инварианты проекций текста. Если рассмотреть процесс понимания текста и декодирования смыслов, заложенных в нем, глубже, получается, что языковая база текста активизирует в сознании реципиента механизм соотнесения с той областью его знаний и опыта, в рамках которой реализуется данный дискурс. Именно поэтому «разные читатели выделяют неодинаковые значения в качестве основных, важных или представляющих интерес, а также наделяют дискурс различными темами и основным содержанием» [4, с. 45].

В связи с этим встает вопрос о характере взаимодействия автора и читателя в процессе создания и рецепции текста: «закладывает» ли автор определенный набор смыслов в текст для того, чтобы читатель декодировал актуальные для него смыслы, либо же эти смыслы не ингерентны тексту и складываются в процессе взаимодействия и наложения концептуальных структур автора и читателя. Кроме того, являются ли «рожденные» смыслы рецептора инвариантными, или же восприятие и понимание текста – это непрекращающийся процесс возникновения новых и новых вариантов интерпретаций.

Дизайн эксперимента

Материалом исследования послужили записанные 22 интервью, взятые у 14 респондентов в различных возрастных и гендерных категориях и принадлежащих к разным лингвокультурам. По возрастному критерию респонденты распределены по трем группам:

20 – 30 лет (6 человек), 30 – 50 лет (5 человек), 50 – 70 лет (3 человека). По гендерному критерию фокус-группа состоит из 7 мужчин и 7 женщин. Все респонденты являются носителями разных вариантов английского языка: американцы – 11 человек (среди них 1 респондент является американкой армянского происхождения, 1 респондент – латиноамериканского происхождения), австралийцы – 2 человека, канадцы – 1 человек.

Респондентам предлагалось прочитать рассказ Э. Хемингуэя «Там, где светло, чисто» (A Clean Well-Lighted Place) и записать видео- или аудиофрагменты со своими комментариями к прочитанному рассказу. Эксперимент при этом не предполагал для респондентов никаких ограничений по длительности записи, а также по темам, которые респонденты могут затрагивать. Данные интервью были переведены в письменные тексты, которые и составили эмпирическую базу данных.

Объектом описания в данной статье стал авторский художественный концепт LONELINESS, претерпевающий определенные трансформации в процессе рецепции художественного рассказа читателями.

На данный момент лингвистической науке известно значительное количество методов и приемов когнитивного описания концептов, однако и в этом множестве методик можно выделить достаточно общие тенденции анализа. Построение номинативного поля концепта через установление ключевого слова-репрезентанта является одним из общепринятых этапов в описании экспликации концепта [10].

В своем исследовании мы ориентируемся на разработанную З. Д. Поповой и И. А. Стерниным концепцию анализа, обращаясь также к исследованиям А. А. Залевской, Ю. С. Степанова, Н. Н. Болдырева, В. И. Карасика и др.

На первом этапе исследования мы провели концептуальный анализ авторского концепта, для этого определили ключевое слово-репрезентант, объективирующее концепт, содержание и динамику которого мы собираемся описать. В качестве такого слова выступает лексема LONELINESS (одиночество). Одиночество – универсальное чувство и состояние, переживаемое в тот или иной период жизни практически каждым человеком, независимо от его расы, возраста, социального статуса и других факторов. Феномену одиночества посвящено огромное количество исследований в разных областях знания – психология, социология, философия, филология и лингвистика. Тема одиночества в творчестве Э. Хемингуэя занимает центральные позиции, что отмечается как известными исследователями творчества писателя [6; 13], его биографами [9; 12], так и наивными читателями.

Выделив ключевое слово-репрезентант, мы через анализ синонимического расширения ключевого слова и контекстов, в которых номинируется исследуемый концепт [10], установили ядро номинативного поля концепта LONELINESS. Ядро номинативного поля концепта устанавливается, как правило, через синонимическое расширение ключевого слова-репрезентанта. Словари и тезаурусы американского варианта английского языка (18) фиксируют следующие

щие синонимы лексемы *loneliness*: *solitariness* ('одиночество', 'уединение'), *forlornness* ('заброшенность'), *desolation* ('опустошение'), *aloneness* ('пребывание в одиночестве'), *lonesomeness* ('тоска от одиночества'), *isolation* ('изолированность'), *singleness* ('одиночество', 'безбрачие'), *solitude* ('уединенность').

Необходимо уточнить, что в данном исследовании мы имеем дело не с национальным лингвокультурным, но с индивидуально-авторским концептом LONELINESS (одиночество). Языковая личность писателя трансформирует национальный концепт, наделяет его неповторимыми отличительными характеристиками, превращая в художественный концепт. Используя в своей работе данный термин, мы ссылаемся в первую очередь на работы психолингвистического направления в концептологии, в которых художественный концепт понимается как единица писательского сознания, репрезентированная в одном произведении/цикле/едином тексте художника слова и выражающая индивидуально-авторское осмысление предметов или явлений [1; 2].

Данный объект исследования требует адаптации методики концептуального анализа. Выявив ядро номинативного поля концепта LONELINESS в английском языке, мы предприняли попытку вычленить ядро номинативного поля данного концепта в анализируемом рассказе Э. Хемингуэя «Там, где светло, чисто» («A Clean, Well-Lighted Place»), однако выяснили, что в данном тексте нет прямого употребления субстантивной формы ни ключевого слова-репрезентанта, ни его синонимов и близких по значению слов. Таким образом, можно предположить, что номинативное поле индивидуально-авторского концепта LONELINESS не имеет четко выраженного ядра, что является его яркой особенностью.

Анализ концепта продолжается через установление периферии номинативного поля. Как уже было отмечено, прямой номинации концепта в рассказе мы не находим, однако дважды встречаем однокоренную единицу лексемы *loneliness* – «*lonely*» (одинок). Так как в данном случае лексема *lonely* выполняет функцию замещения ключевого слова-репрезентанта, для более полного представления о концепте мы обратились к анализу синонимического расширения данной лексемы, проведенному на базе 18 словарей. Нами было зафиксировано 43 синонима лексемы *lonely* и 76 близких ей по значению слов. В тексте анализируемого рассказа не зафиксирована ни одна из найденных лексем, а это значит, что способ объективации концепта LONELINESS в исследуемом рассказе отличается от способов объективации данного концепта в национальном сознании.

Продолжая построение периферии номинативного поля концепта LONELINESS, мы обратились к анализу данных ассоциативных словарей. Лексема LONELINESS имеет следующие ассоциаты (в ходе данного анализа было собрано 96 реакций на словостимул LONELINESS): ALONE 10 (одинок, в одиночестве), SOLITUDE 8 (уединение), SAD 7 (грустный), OLD 4 (старый), RUNNER 4 (побег, бегун), FEAR 3 (страх), AFRAID 2 (напуганный), EMPTY 2 (пустой), ISOLATED 2 (изолированный), LIFE 2

(жизнь), MISERY 2 (страдание, несчастье, нищета), QUIET 2 (тихий, бесшумный), SELF 2 (сам, себя), TIRED 2 (утомленный, уставший), UNHAPPY 2 (несчастный), VOID 2 (пустота, вакуум), AGE 1 (возраст), ANXIETY 1 (тревога, беспокойство), BAD 1 (плохой), BED-SITTER 1 (сиделка), BLANK 1 (пустота), BOREDOM 1 (скука), CLOAK 1 (покрывало, прикрытие), DEATH 1 (смерть), DESPERATE 1 (отчаявшийся), DONE 1 (измученный, уставший), FED UP 1 (сытый по горло), FLAT 1 (однообразный, безжизненный), FRIENDSHIP 1 (дружба), GREY 1 (серый, седой, монотонный), HIGHLANDS 1 (горная страна), HOME 1 (дом), HORRID 1 (ужасный, отвратительный), HUNG 1 (повешенный), ISOLATION 1 (изоляция), LOST 1 (потерянный), MAN 1 (человек, мужчина), MELANCHOLY 1 (меланхолия), MISSING 1 (отсутствующий, пропавший), OLD AGE 1 (преклонный возраст), OLD PEOPLE 1 (пожилые люди), OLD WOMAN 1 (пожилая женщина), OLD-AGE 1 (пожилой возраст), ONE 1 (один), PEOPLE 1 (люди), ROOM 1 (комната, пространство), SADNESS 1 (грусть, печаль), SILENCE 1 (тишина), STARK 1 (окоченелый, застывший), STRIFE 1 (борьба, ссора), TERROR 1 (ужас), THINK 1 (думать), TIME 1 (время), TONY 1 (изысканный (или имя Тони), UNDERWATER 1 (подводный), WOMAN 1 (женщина).

Несмотря на обширность ассоциативного ряда ключевого слова LONELINESS, в тексте анализируемого рассказа встречаются лишь немногие из перечисленных языковых единиц (для удобства они выделены жирным шрифтом и подчеркиванием). Однако отметим, что выявленные ассоциаты в большинстве своем имеют сходные семантические компоненты и могут быть объединены и категоризованы в следующие когнитивные признаки (с учетом результатов анализа синонимического ряда):

- 1) быть наедине с собой, не в компании людей;
- 2) (не) по собственному желанию быть изолированным от других людей;
- 3) не иметь или лишиться интимно-личностных отношений (дружеских, семейных, сексуальных и т. д.);
- 4) иметь определенные физические/психологические проблемы, но не иметь надлежащего ухода;
- 5) испытывать отрицательные эмоции, находиться в угнетенном состоянии (не нормальном для человека);
- 6) быть старым (не иметь достаточно жизненного времени);
- 7) связано с пустотой в физическом или психологическом плане;
- 8) может быть вызвано или сопровождаться тишиной или отсутствием звуков;
- 9) приводит к физическому истощению;
- 10) может быть вызвано смертью кого-либо или привести к смерти субъекта, находящегося в состоянии одиночества;
- 11) так или иначе связано с домом, домашним очагом или его отсутствием.

На следующем этапе нашего исследования мы проанализировали, какие из данных когнитивных признаков реализуются в индивидуальном авторском сознании, с помощью каких языковых средств и в

каком соотношении. В связи с определенными рамками научной статьи мы не имеем возможности полностью привести данные анализа, поэтому опишем сразу его результаты. Итак, когнитивные признаки индивидуально-авторского концепта LONELINESS располагаются в следующей последовательности, в зависимости от их частотности (в скобках – примеры языковых репрезентаций); цифры – количество языковых репрезентаций данного признака в рассказе: Возраст, старость против юности (“He must be eighty years old”, “An old man is a nasty thing”) 33, «Ничто» (“Nada”, “nothing”) 30, Алкоголь (“drunk”, “brandy”) 20, Дом (“I want to go home to bed”) 12, Недостаток времени (“He was only in a hurry”) 11, Достоинство (“a very old man walking unsteadily but with dignity”) 7, Отличие, разница / Не принадлежность к группе (“A clean, well-lighted cafe was a very different thing”, “Otro loco mas”) 6, Смерть/Самоубийство (“he tried to commit suicide”) 6, Отсутствие интимно-личностных отношений (“He had a wife once too”) 6, Деньги (“He has plenty of money”) 5, Тишина (“he was deaf”, “now at night it was quiet”) 5, Уверенность (“No. I have never had confidence and I am not young”) 5, Отсутствие надлежащего постоянного присмотра, помощи (“His niece looks after him”) 5, Отрицательные эмоции (“He was in despair”, “What did he fear?”) 4, Сон (“it is probably only insomnia”) 3, Работа (“You have youth, confidence, and a job”) 3, Эмпатия (“Each night I am reluctant to close up because there may be some one who needs the cafe”) 2, Быть наедине с самим собой (“Turning off the electric light he continued the conversation with himself”) 2, Пелигия (“Why did they do it?” – “Fear for his soul”) 2, Пустота (“Where the tables were all empty except where the old man sat”) 1.

Последним этапом анализа в данной статье является когнитивный анализ индивидуально-авторского концепта LONELINESS в интерпретации читателей. Полученные от респондентов интервью были проанализированы таким же образом, как и сам рассказ с целью выявления когнитивных признаков.

Напомним, что в ходе исследования было проинтервьюировано 14 человек, 8 из которых проходили процедуру дважды (т. е. всего было собрано 22 интервью). В анализируемом рассказе Э. Хемингуэя было выделено 19 когнитивных признаков концепта LONELINESS, но ни в одном из 22 интервью не реализован полный набор данных когнитивных признаков, более того, в 13 интервью (что составляет 60 % от общего количества) реализовано менее половины когнитивных признаков, «заложенных» автором в рассказе.

Вторичные интервью показали также, что набор признаков может варьироваться не только в зависимости от индивидуальных особенностей респондента, но и от конкретных условий, в которых протекают интерпретационные процессы читателя. 8 человек повторяли процедуру интервью через определенный промежуток времени (1 – 2 недели). Анализ их комментариев показал, что в 100 % случаев количество и иерархия когнитивных признаков, реализованных в комментариях после вторичного прочтения, не совпадает с количеством и иерархией когнитивных признаков, реализованных в высказывании после первого прочтения. Тем не менее возможно определить, какие

признаки чаще всего имеют наивысший рейтинг в иерархии когнитивных признаков, актуализированных в большинстве комментариев респондентов: признак *отрицательные эмоции* стоит на верхних позициях в 17 из 22 комментариев, признак *возраст* – в 16 из 22, признак *эмпатия* – в 11 из 22 комментариев. Здесь же необходимо отметить, что, являясь наиболее ярко выраженными признаками, актуализированными большинством респондентов, эти признаки в большем объеме подверглись изменению (в сравнении с теми, что были выявлены в структуре индивидуально-авторского художественного концепта). Когнитивный признак *возраст* особых изменений не претерпел, в основном за счет того, что и в рассказе, и в интервью респондентов он актуализируется одинаково как идея конфликта поколений. Однако признаки *отрицательные эмоции* и *эмпатия* в рассказе актуализированы неярко и исключительно за счет описания состояния и/или поведения главных героев, в комментариях респондентов, в свою очередь, эти признаки значительно расширены описанием собственных чувств респондентов по отношению к главным героям и их поведению. Как правило, такое расширение признака реализовано с помощью глаголов с семантикой чувствования/ощущения:

Отрицательные эмоции:

- I feel like this guy is depressed / У меня такое ощущение, что этот парень подавлен. (Alexander D.)
- I feel bad for this guy / Я сочувствую этому парню. (Alexander D.)
- I just felt very despairing / Я чувствую себя в полном отчаянии. (Bethany L.)
- I was worried for the old man /Я переживала за старика. (Bethany L.)

Эмпатия:

- I guess I sympathize with the older waiter / Думаю, я сочувствую старику. (Andrew Ch.)
- I feel sorry for the drunk man / Мне жаль этого подвыпившего старика. (Andrew Ch.)
- I get I'm just feeling so much sympathy for this man / Мне кажется, я чувствую такое сострадание к старику. (Bethany L.)
- I feel the hurried waiter is still being very rude and this makes me mad/ Я чувствую, что официант, который торопится, очень груб, и это меня злит. (Carmen L.)

Полученные результаты предоставляют экспериментальные данные, подтверждающие наше утверждение [8] о том, что когнитивное взаимодействие концептуальных сетей автора и читателя строится с помощью определенных связей – модусов восприятия. «Будучи ведущей переживаемой актуально эмоцией, выполняющей функцию аттрактора для формирующейся концептуальной сети, модус постоянно находится в зависимости от реальной действительности, а потому постоянно видоизменяется в соответствии с текущими многочисленными факторами речевой ситуации. Это приводит к тому, что концептуальная сеть может переструктурироваться при восприятии одного и того же текста одним читателем каждый раз, когда изменяются обстоятельства» [8].

Выводы

В процессе создания текста автор определенно «закладывает» в него некий набор смыслов, концептов и их признаков, опираясь на типизированные схемы знаний и когнитивные модели, устоявшиеся в данном языковом сообществе, а также ориентируясь на собственный опыт, конкретные мотивы и индивидуальную концептуальную систему. Однако читатель в силу собственных индивидуальных особенностей «вскрывает» лишь некоторые из заложенных в текст смыслов. В процессе рецепции текста читатель существует в художественном пространстве текста, он «погружается» в художественную среду этого текста. Между тем, как известно, «области окружающей среды, доступные для взаимодействия двух и более организмов – области взаимодействий – в один и тот же момент времени совпадают только в исключительных случаях (чаще всего мы находимся в различных точках физического, личного, социального и даже ментального пространства и времени), к тому же совокупности возможных взаимодействий организма со средой также не совпадают от особи к особи в силу

индивидуальных физиологических, психических и других особенностей» [7]. Иными словами, существуя в пространстве художественного текста, читатель все же организует свое существование в нем иначе, нежели автор или даже он сам, но в другой период времени.

Из предыдущего же утверждения и полученных экспериментальных данных следует, что художественный концепт подвергается когнитивным трансформациям не только от читателя к читателю, но и при каждом последующем чтении текста одним и тем же читателем. Совокупность концептуальных признаков не является стабильной и устоявшейся иерархией с четким ядром и периферией – под влиянием ежесекундно меняющихся факторов окружающей среды меняется как состав, так и взаиморасположенность признаков. Процессы концептуализации при этом проходят на базе модусов восприятия – динамичных связей, актуально переживаемых и зависимых от сиюминутных условий эмоций, высвечивающих при этом тот или иной концептуальный признак в структуре концепта и затеняющий остальные.

Литература

1. Беспалова О. Е. От соотношении художественного и культурного концептов (на материале поэзии Н. Гумилева) // Слово. Семантика: сб. науч. труд. СПб.: РГПУ, 2002. С. 90 – 96.
2. Бутакова Л. О. Роль модальностей восприятия в формировании смысловой системы автора и ее репрезентации в структуре художественного текста // Восприятие: лингвистический и психолингвистический аспекты: сборник научных трудов / под ред. Л. О. Бутаковой. Омск: ОмГУ, 2005. 120 с.
3. Грибанов Б. Хемингуэй. (Серия: Жизнь замечательных людей). М.: Молодая гвардия. 1971. 448 с.
4. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: БКГ им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
5. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). Изд. 2-е, стереот. М.: Едиториал УРСС, 2005. 288 с.
6. Кашкин И. А. Эрнест Хемингуэй. Избранные произведения: в 2-х т. / под ред. И. А. Кашкина. М.: Государственное издательство Художественной литературы, 1959.
7. Колмогорова А. В. Человек, но светлый: об одном из способов объективации языкового значения // Вопросы психолингвистики. 2009. Вып. 10. С. 120 – 128.
8. Колмогорова А. В., Мартынюк К. В. Концептуальное взаимодействие автора и читателя в процессах создания и рецепции текста // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: ТГУ им. Державина, 2014. № 3(040). С. 19 – 37.
9. Паскуаль А. Эрнест Хемингуэй / пер. с исп. А. Берковой. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. 188 с.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. 314 с.
11. Рахимова Н. М. Когнитивные стратегии интерпретации прецедентного текста в контексте художественного произведения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2011. № 2. С. 139 – 142. Режим доступа: <http://www.gramota.net/materials/2/2011/2/41.html>
12. Чертанов М. Хемингуэй. Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2010. 576 с.
13. Wagner-Martin L. Ernest Hemingway. A literary life. Palgrave Macmillan. N.Y.; London, 2007.

Информация об авторе:

Мартынюк Ксения Владимировна – старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания Новокузнецкого филиала КемГУ, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ИФ и ЯК Сибирского федерального университета, martynukkv@gmail.com.

Ksenia V. Martynyuk – Senior Lecturer at the Department of the English language and Methods of Teaching, Novokuznetsk branch of Kemerovo State University; post-graduate student at the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Siberian Federal University.

(Научный руководитель: **Колмогорова Анастасия Владимировна** – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ИФ и ЯК Сибирского федерального университета, nastiakol@mail.ru).

Research advisor: Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor at the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Siberian Federal University).

Статья поступила в редколлегию 03.09.2015 г.

ОБРАЗ 'РИМЛЯНИН/РИМЛЯНКА' В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. МОРАВИА КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ЦЕННОСТНОЙ ПОЗИЦИИ АВТОРА

Е. О. Омеличкина, А. А. Альшан

THE IMAGE 'ROMANO/ROMANA' IN A. MORAVIA'S WORKS AS MEANS OF ACTUALIZATION OF THE AUTHOR'S VALUES

E. O. Omelichkina, A. A. Alshan

В настоящей статье рассматривается ценностная позиция итальянского писателя-антифашиста А. Моравиа, которая раскрывается через реализацию образа *romano/romana* в художественных произведениях. Политический и социокультурный компонент – установившийся в 20-е гг. XX века в Италии фашистский режим – расширяет концептуальное пространство исследуемого образа и позволяет сформировать представление о жителе Рима как выразителе итальянской культуры предвоенного времени.

The paper deals with the value outlook of the Italian anti-fascist writer A. Moravia which is revealed through the manifestation of the *romano/romana* image in his works of fiction. The political and socio-cultural constituent – the established fascist regime in Italy of the 1920s – expands the conceptual space of the studied image and allows to form a picture of a Roman resident as a mouthpiece of the pre-war Italian culture.

Ключевые слова: образ, ценности, мировоззрение автора, авторская картина мира, неореализм, житель Рима.

Keywords: image, values, author's outlook, author's picture of the world, neo-realism, Roman resident.

В предвоенное и военное время, как и в любые переломные моменты истории, наиболее ярко проявляется народный характер. Италия в первой половине 40-х гг. XX в. пережила две абсолютно разные войны. Первая, навязанная стране фашизмом, захватническая война в союзе с гитлеровской Германией, вторая – патриотическая, антифашистская война, получившая, как и в других оккупированных странах Европы, название Сопротивления. Римляне увидели марш 1922 г., в результате которого в стране установилась фашистская диктатура. Затем, уже в 1943 г., Рим и его жители подверглись оккупации со стороны немецких войск и были освобождены только 4 июня 1944 г. англо-американскими войсками.

Послевоенная литература Италии обращалась к теме войны и Сопротивления, раскрывая драматизм пережитых страной событий, сопровождаемых сменой ценностных парадигм, порой, полной девальвацией ценностей, но одновременно и глубокими изменениями в народном сознании, произошедшими благодаря антифашистской борьбе, которая сплотила нацию. Так, в итальянском искусстве XX в. родилось новое направление, получившее название неореализм. Неореализм – это и «реализм снова», т. е. возвращение к реалистической традиции, подорванной в период фашистского «черного двадцатилетия», а также «реализм новых времен», отражающий современную действительность с ее противоречиями и ищущий для ее репрезентации новые изобразительные средства. Для данного литературного течения характерно практически документальное изображение жизни «бедных, униженных людей», «маленького человека», чей образ предельно достоверен и прост.

Одним из самых ярких представителей неореализма в литературе является итальянский писатель Альберто Моравиа. Большинство произведений Моравиа посвящено Риму и римлянам во времена господствующего в стране фашизма. Герои его книг и римские буржуа и люди из рабочего класса, подавленные, опустившиеся и одинокие либо, напротив, продолжающие борьбу, отличающиеся богатым внутренним миром и верностью идеалам. А. Моравиа наиболее полно из

всех современных итальянских писателей раскрыл характер, уклад жизни, моральные ценности и поведение жителей Рима во времена правления Муссолини. Определяющей чертой нравственного сознания писателя А. Моравиа было сопротивление сначала итальянскому, а затем европейскому фашизму.

Поскольку писатель является представителем определенной лингвокультуры, он выступает в роли носителя и выразителя присущей ей системы ценностей. С помощью ценностей семиотизируется все пространство общественной жизни, выявляются ее цели, приоритеты и образцы, обладающие особой значимостью и смыслом. Им свойственна эмоциональная привлекательность и кажущаяся неоспоримость. Поэтому они лежат в основе целеполагания и выбора общей стратегии поведения. Они позволяют конструировать новые общественные структуры и отношения исходя из их желательности и жизненной необходимости. При этом ограниченность наличных ресурсов может восприниматься как временное затруднение, которым возможно пренебречь. Но и сами ценности могут быть относительными и изменчивыми. Их восприятие и трактовка меняются в зависимости от интересов и представлений различных общественных групп, и с течением времени они подвергаются переоценке. Ценности выступают как способ ориентации в мире и формирования жизненной позиции субъекта. Сама действительность становится объектом ценностных установок и последующих актуализаций в соответствии с особой значимостью выдвигаемых требований, эталонов и представлений для действующего субъекта [5, с. 95, 96].

Автор жил и писал в ту эпоху, когда в обществе произошло смещение ценностей, их нивелирование. Подобная трансформация также стала главной темой многих европейских фильмов тридцатых-сороковых годов, например, «Рим – открытый город» (итал. *Roma, città aperta*) 1945 г. режиссера Р. Росселлини. Изменение ценностной системы зачастую происходит на фоне войны или установления тоталитарного режима, полностью подчиняющего себе волю граждан. В это время Рим в метафорическом смысле раскололся на две части: часть приняла нацистскую идеологию, часть заняла

противоположную сторону, начав партизанскую войну против захватчиков. Развернулась не только борьба за жизнь, но главным образом за право отстаивать свои идеи, моральные принципы и существующие ценности. А. Моравиа мастерски сумел показать ментальную раздвоенность итальянцев в своих произведениях.

Многие исследователи отмечают, что ценности являются важным компонентом для построения языковой картины мира. Различные комплексы ценностей выступают в качестве сущностных характеристик культуры и закрепляются в языковом сознании общества. Преобладающие в обществе социокультурные установки и ценностные ориентиры оформляются в языковые стереотипы и образы, в которых отражается отношение человека к окружающей действительности и его жизненные приоритеты [5, с. 97].

Ценностные ориентации достаточно полно характеризуют мировоззрение писателя, тип его сознания и поведения, устойчивые модели общественной и творческой деятельности. Таким образом, речь идет о сформированной авторской картине мира, вербализованной в художественных произведениях. Картина мира представляет собой взгляд носителя культуры на окружающий его мир, эмоционально окрашенную систему представлений членов общества о самих себе, о своей социальной активности и взаимоотношениях с действительностью, результат духовной деятельности человека. Индивидуально-авторская картина мира обладает большим количеством только ей присущих черт. В. А. Маслова характеризует ее как «образ мира, сконструированный сквозь призму сознания и языка писателя, результат его духовной активности», «субъективный образ объективного мира» [2, с. 42 – 43]. По мнению Е. А. Ворониной, авторское мировидение в процессе художественного творчества не только становится языковой картиной мира, но и формирует концепцию, влияет на жанровое и стилевое своеобразие создаваемого произведения [1, с. 65]. Авторская картина мира включает в себе помимо универсальных и национальных черт уникальность творческого субъекта, индивидуально-личностную составляющую, участвующую в создании текста. Авторскую картину мира в тексте могут отражать лексические повторы, лейтмотивные слова, символы, образы, аллюзии, тематические, синонимические, антонимические и ассоциативно-образные ряды, формирующие внутритекстовые и интертекстуальные связи [6, с. 85].

Важно отметить, что любые существенные изменения картины мира влекут за собой перемены в системе убеждений, идеалов, принципах познания и деятельности, ценностных ориентациях и духовных ориентирах.

Образ мира писателя заключается не только в индивидуальном способе представления в тексте творчески познаваемой реальной действительности, но и в репрезентации образа героев. Они соединяют в себе единство объективного и субъективного, индивидуального и стереотипного. Типичность возникает на почве взаимосвязи художественного образа с жизнью и предполагает адекватность отражения бытия. Благодаря типичности литературных образов авторы могут делать глубокие обобщения, выводы, моделировать историческую ситуацию, предполагать дальнейшее развитие событий. В своем исследовании мы ориентируемся именно на это свойство образа. Мы типизируем образ

«*gomano/gomana*», так как этот образ, наделенный обобщенными чертами, представлен наиболее ярко на фоне предвоенного времени и поэтому отражает историческую реальность, в то же время обладая рядом специфических, авторских характеристик.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что художественным является только тот образ, который несет в себе эстетическую ценность, является главной «передающей» деталей художественного механизма, без которой невозможно развитие сюжета, понимание смысла. Художественный образ выступает в качестве основной единицы литературного текста. С помощью образа репрезентируются предметы окружающего мира, осмысляются события, человеческие чувства и характеры, духовные устремления и поступки героев. В образах заключен замысел автора и главная идея произведения.

Образ по своей природе интертекстуален. В романе «Римлянка» главная героиня Адриана выполняет функцию «проводника» к первообразу Бога. По ходу действия произведения девушка часто посещает церковь, обращается к святыням, писатель даже сравнивает ее с образом Мадонны, подчеркивая религиозное, духовное начало. А. Моравиа ассоциирует образ Адрианы с любовью, страстью, надеждой, искренностью, естественностью. Образ может перерасти в символ, обобщающий целый спектр идей и явлений, являющийся сложным, многозначным иносказанием. Ребенок, который должен родиться у Адрианы, получит имя Летиция, которое в буквальном переводе с итальянского означает «надежда». Образ можно рассмотреть как «надежду, веру в лучшее, смысл жизни, истину, любовь», подобно образу Бога, который и есть «смысл бытия, надежда на светлое будущее». Адриана верит, что ребенок будет жить лучше и счастливее, чем она.

Недосказанность и открытость образа предполагают неожиданное самоустранение автора, приглашающего читателя принять равноправное участие в диалоге. Моравиане повествует о дальнейшей судьбе Адрианы после смерти ее возлюбленного, тем самым оставляя читателю право на самостоятельную интерпретацию возможных будущих событий. Оправдаются или нет надежды героини – решать читателю.

Ценностная ориентация передается образу от автора и зависит от аксиологической функции произведения. Каждый образ что-то утверждает или отрицает, является не данным, а заданным или ценностно-ориентированным. Адриана предстает носителем жизненных ценностей. Это земное счастье, жизнь с любимым человеком, надежда на лучшее. Ее избранник, Джакомо, ориентирован на другие ценности. Он бунтарь, ему важно добиться правды любой ценой, вырваться из буржуазного круга, в котором он вынужден существовать, но он неминуемо терпит фиаско.

Таким образом, в нашей работе мы рассматриваем образ с точки зрения ценностной наполненности. Анализ внешнего и внутреннего портрета, поведения позволяет наиболее полно выявить набор ценностных ориентиров, характерных для образа «*gomano/gomana*». Существенное влияние на развитие и изменение ценностного компонента оказывает социально-политический фактор – Италия времен правления Муссолини. Фашистская идеология укореняется только тогда, когда люди перестают ощущать себя полноправными гражданами, разрывают узы с другими

людьми, не интересуются окружающей действительностью.

Если Карла из романа «Равнодушные» является отражением авторского видения представителей римской буржуазии, то Адриана из «Римлянки» ассоциируется у писателя с родным городом Римом. Рим А. Моравии не туристический город, но и не город серых кварталов, постепенно поглощающих оставшуюся зелень. Его Рим – это идея в виде лестницы, которая ведет к дому буржуазной семьи, к дому, в котором происходят и хорошие и плохие события. Рим персонифицируется и предстает в образе чувственной женщины, стареющей, меняющейся с годами под воздействием внешних факторов. Но изменения происходят только снаружи, а внутри, вопреки желаниям и надеждам, все остается неизменным. Прежней остается и любовь к ней. Представления об итальянских женщинах бытуют в римском народном эпосе, в котором свое место нашла поговорка, подчеркивающая такие качества, как стойкость и сила воли: *Le donne hanno le lacrime in tasca* (женщины прячут свои слезы). Недостатки Рима и ее обитателей – отражение всех нравственных противоречий, которые испытывает автор и другие борцы за гуманизм и которые он глубоко чувствует в городе, в котором живет.

В романах Моравии фигурируют персонажи различных социальных групп, в том числе: простой народ (*il popolo*); интеллигенция (*l'intelligenza*); население окрестностей Рима («иностранные») (*il popolo della periferia («gli stranieri»)*).

При этом Моравия поднимает такие темы, как проституция, о которой мало кто говорил и писал в первой половине XX в., хотя это было значимой проблемой и довольно распространенным явлением. Рим называли город шести «р»: *papa* (папа), *preti* (священники), *principi* (принцы), *puttane* (проститутки), *pulci* (блохи) и *povertà* (бедняки). У Моравии из шести в романах присутствуют три «р»: проститутки, священники и бедняки.

Моравия в первую очередь был реалистом, в его описаниях больше реального, нежели выдуманного. Он может оценить современных ему римлян, которые помимо недостатков обладают еще и рядом достоинств, одна из которых – дар природной «невинности» (Адриана из «Римлянки»). Но самое главное – то, что Моравия изображает Рим «живым» городом, в котором жизнь идет полным ходом, опровергая установившийся стереотип о Риме как «городе руин», мертвом городе.

Автор хорошо знаком с буржуазной средой, которая и стала темой его произведений, так как он родился и вырос в Риме в семье архитектора. В основном, герои его книг – представители среднего класса. В своих романах он описывал римского интеллигента XX в.: необщительного, замкнутого в себе персонажа. Действие разворачивается в эпоху становления фашизма, когда люди переживали духовную пустоту и одиночество.

В романе «*Gli indifferenti*» («Равнодушные», перевод Л. Вершинина) в центре внимания – разоряющаяся буржуазная семья. Глава семьи – Мариаграция, мать двоих детей – Карлы и Микеле. Семья помогает богатый любовник Мариаграции, Лео. Он пытается соблазнить Карлу, которая уступает ему, в надежде, что что-то поменяется в ее жизни. Название романа символично и метафорично. «Равнодушными» автор называет духовно-опустошенных, одиноких, безразличных к происходящему вокруг людей. Являясь ярким противником фашизма, Моравия осуждал тех, кто безропотно принял провозглашенную Муссолини идеологию, базирующуюся на том, что идеи фашизма якобы вдохнут в молодежь моральные доблести древних римлян. Писатель уже в 1929 г. уловил те черты современного общества, которые критика впоследствии назовет «отчужденность» и «некоммуникабельность».

Автор романа «Равнодушные» дает следующий внутренний портрет главного героя, студента Микеле:

Un disgusto opaco l'opprimeva; i suoi pensieri non erano che ari dità, deserto; nessuna fede, nessuna speranza alla cui ombra riposare e rinfrescarsi; la falsità e l'abiezione di cui aveva pieno l'animo e gli levedevane gli altri, sempre, impossibile strapparsida gli occhi quellos guardos coraggiato, impuro che si frappa ne vatra lui e la vita; unpo' disincerità, si ripetevani aggrappando si alla su aveccia a idea fissa, "unpo' difede ... e avrei ucciso Leo ...ma ora sarei limpido come una goccia d'acqua". I suoi pensieri erano confusi, contraddittori: "E ancora" pensava con unbrusco, di speratori torno alla realtà, "forse questo soltanto dai miei nerviscossi... forse non è che una questione di denaro o di tempo o di circostanze". Ma quanto più si sforzava di ridurre, di semplificare il suo problema, tanto più questo gli appariva difficile, spaventoso. "E' impossibile andare avanti così". Avrebbe voluto piangere; la foresta della vita lo circondava da tutte le parti, intricata, cieca; nessun lume splendeva nella lontananza: "impossibile" [7, p. 213].

«Ему стало противно, тошно. В сердце были лишь опустошенность и сознание одиночества, точно он один в целой пустыне. **Ни веры, ни надежды.** Он видел, что и другие столь же лицемерны, и грязны, и подлы, как он. И все время с отчаянием наблюдал за самим собой, и это отравляло ему жизнь. **“Хоть бы мне немного искренности и веры,** – твердил он, не в силах избавиться от навязчивой идеи, – **и я убил бы Лео...** Погубил бы себя, зато стал бы чистым, как вода в ручье” ...Мысли его сбивались, путались. «А может, – подумал он, внезапно вернувшись к суровой действительности, – может, у меня просто сдали нервы?.. Может, все дело в деньгах или в неудачном стечении обстоятельств?». Но чем больше он старался упростить, преуменьшить свои проблемы, тем более пугающими и трудными они ему казались. «Так дальше жить нельзя!». Непролазно густой, темный лес жизни обступил его со всех сторон. **А вдали – ни единого огонька. И никакого выхода»** [3, с. 484].

Лексический повтор *nessuna fede, nessuna speranza* (никакой веры, никакой надежды) демонстрируют, что юноша поражен болезнью тщеславия и равнодушия, он осознает себя неполноценным человеком и вместе с тем передают общее настроение романа. Он видит ни-

чтожность своей жизни, но на поступок он не способен. И тем более на борьбу. Условной предложение *“unpo' difede... e avrei ucciso Leo...”* (“Хоть бы мне немного искренности и веры, и я убил бы Лео...») говорит о внутреннем состоянии героя, его бессилии.

Микеле страдает от собственного бездействия. Он пытается оскорбить Лео не только ради акта мести и справедливого негодования, но, прежде всего, для самоутверждения и духовного пробуждения. Однако даже выстрел в Лео приобретает фарсовый, трагикомический оттенок, ибо Микеле знает о бессмысленности своих поступков. Подобное потрясение не способно вывести его состояния тоски, безверия и отстраненности. И как следствие, сравнительный оборот *limpido come una goccia d'acqua* указывает на то, что удел Микеле – отчужденность, духовное одиночество, которое подобно безразличию героя экзистенциальной повести А. Камю «Посторонний».

Nessun lume splendeva nella lontananza: "impossibile" – этот роман заканчивается словами о надежде, которая недостижима в ближайшем будущем. Тема надежды становится лейтмотивом многих произведений Моравии. Героиня романа «Чочара» (1957) скажет: «Больше всего я ждала одного – освобождения, потому что свобода не только прекрасна, но и справедлива, если все люди становятся в равной мере свободными. И я вдруг поняла, что жизнь людей, которые ждут и надеются на освобождение, полна более глубокого смысла, чем жизнь тех, кто ничего не ждет и ни на что не надеется». Надежда на освобождение – вот истинный смысл и идея романа, вот то, что хотел обрести Микеле, который является неким «лучом света в темном царстве» в данном произведении.

«La romana» («Римлянка», перевод Т. Блантер), опубликованный в 1947 г., одновременно исторический, политический и социальный роман, события которого разворачиваются в Италии времен диктатуры. Действующие лица романа – обычные жители Рима, которые вынуждены выживать любой ценой, не гнушаясь самой низкой долей. Адриана, став публичной женщиной, отказалась от всех надежд юности, подчинившись и приспособившись к действительности. Однако она сохранила в себе такие черты, как человечность и искренность. Как известно, самое важное во внешнем виде любого человека – его глаза, отражающие его внутренний мир. Автор использует эпитеты *lunghe, grandi, dolci* (миндалевидные, большие, лучистые) для описания глаз Адрианы, тем самым акцентируя внимание на ее красоте.

В «Римлянке» есть один очень характерный для Моравии-романиста персонаж: буржуазный интеллигент Джакомо, или как его ласково называла Адриана, Мино. Джакомо противопоставляется Адриане. Он бунтарь, как Микеле из «Равнодушных», но оказавшийся в несколько иных жизненных обстоятельствах. Джакомо восстает против привычного с детства буржуазного мира, в который так мечтала попасть Адриана. Автор дает подробный внутренний портрет персонажа.

Ho ditto che <i>era educato, colto, intelligente, delicato, serio</i> . Ma disprezzava quest'intelligenza, questa educazione, questa cultura, questa delicatezza, quest'aspettativa, soltanto perchè sospettava di doverle all'ambiente e alla famiglia in cui era nato e cresciuto.	<i>Он</i> , как я уже говорила, <i>был хорошо воспитан, образован, умен, тонок, серьезен</i> . Но он презирал все эти качества лишь за то, что обязан был ими семье и той среде, в которой родился и вырос.
Nonostante il suo proclamato e, come credo, <i>sincero</i> odio per gli uomini, c'era in lui, nello stesso tempo, per una curiosa contraddizione, un <i>irrefrenabile</i> istinto di predicare e agire a favore di quello che egli pensava fosse il bene degli uomini [8, p. 277].	Вопреки всем его разговорам о ненависти к людям, которая, я думаю, была вполне <i>искренней</i> , он в то же время, как это ни странно и ни противоречиво, с <i>неукротимой</i> энергией проповедовал и действовал во имя того, что он считал благом для человечества [4, с. 295].

Моравия награждает своего героя набором ярких эпитетов: *educato, colto, intelligente, delicato, serio* (хорошо воспитан, образован, умен, тонок, серьезен). Но при всех положительных характеристиках Джакомо не любил ту среду и то общество, которое сформировало в нем эти черты и отрицает свою избранность. В приведенном отрывке явно проводится параллель с жизненным опытом автора. Моравия также презирал среду, в которой родился и вырос.

На протяжении всего романа Джакомо не устает утверждать, что ненавидит людей. Он был глубоко увлечен идеями борьбы, о чем свидетельствует эпитет *sincero* (искренний, об убеждениях), не останавливался ни перед чем (тому примером служит эпитет *irrefrenabile* (неукротимый, об энергии)). Стремление построить новый мир приводит Джакомо в антифашистскую организацию. Однако герою не хватает мужества быть последовательным? и, предав друзей, он сам выносит себе смертный приговор. Трагедия Джакомо и других молодых итальянцев того времени автор видит в том, что они, отрицая существующий режим, оказываются неспособными сформулировать свой манифест и, следовательно, бездействуют.

В романе четко прослеживается авторская оценка поведения героев. Очевидно, что автору неприятно

равнодушие и бездушие Джакомо, он не испытывает к нему положительных чувств. При этом чувственная и живая Адриана, наоборот, вызывает чувство симпатии и сострадания у Моравии. Нигилизм и бунтарство Джакомо – обратная сторона примиренчества Адрианы, которая принимает свою судьбу.

В разговоре с Адрианой Джакомо признается ей, что хотел бы быть похожим на бандита Сонцоньо. Сонцоньо, по его словам, «сильная личность», которая идет до конца. В образе Джакомо и Сонцоньо заключена идея богоборчества, которая характерна для образа Раскольникова в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Сонцоньо в романе совершает два непреднамеренных преступления. Джакомо же, попав в руки полиции, выдает своих товарищей по подполью. Джакомо совершает преступление не из-за страха и корысти, а по причине равнодушия и отчужденности. Впоследствии он беспощадно осуждает свой поступок, и его наказанием становится самоубийство.

Образ римлянина/римлянки, представленный в произведениях Моравии, имеет ряд важных характеристик. Проиллюстрируем их в нижеприведенной таблице. В скобках отмечены положительные и отрицательные характеристики.

<i>Характеристики</i>	<i>Персонаж, содержащий в себе данное качество</i>
Страсть – passion (+)	Адриана
Светлая натура – naturachiaro (+)	Адриана
Любовь к родному городу – amore nei confronti della città natale (+)	Адриана
Темпераментность – calorosità (-)	Джакомо, Сонцоньо
Воспитанность – educazione (+)	Джакомо
Надменность – arroganza (-)	Карла
Задиристость – aggressività (-)	Карла
Невежественность – ignoranza (-)	Джакомо
Религиозность – religiosità (+)	Адриана
Отчужденность – alienazione (-)	Карла, Микеле
Некоммуникабельность – taciturnità (-)	Карла, Микеле
Смирение – umiltà (-)	Микеле
Нерешительность – indecision (-)	Микеле
Тупая покорность – rassegnazione supina (-)	Карла
Эгоизм – egoism (-)	Карла, Микеле
Упрямство – testardaggine (-)	Джакомо

Образ *romano/romana* достаточно обширный и разнообразный, он наделен как положительными, так и отрицательными качествами. Превалирует отрицательная коннотация. Можно сделать вывод, что ожидание большой войны и подавление личности оказали разрушительное влияние на душевное состояние и поведение большинства итальянцев, превращая их в безнравственных, равнодушных мещан и обывателей.

Рассмотрение данного образа в произведениях А. Моравиа показало, что он пересекается с другими образами (женщины, города, итальянского фашизма,

обывателя, буржуа и т. д.). Многокомпонентность образа свидетельствует о том, что он является частью лингвокультурного пространства и формируется на основе ценностного и социального опыта автора. В образе римлянина нашли свое выражение исторические черты наследников римской империи с их претензией на мировую гегемонию в ее предельном выражении. В то же время в этом образе обозначился слом прежней системы ценностей и рост социальной отчужденности, что всегда предшествует формированию новых ценностных ориентиров.

Литература

1. Воронина Е. А. Мировоззренческое знание в литературно-художественном творчестве: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2008. 176 с.
2. Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой. М.: Флинта: Наука, 2004. 256 с.
3. Моравиа А. Равнодушные [пер. с ит.]. М.: Худож. лит., 1976. 317 с.
4. Моравиа А. Римлянка. Презрение. Рассказы [пер. с ит.]. М.: Прогресс, 1978. 624 с.
5. Омеличкина Е. О. Реализация лингвокультурного типажа «héros combattant» в художественном дискурсе (на материале французского языка): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 215 с.
6. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. СПб.: Книжный дом, 2006. 172 с.
7. Moravia A. Gli indifferenti. Milano: Bompiani, 2012. 448 p.
8. Moravia A. La romana. Milano: Mondolibri, 2008. 502 p.

Информация об авторах:

Омеличкина Елена Олеговна – кандидат филологических наук, Docteur en langue et littérature françaises, générales et comparées (Франция), старший преподаватель кафедры французского языка и лингводидактики Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, elenamel@mail.ru.

Elena O. Omelichkina – Candidate of Philological Sciences, Docteur en langue et littérature françaises, générales et comparées (France), Senior Lecturer at the Department of the French Language and Linguodidactics, Institute of Foreign Languages, Moscow City Teachers' Training University.

Альшан Анна Андреевна – выпускница кафедры романской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, alshan.any@mail.ru.

Anna A. Alshan – graduate of the Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Moscow City Teachers' Training University.

Статья поступила в редколлегию 21.08.2015 г.

УМЕНИЕ ПРЕОДОЛЕВАТЬ КУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ В ДЕЛОВОМ ОБЩЕНИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ

Т. Ю. Осадчая

OVERCOMING CULTURAL BARRIERS IN INTERNATIONAL BUSINESS COMMUNICATION AS AN IMPORTANT ASPECT OF STUDENTS' CROSS-CULTURAL COMPETENCE

T. Yu. Osadchaya

В статье рассматривается один из важных аспектов межкультурной компетентности студентов – умение преодолевать культурные барьеры в профессиональном общении на международном уровне. Результатом исследования является описание методики преподавания английского языка, нацеленной на развитие умений студентов преодолевать культурные барьеры делового общения. Данная методика преподавания должна обучать студентов классифицировать культурные барьеры делового общения, находить способы их преодоления, а также включать в себя ряд интерактивных методов преподавания, ориентированных на развитие коммуникативных умений в области межличностного межкультурного общения на международном уровне.

One of the most important aspects of cross-cultural competence of students is the ability to overcome cultural barriers in professional communication at the international level. The paper gives a brief description of the technique of teaching English, which is aimed at developing students' skills to overcome cultural barriers in business communication. The paper emphasizes that this teaching technique should teach students to classify cultural business communication barriers, to find ways to overcome them, and include a variety of interactive teaching methods focused on the communicative skills in the interpersonal cross-cultural communication.

Ключевые слова: культурные барьеры, деловое общение, межкультурная компетентность, методика преподавания, интерактивные методы.

Keywords: cultural barriers, business communication, cross-cultural competence, teaching methodology, interactive teaching methods.

Проблема формирования межкультурной компетенции студентов в настоящее время является предметом многочисленных исследований, что вызвано процессами экономической глобализации и культурной интеграции, которые происходят в современном мире.

Английский язык является доминирующим в сфере бизнеса, интернациональным языком делового общения; по меньшей мере, 2/3 деловой переписки в мире осуществляется на этом языке. Поэтому преподавание английского языка с профессиональной направленностью и делового английского языка в вузе должно идти параллельно с изучением не только бизнес культур англоязычных стран, но и таких понятий, как «национальная бизнес культура», «критерии различий бизнес культур», «типы национальных бизнес культур», а также особенностей общения с представителями различных типов национальных бизнес культур.

В данной статье мы рассматриваем понятие «бизнес культура страны» (или «национальная бизнес культура») как коммуникативную культуру народа, то есть «ту часть национальной культуры, в которой отражаются языковые идеалы и представления, традиции и обычаи, нормы и правила общения представителей данного общества» [6, с. 89] в сфере делового взаимодействия.

Западные исследователи (Р. Льюис, Г. Хофстеде, Ф. Тромпенаарс, Э. Холл и др.) предлагают различные модели описания и анализа национальных бизнес культур, а также собственные типологии на основе определенных общекультурных критериев. Данные модели были разработаны, исходя из практических

потребностей участников межкультурной коммуникации.

Проблемой межкультурной компетентности будущих специалистов сферы бизнеса занимались многие исследователи: R. Lewis, G. Hofstede, F. Trompenaars, E. Hall, Н. Д. Глазкова, О. А. Стеблецова, Н. А. Баранова, Н. М. Губина и др. Исследования профессиональной коммуникации отражены в работах многих лингвистов: В. И. Карасик, М. Л. Макаров, А. В. Олянич, В. В. Жура, L. Beilenson, D. V. Bell, D. Boden, P. Drew, J. Herritage, J. Gibbons, A. Firth, N. Fairclough, R. Scollon.

Задачей данного исследования является анализ причин возникновения культурных барьеров, определение способов преодоления культурных стереотипов в деловом общении, а также описание модели преподавания английского языка, которая бы способствовала развитию умения преодолевать культурные барьеры в деловом общении на международном уровне в рамках формирования межкультурной компетентности студентов всех специальностей.

Поскольку «культура чаще выступает источником конфликтов, а не взаимодействия, культурные различия становятся помехой общения, а то и вовсе катастрофой» [8 с. 37], социокультурная компетенция рассматривается как «знание культурных особенностей носителя языка, их привычек традиций, норм поведения и этикета и умение понимать и адекватно использовать их в процессе общения, оставаясь при этом носителем другой культуры; формирование социокультурной компетенции предполагает интеграцию личности в систему мировой и национальной культуры» [5].

То есть социокультурная компетенция предполагает умение специалиста понять причины возникновения и снимать культурные барьеры в деловом общении.

Межкультурной компетенцией в современной литературе принято называть умение специалиста успешно общаться с представителями других культур. Она включает в себя следующие уровни: общекультурологические и культурно-специфические знания (когнитивный уровень компетенции); умения и навыки практического общения (активный уровень компетенции); межкультурную психологическую восприимчивость (аффективный уровень компетенции) [4].

Как отмечает Н. М. Губина, «при этом нужна не только общая готовность к коммуникации и взаимодействию, но и особое культурное самосознание, реалистичная самооценка, эмпатия инокультурного индивида, толерантность, эмоциональная стабильность, уверенность в себе, умение преодолевать противоречивость и избегать конфликтов» [2, с. 53]. То есть именно эти умения необходимо формировать и развивать в рамках изучения иностранного языка с профессиональной направленностью и делового иностранного языка.

Рассмотрим причины возникновения культурных барьеров в деловом общении на международном уровне.

Барьеры в межкультурном общении могут иметь следующие причины: неправильное восприятие слов и интенций собеседника; неправильное понимание высказываний и действий собеседника; неправильная оценка коммуникативных целей говорящего [7].

1. Восприятие зависит от многих факторов и имеет ряд особенностей.

1. Восприятие избирательно: человек не может воспринять всю поступающую из внешней среды информацию, поэтому воспринимается наиболее важная, яркая и запоминающаяся информация. Однако объем воспринимаемой информации и критерий отбора может меняться в зависимости от интереса и важности предмета (его значимости для человека в определенный момент).

2. Восприятие изменяется с течением времени: опыт учит человека воспринимать окружающую действительность с разных точек зрения.

3. Восприятие определяется в немалой степени различными аспектами культуры, к которой принадлежит человек.

4. Восприятие человека часто создает стереотипы, оценка однажды воспринятых и оцененных явлений редко подвергается пересмотру и изменению.

5. Восприятие может быть искаженным: мы видим то, чего не существует, и не видим то, что существует, то есть мы воспринимаем то, что ожидаем воспринять, а не то, что есть на самом деле. Чаще всего именно искаженное восприятие является причиной возникновения культурных стереотипов [7].

То есть можно говорить о так называемых фильтрах восприятия, которые в значительной степени влияют на его адекватность.

Понимание высказываний (интенций, действий) собеседника – это процесс выделения определенного смысла из воспринятой информации, то есть анализ полученной информации для определения линии по-

ведения. Однако опыт и память позволяют человеку не анализировать воспринятые блоки информации каждый раз, а пользоваться уже сделанными ранее выводами, то есть относить эти блоки информации к определенным категориям.

В случае межкультурной коммуникации категории собеседников могут существенно отличаться. Если один из собеседников продолжает пользоваться категориями собственной культуры – могут возникнуть проблемы в восприятии и понимании получаемой информации, и, соответственно, это ведет к неправильному поведению в бизнес среде другой страны. Подобное явление принято называть созданием стереотипов.

Итак, создание стереотипов – это форма распределения воспринятой информации по категориям, что помогает анализировать события и определяет поведение человека в различных этнических и национальных сообществах. Стереотипы типичны для целых групп людей – поскольку в процессе получения опыта отдельная личность пользуется уже сложившимися в обществе стереотипами.

Стереотипы могут быть полезными или вредными в зависимости от того, как мы ими пользуемся.

Стереотипы помогают в общении при следующих условиях:

1. Если человек пользуется стереотипом при описании нормы поведения группы людей, а не черты характера отдельной личности;

2. Если стереотип является описательным, а не оценочным; т. е. собеседник не выносит оценочные суждения о представителях чужой культуры;

3. Если стереотип адекватно описывает нормы поведения данной культурной группы людей;

4. Если человек рассматривает какой-либо стереотип только как подсказку до момента получения конкретных сведений о норме поведения группы или опыта общения с представителями какой-либо бизнес культуры.

5. Если человек способен изменять суть данного стереотипа в зависимости от дополнительной информации о какой-либо культурной группе людей, опыта общения с отдельными представителями данной культурной группы [7].

То есть информация о каждом представителе определенной культуры, полученная в реальном общении (а не стереотип по поводу норм поведения культурного сообщества), должна превалировать в оценочных суждениях.

Стереотипы должны помогать в общении, а не быть барьером. Неправильное использование стереотипов включает в себя следующие случаи:

– мы неправильно относим человека к той или иной культурной общности;

– мы неправильно описываем нормы поведения конкретной культурной общности;

– мы выносим ошибочное оценочное суждение о представителях культурной общности;

– мы воспринимаем представителя чужой культуры только на основе стереотипа, а не учитывая его или ее личностные качества;

– мы не стараемся изменить стереотип на основании опыта общения с представителями иностранной культуры.

II. Еще один источник появления культурных барьеров в общении – **неправильное понимание** собеседниками высказываний, оценка намерений собеседника на основе норм поведения собственной культуры, в том числе деловой.

Можно назвать следующие причины неправильного понимания собеседника.

1. Неосознанные культурные «шоры» (невозможность увидеть очевидное для собеседника). Чаще всего понимание/непонимание происходит на бессознательном уровне, мы не осознаем, что в процессе декодирования высказываний партнера по переговорам мы выносим суждения исходя *только* из собственного культурного опыта.

2. Недостаточное понимание собственной принадлежности к определенной культуре, незнание об особенностях собственной культуры по сравнению с другими, незнание о стереотипах, которые сложились у представителей других культур по поводу собственной культуры. То есть неумение видеть себя глазами представителей других культур является важным фактором возникновения стереотипов и, следовательно, культурных барьеров в общении.

3. Предполагаемая похожесть всех людей. Предположение, представление и даже восприятие высказываний, поведения, целей собеседников как сходных или очень похожих на собственные. Подобное непонимание партнеров по переговорам может привести к иллюзии понимания, к иллюзии достижения договоренности [7].

III. Следующий источник возникновения культурных барьеров в деловом общении – **неправильная оценка** высказываний или действий представителей других бизнес культур. Это происходит из-за того, что наша собственная культура является критерием правильности в оценке поведения собеседника. Неосознанно мы оцениваем поведение, характерное для нашей собственной культуры как «правильное, хорошее», а любое отклонение от поведенческих норм нашей собственной культуры как «неправильное, плохое».

Правильным отношением было бы признание факта, что мы не можем судить о партнерах по их поведению, пока не изучим характерные особенности их бизнес культуры и не сможем посмотреть на их действия сквозь данную призму. Любые выводы должны считаться гипотезами или предположениями до тех пор, пока они не будут уточнены и проверены в ходе дальнейшего общения с представителями чуждых культур. Важным также является умение понять, какие особенности собственного поведения могут восприниматься партнерами как непонятные или непривычные.

Таким образом, мы должны осознать существование культурных стереотипов в нашем сознании, использовать стереотипы как руководство к действию, то есть переоценить их на основе полученного опыта общения.

Задача изучения особенностей взаимодействия с представителями различных национальных бизнес культур очень сложна и многогранна, поэтому каж-

дый преподаватель должен разработать собственную методику, которая бы учитывала как современные подходы к формированию межкультурной компетентности будущих специалистов сферы бизнеса, так и потребности, интересы и уровень подготовки каждой конкретной группы студентов.

Поскольку критерием успешности любой коммуникации является достижение коммуникативных целей партнеров по общению, в современных условиях выхода большинства компаний на международный рынок, коммуникативная компетенция должна обязательно дополняться межкультурной компетентностью специалистов всех сфер.

Структура профессионального общения включает три компонента: 1) коммуникативный (обмен информацией происходит ради достижения профессиональных целей, решения проблем и т. д.); 2) интерактивный (обмен не только знаниями и идеями, но и действиями, умение соотносить действия с конкретной ситуацией); 3) перцептивный (процесс восприятия партнерами друг друга, установление взаимопонимания) [1].

О. И. Кучеренко выделяет следующие критерии определения уровня дискурсивной компетенции специалистов: выбор типа дискурса в соответствии с коммуникативной целью; построение реального дискурса с учетом коммуникативной ситуации; выбор жанра в соответствии с выбранным типом дискурса; соблюдение жанрово-стилистических норм дискурса; построение текста с учетом таких характеристик, как построенность, когезия, цельность [3].

Таким образом, особенности профессионального общения обуславливают необходимость целенаправленного обучения студентов данному виду общения в процессе овладения выбранной ими специальностью. Принимая во внимание данную структуру профессионального общения и критерии дискурсивной компетентности специалистов, целесообразным, по нашему мнению, является использование следующей *модели обучения*.

Первый этап представляет собой ознакомление студентов с основными понятиями данной сферы, с ключевыми типологиями бизнес культур, основными характерными чертами каждого типа, факторами, которые необходимо учитывать при сотрудничестве с представителями той или иной бизнес культуры. Необходимо отметить, что на данном этапе преподаватель может ознакомить студентов с примерами дискурса представителей различных типов культур; предъявление устного типа дискурса может сопровождаться предъявлением соответствующего ему письменного, который являлся результатом или следствием устного типа дискурса. Очень важными являются комментарии преподавателя к изучаемым ситуациям общения, где особое место уделяется специфике речевого и неречевого поведения.

Второй этап может включать задания для самостоятельной работы студентов, репродуктивного, аналитического, творческого и исследовательского характера. Студентов просят найти информацию о бизнес культуре определенной страны, сравнить ее с бизнес культурой собственной страны по ряду критериев, а также предоставить список факторов, которые необ-

ходимо учитывать в различных ситуациях делового общения.

Третий этап данной модели включает задания на составление и воспроизведение студентами минидискурсов определенного типа (например, деловые переговоры представителей различных типов бизнес культур) по заданной преподавателем схеме. Одной из задач студентов является максимально учитывать культурные особенности партнеров по переговорам.

Преимущества данного типа заданий следующие:

- студенты достаточно хорошо усваивают логико-смысловую структуру дискурса определенного типа, его лингвистические и композиционные особенности, учитывают экстралингвистические признаки речевого поведения;

- у преподавателя появляется возможность развивать коммуникативные умения студентов в ситуациях максимально приближенным к реальным, в том числе спонтанные высказывания в зависимости от реплики собеседника (как с опорой на шаблон, так и без нее);

- студенты имеют возможность оценить как ситуацию общения, так и ценности, идеи, представления собственной культуры с точки зрения ценностей, идей и представлений других культур.

То есть задания трех этапов данной модели способствуют формированию позитивного отношения к представителям культур иностранных государств, а также правильному отношению к стереотипам как к помощи, а не помехе в общении, и в конечном итоге снятию культурных барьеров в общении.

Литература

1. Баранова Н. А. Основы формирования дискурсивной компетенции менеджеров в процессе обучения профессионально-ориентированному общению // Язык в проблемном поле гуманитаристики: монография / Т. С. Нифанова, О. А. Мельничук, А. Х. Мерзлякова и др. Архангельск: Поморский университет, 2010. 244 с.
2. Губина Н. М. Формирование межкультурной компетенции студентов в процессе обучения деловому английскому языку в элективном спецкурсе (продвинутый уровень, специальность "Мировая экономика"): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2004. 23 с.
3. Кучеренко О. И. Формирование дискурсивной компетенции в сфере устного общения: французский язык, неязыковой вуз: дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. 184 с.
4. Лытаева М. А., Ульянова Е. С. Межкультурная компетенция будущего специалиста и содержание обучения иностранным языкам // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 4. С. 111 – 114.
5. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка / Департамент современных языков Директората по образованию, культуре и спорту Совета Европы; пер. выполнен на кафедре стилистики английского языка МГЛУ под общ. ред. проф. К. М. Ирисхановой. М.: Изд-во МГЛУ, 2003. 23 с.
6. Стеблецова А. О. К исследованию национальных деловых коммуникативных культур // Вестник ВГУ. 2004. № 2. С. 89 – 95.
7. Adler N. J. Communicating across cultural barriers // International dimensions of organizational behaviour. Boston, MA: PWS-KENT publishing company. 1991. P. 63 – 91.
8. Hofstede G., Hofstede G. J. Cultures and Organizations: Software of the Mind (Revised and expanded 2nd ed.). New York: McGraw-Hill, 2005. 436 p.

Информация об авторе:

Осадчая Татьяна Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранной филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского в г. Ялте, osadchaya_ta@mail.ru.

Tatiana Y. Osadchaya – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Foreign Philology and Methods of Teaching, Humanities and Pedagogics Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**.

1. Поскольку деловые и профессиональные контакты на международном уровне приобретают все большую важность в современном мире, предметы «Профессионально-ориентированный английский язык» и «Деловой английский язык» должны включать в себя изучение бизнес культур англоязычных стран, а также типов национальных бизнес культур.

2. Одним из ключевых аспектов межкультурной компетентности будущего специалиста является умение распознавать причины и преодолевать культурные барьеры в деловом общении на международном уровне на основе уважения к национальным традициям, представлениям, нормам поведения и ценностям зарубежных партнеров.

3. Одной из задач преподавателя английского языка с профессиональной направленностью является создание такой модели преподавания, которая бы включала обучение студентов классифицировать культурные барьеры делового общения и находить способы их преодоления.

4. Подобная модель должна включать в себя ряд интерактивных методов преподавания, ориентированные на развитие коммуникативных умений в области межличностного межкультурного общения.

Перспективным считаем дальнейшее изучение способов и методов формирования межкультурной компетентности будущих специалистов разных сфер на занятиях по дисциплинам «Профессионально-ориентированный английский язык» и «Деловой английский язык» в вузе.

Статья поступила в редколлегию 04.09.2015 г.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЦЕЛЕВЫХ ОТНОШЕНИЙ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ НА УРОВНЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Л. Г. Петрова, В. Дунюэ

WAYS OF EXPRESSION OF THE TARGET RELATIONS IN THE CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES AT THE LEVEL OF A SIMPLE SENTENCE: COMPARATIVE ANALYSIS

L. G. Petrova, W. Dongyue

В статье рассматриваются способы выражения целевых отношений в русском и китайском языках. Определяется роль сопоставительного анализа синтаксических явлений разносистемных языков. Выявляются сходства, частичные несовпадения и различия в средствах выражения целевых отношений в русском и китайском языках. Определяется степень легкости/трудности овладения китайцами этими средствами в русском языке. Практическая значимость данного исследования заключается в попытке описания и анализа сходств и различий между категориями цели в русском (флективном) и китайском (аморфном) языках, а также между способами передачи целевой семантики в сопоставляемых языках на уровне простого предложения. Данные, полученные при изучении этого материала, будут способствовать не только более глубокому и корректному практическому освоению русского языка китайскими обучающимися, но и позволят более эффективно использовать лингвистические знания в переводческой и научной деятельности.

The paper is devoted to the peculiarities of expression of the purpose relations in the Russian and Chinese languages. The role of the comparative analysis of the syntactic phenomena of different languages is defined. Similarities, partial discrepancies and distinctions in means of expression of the purpose relations in the Russian and Chinese languages are identified. Degree of difficulty of mastering these means in Russian by the Chinese students is defined. The practical value of this research is in an attempt to describe and analyze the similarities and distinctions between categories of the purpose in Russian (inflectional) and Chinese (amorphous) languages, as well as between ways to transfer purpose semantics in the compared languages at the level of the simple sentence. Findings obtained when studying these nuances will promote not only to correct practical training the Chinese students to the Russian language, but may also allow to use the linguistic knowledge in translation and scientific activity more effectively.

Ключевые слова: целевые отношения, флективный, аморфный типы языков, сравнительный анализ, сходство, различие, обучение, перевод.

Keywords: target relations, inflectional, amorphous types of languages, comparative analysis, similarity, difference, training, translation.

Хотя русский и китайский языки являются радикально отличными друг от друга по форме и, на первый взгляд, не имеют ничего общего между собой (русский язык относится к флективному типу, а китайский язык – к изолирующему, или аморфному), это совсем не означает, что их нельзя сравнивать. Наоборот, они заслуживают пристального внимания и подробного сравнения. Закономерности и специфика любого языка, в частности, китайского и русского, еще глубже понимаются, если их рассматривать через призму отличительных и схожих синтаксических черт.

Более того, одной из основополагающих закономерностей эффективного изучения иностранных языков, выявленной учеными, является опора на родной язык обучаемых, что обеспечивает сознательное, а, следовательно, и более прочное усвоение иностранного языка.

Многими учеными отмечается важность исследования синтаксических категорий именно в сопоставительном плане (В. Н. Вагнер, М. В. Всеволодова, В. Н. Ключева, С. Б. Мордас, Л. Г. Петрова, А. А. Реформатский, Чжао Юньпин).

Сравнительный метод представляет богатый материал для решения задач по обучению русскому языку как иностранному. С помощью сопоставительного анализа иностранного и родного языков с преобладанием анализа материалов первого устанавливается соотносительность элементов или микросистем двух языков (независимо от их происхождения), а также

выявляются закономерности построения речи на этих языках, что является важным условием восприятия и понимания речи на изучаемом языке.

Придавая большое значение сопоставительному изучению языков разных систем, Виноградов подчёркивал, что «...наряду со сравнительно-историческим изучением родственных языков возможно и даже необходимо сравнительное или сопоставительное изучение разносистемных языков, особенно актуален сопоставительный анализ синтаксических явлений разносистемных языков» [2, с. 28].

Сравнение двух языков, как отмечает Чжао Юньпин, представляет собой, главным образом, сравнение, сопоставление их грамматик. Применение сравнительного метода способствует более глубокому и точному освоению иностранного языка, притом это полезно не только для его изучения, но и для переводческой работы и квалифицированного применения иностранного языка [10, с. 21 – 22].

Определяя задачи синтаксической типологии, Мещанинов отмечал, что общими для всех языков категориями выступают элементы не морфологии и лексики, а синтаксиса [5].

Простое предложение является основной единицей синтаксиса неслучайно: в предложении обнаруживаются главные функции языка, а именно: познавательная, экспрессивная и коммуникативная.

Совокупностью данных фактов объясняется важность синтаксического анализа русского простого

предложения при изучении его синтаксиса китайскими студентами. Этому способствует системное и многоаспектное описание средств выражения целевых отношений в простом предложении.

Будучи синтаксической единицей, простое предложение обладает собственными грамматическими характеристиками. В русском языке для выражения целевых отношений в простом предложении используются: инфинитивы совершенного/несовершенного видов глаголов. Например: Ему нужно поехать в кас-су *купить билет*. Секретарь идёт *приглашать студентов к декану*; предложно-падежные конструкции (существительные в различных падежах с предлогами), в сочетании с глаголом-сказуемым строго определённых лексико-семантических групп. Например: Коллеги прибыли БелГУ *для участия в конференции*. Меня вызвали *на медосмотр*. Он всегда ходит *за почтой*. Человек должен творить *во имя добра*.

Глагольный инфинитив употребляется с глаголами движения для выражения отношений цели в простом предложении в том случае, если действие, которое обозначает инфинитив, находится в сочетании с глаголом прошедшего времени, и один субъект производят оба действия. Здесь могут употребляться все глаголы движения, за исключением глаголов с приставками *об-*, *до-*. Например: Мама *пошла готовить обед*. Они *приехали выступить*.

Глагольный инфинитив может сочетаться с глаголами, семантизирующими пространственное изменение субъектного положения. Например: Дочь *вернулась встретиться* с адвокатом. Бабушка *села почить*.

В целевых предложениях встречаются случаи, когда инфинитив сочетается со следующими глаголами: *брать – взять, дать – давать, приглашать – пригласить, звать – позвать*. Например: Художнику дали этот рассказ *проиллюстрировать*. Его только что *позвали погулять*.

Существительные с целевой семантикой могут обозначать действие, событие, явление. Например: Партнёры приехали *для принятия окончательного плана развития* города. Депутаты собрались *с целью обсуждения* кандидатуры на пост председателя правительства.

Встречаются имена существительные, которые обозначают различные действия, и употребляются:

а) в форме родительного падежа, причём предлог для сочетается с глаголом движения/появления: *приходить, звать, работать, заниматься, жить* и др. Например: Специалист пришёл *для проведения анкетирования*;

б) в форме родительного падежа и предлога для в комбинации с кратким причастием или глаголом: *предназначать(ся), использовать(ся), применять(ся)*. Например: *Для решения экологических проблем применяют(ся) фотографии из космоса*. Эти реактивы *применяют(ся) для исследования*;

в) в форме родительного падежа и предлога для в комбинации с модальным словом *нужен* и его синонимом *необходим*. Например: Микроскопы нужны *для наблюдения деления клетки*. Для составления расписания *необходимо* строгого соблюдения графика движения поездов.

Имена существительные, которые называют лица или предметы, означают предназначенность для этого

лица, предмета и благодаря предлогу для принимают форму родительного падежа в комбинации с глаголами широкого семантического спектра, а также с причастиями и краткими прилагательными. Например: Детям подарены мячи *для игры в баскетбол*.

Имена существительные широкого семантического спектра благодаря предлогу за принимают форму творительного падежа в сочетании с глаголами движения, с глаголами, обозначающими перемещение, или глаголами типа *послать, отправить*. Например: Курьера отправили *за билетом*. Я послал сына *за книгой*.

Существительные со значением действия или события используются в форме винительного падежа с предлогом на и сочетаются с глаголами движения, с глаголами со значением изменения состояния или местоположения. Кроме того, они используются с глаголами *приглашать, звать*. Например: Нас *зовут на банкет*. Парк *закрыт на реконструкцию*. Гостей *пригласили на приём*.

Существительные со значением действия или события используются в форме винительного падежа с предлогом в с глаголами *отнести, отдать, отправить* и их синонимами. Например: Лучше регулярно *отдавать* ковры в *химчистку*. Мы *отнесли* обувь в *ремонт*.

Существительные со значением лица, предмета или абстрактного понятия встречаются в форме родительного падежа. Здесь употребляются предлоги *в честь, ради, в знак, во имя*. Сочетаются с глаголами широкой семантики. Например: 9-го мая мы любовались салютом *в честь Дня Победы*. Я пожертвовал отпуском *ради защиты* диссертации. Давайте так поступим *во имя наших интересов*.

Обозначающие действие существительные, а также существительные, которые образованы от глаголов, а также инфинитивы употребляются в родительном падеже с предлогами *в целях, с целью* и сочетаются с глаголами широкого спектра. Например: *В целях (с целью) проведения обследования* её направили в центральную больницу. *С целью (в целях) оказания помощи* спасателям на место аварии был выслан вертолёт.

Следующие существительные в форме винительного падежа: *во избежание, в подтверждение, в доказательство, в ознаменование*; в форме родительного падежа с предлогами *ради, во имя* могут передавать отношения цели посредством простого предложения. Например: *В доказательство невиновности клиента* адвокат привел убедительные доводы. *Во избежание конфликта* стороны пришли к мирному урегулированию вопроса.

Итак, рассмотрев целевые связи, встречающиеся на уровне простого предложения, мы констатируем, что в русском языке существует широкий вариативный ряд способов выражения цели, представленный предложно-падежными конструкциями (13 способов) и целевыми инфинитивными конструкциями (3 способа), которые сочетаются с определёнными лексико-семантическими группами глаголов-сказуемых.

Чтобы перейти к вопросу о способах выражения целевых отношений в китайском языке и их соотношении с русским, приведём в качестве наглядного примера наиболее вероятный ответ на вопрос: «С какой целью вы приехали в Белгород?», который мы

слышим из уст китайских студентов: «Мы приехали учиться».

Однако, как показало наше исследование, арсенал средств русского языка, которыми можно было бы оперировать, отвечая на заданный выше вопрос, значительно шире и может быть представлен следующими вариантами:

1. Мы приехали **учиться**. – 我们来这**为了**学习.
2. Мы приехали **на учёбу**. – 我们来这**为了**学习.
3. Мы приехали **для учёбы**. – 我们来这**为了**学习.
4. Мы приехали **ради учёбы**. – 我们来这**为了**学习.
5. Мы приехали **с целью учёбы**. – 我们来这的目的是学习.
6. Мы приехали **с целью учиться**. – 我们来这的目的是学习.

Как видно из приведённых примеров 1 – 4, цель, выраженная в русских предложениях при помощи инфинитива *учиться* и предложно-падежными конструкциями *на учёбу*, *для учёбы*, *ради учёбы*, в китайских аналогах передаётся одним средством: **为了(учиться)**; *с целью учёбы* и *с целью учиться* в примерах 5 – 6 переданы на китайский язык при помощи **目的是**, что позволяет нам сделать предположение о том, что система способов выражения целевых отношений на уровне простого предложения в китайском языке представлена меньшим количеством единиц, нежели русская.

Существенные различия, характеризующие системы выражения целевых отношений в современных русском и китайском литературных языках, обусловлены, в первую очередь, синтетизмом русского языка и аморфностью китайского. Эти различия в одинаковой мере проявляются как на уровне словосочетания, так и на уровне предложения.

Особенность китайского языка заключается в том, что в нём многие значения и отношения синтаксического порядка зачастую находят своё выражение за счёт порядка слов или во многом от него зависимы.

Китайский язык относится к языкам, менее зависимым от формальных моментов, по сравнению с русским. Поэтому для грамматических исследований китайского языка предпочтителен семантический подход. В предложении структурные элементы без формальных признаков, находящиеся в препозиции, а также в постпозиции с глаголом-сказуемым, способны выражать разнообразные грамматические отношения. Их разграничение как членов предложения возможно лишь на основе существующих между ними смысловых различий.

Следует отметить, что в анализируемом языке существует ряд служебных слов, которые считаются также предлогами, так как они могут управлять как отдельным словом, так и предложением. Они занимают в словосочетании и предложении те позиции, которые обычно занимают предлоги и сочетания с предлогами, и которые не характерны для союзов.

Рассмотрим китайские предлоги (служебные слова), выражающие целевые отношения на уровне словосочетания и простого предложения:

1. **为 wei** – **для**. После предлога **为** употребляются только имена существительные. Например: **为报告** – **для** доклада; **我为报告搜集文献**. – Я подобрал литературу **для** доклада.

2. **为着 wei zhe** – **ради**. После предлога **为着** употребляются только имена существительные. Например: **为着理想** – **ради** мечты; **我为着自己的理想而努力**. – Я очень стараюсь **ради** своей мечты.

3. **为了 wei le** – является эквивалентом сразу для ряда русских предлогов: **ради**, **для**, **за**, **на** и **по**. После предлога **为了** можно употреблять и глагол, и существительное. Например: 1) **为了收获快乐** – **для** получения удовольствий. Большинство людей **为了收获快乐**而活。 – Большинство людей живут **ради (для)** получения удовольствий;

2) **为了保护环境** – **для** сохранения окружающей среды **为了保护周围的环境**我们应该骑自行车上班。 – **Ради** сохранения окружающей среды нам надо ездить на работу на велосипеде;

3) **为了牛奶** – **за** молоком; 他去商店**为了**(买)牛奶。 – Он пошёл в магазин **за** молоком;

4) **为了上学** – **на учёбу**; **这是为了上学的钱**。 – Это деньги **на учёбу**;

5) **为了蘑菇** – **по** грибы и ягоды; 他们去树林**为了**采(собирать)蘑菇和野果。 – Они пошли в лес **по** грибы и ягоды.

Говоря о совпадениях в способах выражения целевых отношений в русском и китайском языках, следует заметить, что они находятся в сфере действия инфинитивных конструкций.

Частично совпадает с китайским языком употребление инфинитива со значением цели, а именно после глаголов движения *идти*, *пойти*, *прийти*, *подойти*. Например: **Сын поехал учиться**. – **儿子去学习**. Я **пошёл посмотреть**. – **我走过来看一看**.

Совпадает употребление инфинитива с глаголами перемещения, изменения состояния или местоположения: *садиться* – *сесть*, *ложиться* – *лечь*, а также *приглашать* – *пригласить*: Она **легла почитать**. – **她躺下读一会书**, дословно: **她 (она) 躺下 (легла) 读一会书 (почитать)**, где **读书** обозначает читать, **一会** обозначает немного; Он **встал подумать** о своём будущем. – **他起来思考自己的未来**, дословно: **他 (он) 起来 (встал) 思考 (думать) 自己的 (свое) 未来 (будущее)**; Русский партнёр **пригласил** бизнесмена **обменяться** опытом. – **俄罗斯合作者邀请商人交换经验**, а также в сочетании со словом *время*. Например: Сейчас пришло время обедать. – **现在 (Сейчас) 到 (пришло) 时间** 现在吃午饭 **обедать**. Сейчас **не время жениться**. – **现在 (Сейчас) 没时间 (не время) 结婚** **жениться**.

Однако целевой инфинитив употребляется в китайском языке шире, чем в русском, причем спектр глаголов разнообразнее. 我在这和你们游泳 (досл.: Я здесь с вами плавать, вместо русского: Я здесь с вами, чтобы плавать); 我们选这些书翻译. (досл.: Мы выбираем книги переводить, вместо русского: Мы выбираем книги, чтобы переводить.); 他去市场为了把所有的都卖掉 (досл.: Он поехал на базар всё продать, вместо русского: Он поехал на базар, чтобы всё продать.); 大学邀请外国教师讲课 – Университет пригласил иностранного преподавателя провести занятия, вместо: Университет пригласил иностранного преподавателя, чтобы провести занятия.

Несмотря на то, что объектный целевой инфинитив в русском языке возможен (пригласить кого-либо пить чай 邀请某人喝茶; отправить кого-либо встречать родных 让某人去迎接亲属 и под.), он принимается лишь очень ограниченной в лексико-семантическом отношении группой глаголов. Поэтому у большинства простых китайских предложений с различными субъектами действия нет русских соответствий с целевым инфинитивом, а функциональ-

ми соответствиями таких китайских конструкций являются русские сложноподчиненные предложения с целевым союзом *чтобы*.

我给你寄药能快点康 (досл.: Посылаю вам травы быстрее выздороветь) – Посылаю вам травы, чтобы вы быстрее выздоровели; 我从房间出来让你看到我 (досл.: Я вышел из комнаты меня заметить) – Я вышел из комнаты, чтобы меня заметили.

С другой стороны, в русском языке возможны целевые инфинитивы совершенного вида: *пойти прочитать, сходить купить, сесть написать, сходить посмотреть*, которые не характерны для китайского языка.

Таким образом, сопоставление способов выражения целевых отношений в рассматриваемых языках показало, что они имеют некоторые сходства, частичные несовпадения и ощутимые различия в значении и диапазоне функционирования. Знание этих нюансов будет способствовать не только более глубокому и корректному практическому освоению русского языка китайскими студентами, но и позволит более эффективно использовать лингвистические знания в переводческой и научной деятельности.

Литература

1. Вагнер В. Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа: Фонетика. Графика. Словообразование. Структуры предложений, порядок слов. Части речи: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений, обуч. по спец. «Филология». М.: Владос, 2001. – 384 с.
2. Виноградов В. В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения // Вопросы языкознания. 1954. № 1. С. 3 – 29.
3. Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный вторым отделением Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1852. XII, 432. 29 с.
4. Ключева В. Н. Об основах сопоставительной методики: русский язык для студентов-иностранцев. М., 1960.
5. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.-Л.: АН СССР, 1945. 196 с.
6. Мордас С. Б. Формирование грамматико-коммуникативной компетенции «вторичной» языковой личности франкоговорящих иностранных студентов при изучении предложно-падежных конструкций с пространственным значением: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2004. 19 с.
7. Петрова Л. Г., Моисеенко О. А. Модульный подход к обучению иностранных студентов грамматической стороне речи. Белгород, 2008. 176 с.
8. Реформатский А. А. О сопоставительном методе // Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 40 – 52.
9. Ху Хунтао. Русские инфинитивные предложения и способы их передачи в китайском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2010. 133 с.
10. Чжао Юньпин. Сопоставительная грамматика русского и китайского языков. М.: Прогресс, 2003. 460 с.

Информация об авторах:

Петрова Лиллия Геннадиевна – кандидат педагогических наук, профессор, доцент НИУ Белгородского государственного университета, ИМКиМО, petrovali@mail.ru.

Lillia G. Petrova – Candidate of Pedagogics, Associate Professor; Professor at the Institute of Cross-cultural Communications and International Relations, National Research Belgorod State University.

Ван Дунюэ – аспирант международного факультета Белгородского государственного университета, dylan_1228@mail.ru.

Wang Dongyue – post-graduate student at the Institute of Cross-cultural Communications and International Relations, National Research Belgorod State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ РАССЫЛКА АНОНСОВ ГАЗЕТЫ КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛИРОВАНИЯ СОЗНАНИЕМ АУДИТОРИИ

О. В. Саржина

DAILY NEWSPAPER EMAIL NEWSLETTERS AS A MEANS OF MANIPULATION OF READERS' CONSCIOUSNESS

O. V. Sarzhina

Статья затрагивает проблемы языкового манипулирования сознанием аудитории в СМИ. На примере газеты Нью-Йорк Таймс исследуется новый инструмент воздействия на сознание аудитории – ежедневная электронная рассылка анонсов газеты. Результаты исследования раскрывают механизмы создания положительных и негативных коннотаций на двух взаимосвязанных уровнях – уровне композиции и уровне референции. Рубрикация анонса позволяет сформировать ложное представление о разнообразии и объективности представляемых новостей, в то время как порядок следования новостей по степени важности, их дублирование в разных рубриках, доминирующая соотнесенность с США, приемы замалчивания «неудобной» для редакции информации и отбора «удобной» информации создают положительный образ страны, в которой выпускается газета и негативные образы других стран. Проведенный анализ показывает, что ежедневная электронная рассылка анонсов газеты позволяет влиять на сознание подписчика, форматируя определенным образом сферу его интересов и оценок.

The paper touches upon the problem of language manipulation in mass media. The case study of the *New York Times* describes a new electronic tool of manipulating readers' consciousness – daily newspaper email newsletters. The results of the research reveal mechanisms of forming positive and negative connotations on two interrelated levels – compositional and referential. Presenting news in the newsletter in different columns gives a false impression of its variability and objectiveness, while its appearance in the order of importance, repetition in different columns, domineering reference to the USA, 'inconvenient news' blackout but 'convenient news' presentation create a positive image of the newspaper's home country and negative images of other countries. The research shows that daily newspaper email newsletters are an efficient manipulating tool helping to influence readers' consciousness and format their interests and evaluations in a particular way.

Ключевые слова: СМИ, языковое манипулирование, уровень референции и уровень композиции текста, замалчивание информации, коннотации.

Keywords: mass media, language manipulation, referential and compositional levels of text, news blackout, connotations.

В настоящее время большинство ученых сходятся во мнении о том, что манипулятивное воздействие является одной из важнейших функций современных СМИ, отодвигая на второй план информативную функцию.

С психологической точки зрения, «манипуляция – это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [4, с. 59].

В средствах массовой информации, особенно печатных, основным инструментом воздействия выступает язык. Под языковым манипулированием понимается «скрытое языковое воздействие на адресата, намеренно вводящее его в заблуждение относительно замысла или содержания речи. Определяющим фактором и, следовательно, интенциональной основой языкового манипулирования является не критическое восприятие информации адресатом» [3, с. 12].

В настоящее время с появлением Интернета, с одной стороны, тиражи печатных средств массовой информации постоянно уменьшаются (в США – на 1 – 2 % [6], в России – на 5 – 7 % [1]), с другой стороны, практически каждое издание имеет свой интернет-сайт, что позволяет ему не только расширить свою аудиторию, но и получить некоторые дополнительные

инструменты, инструменты воздействия, в том числе по сравнению с печатной версией. Одним из таких инструментов, на котором мы и остановимся подробно, является электронная подписка читателей на ежедневную рассылку анонсов газеты.

В нашем исследовании были проанализированы порядка 1040 электронных анонсов газеты «Нью-Йорк Таймс» (The New York Times) с октября 2012 г. по июнь 2015 г. Выбор данного источника неслучаен. Он обусловлен, прежде всего, популярностью издания как в Соединенных Штатах, так и за рубежом (газета имеет более 1800000 подписчиков). В 2013 г. 55 % аудитории газеты заявили о преимущественном чтении газеты в интернете. Сайт газеты насчитывает более 14 млн посетителей. Нью-Йорк Таймс входит в тройку ведущих газет США вместе с «Уолл Стрит Джорнал» (The Wall Street Journal) и «ЮэсЭй Тудэй» (The USA Today) [2]. Кроме того, сама газета позиционирует себя в качестве мирового лидера в журналистике. Так, в электронном предложении о бесплатной подписке на 8 недель сказано: «Оформите подписку на лучшее в мире периодическое издание» (*Subscribe to the world's finest journalism*, 18 июня 2015 г.)

Прежде чем рассматривать манипулятивные приемы, используемые газетой в электронной анонс-рассылке, кратко опишем данную рассылку. Еже-

дневно на указанный читателем адрес электронной почты приходит письмо, в котором представлена подборка заголовков свежего номера газеты (выделены жирным шрифтом), снабженных одним предложением, конкретизирующим заголовок (более мелкий шрифт без выделения). В папке входящих писем в строке письма отображается только один заголовок. Это первый заголовок из рубрики «Самые важные новости (Top news)». В письме заголовки и конкретизирующие их тексты распределены по рубрикам, по три заголовка в каждой.

Манипулирование сознанием строится на 2-х взаимосвязанных уровнях – на уровне референции и на уровне композиции.

Прежде всего, остановимся на рубриках, по которым распределены заголовки: Самые важные новости (Top News), Выбор редактора (Editor's Picks), Цитата дня (Quotation of the Day), Сегодняшние видеорепортажи (Today's Videos), Соединенные Штаты (U.S.), Мир (World), Политика (Politics), Бизнес (Business), Технологии (Technology), Спорт (Sports), Искусство (Arts), Нью-Йорк и окрестности (N. Y./Region), Некрологи (Obituaries), Колонка редактора (Editorials), Мнения и комментарии (Op-Ed).

Как видно из названий рубрик, только 2 из 15 напрямую посвящены событиям в США. Такая рубрикация, с одной стороны, позволяет представить разнообразие событий дня и, по словам самой газеты из одного из рекламных предложений о подписке, предоставить «доступ к подробному освещению мировых событий известными корреспондентами более чем из 120 стран (access to expanded global coverage with renowned correspondents reporting from more than 120 countries, 13 января 2015)». В реальности данное разнообразие является мнимым, поскольку порядка 90 % новостей во всех рубриках – это или новости о США, или новости о других странах или их гражданах, так или иначе связанные с США (местом события, стратегическими интересами и т. п.).

Даже в такой рубрике, как «МИР (World)», изначально подразумевающей освещение событий в мире в целом, большинство новостей так или иначе связано с США. Приведем пример заголовков в рубрике «Мир» от 30 января 2014 г.

1. Исследование показывает, что для находящихся под угрозой исчезновения пингвинов изменение климата представляет дополнительную опасность / Сильные дожди и жара наряду с хищническим истреблением и голодом осложняют жизнь пингвинов, говорит ученый Вашингтонского университета. (**For Already Vulnerable Penguins study Finds Climate Change Is Another Danger** / Intense rainfall and extreme heat combined with predation and starvation make life difficult for penguins, a University of Washington scientist says).

2. В докладе говорится, что нельзя полагаться на то, что Афганистан сможет предотвратить некорректное использование помощи из США / Доклад специального генерального инспектора по восстановлению Афганистана поднимает вопросы о разумности предоставления широкомасштабной помощи непосредственно правительству, которое известно своей коррупционностью. (**Report says Af-**

ghanistan Can't Be Trusted to Prevent Misuse of U.S. Aid / The report by the Special Inspector General for Afghanistan reconstruction raises new questions about the wisdom of giving extensive aid directly to a government known for corruption).

3. Наследие мафии заражает землю в Южной Италии / Считается, что мафия Каморра захоронила миллионы тонн токсичных отходов недалеко от Неаполя, в районе, известном как «Треугольник смерти» из-за настораживающего роста числа раковых заболеваний. (**A Mafia Legacy Taints the Earth in Southern Italy** / The Camorra mafia is believed to have buried millions of tons of toxic garbage in region near Naples, known as the Triangle of Death because of an alarming rise in cancer cases).

В двух из трех заголовков статей о новостях в мире упоминаются США, предстающие «спасателями» пингвинов и граждан Афганистана. Данный пример также показывает, каким образом создаются дополнительные оценочные коннотации сигнификатов – положительные для США («спасатели») и отрицательные для других стран (Афганистан – коррупционное правительство, Италия – бесчинства неаполитанской мафии).

Таким же образом дело обстоит в других рубриках. При превалировании новостей о США у подписчика создается иллюзия того, что искусство, бизнес, спорт технологии и т. д. развиваются практически только в этой стране, и лишь иногда в других странах, но и в этом случае возможность для реализации предоставляется США. Например, заголовок из рубрики «Технологии» от 8 июня 2015 г.

Создатели робота из Кореи ушли с призом в 2 млн \$ / Роботы оценивались по их способности выполнять 8 различных заданий, включая вождение транспортного средства, открывание двери и использование ручной дрели. (**Korean Robot Makers Walk off with \$ 2 Million Prize** / The robots were graded on their ability to compete eight tasks including driving a vehicle, opening a door and operating a portable drill).

Далее в статье представлена информация: а) соревнование проводилось в Калифорнии; б) приз предоставлен Исследовательским агентством Пентагона; в) второй приз выиграли американские разработчики.

Таким образом, на уровне композиции создается иллюзия разностороннего освещения событий в США и мире, а на уровне референции – мирового господства США во всех сферах жизни.

Далее рассмотрим геополитическую карту мира, которая создается с помощью ежедневных анонсов газеты.

Как уже было сказано выше, практически все события, отобранные для анонса, связаны с США, поэтому геополитическая карта мира, которая формируется в сознании читателя, нерепрезентативна. На ней выделяется следующие группы стран:

1) США;

2) страны с развивающимися экономиками, в которых в период публикации анонса происходят военные конфликты, в которых США принимают участие (например, Ирак, Афганистан);

3) страны с развивающимися экономиками, в которых происходят или произошли военные конфликты и правительственные перевороты (Северная Африка и Ближний восток, например, Египет, Ливия, Нигерия, Израиль и др.);

4) страны с развитыми экономиками: страны Евросоюза (собираательно, или отдельно – Германия, Италия, Британия, Греция и др.), Норвегия, Корея, Япония и некоторые др.;

5) Россия.

Кроме того, с октября 2012 г. на карте появляется Украина. На данном этапе мы не стали относить данную страну к какой-либо группе, поскольку остановимся на этом позже.

На референтном уровне анонс газеты создает геополитическую модель мира, в центре которой находятся США, все действия которых направлены на помощь в установлении мира в развивающихся странах, на спасение мира от экологических и эпидемических проблем и т. п. Другие развитые страны страдают от различного рода проблем, например, Норвегия пытается легализовать ЛСД, Британия на грани распада из-за возможности отделения Шотландии, Греция хочет выйти из Евросоюза и т. д.

В целом на коннотативном уровне формируется ассоциативно-положительный образ США и ассоциативно-негативный образ других стран. При отборе информации используется прием замалчивания информации, при котором замалчивается негативная информация о своей стране и положительная информация о других странах.

На общем фоне других стран выделяется Россия как источник военной и экспансионистской угрозы: Россия проводит испытания ядерных ракет средней дальности, якобы нарушая давние договоренности времен Рональда Рейгана, аннексирует часть Украины, помогает оружием повстанцам восточной Украины, пытается создать торговые и политические союзы с ближним зарубежьем и пр. Например, «Самые важные новости» от 30 января 2014 г.

США говорят, что Россия провела испытания ракет вопреки существующему договору / Соединенные штаты проинформировали союзников по НАТО, что Россия провела испытания новых наземных ракет и выразили озабоченность по поводу соблюдения Москвой договоренности о контроле над вооружением. (U. S. Says Russia Tested Missile, Despite Treaty / The United States informed its NATO allies this month that Russia had tested a new ground-launched cruise missile, raising concerns about Moscow's compliance with a landmark arms control accord).

Данный пример ярко иллюстрирует манипулятивную силу синтаксиса, используемого в анонсах. И заголовков, и пояснительное предложение после него представляя собой краткие утвердительные предложения. Таким образом, сложное многоаспектное событие описывается двумя предложениями. Как справедливо отмечает А. А. Данилова, «за цепью простых сказуемых утрачивается истинный смысл действия, теряются детали настоящего конфликта. Фокусируемое событие схематизируется, его историческая или политическая мотивация опускаются, его реальная сложность и многогранность выносятся за скобки и

тем самым из множества субъективных деформированных суждений языковыми средствами создается образ, претендующий на объективность» [3, с. 84].

Интересно, что в полной статье так и не приводятся официальные доказательства ядерных испытаний, однако в ней содержится абзац, прямо постулирующий взгляд газеты на взаимоотношения между США и Россией, которые характеризуются как «и так уже сложные» (the already difficult relationship), и приводятся причины таких взаимоотношений. Данный абзац также ярко иллюстрирует образ России, который формируется газетой через заголовки статей в ежедневном электронном анонсе:

Публичное обсуждение испытаний могло бы стать новым раздражителем в и так уже сложных отношениях между США и Россией. В последние месяцы напряжение в отношениях возросло из-за различия во взглядах на то, как завершить конфликт в Сирии; из-за предоставления временного убежища Эдварду Сноудэну, бывшему служащему Агентства национальной безопасности; а в последнее время из-за беспорядков на Украине. (A public dispute over the test could prove to be a major new irritant in the already difficult relationship between the United States and Russia. In recent months that relationship has been strained by difference over how to end the fighting in Syria; the temporary asylum granted to Edward Snowden, the former National Security Agency contractor; and most recently, the turmoil in Ukraine).

Заголовки новостей о России нередко появляются первыми в рубрике «Самые важные новости», и зачастую информация развивается также в других рубриках одного и того же дня, например, в рубрике «Цитата дня» или «Мир», «Политика» и др., что позволяет через повтор на композиционном уровне текста анонса сформировать негативное отношение к стране.

И наконец, отдельно остановимся на феномене Украины, которая неожиданно появилась на геополитической карте США. Упоминание о стране появляется 2 раза в 2012 г. в анонсах газеты Нью-Йорк Таймс в связи с выборами президента, справедливость которых ставится под сомнение уже в день выборов до объявления результатов. На следующий день, победивший на выборах В. Янукович, объявляется ставленником России, а результаты выборов – подтасованными. До этого момента мало кто в США даже знал, что существует такая страна, как Украина, но ее упоминание в связи с Россией на фоне навязываемой идеи угрозы с ее стороны, делает незначительное событие в маленькой стране важным фактом, достойным упоминания в анонсе выпуска газеты.

Далее Украина исчезает с геополитической карты мира газеты более чем на год и появляется уже в связи со сменой власти и развивающимся военным конфликтом в ноябре 2013 г., становясь неожиданно самым главным событием в мире, которое освещается ежедневно, зачастую как первая новость в разделе наиболее важных событий дня. При этом все события описываются исключительно сквозь призму негативной роли России. Например, заголовки от 29 ноября 2013 г. и 24 января 2015 г. соответственно.

Украина пошла на попятную / Столкнувшись с раздражением со стороны России, президент Янукович прервал торговые переговоры с Европой. (Ukraine Backs Down / Faced with Russia's anger, President Yanukovich suspends trade talks with Europe).

На Украине вновь разгорается война; Повстанцы выступают еще сильнее / Увеличивается число доказательств того, Российские войска и оборудование снова идут нескончаемым потоком в Восточную Украину. (War is exploding anew in Ukraine; Rebels Vow More / Evidence is increasing that Russian Troops and Russian Equipment have been pouring into Eastern Ukraine again).

Возникает закономерный вопрос – каково же место Украины в создаваемой газетой картине мира? Попробуем проанализировать это с учетом групп стран, которые были выделены выше.

На наш взгляд, Украина используется прежде всего для формирования негативных ассоциаций по отношению к России, при этом в сознании читателя она осмысливается только в связи с Россией, выступая, таким образом, в качестве своего рода «смыслового придатка», а не в качестве отдельного государства. В данном случае, открыто постулируя неприязнь к присоединению Крыма и вмешательству России в военный конфликт в другом суверенном государстве, газета скрыто формирует у читателя противоположную модель – модель Украины как части сигнификата России.

Таким образом, можно сказать, что путем отбора основных событий дня и основных фактов о них создается неискренний дискурс, в котором «презентационная стратегия сочетается с манипуляционной, т. е. знание передается не открыто, а в «упакованном» виде. Картина мира представлена искаженно, в виде

целенаправленно выбранных фрагментов, необходимых для создания того или иного эмоционального отклика» [5, с. 120].

Манипулирование начинается уже на этапе отбора информации. Несмотря на то, что Нью-Йорк Таймс обещает читателю, что оформив подписку, он будет постоянно в курсе всех важных для него событий и получит неограниченный доступ к разносторонней, глубокой, вдохновляющей общемировой журналистике, которую ценят взыскательные читатели («You'll stay fully informed about all the issues important to you, with unlimited access to balanced, in-depth, inspiring worldwide journalism that discerning readers value»), на деле она использует такой прием скрытого воздействия на сознание, как отбор «удобной информации» – удобной с точки зрения привлечения аудитории, а также с точки зрения непротиворечия основной национально-политической и экономической стратегии.

Итак, ежедневная электронная рассылка анонсов газеты представляет собой речевой акт, в котором манипулятивная функция осуществляется на основе информативной. При этом последняя становится квазиинформативной, поскольку подбор информации, постулируемой редакцией в качестве важной и интересной для читателя, отражает интересы редакции газеты и ее владельцев, а не истинные интересы аудитории. На уровне композиции создается ложное представление о непредвзятом освещении событий в мире, в то время как на уровне референции путем отбора «удобной информации» и замалчивания «неудобной» на фоне негативных образов других стран создается положительный образ страны, в которой выпускается газета. Ежедневная электронная рассылка позволяет влиять на сознание подписчика, форматируя определенным образом сферу его интересов и оценок.

Литература

1. Бумага вышла в тираж // Сайт газеты «Ведомости», 27.03.2014. Режим доступа: <http://www.m.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/03/27/bumaga-vyshla-v-tirazh.html> (дата обращения: 20.06.2015).
2. Грабарь Я. Будущее печатных СМИ: тиражи падают, интернет редакции растут // Сайт «РБК», 13.02.2013. Режим доступа: <http://www.top.rbc.ru/economics/13/02/2013/844874.shtml> (дата обращения: 20.06.2015).
3. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет, Издательство КДУ, 2014. 232 с.
4. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо (МГУ), 1997. 344 с.
5. Радевич В. В. Этапы и виды манипулирования как коммуникативные стратегии в неискреннем дискурсе на материале жанра «нигерийские письма» // Вестник КемГУ. 2012. № 4(52). Т. 4. С. 119 – 122.
6. Yang N. Revenue Strategies That Work // Editor and Publisher. 8.02.2013. Режим доступа: <http://www.editorandpublisher.com/Features/Article/Revenue-Strategies-That-Work> (дата обращения: 20.06.2015).

Информация об авторе:

Саржина Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ, г. Москва), okasana@bk.ru.

Oksana V. Sarzhina – Candidate of Philology, Assistant Professor at the European Languages Department, Russian State University for the Humanities, Moscow.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ: НЕОБХОДИМОСТЬ ОЦЕНКИ

A. C. Сарсенбаева, М. С. Кулахметова

ENGLISH FOR SPECIFIC PURPOSES: NEEDS ASSESSMENT

A. S. Sarsenbayeva, M. S. Kulakhmetova

В данной статье представлена проектная работа по оценке потребностей курса «Английский для специальных целей», выполненная в рамках стипендиальной программы «E-teacher Scholarship Program». Оценка потребностей включила в себя такие аспекты, как анализ целевой ситуации, анализ текущей ситуации и анализ содержания. Проектная работа была проведена с целью составления учебной программы для студентов специальности «Теплоэнергетика». Были выявлены цели дисциплины «Английский для специальных целей» для студентов с учетом специфики их профессии. Данные статьи взяты из материалов, собранных при анкетировании студентов, наблюдении, беседе с преподавателями кафедры «Теплоэнергетика». В статье также рассмотрены проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели университета во время преподавания курса «Английский для специальных целей». Отсутствие входного теста на определение уровня, слабый уровень владения английским языком преподавателей со спецкафедр, ведущих занятия, небольшое количество практических часов влияет на качество усвоения материала.

The paper presents the needs assessment project for ESP course conducted in the framework of «E-teacher Scholarship program». The needs assessment included such aspects as target situation analysis, present situation analysis and context analysis. The needs assessment project is conducted in order to design the syllabus for the students of the specialty «Thermal engineering». The paper reveals the goals of the discipline «English for specific purposes» for students with account of their professional distinctiveness. The data are taken from the materials collected at students' questionnaires, observation, interviewing «Thermal engineering» teachers. The paper also considers ESP challenges faced by university teachers. The absence of the placement test, poor English language competence of non-language teachers conducting the lesson, few practical hours influence the quality of material acquisition.

Ключевые слова: английский для специальных целей, оценка потребностей, анализ целевой ситуации, анализ текущей ситуации, анализ содержания, цели дисциплины, методы сбора данных, проблемы преподавания.

Keywords: English for specific purposes, needs assessment, target situation analysis, present situation analysis, context analysis, goals of discipline, methods of data collection, teaching challenges.

Дисциплина «Английский для специальных целей» является относительно новой дисциплиной в Казахском контексте образования, так как она была введена в курс обучения учебной программы бакалавра только в 2012 г. Однако, эта дисциплина не является новой в зарубежном образовании, и ее теоретические и практические вопросы разрабатываются более 50 лет.

Когда дисциплина была введена в Казахстане, преподаватели языка столкнулись с такой проблемой, как ввести данный курс. Отсутствие типового учебного плана для этой дисциплины усложнило ситуацию. Было абсолютно ясно, что «Английский для специальных целей», конечно, отличается от общего английского в отношении целей и задач. Сейчас, преподавая курс в течение 3-х лет, были выявлены и корректируются некоторые яркие ошибки.

В рамках программы «E-teacher Scholarship program», представленной Университетом Орегон и спонсируемой Госдепартаментом США, мы провели «Оценку потребностей» (Needs assessment) или как еще ее называют в рамках методики преподавания иностранных языков «Анализ потребностей» (Needs analysis) в целях разработки курса «Английский для специальных целей» для специальности «Теплоэнергетика» и диагностики ошибок, которые были сделаны раньше.

Согласно Дж. Брауну анализ потребностей – это «систематический сбор и анализ всей релевантной профессиональной информации необходимой для удовлетворения потребностей студентов в изучении языка в контексте определенного института, включен-

ного в ситуацию изучения/преподавания» [1, с. 14]. Дж. Ричардс определяет анализ потребностей как «процесс сбора информации, которая может быть использована для разработки справки о языковых потребностях группы студентов для того, чтобы принимать решения о целях и содержании языкового курса» [4, с. 52]. Кей Уэстерфилд пишет, что «Оценка потребностей лежит в основе хорошо продуманного, эффективного курса «Английский для специальных целей». Оценка потребностей состоит из анализа целевой ситуации (Target Situation Analysis – TSA), анализа текущей ситуации (Present Situation Analysis – PSA) и анализа содержания (Context Analysis – CA) [5, с. 1 – 6].

Анализ целевой ситуации

Термин «анализ целевой ситуации» (Target Situation Analysis (TSA)) был впервые использован Ф. Чемберсом в 1980 г., и он определял его как «коммуникация в целевой ситуации» [2, с. 29]. Анализ целевой ситуации направлен на выявление того, что студенты должны уметь делать в конце обучения по данному курсу. Целевые студенты курса «Английский для специальных целей» являются студентами второго курса специальности «Теплоэнергетика».

Для того чтобы провести TSA, мы установили цели и задачи данного курса. Информация была собрана при помощи анкетирования студентов и преподавателей и метода структурированного интервью. Таким образом, целями данного курса являются следующее:

Цель 1: уметь читать технические руководства.

Цель 2: уметь написать лабораторные отчеты и отчеты, касающиеся их будущей работы.

Цель 3: уметь объяснить визуальную информацию или данные в письменной (отчеты, статьи) и устной формах (презентации, проекты). Например, диаграммы, таблицы, графики, иллюстрирующие системы отопления и охлаждения, теплообмена и т. д.

Цель 4: уметь вести разговор на профессиональные темы, например, обсуждение технических тем с зарубежными коллегами.

Цель 5: уметь общаться с их коллегами, клиентами, органами власти на профессиональные темы и темы, касающиеся их работы с помощью электронной почты.

Список целей, представленных выше, был дан целевой группой студентов, изучающих данный курс, и преподавателями, которые ведут занятия по данной дисциплине. Их спросили, что они хотели бы уметь делать после завершения курса. Помимо перечисления своих целей, они объяснили, почему так важно уметь то или иное на английском языке:

Цель 1: Необходимо уметь читать и понимать технические руководства, потому что новые приобретенные оборудования приходят из таких стран, как Германия, Канада, Китай, и сопровождаются инструкциями, картинкам и другими документами на английском языке.

Цель 2: 1) Казахстанские электростанции принадлежат корпорации ENRC (Eurasian Natural Resources Corporation), которая работает в нескольких странах и нанимает работников по всему миру. Студенты могут иметь возможность работать в зарубежных филиалах. Таким образом, для них необходимо уметь писать лабораторные отчеты и отчеты в целом на английском языке, уметь успешно общаться с иностранными специалистами. 2) Некоторые студенты намерены продолжать свое образование в зарубежных университетах для получения степени магистра на английском языке обучения. Таким образом, они могут применить этот навык во время своего обучения.

Цель 3 – 4: Эти навыки необходимы для представления информации иностранным специалистам/преподавателям на деловых встречах, конференциях, занятиях, проводимых на английском языке во время обучения в магистратуре.

Цель 5: Данный навык необходим для успешной работы с иностранными специалистами в стране и за рубежом.

Мы считаем, что для лучшего и эффективного TSA нам необходимо опросить таких заинтересованных сторон, как декан факультета, потенциальные работодатели, например, руководитель организации или главный инженер, руководитель практики. Полезно знать, что данные лица ожидают от студентов в плане знания английского языка.

Анализа текущей ситуации

Термин *анализ текущей ситуации* (Present situation analysis (PSA)) был предложен в 1980 г. Р. Рихтерихом и Дж. Ченсерелом. Как пишет Б. Палтридж и С. Старфилд, анализ текущей ситуации включает личную информацию о студенте и информацию об условиях преподавания языка. Так, личную информацию о студенте рассматривают как факторы, которые могут повлиять на процесс изучения. Это может быть опыт

предыдущего изучения, культурная информация, причины посещения курса и ожидания от него и отношение к языку. Примерами информации об условиях преподавания языка могут быть ресурсы, административные вопросы [3, с. 327].

«Английский для специальных целей» или «Профессионально-ориентированный иностранный язык» (официальное название дисциплины в Казахстанской учебной программе) является обязательной дисциплиной, т. е. все студенты, несмотря на их специальность, должны ее изучать. Курс состоит из 3-х ECTS кредитов. Он длится один семестр (3-й или 4-й семестр). Количество практических занятий/часов за семестр 30, 2 занятия/часа в неделю. Количество СРСП/часов 15 за семестр, 1 СРСП/час в неделю. Каждое практическое занятие и СРСП длятся 50 минут. Занятия, как правило, проводятся в первой половине дня (1 – 6 пара), но иногда может проходить 7 парой. Она начинается в 14.35, и студенты, как правило, усталые и голодные. Поэтому такой аспект, как расписание, нуждается в улучшении. Лучше провести занятие в первой половине дня.

Итоговая оценка обязательна во время курса. Студенты проходят 5 итоговых контролей: 4 рубежных контролей и 1 экзамен. Вид контроля разрабатывается преподавателями кафедры иностранных языков и преподавателями спецкафедр и утверждается руководителем кафедры. Семестр состоит из 2-х рубежных контролей и студенты должны сдавать по 2-х рубежных контролей, проводимых преподавателями кафедры иностранных языков и 2 рубежных контролей – преподавателями спецкафедр. Итоговый экзамен состоит из теста и письменной части. Рубежный контроль может включать в себя: проект, тест, эссе, доклад и смешанный тест (говорение, аудирование, письмо и чтение).

Дисциплина «Английский для специальных целей» в университете является смешанной. Поскольку целевые студенты не являются работниками (работающие обучающиеся), но все же они могут использовать полученные навыки на их будущей работе. Кроме того, эта группа не имеет дисциплин, читаемых на английском языке в их учебной программе. Но есть вероятность, что: 1) они будут слушать лекции иностранных преподавателей, приезжающих в наш университет, и 2) они будут участвовать в программе академической мобильности и будут учиться в зарубежном университете. К сожалению, данный курс не имеет входного теста. Поэтому в группах занимаются студенты с разными уровнями владения языком. Уровень английского языка целевой группы – B1 – B2 по CEFR. Студенты с уровнем B2 не имеют трудностей в чтении, письме, аудировании и говорении. Единственное, что им нужно, это больше практики и инструкции, как выполнять задания, с которыми они сталкиваются впервые. Студенты с уровнем B1 имеют трудности в аудировании, письме и разговорной речи. Это объясняется отсутствием достаточной практики.

Целевая группа имеет хорошие знания в области своей специальности (Теплоэнергетика). Они знают техническую лексику, тепловые процессы и реалии их специальности. Это объясняется тем, что они прошли дисциплины «Основы профессиональной деятельности» (5 ECTS кредитов), «Учебную практику» (1 ECTS кредит), «Теоретические основы теплотехники» (5

ECTS кредитов), «Теплотехнические измерения и контроль» (5 кредитов) и другие специальные предметы.

PSA показывает, что целевая группа хочет улучшить английский для социальных целей, учебы, путешествия, работы или профессии, научных исследований, обучения за рубежом.

Для лучшего и более эффективного PSA мы должны исследовать больше учебников, видео, блогов в специальной области; опросить работодателей, экспертов в области теплоэнергетики; бывших студентов, будущих студентов. Информация для анализа текущей ситуации была собрана с помощью анкетирования студентов, метода наблюдения и метода опроса преподавателей спецдисциплин.

Анализ содержания

Анализ содержания исследует среду, в которой будет обучаться студент. После завершения анализа содержания, преподаватель дисциплины получает информацию о ресурсах и ограничениях, которые влияют на составления программы и результаты обучения.

Потенциальными заинтересованными стороны курса являются студенты (нынешние студенты целевой группы, бывшие студенты и будущие студенты), преподаватели спецдисциплин, администрация факультета, преподаватели кафедры иностранных языков, потенциальные работодатели, руководители практики. Эти люди заинтересованы в успешности курса для достижения внешних и внутренних целей.

Студенты преследуют внутренние цели. Они хотят стать «компетентными пользователями» английского языка, чтобы свободно использовать его в личных целях. Эти потребности различны: путешествия, обучение за рубежом, социальные цели, продвижение по службе.

Другие стороны преследуют внешние цели. Работодатели заинтересованы в найме специалистов, которые могут говорить по-английски из-за прибыльности. Количество англоязычных работников, которые могут успешно общаться с иностранными коллегами в письменной и устной формах уменьшит количество переводчиков, которые выполняют роль посредников и повысит производительность за счет экономии времени.

Университет хочет, чтобы их студенты успешно общались на английском языке для: посещения лекции визит-профессоров; выступления на конференциях; участия в академической мобильности (обмен студентами); получения стипендий в различных международных программах, как IREX: Global UGRAD и DAAD; представления университета на ЭКСПО-17 в городе Астана в качестве волонтеров.

Все эти достижения увеличивают рейтинг факультета в университете и увеличивает рейтинг университета среди других университетов в стране. Заинтересованные стороны, которые также должны быть опрошены, – это потенциальные работодатели и руководители практик. Мы должны знать, что они ожидают от студентов касательно уровня владения английским языком и как англоговорящие специалисты улучшат работу самой организации.

Обучение ведется очно. Очное обучение способствует лучшему взаимодействию между студентами и преподавателями. Очное обучение стимулирует луч-

шее обучение через слуховое и зрительное восприятия материала, живых групповых дискуссий и незамедлительной обратной связи.

Курс проводится в традиционных аудиториях университета. Традиционный класс оснащен столами, стульями, доской, мелом, учебниками, статьями, руководствами и другими материалами.

Материалы, которые используются в ходе обучения, являются аутентичными (специальные учебники, блоги, видео, руководства и другие источники) и не аутентичными (учебники и интернет-источники, используемые для обучения языку). Преподаватели оценивают студентов в электронном журнале.

Проблемы преподавания дисциплины «Английский для специальных целей»

Среда, в которой преподаватели вынуждены работать, не является идеальной. Нам приходится принимать во внимание ограничения, которые ограничивают нашу работу и не позволяют нам достичь желаемого результата.

Прежде всего, как мы пишем выше – мы не имеем входных требований к курсу. Известно, что средний уровень владения языком (Intermediate) является минимальным уровнем для обучения «Английского для специальных целей», так как студенты часто имеют дело с трудным материалом. Парадоксально то, что в первый год обучения (общий курс английского языка) студенты делятся в соответствии с их уровнем языка, но на курсе «Английского для специальных целей» они смешиваются. Студенты A2 учатся вместе со студентами B2, что усложняет работу преподавателя.

Еще одна проблема в том, что количество учебных часов слишком мало, как мы считаем. Студенты A1 – A2 сталкиваются с нереальными целями и задачами, которые они должны достичь в течение 45 часов. Ограничения времени является стрессовым не только для студентов, но и для преподавателей, так как они должны подбирать материал для студентов. Количество часов также должно быть увеличено для студентов с высоким уровнем, так как в течение 45 часов студенты могут получить только поверхностные знания по темам, предусмотренным содержанием курса, его целями и задачами. Таким образом, следует отметить, что должны быть увеличены часы и введены входные требования.

В-третьих, курс «Английский для специальных целей» преподается двумя преподавателями: преподавателем английского языка как иностранного и преподавателем спецкафедры. Вначале становится очень трудно разделить обязанности преподавателей. Что еще хуже, так это ситуация, когда уровень владения английским языком преподавателем спецкафедры не является достаточным для проведения занятий на английском языке, а те, кто имеют продвинутый уровень, не обладают профессиональными знаниями в методике преподавания языка.

В-четвертых, занятия должны быть проведены в полностью оборудованных аудиториях. Для положительного воздействия на мотивацию и обучения студентов аудитории должны быть оснащены интерактивными досками, компьютерами, наушники, проекторами, подключением к интернету и Wi-Fi.

Литература

1. Brown J. D. Using surveys in language programs. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 319 p.
2. Chambers F. A re-evaluation of needs analysis // ESP Journal. 1980. № 1/1. P. 25 – 33.
3. Paltridge B., Starfield S. The Handbook of English for Specific Purpose. Wiley-Blackwell, 2013. 592 p.
4. Richards J. Curriculum development in language teaching. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 321 p.
5. Westerfield K. An Overview of Needs Assessment in English for Specific Purposes. Best Practices in ESP. 2010.

Информация об авторах:

Сарсенбаева Алия Сериковна – магистр филологии, старший преподаватель кафедры иностранных языков ПГУ им. С. Торайгырова, г. Павлодар, Республика Казахстан, aliya2311@gmail.ru.

Aliya S. Sarsenbayeva – Master of Philology, Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, S. Toraighyrov Pavlodar State University.

Кулахметова Мергуль Сабитовна – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор кафедры иностранных языков ПГУ им. С. Торайгырова, г. Павлодар, Республика Казахстан, mira67@rambler.ru.

Mergul S. Kulakhmetova – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, S. Toraighyrov Pavlodar State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 81'33

**К ВОЗМОЖНОСТИ РАССМОТРЕНИЯ РУССКОЙ ПУНКТУАЦИИ В ПЕРЛОКУТИВНОМ АСПЕКТЕ
НА МАТЕРИАЛЕ РЕКЛАМНЫХ СООБЩЕНИЙ**

О. В. Тускова

**ON POTENTIAL CONSIDERING THE RUSSIAN PUNCTUATION FROM
THE PERLOCUTIONARY PERSPECTIVE**

O. V. Tiskova

Статья посвящена рассмотрению пунктуационных норм русского языка в перлокутивном аспекте. К возможности такого рассмотрения нас приводит исследование реального коммуникативно ориентированного функционирования русской пунктуации. При переносе «фокуса» внимания исследователей от традиционной нормативности на проблему коммуникативной эффективности письменно-речевой деятельности носителей языка понятия перлокутивного акта (как акта, вызывающего целенаправленный эффект воздействия на чувства и мысли воспринимающих речь людей) и перлокутивного эффекта требуют серьезного рассмотрения. И рекламные тексты, для которых перлокутивный успех подразумевает коммуникативный успех, являются весьма ярким материалом для подобных исследований.

The paper is aimed at considering the punctuation norms of the Russian language from the perlocutionary perspective. This perspective results from the research conducted in respect of a real communication-oriented functional field of the Russian punctuation. The concept of the perlocutionary act (as an act inducing a targeted effect impacting thoughts and feelings of an addressee) and the perlocutionary effect requests a more sound investigation for transmission of the research focus from the traditional normalization towards the problem of communication effectiveness of the native speakers' writing activity. Advertising texts where perlocutionary success is equal to communication success might be seen as an outstanding material for such research.

Ключевые слова: пунктуация, нормативность, коммуникативная эффективность, перлокутивный акт, перлокутивный эффект, рекламный текст, копирайтинг.

Keywords: punctuation, normalization, communication effectiveness, perlocutionary act, perlocutionary effect, copy-writing.

*Мир – это странное место,
в котором правила то и дело нарушаются
Дж. А. Валладарес «Ремесло копирайтинга».*

*В эру передовых технологий неэффективность –
самый страшный из грехов
О. Хаксли «Прекрасный новый мир».*

Смена приоритетов в системе современных лингвистических парадигм привела к глубоким изменениям в общей структуре лингвистики. По мнению Т. М. Николаевой, движение лингвистики XX в. в век

XXI было «дрейфом от тезиса о функциональности языка «в самом себе и для нас» в тезис «под влиянием внешних обстоятельств и для нас». С этим связан и дрейф интереса от того как язык связывает человека с Действительностью к тому как язык связывает Человека с действительностью?» [8, с. 379].

Антропоцентричность современной лингвистической парадигмы создает необходимые условия для пересмотра многих устойчивых лингвистических концепций [6]. Новый виток в науках о языке обусловлен и тем, что в последние годы вполне традиционная категория абсолютной нормативной правильно-

сти перестает быть такой уж абсолютной. То есть «если для лингвистики XX столетия характерна установка на «правильные» языковые построения, в которых соблюдены общеобязательные требования языкового кода, то эстетические теории этой эпохи, напротив, склонны придавать исключительно большее значение «отрицательным» приемам (в копирайтинге, к примеру, нарушение традиционных «школьных» языковых норм часто является осознанным и признается креативом), действие которых состоит в нарушении сложившегося в читательском сознании «кода» эстетического поведения» [3, с. 313]. Не разделяя полностью мнение об «отрицательных» приемах, хотелось бы в нашей статье заострить внимание именно на читательском сознании и перлокутивном аспекте нормативности, в частности, пунктуационной нормативности.

Направленные лингвистические эксперименты, проводимые в рамках концепции естественной письменной русской речи, разрабатываемой в Барнаульско-Кемеровской школе Н. Д. Голевым, Н. Б. Лебедевой и их учениками [4; 5], доказывают незначительную смысловозначительную роль знаков препинания для рядового воспринимающего (читающего). Пунктуационное оформление письменного текста имеет для читающего меньшее значение, чем принято считать. «Чаще всего рядовые читатели, воспринимая текст, ориентируются прежде всего на смыслообразующие компоненты, включенные в глубинные структуры текста (предшествующий контекст, общий смысл, представление о коммуникативной ситуации, пресуппозиции). В этом процессе холистические (интуитивно схватываемые) стратегии чтения, как правило, преобладают над элементаристскими» [4, с. 107]. Т. е. читающий интерпретирует текст, исходя из семантических значений и контекста, а не наличия/отсутствия внутритекстовых знаков препинания.

Нет конкретных лингвистических доказательств абсолютной коммуникативной значимости пунктуации для процессов восприятия и понимания текста **во всех** случаях употребления/неупотребления знаков препинания [4].

Экспериментальное изучение конкретных пунктограмм приводит исследователей к выводу, что связь нормативности и коммуникативной эффективности, существующая в сознании носителей языка и проявляющаяся в ответах «Нужно грамотно говорить и писать, чтобы тебя понимали», скорее традиционно-привычна, нежели реальна.

Но если не подходить к пунктуации с точки зрения ортологии, то каким же образом? Новый стимул и новый «фокус» для изучения письменно-речевой деятельности пользователей языка дает теория речевых актов Дж. Л. Остина, где перлокутивный уровень (перлокутивный акт) служит намеренному воздействию на адресата, достижению какого-то результата. Перлокуция состоит в воздействии на информационное состояние адресата, на его настроение, планы, желания и волю. И вопрос перлокутивного эффекта (перлокутивного успеха) в применении к пунктуации, на наш взгляд, может и должен быть рассмотрен именно в «поле» рекламных текстов.

Вряд ли можно найти более активный сегмент современного языкового существования системы «человек/язык», нежели поле рекламных сообщений (уже – рекламных текстов). Нельзя забывать, что язык (во всех своих проявлениях и вариантах) и культура связаны многочисленными и многообразными взаимоотношениями. Следовательно, язык рекламы должен подчиняться общим законам литературного языка, выражая его функции, в которых он соприкасается с культурой. В последнее десятилетие наблюдается своего рода «уход» рекламы из сферы только экономической и укрепление её как явления общечеловеческой культуры. В постмодернистском сознании современных носителей культуры реклама начинает выполнять функцию, ранее принадлежащую искусству. С одной стороны, это семиотическая функция, т. е. в рекламе мы пытаемся найти узнаваемые символы, в которых бы содержалась трактовка той или иной мысли автора/рекламодателя. С другой стороны, мы ищем возможность общения, пытаемся «проконсультироваться» с рекламодателем или своим «я», понять смысл рекламного сообщения, определить ценность рекламируемого товара. Таким образом, перед копирайтером или рекламистом встают два вопроса: что писать и как. Значит, чтобы реклама была принята и воспринята обществом, автор рекламного текста должен выполнить два основных условия, которые диктует сфера массовой коммуникации: обеспечить понимание и адекватное толкование своего послания адресатом данного текста и привлечь внимание массовой разнородной аудитории к своему посланию, чтобы оно не затерялось в огромном количестве конкурирующих текстов.

В практике анализа и перевода иноязычных рекламных текстов перлокутивному аспекту уделяется значительное внимание. При анализе переводных рекламных текстов «целесообразно опираться на базовые понятия когнитивной лингвистики (концепт, концептосфера) и теории речевых актов (иллокуция, перлокуция) как основы прагматической лингвистики» [7, с. 24]. «В зарубежном переводоведении теме перевода рекламных текстов уделяется больше внимания. <...> Речь идет, прежде всего, о том, что рекламный текст по своей структуре, целям и задачам сильно отличается от художественного или технического текста. В процессе перевода рекламных текстов переводчику приходится решать не только лингвистические проблемы, обусловленные различиями в семантической структуре языка оригинала и языка перевода, но и проблемы социолингвистической адаптации текста. Для того чтобы рекламный текст в полной мере выполнял свою коммуникативную функцию, его недостаточно просто перевести, он должен быть включен в культурную среду языка перевода» [7, с. 22].

Для переводного рекламного текста «включение в культурную среду» необходимо и само собой разумеется. Но ведь любой рекламный текст (как текст!) нуждается в своего рода «расшифровке» читателем; задача же его намного шире, нежели просто информационная, это, как принято считать, задача прежде всего коммуникативная. И здесь возникает несколько серьезных проблем. Первая проблема, как нам пред-

ставляется, связана с тем, что не существует достаточной четкости в определении решающих критериев коммуникативной эффективности рекламных сообщений. Хотя проблема коммуникативной и экономической эффективности рекламного текста в копирайтинге – центральная, но, на наш взгляд, отношение к ней авторов пособий по рекламе почти сакральное (см. эпиграф 2 к данной статье). Несмотря на повышенное внимание, оценка эффективности рекламы является серьезной проблемой в рекламной практике, так как она в целом связана с изучением комплекса взаимодействующих факторов и вопросов, измерить которые часто практически невозможно. Но если экономическая эффективность рекламы поддается все же осмыслению и оценке [9], то анализ коммуникативной эффективности – проблема более сложная и «размытая».

Существует три основных традиционно выделяемых критерия коммуникативной эффективности рекламы: распознаваемость, запоминаемость, агитационная сила. Запоминаемость рекламы – это свойство сообщения, позволяющее ему удерживаться в памяти долгое время. Запоминаемость – один из основных критериев коммуникативной эффективности, по которому можно косвенно судить о торговой (экономической) эффективности рекламы. В основе использования этого критерия лежит гипотеза, сформулированная классиками рекламного дела Россером Ривзом и Альфредом Политцем и разделяемая многими современными рекламистами: *запоминаемость ведет к предпочтению*. Второй критерий эффективности рекламы – распознаваемость. Это свойство рекламного сообщения, позволяющее быстро соотносить его с определенной фирмой (или маркой), а также воспринять его основную тематику при **беглом** просмотре (вряд ли потребитель внимательно изучает сунутый ему в руку директ-мейл листок или проносящиеся мимо рекламные щиты – это и будет в чистейшем виде «повседневное беглое чтение» [4]). Высокая распознаваемость влияет на степень актуализации фирмы (или марки) в сознании людей, относящихся к целевой аудитории. Третий критерий – агитационная сила рекламы. Это способность рекламы заставить потребителя желать товар. Показателями агитационной силы, по мнению создателя Alfred Politz Research Альфреда Политца, может служить следующий комплекс свойств: субъективная значимость темы для целевой аудитории, правдоподобность основного утверждения о товаре, уникальность утверждения. Не во всякой рекламе, обладающей агитационной силой, представлены все три свойства, но наличие хотя бы двух необходимо. В книге Россера Ривза «Реальность рекламы», ставшей классической, также можно найти рассуждения о свойствах рекламы, подталкивающих потребителя к покупке. Большое внимание он уделял значимости таких параметров, как уникальность утверждения и цельность рекламы. Согласно его концепции, каждое из этих свойств увеличивает запоминаемость и агитационную силу рекламы.

Таким образом, традиционно считается, что на успешность коммуникации и эффективность рекламы оказывают влияние эти три критерия. Если их учесть,

то сообщение будет замечено, прочитано и адекватно воспринято целевой аудиторией. Но каким образом их учесть, как быть с применением теории на практике, в процессе столкновения с реальными, готовыми рекламными сообщениями или в момент их создания? Попробуем прояснить вопрос пунктуационного оформления рекламного текста.

Существует априорное мнение, что отсутствующие/неверные знаки препинания внутри предложения затрудняют прочтение текста. Мы согласны с Н. Д. Голевым, утверждающим, что ситуация амфиболии или помехи не настолько однозначно фатальна и требует конкретного исследования каждого случая [4], и предлагаем обратить внимание на рекламные тексты. «Отношения» копирайтера с пунктуацией в рекламных текстах весьма неоднозначны: с одной стороны, пунктуация вообще не рассматривается как часть синтаксических характеристик, влияющих на читаемость рекламного текста [1, с. 87 – 88], с другой – существует устойчивое мнение о возможности нарочитого нарушения языковых (в том числе – пунктуационных) норм как «законном» креативном приеме (см. эпиграф 1 к данной статье).

Здесь можно говорить об «обратной» мифологичности: если в традиционной пунктуации внутритекстовые знаки препинания переоценивают, придавая им внеязыковые функции, то, возможно, при создании рекламных текстов собственно пунктуацию недооценивают, рассматривая постановку знаков препинания как чистый креативный процесс, языковую игру, вне смысла самой пунктуации [1; 2]. В этом случае особенно серьезным становится вопрос о степени «действенности» креатива: где это – языковая игра, способствующая усилению коммуникативной эффективности рекламного сообщения, а где – ошибка, вызывающая обратную реакцию и, по сути, разрушающая основную цель рекламного сообщения – создание благоприятного отношения к объекту рекламирования и как следствие – принятие решения о покупке (здесь заметим, что уже упоминавшийся Россер Ривз, являясь одним из «креативных революционеров» (вместе с Дэвидом Огилви и Лео Барнетом) рекламного бума 60-х гг. XX в., утверждал, что реклама не должна **развлекать** людей, а должна предлагать покупателю четко определенную выгоду, содержа в себе уникальное торговое предложение. Игры же с графикой, орфографией и пунктуацией – именно развлечение).

Видимо, можно сказать, что нарушение пунктуационных норм в обычной письменной речи приобретает в обыденном мифологизированном сознании статус нарушения некоего социального (и/или этического) закона, а для копирайтера эти нарушения как раз являются законными и обыденными, и даже – предпочтительными, т. к. автоматически (!) приводят к увеличению коммуникативной эффективности рекламного сообщения (уже не только текста!) по всем критериям [7]. С одной стороны, бездоказательно абсолютизируется ортологическая (нормативная) значимость пунктуации, с другой – ее коммуникативная значимость. Проведенное нами исследование [10] привело нас к выводу, что пунктуационные нарушения – намеренные (как проявление креативности копирайтера) или ненамеренные (связанные с безгра-

мотностью исполнителей) – у представителей целевой аудитории не вызывают ни затруднений, ни яркой негативной реакции. Пунктуационные нарушения, не создающие ситуации коммуникативной недостаточности, непонимания, многозначности и под., по мнению респондентов, не оказывают никакого влияния на запоминаемость, воспроизводимость и формирование положительного отношения к рекламируемому товару/услуге. Следовательно, они не могут оцениваться как прием повышения коммуникативной эффективности.

Это ни в коем случае не означает, что значимость пунктуации в копирайтинге преуменьшается, но это не ортологическая и не креативная, а перлокутивная значимость. Позиции «что хотел сказать копирайтер» и «что он сказал» должны совпадать, иначе рекламное сообщение не достигнет результата. Т. е., вероятно,

коммуникативная эффективность рекламы и может быть рассмотрена как перлокутивная эффективность: не «авторская» пунктуация и не нарочитое творчество, не любое изменение или отсутствие знака препинания, а лишь способствующие перлокутивному успеху, без которого и коммерческий успех рекламного сообщения вряд ли возможен.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что необходимо обязательное сближение теоретико-традиционных (существующих в сознании носителей языка) и когнитивно-прикладных аспектов лингвистики. А область рекламных текстов как раз и является наиболее эффективным «полигоном» для изучения новой перлокутивной нормы – нормы, ориентированной не на регулирование речевого поведения пишущего в процессе, а вступающей в силу по окончании речевого акта.

Литература

1. Бернадская Ю. С. Текст в рекламе: учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2008. 288 с.
2. Валладарес Дж. А. Ремесло копирайтинга. СПб.: Питер, 2005. 272 с.
3. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Эксмо, 1996. 352 с.
4. Голев Н. Д. «Казнить нельзя помиловать»: мифология обыденного метаязыкового сознания и коммуникативная реальность современной русской пунктуации // материалы V Международной научной конференции «Современные проблемы славянской филологии: славянские языки в современном мире». Тайпэй, 2013. С. 107 – 118.
5. Голев Н. Д., Басалаева М. Ю. Роль пунктуации в понимании текста (о взаимодействии поверхностной и глубинной структур текста) // Вестник КемГУ. 2010. № 4(44). С. 129 – 133.
6. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984. 153 с.
7. Жукова Н. С. Проблема перевода рекламных текстов в аспекте когнитивной и прагматической лингвистики // Язык и культура. 2012. № 4(20). С. 22 – 32.
8. Николаева Т. М. От звука к тексту. М., 2000. 679 с.
9. Попов А. Эффективность рекламы. М.: Эксмо, 2005. 416 с.
10. Тискова О. В. The means to enhance the communicative efficiency of advertising // Karadeniz Sosyal Bilimler Dergisi. 2014. № 23. Режим доступа: <http://www.dergikaradeniz.com/web/?did=243&dbaslik=Karadeniz%20Dergi%-2023.%20Say%FD#arubaslik> (дата обращения: 03.04.2015).

Информация об авторе:

Тискова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры и коммуникативных технологий гуманитарного факультета Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (АлтГТУ), olgaT7777@mail.ru.

Olga V. Tiskova – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Culture and Communicative Technologies, I. I. Polzunov Altai State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

**СТРАТЕГИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ ОПОЗНАВАНИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В ПОСЛОВНОМ ПЕРЕВОДЕ НА РОДНОЙ ЯЗЫК НОСИТЕЛЯ (на материале китайских фразеологизмов)**

Е. Б. Трофимова, Ю. С. Тюкина

**THE STRATEGIES USED IN THE RECOGNITION OF FOREIGN LANGUAGE IDIOMS IN WORD BY
WORD TRANSLATION INTO THE NATIVE SPEAKER'S LANGUAGE (on the material of Chinese idioms)**

E. B. Trofimova, Yu. S. Tyukina

*Исследование выполнено при поддержке РГНФ и Минобразования и науки, проект № 15-2403001
«Стратегии опознавания иноязычных фразеологизмов носителями монгольского и русского языков».*

В работе в условиях психолингвистического эксперимента исследуются когнитивные стратегии, используемые носителями русского языка при опознавании китайских фразеологизмов, представленных в пословном переводе на родной язык реципиента. Поскольку когнитивные стратегии относятся к ментальной сфере, прямого доступа к ним нет, однако когнитивная деятельность, как осознаваемая, так и бессознательная, отражается в языке. Цель данного исследования – определить, как осуществляется перекодировка семантической информации в пространстве мышление ↔ язык. Используемая методика позволила выявить стратегии идентификации значения иноязычных фразеологизмов и, опираясь на качественные и количественные показатели, классифицировать использованные носителями русского языка стратегии. Методом интроспекции результаты условно были распределены по 4 группам: фразеологизмы с высокой степенью опознавания (100 % – 50 %), средней (49 % – 20 %), низкой (19 % – 5 %) и опознаванием ниже 5 %. Анализ причин успешного и неуспешного опознавания китайских фразеологизмов позволил выявить стратегии, используемые в эксперименте носителями русского языка. Данная методика применима при исследовании любых языков.

In the conditions of psycholinguistic research the authors examine the cognitive strategies used by Russian native speakers in the recognition of Chinese idioms presented in word-by-word translation into the native language of the recipient. Since cognitive strategies belong to the mental sphere, they can not be accessed directly; however, both conscious and unconscious cognitive activity is reflected in the language. The study aims to define how the conversion of semantic information is realized in the space *thinking ↔ language*. The methodology helped to identify the strategies of identifying the meaning of foreign language idioms, and, basing on qualitative and quantitative indicators, to classify the Russian native speakers' strategies. Using the method of introspection, the results were conditionally divided into 4 groups: phraseological units with a high degree of identification (100 % – 50 %), medium (49 % – 20 %), low (19 % – 5 %) and recognition below 5 %. Thus the strategies that generate this stratification of phraseological units were revealed. This practice is applicable in the study of any language.

Ключевые слова: когнитивные стратегии, психолингвистический эксперимент, китайский и русский языки, фразеологизмы, межъязыковая образность.

Keywords: cognitive strategies, psycholinguistic experiment, Chinese and Russian languages, idioms, interlingual figurativeness.

Данная работа находится на стыке таких актуальных отраслей современного языкознания, как когнитивная лингвистика и психолингвистика. Исследование проводится с позиции когнитивной лингвистики и направлено на выявление стратегий, которые используют носители языка при опознавании иноязычных фразеологизмов. Под когнитивными стратегиями мы понимаем ментальные процессы, «направленные на переработку информации, которая усваивается, хранится и извлекается из памяти» [7]. Поскольку когнитивные стратегии относятся к ментальной сфере, непосредственного доступа к ним нет. Однако сама когнитивная деятельность, как осознаваемая, так и бессознательная, отражается (пусть и не в полном объеме) в языке. Поэтому логично исследовать когнитивные структуры путем описания процессов обработки языковой информации [4, с. 83].

Безусловно, мы понимаем, что связь между языком и мышлением не является прямой. Ментальная единица даже в пределах одного языка может получить разное номинированное воплощение. Если же в фокусе внимания оказывается два или несколько языков, то количество возможных реализаций резко возрастает.

По данному поводу У. Чейф пишет, что «степень вариативности в языках при отражении одной и той же мыслительной структуры весьма значительна» [8, с. 98].

Достаточно яркой иллюстрацией этой идеи являются фразеологические единицы, служащими, по мнению Л. А. Араевой, своеобразными воротами, открывающими «доступ к метаязыковому сознанию современных носителей языка» [3, с. 140]. Близкие по значению, но разные по внутренней форме, разноразличные фразеологизмы, тем не менее могут обладать одинаковой межъязыковой образностью, способствующей опознаванию фразеологической единицы. Под межъязыковой образностью понимается общность представлений (в форме образов, картин, фреймов и т. д.), возникающих у иноязычного носителя, не владеющего данным языком, при предъявлении языковых единиц сложной структуры, таких как фразеологизмы [6, с. 302]. Например, при восприятии английского фразеологизма *plough the sand* (в пословном переводе – *пахать песок*) 84 % реципиентов правильно определили русский эквивалент (*носить воду решетом*).

Соотносимое, на наш взгляд, с межъязыковой общностью явление описывается в статье Н. Ф. Алефиренко, посвященной стереотипным образам-блендам. По мнению автора, «фразема *мурашки бегают по коже (по спине, по телу)* у кого своим возникновением обязана не концепту «Мурашки», а целому комплексу концептных конфигураций, отображающих первопричину столь яркого психического эффекта: «ощущение», «озноб», «волнение», «страх» [2, с. 29]. Совпадение концептных конфигураций в различных языках способствуют опознаванию иноязычного фразеологизма, несмотря на различия в лексическом составе.

В любом случае исследование когнитивных структур, варьируемых в фразеологических репрезентантах, в различных языках требует создания специфических методов, дефицит которых остро ощущается в современной фразеологии [1, с. 56; 5, с. 9]. Один из таких методов апробируется в данной работе. Цель исследования – на материале синонимичных фразеологизмов в русском и китайском языках определить, как осуществляется перекодировка семантической информации в пространстве «мышление ↔ язык».

Перейдем непосредственно к описанию психолингвистического эксперимента. Экспериментальным материалом послужили 18 китайских фразеологизмов, имеющих аналоги в русском языке, которые были отобраны из фразеологического словаря китайского языка *俄汉成语词典* и пословно переведены на язык носителя [9]. Материал предлагался в письменной форме, время для выполнения задания не ограничивалось. В роли респондентов выступили студенты филологического факультета Кемеровского государственного университета в количестве 80 человек, не владеющие китайским языком. Испытуемым давалась следующая инструкция: «Данные выражения являются дословно переведенными фразеологизмами с китайского языка. Пожалуйста, укажите их русские аналоги или дайте значения этих фразеологизмов».

При интерпретации и классификации материала мы опирались на процент опознавания русских аналогов (в данном случае одинаково оценивалось отражение в ответе как формы русского фразеологизма, так и указания его значения). Использование метода интроспекции дало возможность условно выделить 4 группы фразеологизмов.

К первой группе мы отнесли фразеологизмы с высокой степенью опознавания, то есть от 100 % до 50 %.

Фразеологизм *种豆得豆* «посеешь бобы, получишь бобы» не вызвал никаких затруднений при идентификации его русского аналога «что посеешь, то и пожнешь». 93 % реципиентов дали правильный вариант фразеологизма. Такой высокий процент связан с тем, что пословно переведенный китайский фразеологизм и его синонимичный русский аналог имеют близкую синтаксическую структуру и близкую образность. Отличие фразеологизмов заключается только в степени конкретизации, так как в русском языке значение имеет более высокий уровень обобщения, чем в китайском.

Синонимически схожее значение фразеологизма *小题大做* «раздувать из мелочи целую историю» определили 93 % реципиентов. Русский аналог «делать из мухи слона» имеет близкую синтаксическую структуру и близкую образность, поэтому интерпре-

тация данного фразеологизма не вызвала особых проблем. Следует отметить, что в приведенных фразеологизмах используются почти синонимичные глаголы «раздувать» и «делать», что в какой-то степени также повлияло на опознавание значений. Инвариантом данных фразеологизмов является «делать из чего-то меньшего что-то большее».

Процент идентификации фразеологизма *非驴非马* «ни осел ни лошадь», имеющего русский аналог «ни рыба ни мясо», составил 84 %. Оба фразеологизма обладают одинаковой синтаксической структурой и имеют близкую образность. Противопоставленность слов одной части речи послужила результатом высокого процента опознавания данного фразеологизма. При выявлении русского фразеологизма-синонима информанты опирались на лексемы, входящие в состав китайского фразеологизма. Хотим отметить, что в русском и китайском языках имеются фразеологизмы, обладающие одним смыслом, но передающие то же значение с использованием разной степени абстрактности. Например, китайский фразеологизм *不三不四* (ни три, ни четыре) и русский фразеологизм «ни то, ни сё».

65 % русских информантов правильно определили значение китайского фразеологизма *出污泥而不染* «выйти из густой грязи и не запачкаться», русским аналогом которого является фразеологизм «выйти сухим из воды». 5 % реципиентов дали приближенное значение («выйти чистым», «чистеньким»), 13 % представили неверные значения («из грязи в князи», «не зная броду, не суйся в воду», «родиться в рубашке» и т. д.). Верное опознавание обеспечивалось сохранением первоначальной ситуации и частичным совпадением синтаксической структуры. Фраза начинается с одного и того же глагола в неопределенной форме «выйти», что и помогло информантам установить русский фразеологизм-синоним.

Вторая группа – фразеологизмы со средней степенью опознавания, то есть от 49 % до 20 %.

Фразеологизм *大醇小疵* «небольшой привкус в хорошем вине», имеющий синонимичное значение в русском «ложка дегтя в бочке меда», был определен 46 % опрошенных. 5 % информантов представили такие приближенные ответы, как: «с виду все не так как кажется», «хороший человек, но с недостатком», «изъян, недостаток». И русский, и китайский фразеологизмы отражают одинаковую ситуацию, соответствующую значению «минимум отрицательного при максимуме положительного». Так как структура данных фразеологических единиц не совпадает, но имеет близкую образность, идентификация фразеологизма не вызвала особых проблем. Тем не менее достаточно часто встречаются следующие неверные ответы: «старое вино лучше, чем молодое», «будь проще и люди к тебе потянутся», «не так прост, как кажется», «в каждой шутке есть доля правды». Стратегией при указании значений является совмещение двух элементов, один из которых имеет большую положительную характеристику, чем другой.

Фразеологизм *兵之貉* «с одного холма еноты» был идентифицирован 41 % информантов. Процент опознавания его русского аналога «одного поля ягоды» небольшой: фразеологизмы имеют близкую образность и синтаксическую структуру. Приближенные ответы дали 20 % реципиентов, часто встречались фразеоло-

гизмы: «рыбак рыбака видит издалека», «сидеть в одной лодке», «два брата по несчастью», «два молодца одинаковых с лица». Используемая стратегия – объединение неких объектов по тому или иному общему признаку без указания на конкретный признак, по которому оно осуществляется. Процент неправильных ответов достаточно высокий (19 %), с приближенными ответами их объединяет использование сопоставлений, например, «с одного места», «соседи», «братья».

Русский фразеологизм «клин клином вышибают» совпадает по значению с китайским фразеологизмом 以毒攻毒 «применять яд в качестве противоядия». 39 % информантов правильно осмыслили значения данного фразеологизма. 4 % опрошенных указали такие правильные значения, как: «подобное лечат подобным», «действие в противодействие», «от чего заболел, тем и лечишься». В данном случае на опознавание русского фразеологизма-синонима повлияла близкая образность фразеологизмов, хотя синтаксические структуры различны. Что касается неправильных ответов, то 24 % реципиентов указали следующие значения: «как аукнется, так и откликнется», «противоречие», «трудности закаляют», «яд в правильных дозах полезен», «не было бы счастья, да несчастье помогло», «насолить другому его же оружием». Стратегии опознавания носили индивидуальный характер и опирались на внутреннюю форму фразеологизма (прямое значение).

38 % опрошенных носителей русского языка верно соотнесли китайский фразеологизм 杳如黄鹤 «бесследно исчезнуть подобно желтому журавлю» с русским аналогом «как в воду кануть», 11 % идентифицировали правильное значение: «исчезнуть бесследно», «пропасть без вести», «и след простыл», «не оставить после себя ничего», «исчезнуть и не вернуться», «исчезнуть навсегда», «пропасть куда-то»; приближенные значения, такие как: «замести следы», «испариться в воздухе», «уйти по-английски», «потеряться», «исчезнуть как платье в ночи», «скрыться в закат», «кануть в лету» указали 9 % информантов. 14 % реципиентов дали неверные значения: «прошло как сон», «синица в руках, журавль в небе», «поспешишь, людей насмешишь», «плыть по течению». Китайский фразеологизм и его русский аналог имеют близкую образность, кроме того, глаголы «исчезнуть» и «кануть» синонимичны, что и явилось следствием определения правильного значения. Из неправильных значений наиболее часто встречаемым было «синица в руках, журавль в небе», это можно объяснить тем, что информанты идентифицировали значение путем опоры на составляющие пословно переведенного фразеологизма компоненты: в данном случае лексему «журавль», впоследствии подбирая к выбранному компоненту подходящий фразеологизм в родном языке.

24 % реципиентов использовали аналог «метать бисер перед свиньями», который однозначно соответствует китайскому фразеологизму 对牛弹琴 «играть на лютне перед быком». 6 % дали приближенное значение данному фразеологизму («бесполезно что-то делать», «бесполезные действия» и т. д.). Из предложенных неверных ответов встречались такие, как «перед смертью не надышишься», «как красная тряпка для быка», «играть с огнем», «подливать масло в огонь». Следует отметить, что, несмотря на аналогичную синтаксическую структуру, отдельные компоненты в разноязычных

конструкциях слабо соотносимы. Следовательно, большинство значений, приводимых информантами, основывались на символическом смысле отдельных компонентов, например, «бык» для носителей русского языка животное опасное, сильное и настойчивое: поэтому в качестве инварианта информанты указали «не-что опасное».

Верный синоним китайского фразеологизма 不入虎穴焉得虎子 «не войдя в тигриное логово, тигренка не достать» был установлен 22 % информантами – «волков бояться – в лес не ходить». Приближенные значения отразили 8 % опрошенных, из них: «пока не начнешь, не сделаешь», «не начав действовать, ничего не получишь» и т. д. Данные фразеологизмы имеют различную синтаксическую структуру, но близкую образность. 55 % опрошенных представили такие неверные варианты, как: «без труда не вытащишь и рыбки из пруда», «невозможно войти в реку и не намочиться», «просто так ничего не бывает», «не будешь трудиться – ничего не добьешься». Инвариантом приведенных значений является «невозможность сделать что-то без определенных усилий».

Фразеологизм 如坐针毡 «будто сидеть на войлоке с иголкой» и русский аналог «сидеть как на иголках» хотя и имеют близкую образность и синтаксическую структуру, тем не менее только 21 % информантов выявили правильный фразеологизм-синоним. 8 % привели приближенное значение: «ждать чего-то серьезного», «мучиться», «не сидится на месте» и т. д. 38 % дали неправильные варианты, такие как «принцесса на горошине», «найти иголку в стоге сена», «как гвоздь проглотил», «сквозь землю провалиться», «ходить по лезвию ножа», «обдумывать проблему», «как вошь на гребешке», «как уж на сковороде». Большая их часть связана с представлением «причиняющий физические неприятности», поскольку при определении значения носители русского языка, во-первых, упор делали на составляющие фразеологизм лексемы, во-вторых, ассоциативно подбирали, как им ошибочно казалось, подходящий аналог, опираясь на родной язык.

Фразеологизмы с низкой степенью опознавания были отнесены к третьей группе (от 19 % до 3 %).

Фразеологизм 水泄不通 «воде не просочиться» и его русский аналог «яблоку негде упасть» имеют синонимичное значение «тесно, битком набито». Русский аналог указали 18 % опрошенных. При анализе значений встретился русский фразеологизм «как селедка в бочке», который имеет одинаковое значение с фразеологизмом «яблоку негде упасть». Правильное значение идентифицировали 4 % информантов («очень много», «в большом количестве», «очень тесно», «камню негде упасть», «иголке негде упасть»). Приближенное значение было дано 18 % реципиентами, сюда мы отнесли такие значения, как: «мышь не проскочит», «ни пройти, ни проехать», «очень узко», «муха не пролетит» и т. д. Что касается фразеологизма «мышь не проскочит», то, согласно фразеологическому словарю, его значение «никто не сможет пробраться», что частично совпадает с правильным значением [10]. Другие приведенные варианты имеют одинаковую грамматическую структуру с фразеологизмом «яблоку негде упасть», однако в некоторых случаях информанты использовали компонентную замену. Так, например, лексема «вода» в пословно переведенном фразеологизме была заменена

на на «камень», «иголка». Неправильные значения, такие как: «никто не узнает», «под лежащий камень вода не течет», «что-то недоступное» и т. д. – представили 60 % информантов. «Под лежащий камень вода не течет» совпадает по образу с прямым значением, однако переносное значение не отражает. Можно сказать, что данное значение было приведено реципиентами и в силу того, что информанты, опираясь на лексему «вода», содержащуюся в структуре китайского фразеологизма, ассоциативно подбирали для него русский аналог, содержащий в своей структуре ту же лексему.

Русский фразеологизм «шило в мешке не утаишь», который является аналогом китайского фразеологизма 纸包不住火 «огня в бумагу не завернешь», выявили 16 % реципиентов. 3 % информантов определили приближенные значения: «ничего не утаишь», «ложь не спрячешь». 40 % опрошенных дали такие неправильные значения, как «горячую ложку не оближешь», «прошлое не вернешь», «спасибо в карман не положишь». Русский и китайский фразеологизмы имеют одинаковую синтаксическую структуру и близкую образность, но в силу того, что процент реципиентов, определивших верный фразеологизм-синоним, небольшой, то можно предположить, что информанты за основу определения значения брали глагол совершенного вида «завернешь» и затем образовывали по аналогии собственные значения. Можно также выделить общий инвариант – «нечто невозможно сделать» или «отрицание некоего явления».

Русский аналог «семь пятниц на неделе» фразеологизма 朝秦暮楚 «утром княжество Цинь, вечером княжество Чу» выявили 14 % реципиентов. 5 % опрошенных выявили приближенные значения («утром одно, вечером другое», «утром одно настроение, вечером другое»). В данном случае фразеологизмы имеют близкую образность, но их синтаксическая структура различна. 60 % реципиентов дали такие неправильные значения: «утро вечера мудренее», «разные как небо и земля», «сегодня ты богат, завтра беден» и т. д. Так как в пословно переведенном китайском фразеологизме наблюдается противопоставление, то информанты, в первую очередь, при указании значения опирались именно на это противопоставление. Инвариантом является значение, при котором одно противопоставляется другому. Часто встречающимся ответом было «утро вечера мудренее». Здесь также наблюдается противопоставление и опора на ключевые слова, такие как «утро» и «вечер» в пословно переведенном фразеологизме, и подбор русского фразеологизма, в структуре которого содержатся данные компоненты.

Процент определения четвертой группы фразеологизмов составил ниже 5 %.

5 % информантов правильно идентифицировали пословно переведенный китайский фразеологизм 草木皆兵 «и трава, и деревья кажутся солдатами», имеющий русский аналог «у страха глаза велики». Приближенные значения дали 10 % реципиентов: «запуганный человек», «в каждой тени видеть врага», «пуганая ворона куста боится», «многие вещи при поверхностном взгляде есть не то, что мы видим», «и у стен есть уши» и т. д. 55 % опрошенных дали неверные ответы, вследствие чего можно сказать, что трудности, вызванные при определении правильного русского аналога, связаны с тем, что китайский фразеологизм и

его русский аналог имеют совершенно разную синтаксическую структуру, а также различную образность. Говоря о приведенных значениях, следует отметить, что они отражают смысл, не содержащийся в китайском фразеологизме. Были предложены такие варианты, как: «и у стен есть уши», «враг не пройдет», «опасность на каждом шагу», что, на наш взгляд, вызвано опорой на лексему «солдат», которая в сознании носителей русского языка ассоциируется с чем-то опасным.

Русский аналог «жить душа в душу» китайского фразеологизма 鸾凤和鸣 «два феникса согласно поют» смогли определить 3 % реципиентов, правильное значение указали 1 % информантов. Приближенное значение определили 28 % опрошенных. «Два феникса согласно поют» и «жить душа в душу» различаются по своей синтаксической структуре, в связи с этим и возникли трудности при выявлении русского фразеологизма-синонима. Фразеологизм «жить душа в душу» несет положительную эмоциональную окраску, в то время как большая часть приведенных значений имела отрицательную эмотивность. В данном случае также прослеживается стратегия опоры на составляющие компоненты фразеологизма и подбор идентичного данному компоненту русского аналога.

Значение китайского фразеологизма 眼光短浅 «взгляд короток и неглубок», являющийся русским эквивалентом фразеологического словосочетания «не видеть дальше своего носа», идентифицировали лишь 2 % реципиентов. Приближенные значения, такие как: «непроницательный человек», «смотреть сквозь пальцы», «поверхностный взгляд», «поверхностное суждение о чем-то», «человек недалекого ума», «безразличный взгляд», «глупый человек», «пустой взгляд», «легкомыслие» – указали 25 % информантов. Рассматривая значения «глупый человек», «легкомыслие», «человек недалекого ума», можно сказать, что они более отрицательно эмотивны и происходят из прямого значения китайского фразеологизма. Низкий процент определения значения фразеологизма также объясняется тем, что, во-первых, эти фразеологизмы с разной синтаксической структурой и образностью, во-вторых, лексема «взгляд» за счет лексем «короток» и «неглубок» воспринимается в переносном значении.

Ни один из информантов не определил китайский фразеологизм 心如刀割 «как ножом по сердцу полоснул», имеющий русский аналог «сердце кровью обливается», однако точное значение определили 3 % реципиентов, выявив такие значения, как: «задеть за живое», «разбить сердце», «душевно ранить кого-то». Приближенное значение дали 11 % информантов («испытывать разочарование», «сделать больно на душе», «сообщить плохую новость», «попал в самое сердце»). 69 % реципиентов указали неправильные значения; часто встречающимися были: «не сыпь мне соль на рану» и «ножом в спину». Инвариантным смыслом реакций являлось «причинить кому-то боль» или «совершить предательство», в то время как русский фразеологизм-синоним «сердце кровью обливается» имеет значение «переживать, испытывать тревогу за кого-то». Можно сказать, что при определении фразеологического значения реципиенты опирались на составной компонент фразеологизма «нож», подбирали либо на основе ассоциаций, либо с помощью его символического значения подходящий русский аналог.

Может возникнуть вопрос, каким образом определялись границы групп. В данном случае мы опирались на метод интроспекции, который, когда речь идет не о наивном лингвисте, а о специалисте, включает в себя и опыт предыдущих исследований, проводимых в антропоцентрической парадигме.

Результаты психолингвистического эксперимента, направленные на исследование стратегий опознавания пословно переведенных китайских фразеологизмов на родной язык носителя, позволяют сделать следующие выводы.

1. Достаточно высокий процент идентификации (100 – 50 %) наблюдается при близком расстоянии между прямым и переносным значениями. Сопутствующие признаки: а) наличие общей межъязыковой образности в исследуемых языках при достаточно близкой синтаксической структуре и сопоставимой лексики – «выйти из густой грязи и не запачкаться» и «выйти сухим из воды»; б) наличие одинаковой структуры и межъязыковой образности – «ни осел ни лошадь» и «ни рыба ни мясо».

2. Средний процент идентификации (49 – 20 %) возникает при частичном совпадении по структуре и семантической общности, присутствии межъязыковой образности, однако при различном лексическом составе – «бесследно исчезнуть подобно желтому журавлю» и «как в воду кануть».

3. Низкий процент идентификации (19 – 6 %) связан со значительно большим расстоянием между прямым и переносным значением, слабой поддержкой синонимической лексики при наличии межъязыковой образности – «воде не просочиться» и «яблоку негде упасть».

4. Предельно низкий процент идентификации (ниже 5 %) обусловлен следующими причинами: низкой межъязыковой образностью или ее отсутствием, слабой связью между фразеологическим и прямым значением в китайском языке, различием синтаксических структур, заменой субъекта на объект, многозначностью пословного перевода. Все это приводит к формированию ложных ассоциаций – «взгляд короток и не глубок» и «не видеть дальше своего носа».

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Предзнаковые формы мотивации фраземосемииозиса // Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI в.: по материалам Международной научной конференции, посвященной 95-летию Томской школы русистики / под ред. О. И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 51 – 56.
2. Алефиренко Н. Ф., Аглеев И. А. Когнитивная метафора и фраземосемииозис // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. С. 138 – 144.
3. Араева Л. А. Живой росток бесконечной определенности // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. С. 138 – 144.
4. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Когниция // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 81 – 84.
5. Мокиенко В. М. Когнитивное в диахроническом и диахроническое в когнитивном // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. С. 8 – 14.
6. Трофимова Е. Б. Образность в межъязыковом пространстве // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: тезисы докладов XV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. (Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г.). Калуга: Эйдос, 2006. С. 302.
7. Словари и энциклопедии на Академике // Академик: сайт. Режим доступа: http://computers_en_ru-enacademic.com/22789/methodological
8. Чейф У. Л. Значение и структура языка. М., 1975. 432 с.
9. Чжоу Цишэн, 俄汉成语词典 / Чоу Лупэй, Чжан Ци. Изд-во «Хубэй жэньминь чубаньшэ», 1984. 723 с.
10. Энциклопедии и словари. Режим доступа: <http://enc-dic.com/rusphrase/Msh-ne-proskochit-10448.html>

Информация об авторах:

Трофимова Елена Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры восточных языков и методики преподавания иностранных языков Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина, eltrofimova@mail.ru.

Elena B. Trofimova – Doctor of Philology, Professor at the Department for the Oriental Languages and Methods of Teaching Foreign Languages, Shukshin Altai State Academy of Education.

Тюкина Юлия Сергеевна – аспирант кафедры русского языка и литературы Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина, enter2772@yandex.ru.

Yuliya S. Tyukina – post-graduate student at Shukshin Altai State Academy of Education.

(Научный руководитель – **Е. Б. Трофимова**). (Research advisor – **E. B. Trofimova**).

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ АКТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА АДРЕСАТА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ ТУРИЗМА

Н. А. Тюленёва

RESEARCH OF THE FEATURES OF THE ADDRESSEE IMAGE VERBALIZATION IN ENGLISH TOURISM ADVERTISING

N. A. Tyuleneva

В статье рассматриваются особенности актуализации образа адресата в англоязычной рекламе туризма. Изучается понятие образа адресата, особенности взаимодействия участников коммуникации. Исследуются как эксплицитные, так и имплицитные средства актуализации образа адресата. Для моделирования образа адресата применяется фреймовый метод анализа дискурса. В результате исследования строится фреймовая модель образа адресата, включающая такие фреймы, как «Вид деятельности», «Бюджет», «Семейное положение», «Уровень активности». Результаты исследования могут быть использованы в курсах коммуникативной лингвистики, когнитивной лингвистики, языкознания.

The paper specifies the addressee image actualization peculiarities in English tourism advertising. The author focuses on the addressee image notion and communication parties' interaction characteristics. Both explicit and implicit means of the addressee image actualization are investigated. The framing method of analysis is used for modelling the addressee image. As a result of the research the frame model of the addressee image, including the frames "Activity type", "Budget", "Family status", "Activity level" is built. The research results can be used in the courses of communicative linguistics, cognitive linguistics, and linguistics.

Ключевые слова: образ адресата, фрейм, фреймовый метод анализа, реклама, туризм.

Keywords: addressee image, frame, framing analysis method, advertising, tourism.

Речевая коммуникация предполагает как минимум двух участников общения: говорящего и слушающего. Образу автора посвящены многие исследования. Ряд работ рассматривают понятие образа адресата. До некоторых пор данные понятия рассматривались преимущественно в текстах художественной литературы. В настоящее время, помимо прочего, актуальным является репрезентация образа адресата в различных видах дискурса. Так, В. Ю. Варавкина провела моделирование образа адресата в политическом дискурсе [5]. Изучены особенности отражения образа адресата в рекламном тексте с точки зрения постулатов речевого общения [2]. Следует упомянуть изучение адресных характеристик в медицинском дискурсе [11].

В связи с этим цель статьи – исследование вербализации образа адресата в англоязычной рекламе туризма.

Исследуя главные линии дифференциации речи, Т. В. Шмелева выделяет участников речи, или речеделятелей, главными из которых являются автор и адресат. В связи с этим лингвист выделяет авторскую и адресатную речь. Для описания авторской и адресатной речи предлагается изучить диалогичность как свойство текста, имеющее множество языковых проявлений [12, с. 304].

Рассуждая о разных ролях коммуникантов в структурировании диалога, Т. Г. Винокур дифференцирует позицию адресата и позицию слушателя/наблюдателя. Данные позиции варьируются в зависимости от степени речевой активности [6, с. 88]. Кроме того, отмечается, что реакция на сообщение ожидается от непосредственного адресата, на которого направлено сообщение. Однако во время коммуникации могут присутствовать слушатели, от которых

ответная реплика не ожидается. В то же время, помимо узкого понимания понятия «слушающий», противопоставленного понятию «адресат», в работе было выявлено широкое понимание. Так, коммуникативная роль слушающего предполагает восприятие чужой речи и реакцию на нее, «слушающий» – часть оппозиции «говорящий – слушающий» [6, с. 90].

М. М. Бахтин отмечает, что адресат может быть непосредственным участником бытового диалога, а может быть более или менее дифференцированной публикой, народом, современниками, он может быть и совершенно неопределенным «другим» [3].

Участники речи взаимодействуют определенным образом, в зависимости от дистанции между ними. При непосредственном контактном диалоге участвуют два участника и более двух. Слушающий может отвечать на реплику говорящего формальным молчанием, фактически активно участвуя в общении, например, средствами мимики. При дистантном диалоге адресат фактически отсутствует, он не имеет возможности осуществлять взаимодействие с говорящим в пространстве и времени. В этом случае коммуникация строится через монологические сообщения, диалогичность потенциальна [8, с. 347]. Рекламный дискурс является примером дистантного диалога.

Как в контактном, так и в дистантном диалоге результат речевого взаимодействия зависит от адресата, поскольку реализация его коммуникативной роли – это подтверждение его согласия взаимодействовать.

Понятие «адресат» предполагает обращенность высказывания к лицу (конкретному или не конкретному), которое может быть определенным образом охарактеризовано. Коммуникативная интенция автора согласуется с этой характеристикой [1, с. 368].

Категория образа адресата рассматривается как мысленно конструируемый образ адресата, для которого предназначен данный текст [7].

Выделяют различные средства адресованности текста в зависимости от степени выраженности в их семантике компонента слушающий: эксплицитные средства (средства называния слушающего), непрямо эксплицированные (слова, грамматические категории и синтаксические конструкции, не называющие слушающего, но ориентированные на него) и имплицитные (единицы, содержащие в своей семантике скрытую апелляцию к адресату; компонент «слушающий» входит в их пресуппозицию) [4].

В рекламном дискурсе конструирование образа адресата возможно через обращение к понятию теории маркетинга «сегментирование рынка». Данное понятие трактуется как разбивка рынка на четкие группы покупателей, для каждой из которой могут потребоваться отдельные товары. После выделения списка сегментов фирма определяет наиболее привлекательные из них и осуществляет позиционирование товаров данных сегментов на рынке [9].

Опираясь на понятие сегментирования рынка, Т. Н. Лившиц в своей работе «Реклама в прагматическом аспекте» выделяет группы потребителей по географическому (район проживания, тип местности, климат), психографическому (традиции, политические запросы, привычки), поведенческому (стиль жизни, духовные запросы) и демографическому (пол, возраст, семейное положение) принципу [10, с. 48].

Для конструирования образа адресата был использован метод фреймового анализа дискурса. Материалом исследования послужили статьи из интернет-версии газеты “The Independent” за 2015 г. Газета “The Independent” в первую очередь адресована британским читателям, хотя ее интернет-вариант делает ее доступной для более широкой аудитории.

Описывая группу потребителей, которым предназначена данная реклама, необходимо отметить, что потребитель может быть описан через психографический, поведенческий и демографический параметры. Психографический и поведенческий параметры взаимодействуют друг с другом, например, традиции могут определять стиль жизни и духовные запросы. Стиль жизни влияет на выбор линии поведения, вида деятельности. Выбор пакета туристических услуг объясняется в том числе выбором некоего вида деятельности, который данный тур предлагает, а также финансовой характеристикой продукта.

Адресатом статей о туризме является потенциальный путешественник, покупатель туристического продукта. В связи с этим структура образа адресата англоязычных статей, посвященных туризму, включает фреймы «Вид деятельности», «Бюджет», «Семейное положение», «Уровень активности». Необходимо отметить, что некоторые фреймы актуализируются параллельно.

Актуализация образа адресата происходит как эксплицитно, через обращение к местоимениям (“we”, “you”, “anybody”), лексемам, таким как “traveller” (путешественник), “visitor” (посетитель), “clientele” (кли-

енты), “surfer” (сёрфингист), “gourmande for a child” (ребёнок-гурман), так и имплицитно.

Фрейм «Вид деятельности» представлен слотами «Спорт», «Кино», «Музыка», «Дворцы, музеи», «Еда». Реклама нацелена на туриста, выбирающего определённый вид деятельности во время отпуска.

Автор пытается заинтересовать туриста архитектурным наследием географического объекта и укладом жизни прежних поколений, населявших данную территорию. При актуализации слота «Дворцы, музеи» туристу предлагается познакомиться с богатым, пышным убранством дворцов, представить образ жизни его прежних владельцев, сравнить с дворцами других исторических периодов. Адресат рекламы, любящий экскурсии в дворцах, объективируется как прямым способом, с помощью использования лексемы “visitor”, так и косвенным способом, через лексему “palace”.

Wealth and influence of the public sort are on display at the Schönbrunn Palace. Visitors have different reactions to it... It does not have the swagger of Louis XIV's chateau but it has twice as many rooms.

Атрибуты богатства и власти, принадлежащие обществу, представлены в дворце Шёнбрунн. Посетители по-разному реагируют на них. При этом нет манерности замка Луи XIV, но есть в два раза больше комнат.

(Hamish Mcrae, “Imperial Vienna: Austria's capital marks 150 years of its famous Ringstrasse boulevard”, May 15, 2015).

Приглашение адресата узнать туристический объект, представить званые ужины и балы выражается с помощью повелительного наклонения. В данном случае конкретный адресат рекламы туристического объекта не объективируется.

There is a grand pavilion, the Gloriette, on the hill at the back of the palace. Walk up it and look across the gardens to imagine the grand parties that took place there 150 years ago.

На холме за дворцом есть большой павильон, Глориет. Прогуляйтесь, осмотрите сады, и представьте себе крупные приемы, которые были организованы здесь 150 лет назад.

(Hamish Mcrae, “Imperial Vienna: Austria's capital marks 150 years of its famous Ringstrasse boulevard”, May 15, 2015).

Одним из адресатов рекламы является спортсмен, имеет место обращение к нему в рамках слота «Спорт». пляжный отдых может предполагать условия для занятия сёрфингом. Исключительность курорта для данного адресата подчёркивается при помощи описания качества волн. Адресат актуализируется эксплицитно, благодаря лексемам “clientele”, “surfer”, а также имплицитно, с помощью лексемы “wave”.

It's home to some of the best waves in South America, and the houses of Peru's millionaires line the coast. The juxtaposition of Máncora's clientele – stringy-haired surfers alongside Chanel-toting, silicon-stuffed Barbie dolls – is a curious one.

Здесь вы найдете лучшие волны в Южной Америке, а также увидите дома Перуанских миллионеров, стоящие у берега. Разнообразие гостей Манкоры,

среди которых вы встретите как волосатых сёрферов, стремительно несущихся вдоль канала, так и силиконовых Барби, является любопытным.

(Eleanor Ross, "Peru beyond the Inca trail: Join the Peruvian jet-set for vegan restaurants and superlative surfing", 19 May, 2015).

Актуализация слота «Еда» нацелена на привлечение туриста, любящего отведать блюда национальной кухни.

Туристическое предложение может быть основано на предложении адресату редкого блюда, типичного для описываемой местности. Привлечение внимания к адресату создатель рекламы осуществляет через местоимение "we". Употребление данного местоимения способствует приобщению читателя к категории «свой» оппозиции «Свой – Чужой», читатель представляет себя как участника описываемой ситуации, поскольку говорящий и слушающий изначально объединены понятием «мы».

Before the migration begins, it's time for tea. We sit in the snow, dunking sweet biscuits into the hot tea from blood stained cups. Raw reindeer meat is eaten hungrily, so the snow is also red.

Пока миграция оленей не началась, мы пьем чай. Мы сидим на снегу, макая сладкое печенье в горячий чай. Сырую оленину едим с аппетитом, кровь с нее капает на снег.

(Kate Elshelby, "Siberia's nomadic Nenets: Home is where the pasture is", 15 June, 2015).

Среди группы адресата, любящего вкусную еду, можно выявить туриста-гурмана, то есть любителя тонких, изысканных блюд. Обращение к такому туристу происходит как имплицитно, через метонимию "adult tastebuds" (вкусовые рецепторы взрослых), так и эксплицитно, с помощью оксиморона "gourmande for a child".

Dinner was at the trendy Juuri, which gives traditional Finnish ingredients a modern twist. The speciality is sapa, bite-sized tasters – our favourites were cold smoked pike chowder, perch cocktail, and golden beet with yoghurt and pine. However, they turned out to be for adult tastebuds only, unless you have a highly sophisticated gourmande for a child.

Обедали мы в модном ресторане «Юри», в котором традиционные финские ингредиенты предстают в новом свете. Фирменное блюдо – сапас, закуски, нашими любимыми блюдами были холодная похлебка из копченой щуки, коктейль из окуня и свёкла Голден с йогуртом и ананасом. Однако, оказалось, что эти блюда подходят, скорее, взрослым, если только у вас не ребенок-гурман с уточненным вкусом.

(Tracy-Ann Oberman, "Finland and the Moomins: On troll patrol in a fairytale landscape", May 18, 2015).

Примеры слота «Еда» употребляются также для привлечения внимания такой группы туристов, как семья. Здесь фрейм «Семья» выражается вместе со слотом «Еда» фрейма «Вид деятельности». Адресат объективируется с помощью лексемы "family". Пригодность туристического объекта для адресата «Семья» автор подчеркивает через употребление лексемы, выражающей положительную оценку, "friendly". Предложение дополняется упоминанием уникального

продукта, оленины, качество продукта вербализируется в лексеме положительной оценки "delicious".

The menu is very family friendly and we were surprised to discover that reindeer meat is pretty delicious.

Меню очень подходит для всей семьи, и мы были приятно удивлены, что оленье мясо невероятно вкусное.

(Tracy-Ann Oberman, "Finland and the Moomins: On troll patrol in a fairytale landscape", May 18, 2015).

Был выявлен пример взаимодействия слота «Еда» фрейма «Вид деятельности» с фреймом «Бюджет». Такая одновременная актуализация двух фреймов осуществляется через обращение к понятию туристической сферы «все включено». Адресатом, вероятно, является турист, не любящий ограничений в еде, с одной стороны, и нуждающийся в экономии денежных средств, с другой стороны. Благодаря подходу "all-inclusive" описываемый курорт претендует на роль наиболее популярного среди туристов курорта.

Butch was also a fan of Club Med and developed the all-inclusive concept to become the region's market leader. He calls it "luxury included" and claims they include more of it than anyone else... There are no bar tabs, no tips, no hidden extras. You never look at a price list or carry any money, and as a consequence you feel calmer. The atmosphere is of bountiful generosity.

Батч также был фанатом Клуб Мед и развивал систему «все включено», благодаря чему его курорты заняли лидирующую позицию в регионе. Он называет свой подход «роскошь включена» и утверждает, что на его курортах роскоши больше, чем где бы то ни было... Здесь нет меню борд с ценами на блюда, нет чаевых, нет скрытых наценок. Вы никогда не смотрите на прайс-лист и не носите с собой денег, и, следовательно, вы чувствуете себя спокойнее. Здесь атмосфера изобилия и щедрости.

(Dominic West, "Dominic West's Antigua: Step into all-inclusive indulgence", 22 May, 2015).

Слот «Кино» содержит примеры адресованности, привлекающие внимание любителей известных фильмов. Здесь адресат выражается как прямо, чрез лексему "fan", "you", "we", так и косвенно. Делается акцент на всех значимых реалиях, связанных с фильмом. Так, топонимы "Beverly Hills" и "Beverly Wilshire" актуальны для фильма, а следовательно, и для потенциального туриста, любящего фильм. Степень востребованности туристического продукта обозначается в стертой метафоре "hordes of fans".

Beverly Hills, and the Beverly Wilshire in particular, play such a huge part in the story, that it's unsurprising hordes of fans trace Vivian's steps there every day.

Беверли Хиллз, и Беверли Уилшир в особенности играют большую роль в истории, поэтому неудивительно, что толпы фанатов ходят по следам Вивьен там каждый день.

(Jessica Barrett, "Los Angeles and 'Pretty Woman': Stop and walk a while on Hollywood Boulevard", 19 May, 2015).

Имплицитные средства адресованности, относящиеся к слоту «Музыка», будут интересны любителям и ценителям музыки и музыкальных мероприятий различного масштаба. Туристу, желающему насладиться крупным музыкальным событием, будет инте-

ресен конкурс песни «Евровидение». Ссылка на конкурс происходит путем упоминания его названия. Употребление лексемы “interest” является средством выражения оценки и, следовательно, средством выражения адресованности. Объектом оценки является музыкальное соревнование. Имена известных певцов и лексема “musicians”, а также прецедентное имя, название театра повышают значимость туристического объекта для читателя.

Of international interest will be the 60th Eurovision Song Contest, which starts on Monday, building up to the final next weekend. There is a plethora of events taking place. Conchita Wurst, last year's winner, will be singing with Peruvian tenor Juan Diego Florez and musicians of the State Opera orchestra and the Vienna Philharmonic tomorrow afternoon.

Международную значимость будет иметь 60-й конкурс песни «Евровидение», который начнется в понедельник и интерес к которому будет расти до конца следующей недели. Здесь проводится много мероприятий. Кончита Вурст, прошлогодняя победительница, будет петь с перуанским тенором Хуаном Диего Флорезом и музыкантами Венской государственной оперы и Венского филармонического оркестра завтра днем.

(Hamish Mcrae, “Imperial Vienna: Austria's capital marks 150 years of its famous Ringstrasse boulevard”, May 15, 2015).

Фрейм «Бюджет» включает слоты «Дорогой отдых» и «Отдых по умеренной цене».

Автор рекламы косвенно обращается к обеспеченному туристу через посредство словосочетания “Nouveau riche”, используемому применительно к перуанскому обеспеченному классу.

But it's the restaurants attached to the resorts that are the biggest draws for the Peruvian nouveau riche. From the clean lines of the DCO Hotel's minimalist plates, to the exceptional vegan food dished up at exclusive well-being resort KiChic, these restaurants are where Peruvian jet-setters want to see and be seen.

Именно рестораны на курортах наиболее привлекательны для перуанских нуворишей. Вы увидите ряды чистых тарелок в минималистическом стиле в гостинице “DCO”, а также редкие вегетарианские блюда на элитном курорте KuШик; эти рестораны являются престижными для перуанского высшего общества.

(Eleanor Ross, “Peru beyond the Inca trail: Join the Peruvian jet-set for vegan restaurants and superlative surfing”, 19 May, 2015).

Слот «Отдых по умеренной цене» чаще актуализируется совместно с другими слотами или фреймами. То есть это не является отдельным, явным преимуществом для адресата.

Средства адресованности, объективирующие фрейм «Уровень активности», направлены на туристов, которые предпочитают более активный или менее активный отдых.

Низкий уровень активности туриста представлен путешествием по периферии, сельской местности. Обращение к адресату выражается местоимением второго лица “you”, это создает ощущение общности туристического продукта и потенциального туриста.

Невысокая активность путешественника передается устойчивым выражением “slow to a halt” (тормозить), эпитетом “drowsy towns” (сонные города) и глаголом “trundle” (тяжело двигаться), в значении которого содержится сема «низкая скорость». Данные средства адресованности имплицитны, они косвенно обращаются к определенной группе туристов. Словосочетание “give time” косвенно указывает на недостаток времени в обыденной жизни туриста. Такой туристический продукт предлагает получить новый опыт и отдохнуть от спешки 21 века. Употребление лексемы “Europe” является имплицитным средством обращения к группе туристов, которые объединены географическим принципом.

Once you leave town, the pace of life, and trains, slows almost to a halt – giving time to try to pronounce the names of the drowsy towns through which you trundle... In the softening sunshine of long June afternoon, you discover a way of life that scarcely seems compatible with 21st-century Europe.

Как только вы покидаете город, ритм жизни и поезда замедляют ход, практически останавливаются, и у вас появляется время, чтобы произнести названия сонных городков, через которые вы медленно проезжаете... В теплый солнечный июньский день вы узнаете новый образ жизни, который, вероятно, едва ли совместим с Европой XXI века.

(Simon Calder, “The lost nation of Ruthenia: A journey through no man's land”, 19 June, 2015).

Следующий пример также адресован Европейскому туристу, хотя и имплицитно, через употребление топонима “Europe”. Автор предлагает отдохнуть от шумной жизни и насладиться тишиной и спокойствием в Люксембургской деревне Шенген. Невысокий уровень активности подчеркивается лексемой, означающей пассивное времяпрепровождение, “sat”, а также лексемой “still”, значение которой содержит семы «тишина» и «спокойствие».

As we cycled, we discussed what we'd expected of Schengen. Certainly a big conference hall of some sort, and maybe some eurocrats strutting about in suits. But instead it was a sleepy riverine village sheltered by vineyards. Back at the boat we sat on the deck with a glass of Riesling from the local hills, savouring what was a very still moment in the centre of Europe.

В то время как мы катались на велосипедах, мы обсуждали, что мы ожидали от Шенгена. Конечно, какой-нибудь большой конференц-зал, может быть, какие-нибудь еврбюрократы в костюмах, расхаживающие с важным видом. Но вместо этого, Шенген оказался сонной деревней на берегу реки, окруженной виноградниками. Когда мы вернулись на судно, мы сидели на палубе с бокалом рислинга, виноград для которого был выращен на местных полях, наслаждаясь очень тихим и спокойным мгновением в центре Европы.

Andrew Eames, “Schengen: Luxembourg's sleepy town that banished the borders”, 16 June, 2015).

Такой фрейм, как «Семья», объективируется в связи с описанием условий проживания туристов, виллы. В качестве подходящего для семьи репрезентируется комфорт жилого помещения. Семейному адресату противопоставляется обладатель больших

капиталов, магнат. Дизайн помещения, соответствующий такому адресату, должен быть показным, демонстративным, с излишествами, утверждает автор, это подчеркивается лексемой “ostentatious”, выражающей отрицательную оценку. В противопоставлении адресату, по отношению к которому выражается отрицательная оценка, скрыта положительная оценка адресата «семья» и жилого помещения для семьи. Данная скрытая оценка является имплицитным средством адресованности. Обращение адресовано семье имплицитно еще и потому, что, фактически “family” не является выражением группы адресата, это атрибут, представляющий характеристики жилого помещения.

The villa itself occupies a grandstand position overlooking the bay. The terraces on both the first and ground floors make the most of the views. The interior is comfortable without being ostentatious – more of a weekend family home than a magnate's palace.

Сама вилла находится на возвышении и ее окна выходят на залив. С террас на первом и втором этажах открываются наиболее красивые виды. Интерьер комфортабельный, и при этом он не претенциозный, скорее дом выходного дня для семьи, чем дворец магната.

(Sankha Guha, “Croatia’s Dalmatian Coast: From Sevid to Split”, 22 June, 2015).

Итак, образ адресата в англоязычном рекламном тексте актуализируется как эксплицитно, так и имплицитно. Структура образа адресата содержит фреймы «Вид деятельности», «Бюджет», «Уровень активности», «Семейное положение». Значима апелляция авторов к любителям вкусной еды и национальных блюд. Во время путешествия туристу предлагается сэкономить. Будничная жизнь потенциального туриста представляется как суетная, так что предлагается остановиться и насладиться тишиной.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. (Серия: Литературы и языка). М., 1981. № 4. С. 356 – 367.
2. Бакланова И. В. Образ адресата рекламного текста с точки зрения постулатов речевого общения // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 1. С. 177 – 186.
3. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5: Работы 1940 – 1960 гг. М., 1996. 731 с.
4. Бudaraгина Е. И. Средства создания образа адресата в художественном тексте: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2006. 21 с.
5. Варавкина В. Ю. Новогоднее обращение главы государства: жанровая специфика и лингвокогнитивное моделирование образа адресата: автореф. ... канд. филол. наук. Омск, 2011. 22 с.
6. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.
7. Каминская Т. Л. Структура категории «Образ адресата массовой коммуникации» // Вестник Челябинского государственного университета. (Серия: Филология. Искусствоведение). 2008. № 12. С. 47 – 55.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
9. Котлер Ф. Основы маркетинга. М.: Прогресс, 1992. 726 с.
10. Лившиц Т. Н. Реклама в прагмалингвистическом аспекте. Таганрог, 1999. 211 с.
11. Первухина С. В. Адресат в адаптированном тексте медицинского дискурса // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2(58). Т. 1. С. 212 – 215.
12. Шмелева Т. В. Речеведение: в поисках теории // Stylistica VI. Opole, 1997. S. 301 – 313.

Информация об авторе:

Тюленёва Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и кафедры английского языка Новосибирского государственного университета, nattu368@gmail.com.

Natalya A. Tyuleneva – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of English Philology and the Department of the English Language, Novosibirsk State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ОДНОВРЕМЕННОМ ПРЕПОДАВАНИИ ФОНЕТИКИ ФРАНЦУЗСКОГО, ИТАЛЬЯНСКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ

Я. Р. Хайдаров

SIMULTANEOUS TEACHING OF FRENCH, ITALIAN AND SPANISH PHONETICS: METHODS OF PREVENTING LINGUISTIC INTERFERENCE

Ya. R. Khaydarov

В статье рассматриваются способы преодоления языковой интерференции при одновременном преподавании фонетики близкородственных языков – французского, итальянского и испанского. Методика основывается на тщательном сравнении фонетического строя языков, на установлении соответствий и корреляций фонем, морфем и словообразовательных моделей и на определенной последовательности упражнений по предотвращению смешения языков.

The paper reviews the ways of preventing linguistic interference at simultaneous teaching of phonetics of closely related languages – French, Italian and Spanish. The technique is based on thorough comparison of the phonetic structure of the languages, on establishing correspondences and correlations of phonemes, morphemes and word-formation models, and in a certain sequence of exercises to prevent the confusion of the languages.

Ключевые слова: плюрилингвизм, одновременное преподавание нескольких языков, интерференция, сопоставительная фонетика.

Keywords: plurilinguism, simultaneous teaching of languages, interference, comparative phonetics.

Методика одновременного преподавания французского, итальянского и испанского языков была разработана и внедрена нами в связи возникновением потребности в освоении большего числа языков в относительно короткие сроки. Современный мир **вступает в эпоху плюрилингвизма**, в эпоху, когда знание одного иностранного языка становится недостаточным. Наблюдающаяся в последнее время тенденция к изучению только в основном английского языка не лучшим образом отражается на процессе общения с представителями других, неанглоязычных, языковых сообществ.

Наша методика предполагает комплексное и одновременное овладение тремя иностранными языками за относительно короткий период (в пределах 200 – 250 часов) с усвоением основных навыков и умений речевой деятельности в повседневно-обиходной, социально-культурной сферах общения. Задача состоит в том, чтобы научить правильно, с соблюдением фонетических, грамматических норм и на основе владения достаточным словарным запасом говорить и писать на трех иностранных языках, понимать речь на слух, читать, переводить с одного иностранного языка на русский или на другой иностранный язык, общаться устно и письменно через Интернет (электронные сообщения, чаты) и др. В этом отношении данная методика представляется инновационной.

Для осуществления поставленных задач были разработаны учебные пособия по сопоставительному изучению практической фонетики трех языков, по освоению грамматики и развитию разговорных навыков. Все упражнения в пособиях сопровождаются аудиозаписями.

Опыт внедрения данного метода показывает, что в процессе обучения особое внимание следует уделять проблеме языковой интерференции, под которой нами понимается факт смешения учащимися языкового материала трех генетически родственных языков. Мысль о смешении языков при их синхронном изучении обычно является первым и чуть ли не главным

аргументом, ставящим под сомнение саму возможность данной методики.

Любая методика основывается на отборе и способах подачи языкового материала и на построении этапов его введения в учебный процесс. Двумя основополагающими принципами нашей методики являются: «от известного – к новому» и «от сходств – к различиям». Методика рассчитана в первую очередь для русскоязычной аудитории, поэтому на протяжении всего курса проводится сопоставление не только трех романских языков между собой, но и их сопоставление с русским языком, ибо мы не должны сбрасывать со счетов неизбежность интерференции родного языка. **Именно метод тщательного сравнения является отправным моментом для разработки способов предотвращения межъязыковой интерференции в речи учащихся.**

Как известно, интерференция может проявляться на всех уровнях языка, что обуславливает выделение фонетической, грамматической и лексико-семантической интерференции [1 – 3]. В этой статье представлены основные виды упражнений для предупреждения данного явления на стадиях параллельного обучения фонетике трех языков.

Работе над фонетикой в нашей методике отводится особое место, так как об уровне владения языком, как правило, в первую очередь судят по наличию или отсутствию акцента. Мы исходим из того, что при изучении иностранного языка следует стремиться к безакцентному произношению. Несмотря на генетическое сходство, французский, итальянский и испанский языки имеют собственные фонетические системы [4]. Особенно выделяется французский язык с расширенной системой вокализма. Формирование четко выстроенной артикуляционной базы для каждого языка с самого начала создает как бы отдельные параллельные колени, по которым пойдут слова и предложения. Эти колени могут сближаться и отдаляться, но не должны пересекаться.

Во французском языке традиционно выделяют 17 согласных, 15 гласных и три полугласных фонем. В итальянском – 21 согласная фонема, 7 гласных и 2 полугласных. В испанском языке соответственно 18,5 и 2.

Для выявления тонких нюансов произношения определяются эквивалентные звуки в составе согласных и гласных фонем. Так, в сфере консонантизма таковыми являются 12 согласных фонем ([p], [b], [t], [d], [k], [g], [f], [s], [m], [n], [Q], [l]), присутствующих во всех трех романских языках, восемь из которых имеют идентичное произношение: [p], [b], [t], [d], [k], [g], [m] и [Q], а согласные фонемы [f], [s], [n] и [l] несколько отличаются в артикуляции. Согласные [v] и [z] свойственны французскому и итальянскому языкам. Фонемы [ʃ], [λ] и [r] представлены в итальянском и испанском языках.

Отдельно указываем на согласные фонемы, характерные только для одного из трех языков:

- французский: [G], [F] и [Y];
- итальянский: [ts], [dz], [ʃ] и [f];
- испанский: [l], [x] и [rr].

В системе вокализма выделяется французский язык с 15 фонемами на фоне 7 итальянских и 5 испанских гласных. Общими для всех трех языков являются только 5 фонем: [a], [e], [i], [u] и [o]. Французский и итальянский языки обнаруживают еще две сходные фонемы [ε] и [C]. В целом система гласных фонем трех языков отличается противопоставлением французского языка итальянскому и испанскому по следующим параметрам:

- количество гласных фонем;
- наличие передних лабиализованных гласных ([y], [V] и [œ]);
- наличие носовых гласных ([R], [X], [T] и [S]).

В предупреждении фонетических ошибок немаловажную роль играет также последовательность подачи фонетического материала. Поскольку мы учитываем и фонетическую систему русского языка, первыми звуками, с которых начинается одновременное изучение фонетики, являются 7 согласных фонем [p], [b], [t], [d], [k], [g], [m], произносимых во всех трех языках идентично соответствующим русским согласным [п], [б], [т], [д], [к], [г], [м]. Из гласных первыми вводятся четыре гласных переднего ряда: [i], [e], [ε], [a] и одна гласная фонема заднего ряда [u], как самая близкая по артикуляции к русской фонеме [y].

Далее введение материала осуществляется в следующем порядке:

- согласные, идентичные русским звукам в одном или двух романских языках: [n], [s], [z], [G], [F], [ts] ([dz]), [ʃ] и итальянская фонема [ʃ];
- французские лабиализованные гласные фонемы переднего ряда [y], [V], [œ];
- согласные, отличающиеся от соответствующих русских согласных в одном или двух романских языках: [f], [v], [n], [l], [r], [rr], [Y] [s], [l], [x];
- гласные фонемы заднего ряда [o] и [C];
- дифтонгообразующие полугласные фонемы [w], [j] и [P];
- согласные фонемы [λ], [Q] и [f];
- французские носовые гласные фонемы [R], [X], [T], [S].

Наряду с постановкой правильной артикуляции не только фонем, но и их аллофонов, проводится работа по созданию новых артикуляционных привычек для каждого романского языка, прививается навык настраивания речевого аппарата на французскую, итальянскую и испанскую «волну». Вначале отталкиваемся и дистанцируемся от русских артикуляционных привычек, затем вектор переключения с языка на язык может идти от любого из трех иностранных языков.

Самые первые упражнения направлены на предупреждение наиболее распространенных ошибок, встречающихся в речи русских на всех трех языках, а именно:

- палатализация согласных [t] и [d] перед гласным [i],
- замена фонемы [ε] русским звуком [э],
- редукция безударных гласных (прим. автора: Для лиц, имеющих опыт изучения английского и немецкого языков, добавляются упражнения на устранение придыхания согласных [p], [t], [k]).

Применительно к французскому языку обращаем внимание на следующие моменты:

- мягкое произношение согласных [k] и [g] перед гласными переднего ряда и в конце слов: *casque, avec, zig-zag*;
- смягчение согласных [G] и [F] перед [i]: *chic, visagiste*;
- увулярное произношение [r] и его аллофонов в различных положениях в слове: *race, carnaval, très, après, nectar*;
- окраска на [œ] конечных согласных, а также групп согласных [tr], [vr], [br], [bl], [kl], [sm] и др. в конце слов: *acte, date, théâtre, rouble, spectacle*;
- произношение согласных [m] и [n] на конце слов с размыкание смычки на [œ]: *banane, crème, dame*;
- долгота гласных в ударных закрытых слогах перед согласными [r], [z], [v], [F] и [vr]: *acteur, phrase, beige*;
- неоглушение звонких согласных на конце слов: *arabe, mascarade, étage*;
- четкое различие по степени открытости гласных фонем [ε] – [e], [œ] – [V], [C] – [o]: *cabaret – café, acteur – sérieuse, personne – trône*;
- различия в произношении носовых гласных: *sain – sans – son, bain – banc – bond, main – ment – mont*;
- постановка ударения на последний слог слова.

Специфику итальянского произношения составляют:

- долгота гласных в ударном открытом слоге: *data, matematica, musica*;
- четкое произношение двойных согласных: *mamma, gamma, giraffa*;
- различные варианты произношения альвеолярных [l] и [n] в зависимости от положения в слове: *canale, alto, vitamina, banca, inglese, elegante, inverno, un poco*;
- различие по степени открытости гласных фонем [ε] – [e], [C] – [o]: *epoca – biglietto, cosa – allora*.

Для приобретения испанского акцента важны такие черты, как:

- фрикативное произношение согласных [b], [d] и [g] в середине слов и в начале слов при быстром темпе: *tabaco, fotografia, periodo*;

– раскатистый или так называемый многоударный звук [rr] в начале слов и после согласных [l], [n] и [s]: *real, ritmo, Enrique*;

– противопоставление альвеолярного звука [s] межзубному [ʃ]: *física, música, sistema – actriz, centro, francés, ascenso* (прим. автора: *Нами берется за основу литературный испанский язык Испании*);

– наличие увулярного [χ]: *girafa, geometría, geología, japonés*.

На все приведенные специфические черты даются различные упражнения с целью формирования у учащихся артикуляционных привычек по каждому языку во избежание фонетической межъязыковой интерференции, например:

Упражнение 1. Прочитайте следующее предложение с французским, итальянским и испанским акцентом:

Французский язык	Итальянский язык	Испанский язык
Ada va à Bagdad	Ada va a Bagdad	Ada va a Bagdad

Упражнение 2. Впишите в соответствующую клетку таблицы порядковые номера различий в произношении слова **bar** в каждом из трех языков в сопоставлении с русским вариантом звучания:

1. Передний тембр звучания гласной фонемы [a];
2. Удлинение гласной фонемы [a];
3. Более дрожащий звук [r];
4. Менее дрожащий звук [r];
5. Грассированный звук [Y].

фр. bar	ит. bar	исп. bar

Упражнение 3. Слушайте и повторяйте за диктором следующие пары французских и итальянских слов, обращая внимание на соотношение в них звуков [o] и [C]:

Французский язык	Итальянский язык	Русский перевод
[o]	[C]	
diplôme	diploma	диплом
prose	prosa	проза
rose	rosa	роза
[C]	[o]	
botanique	botanica	ботаника
couronne	corona	корона
époque	epoca	эпоха
Moscou	Mosca	Москва
personne	persona	персона
politique	politica	политика
Rome	Roma	Рим
téléphone	telefono	телефон

Упражнение 4. Слушайте и повторяйте за диктором следующие пары итальянских и испанских

слов, обращая внимание на соотношение в них звуков [b], [v] ↔ [β], [d] ↔ [d̪] и [g] ↔ [g̪]:

Итальянский язык	Испанский язык	Русский перевод
candidato	candidato	кандидат
elegante	elegante	элегантный
libro	libro	книга
madre	madre	мать
negativo	negativo	отрицательный
padre	padre	отец
positivo	positivo	положительный
verde	verde	зеленый
vino	vino	вино
vivo	vivo	живой

Немаловажную роль для создания фонетического образа каждого языка играет установление межъязыковых соответствий, как на уровне фонем, так и уровне морфем и слов. Французский, итальянский и испанский языки произошли из разговорной формы латинского языка, которая после распада Римской империи вышла из-под контроля литературного языка и стала развиваться стихийно. Рассматриваемые

нами три языка по-разному изменялись фонетически и имеют разную степень отдаленности от языка-источника. Дальше всех от латыни отошел французский язык. Нередко связь французских слов с латинскими словами-источниками может определить только специалист по истории языка. Сравним, например, звучание следующих слов в трех языках с их первоначальной латинской формой:

Латинский язык	Итальянский язык	Испанский язык	Французский язык	Русский перевод
pratu	prato	prado	pré [pre]	луг
vita	vita	vida	vie [vi]	жизнь
tempu	tempo	tiempo	temps [tS]	время
aqua	acqua	agua	eau [o]	вода
cambiare	cambiare	cambiar	changer [GS-Fe]	менять
altu	alto	alto	haut [o]	высокий

Во французских словах *pré*, *vie*, *temps* от латинских слов сохранились только два или один звук, а слова *eau*, *haut*, *changer* изменили облик настолько, что утратили все звуки слов-источников. Французские слова на единицу сократили количество слогов. Слова *eau* и *haut* вовсе состоят из одного звука и стали звучать одинаково. Больше сходств с латинскими словами обнаруживает итальянский язык. В итальянском языке латинский конечный звук [u] открывается до [o], а в слове *acqua* произошло удвоение согласного [k]. В испанских словах, в сравнении с итальянскими, дополнительно происходит озвончение согласных [t] > [d], [k] > [g] и усечение конечного гласного [e]. В целом итальянский и испанский языки фонетически ближе стоят к латыни и обнаруживают больше сходств с языком-источником и между собой.

Сопоставление результатов фонетических изменений от латыни к современным романским языкам позволяет установить межъязыковые фонетические соответствия, знание которых дает возможность соотнести фонетический облик слов в каждом языке и тем самым спрогнозировать звучание слова исходя из известного слова в одном из родственных языков. Все это создает дополнительные ассоциативные связи и созвучия, которые не только помогают легче запомнить слова, но и предотвратить их наложение (интерференцию) друг на друга.

Опыт показывает, что наиболее плодотворным при обучении прогнозированию звучания слов в каждом из языков представляется введение упражнений с интернациональной лексикой. Ценность интернациональных слов заключается в том, что они, будучи в основном латинского и древнегреческого происхождения, присутствуют в русском и в большинстве европейских языков и имеют более или менее одинаковое значение. По большей части они являются терминами науки, техники, литературы, искусства, общественно-политической жизни, экономики, спорта.

В каждом языке интернационализмы оформляются в соответствии с собственными фонетическими и морфологическими нормами, которые легко обнаруживаются при их сравнении.

Упражнения на установление фонетических соответствий охватывают следующие наиболее распространенные случаи.

1. Во французском языке конечная непронизносимая буква **-e** соответствует конечным итальянским и испанским **-a** и **-o**:

théorie	teoria	teoría
idée	idea	idea
orbite	orbita	órbita
problème	problema	problema
cirque	circo	circo

2. Итальянскому и испанскому звуку [u] во французском языке соответствует лабиализованный звук переднего ряда [y]:

culture	cultura	cultura
musée	museo	museo
musique	musica	música

3. Французской фонеме [F] в итальянском языке соответствует [f], в испанском – [U]:

géométrie	geometria	geometría
géologie	geologia	geología
biologie	biologia	biología

4. Французской фонеме [s], обозначаемой буквой **c**, в итальянском языке соответствует [s], а в испанском – [θ]:

cycle	ciclo	ciclo
centre	centro	centro
civile	civile	civil

5. В итальянском языке знаменательные части речи, как правило, оканчиваются на гласный звук:

canal	canale	canal
tribunal	tribunale	tribunal

6. Во французском языке гласные звуки перед носовыми согласными **n** и **m** в конце слов или перед другим согласным звуком приобретают носовой тембр звучания. Согласные **n** и **m** при этом не звучат:

banque	banca	banco
balcon	balcone	balcón

7. В испанском языке в начале слов перед группой **s+**согласный ставится протетический звук **e-**:

statue	statua	estatua
style	stile	estilo
spécialiste	specialista	especialista

8. В итальянском языке в группе согласных **ct**, **pt**, **dm** имеет место ассимиляция согласных, что приводит к образованию геминат:

administratif	amministrativo	administrativo
doctrine	dottrina	dottrina
Egypte	Egitto	Egipto

Для привития навыков прогнозирования звучания слов на морфологическом уровне разработаны упражнения со следующими аффиксами:

Окончания русских слов	Французские эквиваленты	Итальянские эквиваленты	Испанские эквиваленты
-енция	conférence jurisprudence compétence	conferenza giurisprudenza competenza	conferencia jurisprudencia competencia
-ция	tradition provocation méditation	tradizione provocazione meditazione	tradición provocación meditación
-сия	discussion mission profession	discussione missione professione	discusión misión profesión
-мент	document monument élément	documento monumento elemento	documento monumento elemento
-ент	président continent équivalent	presidente continente equivalente	presidente continente equivalente
-ор, -тор	professeur compositeur moteur	professore compositore motore	profesor compositor motor
-тура	température caricature culture	temperatura caricatura cultura	temperatura caricatura cultura
-тория	territoire laboratoire conservatoire	territorio laboratorio conservatorio	territorio laboratorio conservatorio
-изм	tourisme égoïsme organisme	turismo egoísmo organismo	turismo egoísmo organismo
-ист	touriste pianiste juriste	turista pianista giurista	turista pianista jurista
-тет	université mentalité parité	università mentalità parità	universidad mentalidad paridad
-ность	légalité nationalité trivialité	legalità nazionalità trivialità	legalidad nacionalidad trivialidad
-аж	personnage paysage massage	personaggio paesaggio massaggio	personaje paisaje masaje
-ивный	actif agressif intensif	attivo aggressivo intensivo	activo agresivo intensivo
-альный	central global continental actuel personnel réel	centrale globale continentale attuale personale reale	central global continental actual personal real
-ический	touristique lyrique romantique	turistico lirico romantico	turístico lírico romántico
-ировать	analyser organiser concrétiser	analizzare organizzare concretizzare	analizar organizar concretizar
-ицировать	classifier modifier ratifier	classificare modificare ratificare	clasificar modificar ratificar

В рамках данной статьи мы приводим лишь по три-четыре примера на каждый случай. В упражнениях используются десятки слов на каждый случай, например, приведем наиболее употребительные глаголы на **-ировать**: *адаптировать, аргументировать, артикулировать, ассимилировать, блокировать, капитулировать, комментировать, концентрировать, консолидировать, декорировать, деградировать, дезориентировать, дискредитировать, эмигрировать, экспортировать, фигурировать, формулировать,*

иллюстрировать, иммигрировать, импортировать, ликвидировать, манипулировать, мотивировать, реформировать, регистрировать, реабилитировать, резервировать, реставрировать, стимулировать, спекулировать, структурировать, тестировать, трансформировать, вентилировать, вибрировать.

Знание эквивалентных словообразовательных моделей создает базу для выстраивания словообразовательных рядов:

mélodie – mélodique	melodia – melodico	melodía – melódico
moderne – moderniser – modernisation	moderno – modernizzare – modernizzazione	moderno – modernizar – modernización
industrie – industriel – industrialiser – industrialisation	industria – industriale – industrializzare – industrializzazione	industria – industrial – industrializar – industrialización
climat – climatique – climatisation	clima – climatico – climatizzazione	clima – climático – climatización

Усвоение фонетических и морфологических соответствий позволяет относительно легко сказать на всех трех языках такие словосочетания, как: *популяризировать идеи, контролировать свои эмоции, классическая музыка, минимизировать проблему, юридическая консультация, теория эволюции, реакция министра, драматизировать политическую ситуацию, конкретизировать экономическую программу, организовать конференцию, акт вандализма, агрессивная позиция, радиоактивные элементы, продуктивный*

диалог, континентальный климат, анализировать юридические документы, модифицировать структуру, модернизировать систему и др.

Формирование прочной артикуляционной базы трех языков, знание соответствий и корреляций фонем, морфем и словообразовательных моделей создает навыки спонтанного и относительно безошибочного переключения с одного языка на другой и подготавливает основу для освоения лексического и грамматического материала трех языков.

Литература

1. Киушкина О. М. Межъязыковая интерференция при овладении иноязычным произношением // Традиции и новаторство в гуманитарных исследованиях: сб. науч. тр., посвящ. 50-летию ф-та иностр. яз. Мордов. гос. ун-та им. Н. П. Огарева / редкол.: Ю. М. Трофимова (отв. ред.) и др. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. С. 64 – 66. Режим доступа: <http://study-english.info/article110.php>
2. Теренин А. В. Взгляд на языковую интерференцию и степени ее проявления // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/117-13089>
3. Шехтман Э. Н. Интерференция в методике обучения иностранным языкам // Исследования в контексте профессиональной коммуникации: коллективная монография. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес – Наука – Общество», 2014. Т. 1. С. 369 – 375. Режим доступа: <http://www.tsutmb.ru/fond-nekommercheskix-programm-%C2%ABdinastiya%C2%BB-provodit-otkryiyij-grantovyij-konkurs>
4. Языки мира: романские языки. М.: Academia, 2001. 720 с.

Информация об авторе:

Хайдаров Язгар Рифович – кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии КемГУ, 352266@mail.ru.

Yazgar R. Khaydarov – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of French Philology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 08.09.2015 г.

**О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТОВ В ЯЗЫКЕ –
НЕОТЪЕМЛЕМЫХ ПРОЦЕССАХ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ HOMO LOQUENS
(с использованием материалов компаративного исследования глаголов говорения
русского и английского языков)**

В. А. Шарипова

**ABOUT THE CONCEPTUALIZATION AND OBJECTIFICATION
(VERBALIZATION) OF CONCEPTS IN A LANGUAGE
AS THE ESSENTIAL PROCESSES OF HOMO LOQUENS SPEECH ACTIVITY
(using the materials of comparative research of Russian and English verbs of speaking)**

V. A. Sharipova

Человеческая способность говорить является специфической областью деятельности homo loquens, связанной с разными сферами жизни людей, процессами человеческой жизнедеятельности. Процессы, в основу языковой семантики которых заложены типы знаний, используемых носителем языка в речевой коммуникации, активно исследуются когнитивной научной парадигмой. Когнитивный анализ способствует выявлению глубинных процессов, в которых проявляются существенные «скрытые» закономерности, обусловленные сложной природой языка как средства общения. В психолингвистике порождение речи – есть процесс превращения мысли в слово, а язык – есть форма выражения категорий мысли. Объективацию мысли в слово отражает сложный процесс концептуализации. До сих пор нет единого мнения о том, что первично концептуальный мир или язык. Язык, речь, речевая деятельность принадлежат области неосознаваемого и в то же время являются необходимым инструментом сознательного отражения. Они отражают концептуальную картину мира своего носителя, его менталитет – национальный способ видеть и понимать мир. Мы предприняли попытку исследовать обширный срез лексического уровня структуры языка – группу глаголов говорения и выявить здесь идиотнические особенности русского и английского языков.

The human ability to speak is a specific field of Homo Loquens activity related to different spheres of people's life and processes of human activity. Processes based on linguistic semantics which includes the types of knowledge used by native speakers of the language in communication are being actively investigated by the cognitive scientific paradigm. Cognitive analysis helps to identify the deep processes where significant hidden regularities are emerge due to the complex nature of language as a means of communication. In psycholinguistics the generation of speech is the process of interpretation of thoughts into words, and the language is a form of representation of the categories of thoughts. Objectification of ideas into words reflects the complex process of conceptualization. There is still no consensus about the prevalence of conceptual world over language or vice versa. Language, speech, and speaking are from the sphere of unconscious and, at the same time, they are a necessary tool of conscious reflection. They reflect the conceptual world of a language native speaker and their mentality – the national way of seeing and understanding the world. We made an attempt to research a vast section of the lexical level of a language structure – the group of the verbs of speaking and to reveal the individual peculiarities of Russian and English.

Ключевые слова: речевая деятельность, язык, речь, мышление, концептуализация, концепт, значение, понятие, концептуальный мир, мысль.

Keywords: speech, language, thought, conceptualization, concept, meaning, conceptual world.

Человеческая деятельность представляет собой сложное и системно организованное образование. Речевая деятельность – специфическая область человеческой деятельности, связанная с разными сферами жизни людей (их психикой, физиологией, анатомией и т. п.). Психологи называют человеческую способность говорить (речь) психологическим орудием, важнейшим средством формирования психики людей и столь же значимым средством воздействия общества на его членов и доказывают, что она служит основой для многих сфер человеческой деятельности, а процессы говорения охватывают все стороны человеческой жизнедеятельности [6, с. 31 – 42].

В психологии и психолингвистике речевая деятельность трактуется как определенный вид человеческой деятельности. По мнению Л. С. Выготского, «порождение речи представляет собой процесс превращения мысли в слово, материализацию и объекти-

зацию мысли в слове». Внутреннюю программу высказывания необходимо рассматривать как звено, включенное между исходной мыслью и конечным внешним высказыванием. Определяя формирование речи как процесс перехода от мысли к слову, к внешней речи, Л. С. Выготский представлял его как движение от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, в словах [6, с. 95].

Современные ученые-лингвисты опираются в своих исследованиях на концепцию речевой деятельности, выдвинутую Л. С. Выготским, и считают язык формой выражения категорий мысли. Так, А. Е. Супрун пишет, что речевая деятельность включает в себя процесс расчленения мысли посредством языка, процесс перевода из глубин человеческого сознания во внешние – материальные формы с помо-

щью внутренней речи, а также в обратной последовательности процесс восприятия речи, её содержания [18, с. 109]. Р. М. Фрумкина также подчеркивает, что между языком и сознанием (мышлением) существует тесная, нерасторжимая связь [20, с. 28, 29]. С. Г. Шафиков же считает аксиоматичным утверждение о том, что язык не может существовать без мышления и полемичным утверждение о существовании мышления без языка ввиду того, что «остается непонятным, на что опирается мысль» [21, с. 31]. С. Пинкер приводит свой довод в пользу того, что типология усваиваемого языка не влияет на структуру концептуальных систем. Он пишет, что известны примеры «глухих взрослых, не знающих языка ни в одной форме – ни жестового, ни чтения по губам. Несмотря на их изоляцию от словесного мира, они демонстрировали множество форм абстрактного мышления: могли починить сломанный замок, знали, как обращаться с деньгами...» [11, с. 56].

Мышление отражает мир во всем многообразии его связей и свойств, не зная никаких ограничений. Язык же покрывает лишь вербальную часть мышления, накладывая определенные тактические рамки на способ выражения мысли, и «в этом смысле, – по мнению В. А. Серебренникова, – язык беднее мысли» [15, с. 79].

Интересна точка зрения Ф. де Соссюра, который писал: «Каждый языковой элемент представляет собой *articulus* – вычлененный сегмент, в котором понятие закрепляется определёнными звуками, а звуки становятся знаком понятия. Язык можно сравнить с листом бумаги. Мысль – его лицевая сторона, а звук – оборотная; нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав и оборотную. Так как и в языке нельзя разделить ни мысль от звука, ни звук от мысли» [16, с. 100].

Концептуализация – один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике). При этом язык является формой выражения категорий мысли. «Есть определенное соответствие между именами объектов и мыслями об этих объектах, т. е. между тем как мы концептуализируем мир, и тем, какие средства для этого дает нам язык» [18, с. 30].

Концептуализацию можно рассматривать так же как «отражение мира в знаках языка. Другими словами, по мнению Л. М. Зайнуллиной, концептуализация мира осуществляется через язык» [8, с. 30].

Основная часть концептов закрепляется в языке в виде значений конкретных слов, что обеспечивает их трансляцию от поколения к поколению. Л. В. Щерба отметил, что «в каждом слове, как в своеобразном генофонде, отражена языковая система» [22, с. 136].

В. В. Виноградов в одном из своих ранних трудов пишет: «вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми его значениями, со скрытыми возможностями, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность. Но, конечно, то или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления. В сущности, сколько обособленных контекстов употребления дан-

ного слова, столько и его значений, столько и его лексических форм» [5, с. 258].

З. Д. Попова и И. А. Стернин считают проблему соотношения концепта и значения важнейшей проблемой когнитивной лингвистики. «Значение и концепт, по их мнению – продукты деятельности разных видов сознания. Концепт – продукт когнитивного сознания человека (представленного его сознанием в целом), значение – продукт языкового сознания (представленного в значениях языковых знаков). Таким образом, значение и концепт соотносятся как коммуникативно-релевантная часть и ментальное целое. Значение своими семами передает определенные когнитивные признаки и компоненты, образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта. Для экспликации всего содержания концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы, а значит – значения многих слов» [12, с. 39].

М. В. Никитин полагает, что «и значения и понятия принадлежат одному концептуальному уровню, что значения – тоже понятия, но понятия, содержательно бедные, неглубокие, отражающие только отличительные признаки вещей» [10, с. 42].

Значения словесных знаков – по мнению М. В. Никитина – это понятия, связанные знаком. Когда мы говорим о понятиях самих по себе, мы интересуемся, прежде всего, отношением мыслительных единиц к действительности и человеческой деятельности. Когда же речь идет о значениях, то предмет интереса сдвигается к знаковому выражению мыслительных единиц, сформированных как отражение действительных отношений человека к действительностью, к выражающим их знакам. Связываясь со знаком, понятия становятся семантическими единицами – значениями или частями значений (семами). Совокупность значений образуют семантические системы языков (системы значений). При всей подавляющей общности фундаментальных условий жизни у каждого народа имеются свойственные только ему специфические реалии культуры, быта, среды и т. п., которым в иной культуре и понятийной системе соответствуют полные или частичные пробелы, так называемые материальные и понятийные лакуны. Своеобразие семантических систем языков – результат, прежде всего, внутриязыковых причин, непосредственно не связанных с понятийными, мыслительными различиями [10, с. 42 – 48]. Если какое-то понятие понимается по-разному представителями разных лингво-культурных сообществ, то это значит, что культурологическая компонента локализуется в понятии. Если она обусловлена особенностями референта, то примерами являются разные реалии, характеризующие жизнь определенного народа [7, с. 489].

В. И. Болотов дает следующее определение концепта: «Концепт – это ментальная сущность, представляющая собой совокупность знаний о любом факте или событии в предметном мире из любой сферы бытия и деятельности в виде определённой идеи, особого подхода, особого видения мира отдельным индивидом или отдельной научной школой, или отдельной социальной группой, или отдельным социальным классом, или отдельным этносом [3, с. 86].

Интересным и открытым для психолингвистики и лингвистов с точки зрения понимания механизма функционирования языка остаётся вопрос: что для человека первично – его концептуальный мир или родной язык, где под концептуальным миром подразумевается целостное представление предметного мира – система концептов (ментальных объектов и связывающих их ментальных отношений), а под языком – система языковых знаков и правил их соединения. В современной лингвистике наметилось три принципиальных направления.

Первое направление придерживается теории Ф. де Соссюра, согласно которой родной язык первичен, т. е. усваивается ребенком до концептуального мира. Используя язык, ребенок формирует далее свой концептуальный мир, категоризуя воспринимаемую действительность, расчленяя ее на концепты и устанавливая между ними отношения в соответствии с языковыми значениями и их отношениями. Язык в этом случае, – пишет А. Д. Кошелев, – «оказывается замкнутой и самодостаточной системой, а концептуальный мир – ее продуктом, отражающим эту системность. Поскольку при этом концептуальный мир не внеположен языку, у языковых знаков не может быть референтов» [9, с. 15].

Согласно позиции Ф. де Соссюра «в психологическом отношении наше мышление, если отвлечься от выражения его словами представляет собой аморфную, нерасчлененную массу. Без помощи знаков мы не могли бы с достаточной ясностью и постоянством отличать одно понятие от другого. Взятое само по себе мышление похоже на туманность, где ничто четко не разграничено» [16, с. 144]. Этой же точки зрения придерживается Б. Уорф и Э. Бенвенист: «Мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит, в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [19, с. 97]. «Язык воспроизводит мир, но подчиняет его своей собственной организации. Связь, которую мы устанавливаем между вещами... существует до самих вещей и служит их определению» [2, с. 27, 56].

Второе направление придерживается парадигмы, исходящей из постулата о том, что и концептуальный мир, и язык человека формируются как самостоятельные системы. Это выражается в том, что языковые знаки образуют свою системность, а элементы концептуального мира с их отношениями – свою. При этом языковые значения описывают концепты мира не непосредственно, а посредством социального универсального языка мыслей.

В рамках этой парадигмы языку отводится гораздо более скромная роль: языковое значение лишь опосредованно описывает концепт, поскольку при непосредственном описании концептов система значений утрачивает самодостаточность и становится зависима от свойств концептуального мира. Приверженцы этой парадигмы представляют то, как язык и его смыслы описывают концептуальный мир человека следующим образом: для осуществления мышления человек использует особый общечеловеческий «универсальный» язык мыслей, а для соотнесения смыслов фраз с концептуальными ситуациями человек исполь-

зует специальную модель-конвертор «Смысл ↔ Концепт», которая по языковому смыслу строит соответствующее описание концепта на универсальном языке мыслей, а затем по этому описанию находит в концептуальном мире и сам концепт.

Один из современных представителей «постсоссюровской» парадигмы С. Пинкер пишет: «Люди думают не на английском, китайском или языке апачей. Они думают на мыслекоде. Этот мыслекод... предположительно располагает символами для выражения понятий и комбинациями символов, которые соответствуют носителю и объекту действия. Знание языка, таким образом, означает знание того, как можно перевести мыслекод в словесные цепочки и наоборот» [11, с. 69 – 70].

Наконец, *третье направление* содержит наиболее современную парадигму, исходящую из постулата, противоположного первому: концептуальный мир первичен и изначально (до языка) формируется в мозгу человека (ребенка). В этом случае язык также замкнут, но не на себе, а на уже существующий и внеположный ему мир. Эта парадигма отражает когнитивный подход к языку, поэтому её можно называть когнитивной, или, так сказать, «антисоссюровской», поскольку она является противоположной «соссюровской».

Согласно этой парадигме концептуальный мир первичен, возникает в мозгу ребенка до языка и играет доминирующую роль. Знаки – это поименованные концепты. Их «имена» возникают в процессе усвоения ребенком родного языка, когда он звучащие вокруг него слова напрямую связывает с уже существующими концептами – единицами своего концептуального мира. Наиболее ярким представителем когнитивной парадигмы является А. Вежбицкая со своей концепцией, в которой для описания «любых языковых значений» используется «естественный семантический метаязык» (ЕСМ). ЕСМ строится как «универсальный метаязык» и базируется на положении о том, что «в основе всех языков, сколь угодно различных, лежат изоморфные множества семантических элементов и универсальные синтаксические правила» [4, с. 17, 25].

В теории А. Вежбицкой существование ЕСМ обусловлено его непосредственной связью с концептами мира. Семантические примитивы ЕСМ суть «воплощения» (или «лексикализации» или вербализации) в каждом языке основополагающих элементов мира человека – фундаментальных концептов, а синтаксические правила отражают естественные комбинации этих концептов в мире человека. Ведь каждый набор семантических примитивов «есть не что иное, как одна лингвоспецифическая манифестация универсального набора фундаментальных человеческих концептов. Это предположение было основано на представлении о том, что фундаментальные человеческие концепты являются врожденными. Я также постулирую врожденные и универсальные правила синтаксиса... в смысле интуитивно верифицируемых моделей возможных комбинаций элементарных концептов» [4, с. 16 – 17, 25].

Примат концептуального мира над языком не ограничивается у А. Вежбицкой только уровнем фунда-

ментальных, общечеловеческих концептов. Он распространяется и на этнокультурные концепты, которые также воплощаются в языковых значениях слов, но не общепонятных, а лингвоспецифических, задающих «ключевые» концепты народной культуры.

В концепции А. Вежицкой языковое значение – это концептуальная структура, образованная естественными комбинациями фундаментальных концептов; она задана посредством элементов метаязыка (семантических примитивов, связанных синтаксическими отношениями). Проще говоря, человек понимает высказывание другого потому, что оно «построено из простых элементов, которые понятны сами по себе» [4, с. 15].

Когнитивной парадигмы придерживается достаточно широкий круг современных лингвистов: Э. Сепир, Р. Якобсон, Б. А. Серебренников, Д. Н. Шмелев, Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Ю. С. Степанов, А. Вежицкая, Дж. Лакофф, Ч. Филлмор и др.

Homo sapiens, он же *Homo loquens*, осмысляет окружающий его мир, затем описывает его и в этом процессе творит язык. *Homo sapiens* был наделен уникальной возможностью общения при помощи языка, уникальным даром говорения. Эрнст Пулгрэм пишет: «Та сфера деятельности человека, которая именуется «говорением», делает его особым, уникальным на земле существом. Этому способствует также его мозг, отличающийся от мозга других существ изумительной сложностью и эффективностью; он дает человеку возможность оперировать мыслями-понятиями, быть существом говорящим» [10, с. 88]. «Язык, – пишет Н. Д. Арутюнова, – становится как бы двойником *homo sapiens*» [1, с. 25].

Кроме того, язык формирует сознание человека. «Он, – как подчеркивает Н. Д. Арутюнова, – проникает внутрь человека. Он пишет портрет этноса и отдельных личностей. Язык вводит человека в общество» [1, с. 25]. Язык – это уникальный способ представления и познания действительности, и только он сохраняет и передает языковую картину мира своего носителя. А *Homo loquens* выступает носителем конкретного языка, равно как и носителем определенной культуры, т. е. представителем определённого национально-лингво-культурного сообщества с имеющимися знаниями и представлениями, концептуальными установками и культурными максимами, со своим уникальным менталитетом – национальным способом видеть и понимать мир.

Занимаясь компаративным исследованием глаголов говорения на материале русского и английского языков, мы обнаружили некоторые проявления идиотических особенностей вышеуказанных языков. В частности, при оценке достоверности высказывания в речи активно используются сочетания глаголов *говорить / сказать* с существительным *правда*, которые содержат оценку истинности или ложности высказываний субъекта речи: *говорить / сказать правду // to tell / to say the truth, по правде говоря, сказать правду // to tell / to say the truth, высказать всю правду, высказать правду в глаза, рассказать всю правду, высказать всю правду, не врать / не соврать, не лгать // to tell / to state the whole truth, to state the truth in an eye (in a face), to tell the whole truth, to tell the truth openly,*

not to fib, not to lie [14, с. 46]. Но понятия, объективированные в языке словосочетаниями *говорить правду-матку, резать правду, рубить правду* свойственны исключительно носителям русского языка; по крайней мере, по отношению к английскому языку их можно назвать *лакунарными*.

В этом смысле также представляют интерес оценочные существительные и прилагательные: *говорить любезности, комплименты // to say / to tell compliments, to compliment sb. / to say soft soap*. С одной стороны, *любезности* – сугубо русская лексема (*лакуна* для английского языка), с другой стороны, словосочетание *soft soap* является, как нам кажется, *лакунарным* для русского языка.

К этой же группе относятся *говорить / сказать гадости, пошлости, глупости, чепуху, ерунду, вздор, чушь, галиматью, ахиною, бред, пустяки* и т. д. *// to say nasty things, to make trite and vulgar comments, to say / to talk nonsense / silly things, rubbish / garbage, delirium* – при этом лексемы *галиматья, ахиная* – исключительно русскоязычного происхождения, хотя по своему значению они сходны с лексемами *чепуха, ерунда, вздор, чушь*, передающихся в английском лексемами *nonsense / silly things*. Кроме того, лексема *пошлость* также обязана своим происхождением именно русскоязычному обществу: за сказанные в общественном месте гадости на Руси были обязаны платить *пошлину*.

Нами было также отмечено наличие большего числа разных выражений комплиментов в английском языке. Мы связываем это с тем фактом, что комплиментарность в английском коммуникативном поведении, согласно данным исследования И. А. Стернина по контрастивной лингвистике [17, с. 270 – 272], используется чаще, чем в русском.

Анализ исследуемого поля глаголов речевой деятельности *Homo loquens* наводит на определенные выводы: в русской языковой картине мира четко прослеживается тенденция к превалированию явной эмоциональности, в силу включенности сферы эмоций и чувств в ценностную канву ментального мира носителя языка, где побуждение к общению вызвано скорее поиском истины, нежели установлением и поддержанием гармоничных отношений с собеседником; главное требование предъявляемое к говорящему – искренность, которая, в свою очередь, не мыслится без открытого выражения эмоций и чувств. Вместе с тем доминирование явной эмоциональности играет в общении русскоязычных представителей скорее конструктивную, чем деструктивную роль и зачастую способствует более эффективному достижению взаимопонимания. В английской языковой картине мира довлеет стереотип наличия тесной связи эмоциональных и рациональных концептов, что неизменно в той или иной степени облачает эмоциональность в рациональные формы и не позволяет «миру страстей» взять верх над «миром идей». В ментальном мире носителей английского языка косвенная оценка ассоциируется со скрытой эмоционностью. Сдержанность, стремление не показывать свои чувства окружающим – качества, которые воспитываются англоязычной культурой. Проявление эмоциональности подавляется нормами социального поведения, проявляющимися в

максимах вежливости и в маркированной ориентации английского языка на адресата. Английский язык, таким образом, можно назвать языком намёков и недосказанностей, которым зачастую приписывается положительная ценность в отличие от менталитета носителей русского языка.

Таким образом, играя очень важную роль в жизнедеятельности человека, речевая деятельность опирается на мыслительные процессы. Мышление, язык и речь в речевой деятельности соединяются в единый процесс. Когнитивный подход к языку позволяет рассматривать связь языка и мышления и реконструировать когнитивные структуры по данным естественного языка. Немаловажную роль в этом играет такой важнейший процесс познавательной деятельности человека как концептуализация. Однако, вопрос о

том, что для человека первично – его концептуальный мир или родной язык, остаётся открытым, предоставляя учёным возможность проводить дальнейшие исследования, позволяющие обнаружить доказательства истинности той или иной парадигмы. Бесспорным остается факт, что язык – это способ представления и познания действительности, и только он сохраняет и передает языковую картину мира своего носителя. Номо loquens как человек говорящий, выступая носителем конкретного языка, выступает также и носителем определенной культуры, т. е. представителем определённого национально-лингво-культурного сообщества с имеющимися знаниями и представлениями, концептуальными установками и культурными максимами, со своим уникальным менталитетом – национальным способом видеть и понимать мир.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Бенвенист О. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
3. Болотов В. И. А. А. Потебня и когнитивная лингвистика // Вопросы языкознания. 2008. № 2. С. 82 – 96.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков; пер. с англ. А. Д. Шмелева / под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. I – XII. 780 с.
5. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
6. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 353 с.
7. Гарифуллина А. М. Культурологическая маркированность аллюзий в романе Д. Фаулза «Волхв» // Вестник Башкирского университета. 2009. № 2. Т. 14. С. 489 – 493.
8. Зайнуллина Л. М. Лингвокогнитивное исследование адекативной лексики (на материале английского, русского, башкирского, французского и немецкого языков). Уфа: РИО БашГУ, 2003. 256 с.
9. Кошелев А. Д. Об основных парадигмах изучения естественного языка в свете современных данных когнитивной психологии // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 15 – 40.
10. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения: учебное пособие. Изд. 2-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 186 с.
11. Пинкер С. Язык как инстинкт [пер с англ.] / общ. ред. В. Д. Мазо. М.: Едиториал УРСС, 2004. 456 с.
12. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания: учебное пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 176 с.
13. Пулгрэм Э. Человек говорящий экологический подход // Наука и жизнь. 1971. № 7. С. 86 – 91.
14. Русско-английский функционально-когнитивный словарь (сферы «Говорить», «Слышать», «Видеть») / Т. А. Кильдибекова, Г. В. Гафарова, В. А. Шарипова и др. Уфа: РИО БашГУ, 2004. 270 с.
15. Серебренников В. А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.
16. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
17. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 288 с. (Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия).
18. Супрун А. Е. Общее языкознание. Минск: Высшая школа, 1983. 456 с.
19. Уорф Б. Л. Наука и языкознание // Зарубежная лингвистика. М.: Прогресс, 1999. Вып. I. С. 169 – 182.
20. Фрумкина Р. М. Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1992. С. 28 – 43.
21. Шафиков С. Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 3 – 17.
22. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.; Л.: Наука, 1974. 428 с.

Информация об авторе:

Шарипова Василия Анатольевна – доцент кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета, vasilia.anatolevna@yandex.ru.

Vasilya A. Sharipova – Assistant Professor at the Department of Foreign Languages for Professional Communication, Institute of Economics, Finance and Business, Bashkir State University.

Статья поступила в редколлегию 27.02.2015 г.

МЕХАНИЗМ МЕТАФОРИЗАЦИИ ОТЫМЁННЫХ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Э. В. Якубовская

METAPHORICAL MEANING EXTENSION OF THE DENOMINAL INSTRUMENTAL PHRASAL VERBS

E. V. Yakubovskaya

В статье анализируется развитие переосмысленных значений, производных от прототипического, на примере английских инструментальных отымённых глаголов. Выдвигается и обосновывается гипотеза о том, что переосмысленное значение инструментального глагола в большинстве случаев зависит от переосмысленного значения мотивирующего его значения существительного. Адвербиальный послелог фразового глагола определяет возможные модификации значений отымённого глагола, им также определяется набор сдвигов значения. В статье представлен представительный иллюстративный материал, позволяющий выявить и объяснить новые значения группы инструментальных фразовых глаголов как результата метафоризации. Нами выделено существование таких механизмов развития переносных (метафорически переосмысленных) значений у фразовых глаголов, как сходство по функции, которую названный существительным предмет выполняет, сходство с действием, выполняемым с помощью какого-либо предмета, а также сходство с самим инструментом (по форме, внешнему виду).

The paper deals with the study of the cognitive mechanism of the development of metaphorical meanings from prototypical ones. A group of denominal instrumental phrasal verbs with spatial particles is analyzed from the point of view of cognitive approach. An attempt is made to theorize on the correlation between the metaphorical meaning of the instrumental verb and the metaphorical meaning of the noun it is derived from. An adverbial postposition of the phrasal verb determines modifications of the meaning of the denominal verb, as well as identifies a set of possible shifts of the meaning. The provided exemplary material allows the author of the paper to identify and explain the new meanings of a group of instrumental phrasal verbs as a result of metaphorization. The following mechanisms of phrasal verb meaning extension were distinguished: similarity in function (with the instrument named by the noun), similarity in action (performed by the instrument), similarity with the instrument (in shape, form, etc).

Ключевые слова: отымённые инструментальные фразовые глаголы, развитие значений, метафора, пространственные отношения, пространственная концептуализация.

Keywords: denominal instrumental phrasal verbs, meaning extension, metaphor, prototypical meaning, spatial relations, spatial conceptualization.

Под картиной мира сегодня понимается «когнитивный конструкт, «заменяющий» в ментальных структурах и механизмах тот фрагмент мира, с которым так или иначе имеет дело человек» [3, с. 37]. Представления о событиях, предметах и явлениях окружающего мира, исторически сложившиеся в сознании определённого языкового коллектива, всегда отражены в его языке. По мнению В. Б. Касевича, пространственные отношения являются первичными, организующими в структуре картины мира [3, с. 38]. Категория пространства подробно представлена различными языковыми средствами в любом языке. Так, например, английские пространственные предлоги и послелоги «прекрасно демонстрируют то, как человек членит пространство, и то, как он концептуализирует мир согласно такому членению» [2, с. 41]. Присоединение пространственных послелогов к отымённым инструментальным глаголам приводит к образованию фразовых глаголов, которые также являются важным механизмом в концептуализации действий, осуществляемых разными инструментами и демонстрирующих разницу в их использовании. Инструментальные фразовые глаголы могут затем развивать свою семантическую структуру, добавляя переосмысленные значения.

Можно предположить, что в момент возникновения слово всегда однозначно. Новые переосмысленные значения образуются при употреблении слова для наименования другого объекта или явления. Предпо-

сылкой к этому служит сходство или смежность явлений, вследствие чего наблюдается связь значений многозначного слова между собой. В основе изменения денотативной соотнесённости лежит «принцип переноса формата с одного денотата на другой с целью использования готовых языковых форм в новом для них отношении именования» [11, с. 69]. Использование имени какого-либо объекта для обозначения другого объекта вполне объяснимо, в основе вторичного использования (вторичной номинации) имен и развития у них вторичных значений лежат законы ассоциативных связей. Различают два основных типа таких связей: симилиативная и импликационная. Что касается симилиативной связи, она основана на сходстве референтов ввиду сходства реалий (по форме, внешнему виду, цвету, общности функции) и определяется как лингвистическая метафора. Согласно мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причём не только язык, но и мышление и деятельность» [6, с. 25]. По словам Е. Рахилиной, «в когнитивной семантике метафора становится рабочим инструментом описания полисемии» [10, с. 372], а Г. И. Кустова считает, что «метафора как тип переноса – всего лишь частный случай осмысления (интерпретация) одного (нового, неосвоенного, но по каким-то параметрам сопоставимого) через другое (данное, освоенное, парадигматическое)» [5, с. 104].

Второй тип ассоциативной связи (импликационный) является основанием для переноса, называемого лингвистической метонимией. Импликационная связь построена на сходстве референтов по смежности явлений, их взаимосвязи, вовлечённости в одну ситуацию. Виды связей, служащие основанием импликации, достаточно разнообразны: материал – изделие, причина – следствие, признак – вещь и т. п.

Л. М. Лещёва представила подробную модель регулярной полисемии существительных для группы слов, называющих инструменты, приспособления в своей работе «Лексическая полисемия в когнитивном аспекте» [7, с. 166 – 169]. Данная модель учитывает тематическую отнесённость производного значения и характер содержательной связи между значениями и её семантическое основание. Автор выделяет два вида содержательной связи: классификационную (симилятивную) и импликационную. В первом виде связи предметно-логическими симилятивными отношениями с исходным ЛСВ связаны производные значения, называющие: а) другие инструменты и приспособления по сходству с функцией (bell ‘a percussion instrument’) или на основе сходства по форме (comb ‘a toothed device for ordering textile fabric’, knife ‘a weapon resembling a knife’); б) части тела человека и животного на основе сходства по функции (drum ‘tympanic membrane’, pump ‘heart’ или по форме (comb ‘crest of a cock’, umbrella ‘the bell-shaped gelatinous structure that makes part of the body of jellyfish’); в) широкозначные ЛСВ (сходство по функции или форме) (hammer ‘something that resembles a hammer in form or action’, net ‘something that resembles a net’); г) абстрактные ЛСВ (на основе сходства по функции) (key ‘a means of gaining’, net ‘an entrapping situation’). По мнению Л. М. Лещёвой, симилятивная связь включает в себя предметно-логическую симиляцию по общности функции, по общности свойства и образную симиляцию. Что касается импликационной связи, с исходным объединяются производные ЛСВ, называющие: а) часть инструмента или более сложный механизм, включающий данный инструмент (knife ‘a sharp cutting blade or tool in a machine’, pen ‘a penholder containing a penpoint’); б) действие при помощи инструмента (brush ‘act of brushing’, screw ‘a turn of screw’); в) результат использования инструмента (drum ‘the sound of a drum’, rod ‘punishment’); г) пользователя инструментом (gun ‘hunter’, oar ‘oarsman’, whip ‘a driver of horses, a coachman’). Таким образом, к импликационной связи автор относит паритивную, пространственно-временную и причинную импликацию [7].

А. В. Нагорная рассматривает метафору как механизм формирования когнитивного пространства интероцепции (внутрителесных ощущений), анализируя экстероцептивный опыт взаимодействия с окружающей средой (через манипулирование с предметами). Автор объясняет популярность орудийной метафоры тем, что «манипуляции с орудиями составляют основу человеческого опыта» [8, с. 32], принципы манипуляции с орудиями усваиваются с первых лет жизни человека, они являются общедоступными и общепонятными. В дополнение к этому «орудийная метафора обладает значительной ёмкостью и гибкостью», а

центром внимания может стать «размер орудия, его конфигурация, принципы его работы, сила оказываемого им воздействия и последствия этого взаимодействия на человеческое тело, его кинетические характеристики и т. д.» [8, с. 32]. По мнению А. В. Нагорной, к орудийной метафоре прибегают при описании болевых интероцептивных ощущений, «отличающихся высокой интенсивностью и имеющих более или менее чёткую локализацию во внутрителесном пространстве». Так, используя лексику, метафорически обозначающую некую разрушительную силу (bore, lance, pike, spear, stab и т. д.), представляется маловероятным, чтобы человек имел непосредственный телесный опыт с орудиями такого рода. Автор объясняет такое использование лексики в случае незнакомого телесного опыта (например, ощущение от удара ножом) как «экстремальную версию» менее болезненных ощущений (например, укола иглой), также метафора является «аналогией, основанной на визуальных и темпоральных соответствиях» [8, с. 33].

Обратимся к особенностям возникновения переносных значений у глаголов. Процесс метафоризации в области предикативного значения «сводится к присвоению объекту «чужих» признаков, т. е. признаков, свойств и состояний, выявляемых в другом классе предметов или относящихся к другому аспекту, параметру данного класса» [1, с. 299]. Каждое отдельное значение глагола определяет способ концептуализации ситуации. Прямое (прототипическое) значение отымённого глагола, образованного от инструментального существительного, указывает на действие, производимое с помощью определённого предмета (инструмента). Переносное (метафорически переосмысленное) значение логически вытекает из функции, которую выполняет мотивирующий название глагола предмет (инструмент): *ladle* – *to give sb a lot of sth, especially money or advice*, и основывается на восприятии ситуации, когда мы раздаём что-л. (советы, деньги), как поварешкой разливаем жидкое блюдо по тарелкам: (1) *The House was in no hurry at all to take up the Senate-passed bill to ladle out \$1 billion in easy-term loans for local public works* (TIME). Ассоциация по сходству с действием, выполняемым с помощью того или иного инструмента, также определяет его специфику и даёт ключ к пониманию природы переносного значения: *filter* – *to become known gradually* ‘просачиваться’ (об информации). Как вода (или другое вещество) постепенно проникает, проступает сквозь фильтр, так и информация поступает к источнику небольшими частями, постепенно: (2) *While there has been no word from her, the woman believes information will filter through to the foreign country she is living in* (OED). Переносное значение глагола *hoover* – *consume something quickly and eagerly* ‘поглощать’ основывается на ассоциации какого-л. действия, например, быстрого, жадного приёма пищи человеком, с процессом чистки к.-л. поверхности мгновенно всасывающим, вбирающим в себя пыль пылесосом: (3) *The guy didn't move, and Rhett began to hoover up cupcakes at the speed of light* (COCA). Подобным образом процесс игры на барабане сравним практически с любым действием, рождающим частый и резкий звук: барабанить может дождь по стеклу, пальцы могут

барабанить по какой-либо поверхности и т. д. Так, глагол *drum* имеет прямое значение *make a continuous rhythmic noise*: (4) *Ava sat on the edge of the bed, twirling her hair around her fingers, and Damien drummed his feet against the headboard* (OED).

Внешнее сходство с самим инструментом также может мотивировать образование нового переосмысленного значения: *spoon* – (of two people) *lie close together sideways and front to back, so as to fit together like spoons* (OALD). Здесь глагол обозначает действие, в результате которого образуется нечто, похожее на инструмент. В примерах (5, 6) положение двух лежащих вместе партнёров внешне напоминает две сложенные ложки: (5) *Caleb turned off the light and spooned up beside her and kissed the back of her head before he closed his eyes and tried to sleep* (OALD); (6) *She spooned up against him, hooking her chin on his neck* (OALD). Внешнее сходство с предметом, служащим для обмахивания – веером, послужило основанием для формирования фразового глагола *fan out*: (7) *Remove tuna from freezer and thinly slice against grain. Fan out on plate. Arrange mounds of creme fraiche with small mounds of ginger and onion marmalade alongside tuna* (COCA). Фразовый глагол *fan out* метафорически переосмыслен, в данном примере он имеет значение 'укладывать веером'. Однако стоит отметить, что такое основание для образования переносных значений не очень распространено у инструментальных глаголов.

Выделение одного из характерных признаков, лежащих в основе семантики инструментальных глаголов: функции, сходства с действием, внешнего сходства с предметом – как правило, зависит от семантики мотивирующего существительного. Развитие значений некоторых отымённых глаголов, образованных от названий различных инструментов, обусловлено двумя разными характерными признаками, например, смежной функцией и внешним сходством с предметом (качественный признак). Так, отымённый глагол *fork* имеет значения: 1) работать, поднимать вилами (в основе лежит функция); 2) раздваивать, расщеплять надвое (в основе лежит качественный признак).

Среди разнообразия отымённых инструментальных глаголов в качестве объекта исследования в данной статье мы выбираем глаголы, образованные с помощью конверсии от существительных, обозначающих приспособления с зубьями: *comb*, *fork*, *rake*. Все предметы, обозначенные мотивирующими глаголы существительными *comb*, *fork*, *rake*, объединяет то, что они имеют зубья и предназначены для того, чтобы что-либо цеплять с определённой целью.

Проанализируем сначала глаголы *to fork* и *to rake*. Предметы вилка (*fork*) (*a tool with a handle and three or four sharp points (called prongs), used for picking up and eating food*) (OALD) и грабли (*rake*) (*a garden tool with a long handle and a row of metal points at the end, used for gathering fallen leaves and making soil smooth*) (OALD) не очень схожи по внешнему виду, однако все же имеют общие черты, например, зубья, а также длинную рукоятку. Функции предметов также отличаются. Рассмотрим подробнее фразовые глаголы с глагольным компонентом *fork*. Прямое значение глагола *fork* – *'dig or move (something) with a fork'* [OALD], т. е. действие, которое выполняется с помощью инст-

румента, от названия которого образован данный глагол. В прямом и переносном пространственных значениях глагол присоединяет послелог *out*, *over*, *up*. Фразовые глаголы с глагольным компонентом *fork* образованы от существительного со значением 'вилы', а фразовые глаголы, образованные от существительного со значением 'вилка', не зафиксированы в используемых нами словарях. Примечательно также то, что со всеми этими послелогам глагол *fork* означает одно и то же – «выкапывать или убирать вилами». Однако всё-таки наблюдать разницу в значениях: (8) *Fork out the dead plants and put in the new ones* (Кортни). В данном примере даётся задание, команда убрать старые растения (выкорчевать) и посадить новые. Послелог *out* указывает на движение вил относительно границ некоторого замкнутого пространства, т. е. выворачивание из земли растений с корнем наружу. Фразовый глагол *fork over* в следующем примере указывает на то, что сад необходимо перекопать, убрать вилами, выровнять поверхность земли: (9) *I must be sure to fork over the whole garden before winter* (Кортни). Послелог *over* предполагает распространение действия по всему участку (саду), т. е. «вскопать» весь сад заново. В предложении (10) *You have to dig down deeply to fork up the roots* (Кортни), послелог *up* указывает на движение снизу вверх, а *fork up* означает «вытаскивать корни на поверхность, выкорчевывать».

Тот же самый глагол с вышеперечисленными послелогам используется в переносном метафорическом значении 'собрать, поднять (*сленг*) (о деньгах)', демонстрируя ассоциативную связь с переосмыслением различных признаков прототипического значения глагола: (11) *He also forked over \$ 15,000 for a veterans trip to Las Vegas* (OED); (12) *More to the point, will they fork out \$ 27.50 for yet another book about her?* (COCA); (13) *Mary and the Countess conspire to get Martha to fork up some cash to save Downton Abbey, but grandma refuses* (OED). Можно предположить, что процесс сбора и перемещения различных рыхлых растительных масс (сена, скошенной травы, опавших листьев и т. д.) требует определённых усилий, труда. Примеры переосмысленных значений основаны, вероятно, на сходстве с действием, выполняемым с помощью предмета, и на сходстве с функцией ('подавать вилами наверх') предмета, от названия которого был образован отымённый глагол.

Глагол *rake* отличен тем, что у него самая развитая индексальная парадигма из всех рассматриваемых инструментальных глаголов. Так, в словаре английских фразовых глаголов Р. Кортни фразовый глагол *rake up* зафиксирован в следующих значениях: 1) сгребать сено; 2) грести, загребать деньги; 3) ворошить прошлое. Значение «сгребать сено» предполагает уборку сена или соломы в высокую кучу – стог, в данном случае, граблями, следовательно, пространственный послелог *up* указывает на направление движения граблями вверх по отношению к месту, где скошенное сено изначально находилось. «В некоторых случаях *up* ориентирует на цель, завершённость действия через переносное значение «увеличение объема действия», по словам И. В. Ногиной [9, с. 130]. Так, сгребание сена предполагает завершающее действие – его уборку. Как мы видим, глагол *rake* означает дей-

ствие сбора каких-либо разбросанных предметов и т. д., либо действие по образцу, в той же манере, как и выполняемое исходным предметом (например, руками, напоминающими данный инструмент по внешнему виду и/или движениям, осуществляемым с его помощью): (14) *By winter's end, I just rake up the stems and leaves on top of the soil, leaving the dead roots intact, along with the myriad channels they've created* (COCA). В данном примере фразовый глагол *rake up* употребляется в прямом (прототипическом) значении (*rake up* – сгребать, загревать (сено)), а в следующем примере мы можем видеть, что значение глагола метафорически переосмыслено, и в данном случае означает «с трудом отыскивать», и это значение основано, вероятно, на ассоциативной связи с тяжестью сгребания сена в копны граблями: (15) *Let's see what excuse you can rake up this time* (Кортни).

В следующих примерах *rake up* употреблен в значении «ворочить неприятные воспоминания/прошрое». Здесь, так же как и в предыдущем примере, значение глагола основано на метафорическом переносе: (16) *I would thank you not to rake up that matter and distress my family again* (COCA); (17) *Their faces screwed up in intense concentration as the Kelly Irregulars tried to rake up some sins of their fathers* (COCA). Это же значение имеет фразовый глагол *rake over*: мы как бы переворачиваем что-л. (воспоминания, мысли и т. д.) как переворачиваем сено граблями, собирая его в копны. Фразовый глагол *rake over*, вероятно, стал употребляться в переносном значении по аналогии с наименованием действий, выполняемых граблями. В следующем случае земля/участок были выровнены бульдозером: (18) *'When we filled the hole we overfilled it to allow for settlement and since then have raked over the ground in the past year to level it out,' he added* (OED).

В Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD) и в словаре английских фразовых глаголов Р. Кортни зафиксированы переосмысленные фразовые глаголы, объединённые значением «поиск» (*rake about/rake around* «тщательно искать», *rake out* «выискивать, откапывать», *rake up* «с трудом отыскать что-л/кого-л», «найти (предлог и т. п.)»): (19) *We raked around the files, but couldn't find the letter* (OALD); (20) *I've raked about in my memory, but I cannot remember the name* (Кортни); (21) *At last I raked out a worn old coat to give to the man at the door* (Кортни). Фразовые глаголы с послелогом *about, around, out* имеют переосмысленные пространственные значения. Присоединение послелога *out* связано с конечной целью поиска – нахождением, а присоединение послелога *about* или *around* маркирует расширенную зону поиска [2, с. 122].

Следует отметить также фразовый глагол *rake in* в значениях: 1) «загревать лопаткой крупье» (деньги, фишки) и 2) «загревать деньги» и фразовый глагол *rake off* в значении «брать взятку». Послелог *off* здесь включает в себя значение завершенности действия. Можно предположить, что значения глагола *rake in* описывают сам процесс действия: в прямом значении речь идет о непосредственном движении лопаткой крупье к себе: (22) *The man in charge of the game has a long-handled tool for raking in the money that the players lose* (Кортни); в переносном значении «загревать деньги» речь идет о зарабатывании больших денег без осо-

бого труда: (23) *Video games rake in \$ 5.3 billion each year with violent games such as Quake and Doom at the top of the list; the most violent killing game, Mortal Kombat, ranked number one* (COCA).

Интересно то, что глаголы *rake in* и *shovel in* имеют одинаковое значение «загревать деньги»: (24) *All you have to do once you've got the business started is sit in your office shoveling in the profits* (Кортни). Если в роли «контейнера» выступает человек или компания (как в примере 23), то метафорическое использование глаголов *rake in, shovel in* представляется естественным: объект притягивает к себе (поглощает) деньги, то есть, дословно, загревает (как лопаткой крупье) к себе, или забрасывает в себя (как лопатой). Здесь имеет место перенос на основе сходства способов выполнения действия.

В примерах Британского национального корпуса (BNC) и Корпуса современного американского английского (COCA) фразовый глагол *rake in* в переосмысленном значении «загревать, получать с лёгкостью» употребляется не только по отношению к деньгам. Приведённый пример наглядно демонстрирует, что объектом могут быть не только деньги, но и абстрактные сущности, например, комплименты: (25) *Rake in the compliments in a cool cape or a fuchsia suit* (COCA). Метафорически переосмысленное значение фразового глагола, возможно, также основано на сходстве с действием загревания фишек, выполняемым с помощью лопатки крупье.

Переосмысленное значение фразового глагола *rake in* позволяет также использовать предмет, отдалённо напоминающий грабли, для того, чтобы с его помощью достать что-то необходимое: (26) *Many chimpanzees overcome these obstacles easily, e.g. if the fruit was on the ground outside the cage, the chimpanzee might thrust his arm through the cage. When this was unsuccessful it would look around the cage where there was a long stick and suddenly it would decide to use it to rake in the fruit* (BNC). Из этого примера видно, что значение фразового глагола основано на выполнении с помощи другого предмета (палки) функции предмета, от названия которого образован глагол, номинирующий выполняемое действие. Так, палка послужила предметом, воспользовавшись которым, шимпанзе смогли зацепить и сорвать фрукт. Существительное *rake* многозначно. В Новом Большом англо-русском словаре даются следующие значения этого слова: 1) грабли; 2) кочерга; 3) лопатка крупье; 4) гребень; 5) скребок (Апресян). В связи с тем, что прямая функция «срывать что-либо (фрукт)» не свойственна ни одному из вышеуказанных предметов, можно предположить, что в данном примере значение мотивирующего существительного мог послужить собирательный образ похожего приспособления, используемого для того, чтобы что-либо зацепить и притянуть к себе. Как указывает Е. С. Кубрякова, «фиксация связи предмета и его имени, явления и его обозначения, структуры сознания и её объективного (материального) языкового аналога» представляет важную сторону акта номинации, его содержательный результат [4, с. 45].

Отымённый глагол *comb* образован от существительного *comb* (*a flat piece of plastic or metal with a row of thin teeth along one side, used for tidying and arrang-*

ing the hair (OALD)). Прямое значение глагола *comb* 'to pass a comb through the hair in order to tidy or arrange it' (OALD), т. е. действие, которое выполняется с помощью инструмента, от названия которого образован данный глагол. В Британском национальном корпусе и в Корпусе современного американского английского и используемых нами словарях (OPhV и Кортни) отымённый глагол *comb* зафиксирован с послелогами *out*, *through* и *over*. Он присоединяет послелог *out* как с прямыми пространственными значениями: 1. *расчёсывать* (волосы); 2. *удалять* (что-л.) *из* волос, *вычёсывать*, *расчёсывать*, так и с переосмысленными: 1. *прочёсывать* (местность и т. п.) *в* поисках (чего-л. или кого-л.); 2. *искать* (что-л. где-л.), *выискивать* (что-л. где-л.); 3. *выгонять* (что-л. или кого-л.), *исключать* (что-л. или кого-л.). Употребление послелога *out* с глагольным компонентом *comb* в прямом значении вполне понятно, так как пространственное значение глагола хорошо прослеживается, фразовый глагол описывает направление движения/перемещения объекта действия (гребня) наружу, которое в русском языке часто передаётся глагольной приставкой *вы-* (вычёсывать): (27) *But if you sit here a moment, I will comb out your hair, and you may keep the comb* (BNC).

Стоит отметить, что в метафорически переосмысленном значении присоединение послелога *out* связано с конечной целью поиска – нахождением «искать, выискивать»: (28) *To comb out the neologisms and solecisms, the editors consulted a usage panel of 104 unpaid judges, mainly journalists and other writers* (TIME). В приведённом примере переносное значение фразового глагола, вероятно, было образовано по сходству с действием, выполняемым с помощью предмета, от названия которого был образован отымённый глагол. Значение глагола представляет функцию мотивирующего его существительного *comb*: «расчёсывать», коррелирующего со значением пространственного послелога *out* – из «контейнера» на поверхность, в доступное состояние, выделение из числа других. В следующем примере *comb out* имеет значение «выгонять, исключать»: (29) *The committee's job is to comb out those students who are not likely to succeed* (Кортни). Метафорически переосмысленное значение логически возникает из функции, которую предмет, название которого мотивировало образование глагола, выполняет. Вычёсывая (очищая) волосы от перхоти, пыли и прочих загрязнений, а также вычёсывая шерсть домашних животных от колтунов и т. д., мы приводим состояние и внешний вид волос (шерсти) в порядок, а всё, что его портит, – убираем. Так и в данном примере в обязанности комитета входит исключение тех студентов, которые с большой степенью вероятности не справятся с программой.

Фразовый глагол *comb through* зафиксирован в используемых нами словарях как в прямом значении «тщательно расчёсывать (волосы), так и переносном значении (усиленно искать что-л.). Адвербиальный послелог *through* указывает на движение насквозь: (30) *In a small jar, add one drop each of rosemary oil, lavender oil and lemon oil to around 1/4 ounce (7 g) of sweet almond oil. Mix thoroughly and comb through damp hair* (COCA). Так, когда проводят гребнем по

всей длине волос, зубья гребня проходят сквозь волосы, разделяя и прочёсывая их. Метафорически переосмысленное значение фразового глагола «усиленно искать» возникло, по всей видимости, из сходства с действием, производимым данным предметом. Как между волосками проходят зубья гребня, также и поиск чего-л. предполагает тщательный осмотр определённой области: (31) *Among the proposals is one giving the FBI greater authority to comb through hotel and motel registers and to search phone logs and credit card records* (COCA).

Фразовый глагол *comb over* зафиксирован в рассматриваемых нами словарях только в прямом значении 'to arrange your hair to hide a place on your head where there is no hair' (OPhVD): (32) *Simi Weave, for example, is a wig that comes with different parting options and colours/textures that can be clipped on to the natural hair. All you need to do is take a section of your natural hair out in the front to comb over the parting, so the wig looks like your natural hair* (GloWbE). Послелог *over* указывает на движение/направление объекта (гребня) над головой с целью зачесать лысину. В корпусах английского языка представлены многочисленные примеры, где фразовый глагол *comb over* употреблен в переносном значении «внимательно рассматривать, изучать»: (33) *In the next week they must comb over the names of officers they know only from their records, to pick the general staff* (COHA); (34) *One way to distinguish the source of your discontent, says psychologist Barry Lubetkin, author of Bailing Out, is to comb over your history* (COCA); (35) *Document management experts say that if a firm can demonstrate in court that it has well-managed systems and has made a good-faith effort to find all responsive documents, it shouldn't have to worry about a judge allowing forensic experts to comb over every inch of their business for scraps of information* (COCA). Значение фразового глагола в примерах (31 – 35) метафорически переосмыслено. Можно предположить, что одно из значений послелога *over* «повторение вновь, опять, ещё раз» внесло вклад в совокупное значение фразового глагола *comb over* «внимательно рассматривать, изучать».

Подводя итоги проделанному обзору и анализу языкового материала, можно утверждать, что переосмысленное значение инструментального глагола в большинстве случаев зависит от переосмысленного значения мотивирующего его существительного. Это происходит в соответствии с логическими и психическими законами мышления, путём приспособления к ситуации тех или иных ассоциативных признаков. Иначе понять новые значения было бы невозможно. Адвербиальный послелог при этом определяет возможные модификации значений отымённого глагола, им также определяется набор сдвигов значения. В качестве универсального механизма вторичной номинации традиционно выделяют лингвистическую метафору и лингвистическую метонимию, но среди рассматриваемых нами инструментальных отымённых фразовых глаголов в контексте предложений, кроме прототипических, можно увидеть примеры только метафорически переосмысленных значений. Можно выделить существование таких механизмов развития переносных (метафорически

переосмысленных) значений у фразовых глаголов, как сходство по функции, которую названный существительным предмет выполняет, сходство с действием, выполняемым с помощью какого-либо предмета, а также сходство с самим инструментом (по форме, внешнему виду). Механизмы образования переосмысленных значений по сходству функций и сходству действий, осуществляемых инструментом, название которого мотивировало название глагола, являются наиболее распространёнными, что подтвердилось материалом выборки, а механизм образования значения по внешнему сходству с инструментом, с помощью которого выполняется действие, участвует в образовании переносного значения сравнительно реже, воз-

можно, этот механизм в большей мере участвует в процессе образования переносных значений от названий существительных необычной для инструмента формы. Один и тот же глагол может образовывать переносные значения на основании выделения нескольких характерных признаков. Эмпирический материал показал, что инструментальные фразовые глаголы в переосмысленных значениях более распространены по сравнению фразовыми глаголами в прототипических значениях, обозначающих физическое действие с помощью инструмента, что можно объяснить склонностью человека к ассоциативному мышлению.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
2. Богданова С. Ю. Пространственная концептуализация мира в зеркале английских фразовых глаголов. Иркутск: ИГЛУ, 2006. 180 с.
3. Касевич В. Б. Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности. М.: Языки славянской культуры, 2013. 192 с.
4. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Институт языкознания РАН, 1997. 200 с.
5. Кустова Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 85 – 109.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. Лещёва Л. М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте. М.: Языки славянской культуры; Знак, 2014. 256 с.
8. Нагорная А. В. Вербальная репрезентация интероцептивных ощущений в современном английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 52 с.
9. Ногина И. В. О номинативных единицах типа get out в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. 228 с.
10. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость. М.: Азбуковник, 2010. 448 с.
11. Хахалова С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры: монография. Иркутск: ИГЛУ, 2011. 292 с.

Список использованных словарей

1. Кортни Р. Английские фразовые глаголы. Англо-русский словарь. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 2004. 767 с.
2. Новый Большой англо-русский словарь / Ю. Д. Апресян. 8-е изд., стер. М.: Рус. яз., 2003. 832 с.
3. OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary AS Hornby. AS Hornby. Oxford University Press, 2005. 1790 p.
4. OED – The Oxford English Dictionary Online. Режим доступа: <http://www.oed.com/> (дата обращения: 11.04.2015)
5. OPVD – Oxford Phrasal Verbs Dictionary for learners of English. Ed. by Colin McIntosh. Oxford University Press, 2010. 400 p.

Список источников примеров

- BNC – British National Corpus. Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/> (дата обращения: 21.04.2015).
 COCA – Corpus of Contemporary American. Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/> (дата обращения: 21.04.2015).
 COHA – Corpus of Historical American English. Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/> (дата обращения: 02.05.2015).
 GloWbe – Corpus of Global Web-based English. Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/> (дата обращения: 02.05.2015).

Информация об авторе:

Якубовская Эльвира Владимировна – соискатель кафедры английской филологии, старший преподаватель кафедры английской филологии МГЛУ ЕАЛИ, yakubovskaya7@mail.ru.

Elvira V. Yakubovskaya – post-graduate student, Senior Lecturer at the Department of English Philology, Irkutsk Euro-Asian Linguistic Institute of Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редколлегию 14.09.2015 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе, соответствующие тематике журнала, и ранее не опубликованные ни в каких других изданиях. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований. Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Статьи принимаются по установленному графику:

Статьи принимаются по установленному графику:

- в № 1 (март) – до 1 февраля текущего года;
- в № 2 (июнь) – до 1 мая текущего года;
- в № 3 (сентябрь) – до 1 августа текущего года;
- в № 4 (декабрь) – до 1 ноября текущего года.

В исключительных случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема статьи в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на две недели.

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение¹ о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащение научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. Статьи обучающихся (аспиранты, магистранты, студенты) вузов и научных организаций России, а также сотрудников КемГУ, работающих над диссертационными исследованиями, темы которых утверждены ученым советом университета, публикуются при наличии рекомендации научного руководителя (научного консультанта) и (или) решения кафедры. Статьи студентов принимаются для публикации по рекомендации кафедры только в соавторстве с научным руководителем или учеными, являющимися специалистами в соответствующей области науки.

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платящего документа в редакцию журнала, при этом *статьи обучающихся печатаются в журнале бесплатно*.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

¹ Форма экспертного заключения в формате *.pdf* представлена на [сайте издания](#)

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.
2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.
3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.
4. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.
5. Статья должна быть снабжена аннотацией² на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.
6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7).
7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2) i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2) j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2} k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.
 9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.
 10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.
 11. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках.
- Например:
- Ссылка на полный текст документа [6].
- Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24 – 28].

12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с [ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»](#). Под одним номером допустимо указывать только один источник.

13. Сокращения в тексте – по [ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила»](#). Допускается использование аббревиатур.

14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.

Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).

15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.

16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках**: полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

² Рекомендации по составлению аннотации (реферата) к статье размещены на [сайте издания](#).

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).

Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://vestnik.kemsu.ru>

Редакторы выпуска:

Н. С. Якимова, Л. С. Старикова, В. П. Долгих

Компьютерная верстка – В. А. Шерина

Подписано к печати 28.09.2015г. Формат А 4.

Дата выхода в свет 05.10.2015 г.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 25. Уч.- изд. л. – 24,01.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано в ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. 40 лет Октября, 1б.